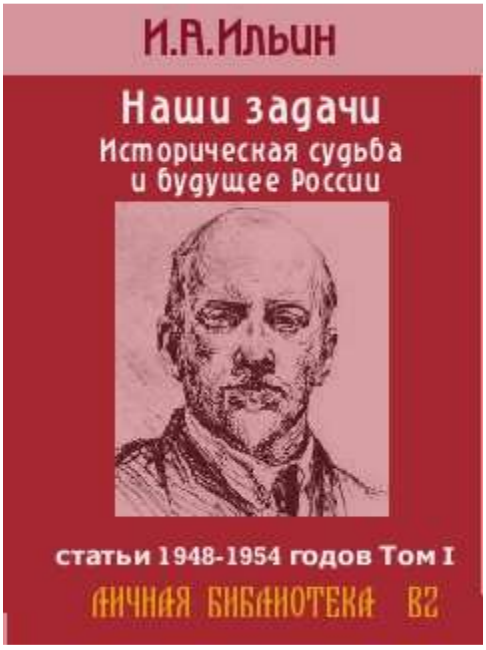

Иван Ильин
Наши задачи
Том I

Иван Александрович Ильин (1882-1954) – выдающийся русский философ, государствовед, писатель и религиозный мыслитель. В нашей стране его произведения неизвестны. Творческое наследие Ивана Ильина позволяет вновь ощутить и глубже понять причины трагедии России. «Наши задачи» – выдающееся произведение русской классики. В России оно никогда не публиковалось. Впервые в полном объеме было издано в Париже в 1956 г. Это своеобразный манифест национального правосознания и долга. В знаменитой книге излагается программа духовного возрождения и укрепления российского государства. В ней даются ответы на вопросы: откуда пошла Россия, что выпало на ее долю, какими дорогами ей предстоит пройти? Читатель найдет поразительное по точности совпадение прогнозов о будущем России, сделанных автором почти полвека тому назад, с происходящим в бывшем СССР сегодня.

Иван Александрович Ильин. Биографический очерк.

Данный биографический очерк состоит из двух частей -- краткая автобиография, "Путь жизни", и некролог генерала А. Фон Лампе "Иван Александрович Ильин". Автобиография И. А. Ильина была включена им в статью "Что нам делать?", напечатанную в XVI сборнике "День русского ребёнка" (Сан-Франциско, апрель 1949 г.) в виде письма на имя редактора сборника Николая Викторовича Борзова.

Путь жизни -- автобиография

Родился 28 марта 1883 г. в Москве. Среднее образование -- в пятой и первой Московск. классических гимназиях. 1901-1906 -- юридический факультет Московского Университета. 1906-1909 гг. -- подготовка к магистрантскому экзамену. Декабрь 1909 г. -- пробные лекции и звание приват-доцента по кафедре истории Философии Права. 1910 г. -- чтение первого курса в

Московском Университете. 1910-1912 -- заграничная командировка (Германия, Франция, Италия). 1912-1922 гг. -- преподавание в Московском Университете и многих других высших учебных заведениях Москвы. 1918 г. -- защита магистерской диссертации «Философия Гегеля»: степень доктора Государственных Наук. 1921 г. -- избрание в преподаватели Историко-филологического Факультета; избрание в председатели Московского Психологического Общества. После процесса в революционном трибунале и нескольких арестов -- в августе 1922 г. приговор по 58 статье с заменою пожизненным изгнанием. С октября 1922 г. -- жизнь в эмиграции. 1923-1934 гг. -- профессура в Русском Научном Институте в Берлине. Публичные выступления в Германии, Франции, Швейцарии, Австрии, Чехии, Югославии, Латвии и Эстонии. В 1934 г. -- лишение кафедры за отказ преподавать, следуя партийной программе национал-социалистов. 1934--1938 гг. --доносы и преследования усиливаются: конфискация печатных работ и полный запрет выступлений. Июль 1938 г. -- переезд в Швейцарию. Лекции в Швейцарских Народных Университетах и ученых обществах. Ученые и литературные работы.

Главные труды:

1. Кризис идеи Субъекта в Наукоучении Фихте Старшего. 1911 г.
2. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека. 2 тома. 1916-1918 гг.
3. Учение о Правосознании. Доселе не напечатано. 1919 г.
4. Основные задачи правоведения в России. 1921 г.
5. Религиозный смысл философии. 1924 г.
6. О сопротивлении злу силою. 1925 г.
7. Путь духовного обновления. Вера. Любовь. Свобода. Совесть. Семья. Родина. Национализм. 1935 г. Вышла и на немецком языке. Переведена на итальянский, но еще не напечатана.
8. Основы художества. О совершенном искусстве. 1937 г.
9. Основы христианской культуры. 1937 г.
10. О тьме и просветлении. Книга литературной критики. Творчество Бунина. Творчество Ремизова. Творчество Шмелева. 1938 г. Не напечатано.
11. Огни жизни. Книга утешения. Вышла по-немецки в двух издания. 1938--1939 гг. Пишется по-русски.
12. Поющее сердце. Книга тихих созерцаний. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1943 г. По-русски не напечатана. Переведена на английский язык и не напечатана.
13. Сущность и своеобразие русской культуры. Вышла по-немецки в Швейцарии. 1942 г., 1944 г. Переведена на французский и на английский, но не напечатана.
14. О грядущей русской культуре. Книга заданий и надежд. Вышла по-немецки в Швейцарии. Пишется по-русски. 1945 г.
15. Аксиомы религиозного опыта. Заканчивается на русском языке /Напечатана во Франции, в двух томах, в 1953 г./ .
16. О грядущей России. Заканчивается на русском языке. Июнь, 1948 г.

И. А. Ильин

ИВАН АЛЕКСАНДРОВИЧ ИЛЬИН

«Русский Обще-Воинский Союз сообщает»... «что 21-го декабря в Швейцарии скончался верный старый Друг Союза... профессор Иван Александрович Ильин»...

Это свершилось, ушел из мира действительно старый и верный Друг не только Русского Обще-Воинского Союза, но непреклонный и талантливый Друг Белого Дела... Друг с того дня, как бывшие Верховные главнокомандующие Армиями Российскими генералы Алексеев и Корнилов подняли на юге России знамя сопротивления коммунистам, начали белую борьбу...

Оставаясь с СССР, в Москве, Иван Александрович Ильин тотчас же установил связь с генералом Алексеевым, а в 1922 году, когда большевики выслали его, в числе группы изгнанных из пределов Родины профессоров, немедленно по прибытии в Берлин связался с представителем Белого Командования, представителем генерала Врангеля. Эту должность тогда занимал я. Через меня профессор Ильин установил связь с Главнокомандующим, к которому относился с большим пиететом. Только через несколько лет в замке герцога Г. Н.

Лесйхтенбергского, Сеоон, на Юге Баварии, я познакомил Ивана Александровича с искренне чтимым им Главнокомандующим, верным имени которого Иван Александрович остался и после кончины генерала Врангеля в 1928 году.

Наше знакомство с Иваном Александровичем, начавшееся в 1922 году, перешло в тесную дружбу, которой я всегда гордился и горжусь и по сей день. В тоскливые дни после его кончины, о которой так определенно и исчерпывающе говорит объявление Русского Обще-Воинского Союза (в газете «Русская Мысль», Париж), я пытаюсь кратко сказать о почившем в этих строках. Я понимаю, что яркая, проповедническая деятельность покойного заслуживает серьезной, исследовательской работы. Но я также знаю и то, что такая статья требует широкого научного подхода к личности ушедшего. Я не чувствую себя в силах сделать это, в особенности так скоро после понесенной всеми нами незаменимой утраты. Я хочу пока посвятить ему только эту небольшую заметку о нем лично и о созданных им, в силу его белых убеждений, бюллетенях «Наши Задачи», издательство которых в данное время стоит перед неразрешимой задачей, можно ли продолжать выпуск бюллетеней дальше, и, если можно, то как это выполнить.

В 1945 году я с женой принужден был покинуть мой пост в Берлине ввиду надвигавшейся на город Красной армии. Судьба занесла нас на самый юг Германии, в г. Линдау. Там по собственной инициативе разыскал меня покойный Друг и не только разыскал, но сам, зарабатывая на свое существование в Цюрихе литературной работой, всеми силами помог нам -- вышедшим из Берлина только с ручными чемоданчиками.

В течение последующих лет, благодаря содействию Ю. И. Ладыженского, тогда проживавшего в Женеве, и швейцарских друзей Ивана Александровича Ильина мне удалось шесть раз побывать в Швейцарии и каждый раз по нескольку дней проводить в Цюрихе, непрерывно общаясь с ним; в последний раз это было ровно год тому назад, и 15-го января 1954 года я в последний раз простился с ним, возвращаясь в Париж...

Мысль об издании «Наших Задач», начатых 14-го марта 1948 года, принадлежала лично ему, как его перу принадлежали ВСЕ статьи, опубликованные в 215-ти выпусках бюллетеней. Первые статьи были очень краткими, и среди «единомышленников», которым они рассылались, выбирались те, кто... имел пишущую машинку и мог сам размножать и распространять то, что писал Иван Александрович. Постепенно, в сильной степени заботой опять-таки самого Ивана Александровича, для издания бюллетеней (они всегда рассылались бесплатно) стали притекать денежные средства, что позволило увеличить объем выпусков, но никогда не дало возможности начать выпускать их, печатая в типографии.

Иван Александрович в силу трудностей получить окончательное право жительства в Швейцарии -- не подписывал своих статей в бюллетенях. Но, конечно, его слог, его исключительная эрудиция и его беспримерное изложение и форма давно сказали русскому читателю бюллетеней, кто является автором статей. В 1952 году в Брюсселе, на собрании по случаю 80-летия генерала Архангельского,-- я в моей речи, упоминая о тех, кто поздравил маститого юбиляра, в первый раз открыто назвал имя И. А. Ильина, как автора «Наших Задач».

Статьи Ивана Александровича в подлиннике поступали ко мне в Париж, после чего, если это было необходимо, в части или в целом, обсуждались нашей перепиской, а потом, в окончательном виде, пересылались в Брюссель, где, в том случае, если они были одобрены Начальником Русского Обще-Воинского Союза генералом Архангельским -- печатались и рассылались...

Аудитория «единомышленников», читателей бюллетеней, непрерывно росла, а за последние годы читатели выделили ряд лиц, понявших значение этой работы Ивана Александровича Ильина, которые стремились создать у себя комплект с первого номера, и потому была налажена работа по переписке недостающих выпусков. Все 215 выпусков, созданных ярким умом покойного, представляют теперь собою совершенно исключительное собрание мыслей, образов, понятий и определений, которые, несомненно, не только теперь, в переживаемое нами время, но и в будущем представят собою основу для работ о России всех национально мыслящих русских людей. Вопрос издания всех выпусков типографским способом, в виде книги, составляет сейчас особую заботу издательства, которое призывает всех,

кто понял и оценил наши бюллетени -- вместе с издательством изыскать возможность такого увековечения памяти почившего нашего Учителя и Друга.

Я говорил, что с самого начала Белой Борьбы, с того момента, когда генерал Алексеев на юге России «зажег светоч» борьбы, к нему, через всю Россию примкнул профессор Ильин, беззаветно отдавшийся делу Белых (он часто этим именем подписывал свои письма и статьи).

Еще в 1922 году, при первых встречах с профессором я с удивлением слушал его мысли о той борьбе, которая велась и, увы, на полях сражений была проиграна белыми -- своей беспредельной интуицией он провидел то, что двигало Белых па подвиг борьбы... и выйдя за пределы СССР, откуда так неосторожно выпустили большевики своего сильнейшего врага, Иван Александрович оформил свои мысли в виде статьи «Белая Идея», «вместо предисловия» помещенной мною в первом томе сборника «Белое Цело» («Летопись Белой Борьбы»), изданном в конце 1926 года в Берлине. При обсуждении вопросов как можно еще, несмотря на незаменимую потерю продлить бюллетени, существует предположение, в нескольких выпусках «Наших Задач», вновь опубликовать эту статью И. А. Ильина.

Моя краткая заметка растягивается. И в то же время мне так мало удалось сказать о том, чем был дорог не только его «единомышленникам», членам Русского Обще Воинского Союза, по и всем русским людям безвременно покинувший нас наш «старый и верный Друг!». Для того, чтобы это сказать и сказать исчерпывающе и авторитетно, нужно другое перо и, что главное -- нужна перспектива, которая позволит оценить его яркую и сильную фигуру... нужен научный подход, нужно пережить какие-то сроки, которые дадут возможность изжить личное горе от его потери и объективно подойти к оценке личности этого исключительного русского человека, проповедника, ученого и мыслителя. Наконец, нужно объять его литературное наследство, которое видится мне исключительным по богатству, так как в те дни, когда я в последний раз имел счастье личного общения с ним, Иван Александрович писал лихорадочно быстро и неустанно, сознавая свою тяжелую болезнь, уже значительное время мешавшую ему жить и творить -- писал все время, чтобы высказать все, что накопил его острый и сильный ум...

И потому трудно писать его «некролог». Считая, что лучшей из таких работ будет сделанное им самим свое жизнеописание, где он сам кратко приводит и свой «Жизненный Путь» и свои «Главные труды» -- издательство «Наши Задачи» помещает выше его статью: «Что нам делать?»

Имя покойного профессора Ивана Александровича ИЛЬИНА, его мысли, изложенные всегда так исключительно ярко и внушительно, конечно, найдут свое место в будущем Пантеоне Российском...

Нам же, его современникам, остается только преклониться перед Высшей Силой, взявшей его от нас так рано!

Дай Бог, чтобы легка была чуждая нам земля приютившей его свободной Швейцарии, в которой суждено было найти покой исключительному русскому человеку, верному и искреннему Другу Русского Белого Воина, Другу Русского Обще-Воинского Союза и... моему личному незабвенному Другу!

Париж, 15-го января 1955г. А. фон-Лампе

Один в поле и тот воин Борьба продолжается.

Борьба продолжается. Знамена не свернуты. Правило «Один в поле и тот воин» – остается в полной силе. Необходимо обновить и укрепить службу связи; договориться об учете обстановки и ближайших задачах.

Все наши основные идеи оправдались: они верны и непоколебимы, менять нам нечего. Служение России, а не партиям (даже тогда, если кто-нибудь вступил в партию). Борьба за освобождение нашего народа от антинациональной тирании, террора и позора. Единство и неделимость России. Отстаивание свободной православной церкви и национальной культуры. Отвержение всяческого тоталитаризма, социализма и коммунизма. Верность совести и чести до самой смерти.

Трудно предположить, чтобы кто-нибудь из нас верил в возможность существования России в республиканской форме. Но искренний и убежденный монархист не может не понимать, что Царя надо заслужить, что ему надо подготовить место в сердцах и на троне.

Нельзя предавать Государя опять на изоляцию, измену и поругание. Верность требует от нас политического такта, самовоспитания, отбора людей чести и опыта.Все остальные вопросы программы подлежат обсуждению.

Программа зарубежного объединения

К сожалению, естественное разномыслие русского зарубежья опять приобретает оттенки непримиримости и вражды. С этим необходимо бороться. Это надо всячески гасить. Способ один: сосредоточивать дискуссии не на разъединяющем, а на объединяющем. При этом надо с самого начала примириться с тем, что объединить русскую эмиграцию может только – отрицание большевизма, разоблачение провокатуры и борьба за правовой статут эмиграции. На этой платформе и надо искать объединения.

Поэтому всякая попытка выдвинуть какую бы то ни было партийную программу или какое бы то ни было лицо и подмять под нее или под него всю эмиграцию – развалит дело. Всякое посягающее властолюбие, честолюбие, всякая монополизация водительств – вредны. Всякая самореклама – смешна. Всякое разжигание соперничества между «старой» и «новой» эмиграцией – подрывает дело. Кто будет этому предаваться, тот будет делать работу нашего общего врага.

Атмосфера должна быть патриотическая, строго деловая и программно-минимальная. Можно с уверенностью предсказать, что всякая попытка расширить эту программу – провалит сговор. А больше всего надо блюсти гарантию от агентов-провокаторов, имеющих задание во чтобы то ни стало проникнуть в руководящий центр.

Ближайшие задачи

Однако нам нельзя ждать этого объединения, для того чтобы начать «под его руководством» борьбу. Ее надо продолжать независимо от него. Объединение может и затянуться, и запоздать, и совсем не состояться; влияние его может быть сведено к минимуму пробравшимися в него агентами, интриганами мировой «закулисы» и бестактными партийными глупцами. Время не терпит. Откладывать нечего: один в поле и тот воин. Надо теперь же делать то, что требуют интересы России, не спрашивая ни у кого указаний и братски помогая друг другу.

Интересы России требуют прежде всего:

1) Чтобы ее не смешивали с Советским государством;

2) Чтобы не возлагали на русский народ ответственности за злодейства международных коммунистов;

3) Чтобы грядущую войну принципиально осмыслили как войну против левых тоталитаристов и коминтерна, а не против России и ее народа;

4) Чтобы эта цель войны была продумана и признана военными штабами, политическими руководителями и общественным мнением всего Запада и публично гарантирована русским массам – под ярмом и за рубежом;

5) Чтобы Запад понял, что расчленение России создаст в мире вечный очаг гражданских войн, международных войн, брожений, взаимных международных интриг, смут и новых революций («азиатско-европейские Балканы» – страшный «ящик Пандоры»);

6) Чтобы Запад понял, что хозяйственное и политическое равновесие мира не наступит без возрождения и умиротворения национальной России.

В этом наши первые задачи. Это важнейшее. Откладывать этого нельзя.

Мировая революция, а не мировая война.

Для оценки «нервной войны», ведомой Советским государством против Запада, необходим дальнозоркий стратегический учет данных.

Советы в данное время не способны к большой войне. Армия не готова. Военная промышленность тоже не готова. Продовольственный вопрос труден в стране. Иностранной помощи, столь значительной во второй мировой войне, не будет. Локализировать войну, ограничив ее одним фронтом, как это удалось сделать в 1941-1945 гг., – нечего и думать. Воздушные атаки начнутся отовсюду. Фронтов будет несколько и притом весьма удаленных друг от друга (Запад, Турция, Персия, Дальний Восток). Народ утомлен и обескровлен.

Настроения в разочарованной стране – неблагоприятные. Ряды НКВД поредели за войну, а спрос на «опытных» и верных агентов сильно возрос: они нужны повсюду – от Финляндии до Албании, и в Китае, и в Корее, и во всей Западной Европе, где германцы сильно проредили агентурный кадр, а на воспитание опытного агента Берия требуется десять лет.

Ввиду всего этого напор революции будет продолжаться повсюду, но лишь до грани большой войны. План Советов: мировая революция, а не мировая война. Однако, конечно, с вечной симуляцией готового нападения и с вызывающими шиканами, доводимыми до крайности.

В конце марта получены известия, что среди советских коммунистов есть горячие головы, требующие немедленной оккупации почти беззащитной Западной Европы. Их аргументы: атомная война будет применяться Америкой в России и в Азии, но не в Европе; поэтому надо влиться в Европу, смешаться с ее народом и организовать здесь оборону более обычным оружием. Надо предупредить вооружение Европы Маршаллом. Надо управиться с Европой до ноябрьских выборов президента. Немедленная оккупация Европы отдаст ее сырье, ее фабрики, ее народы во власть вторгнувшихся и отсиживающихся в европейской крепости коммунистов. С этой информацией, быть может, связаны известия о танковых дивизиях в Тюрингии, о миллионе советских войск вокруг Берлина и о маневрах нескольких дивизий парашютистов в Прибалтике с назначением на Скандинавию.

Не подлежит никакому сомнению, что если бы Америка и Англия не прозрели и не закрепили свою политику за последние месяцы, то этот план мог бы победить и Советы попробовали бы двинуться на Запад, не вызывая большой войны, ибо «дипломатическое негодование» и ссылки на договоры – не говорят им ничего. Но последний берлинский опыт удостоверил их в том, что реакция Запада будет немедленная и решительная. На попытку европейской оккупации – бывшие союзники ответят войной. Осенью 1947 года Америка располагала 60-ю атомными бомбами. Этого было бы достаточно, чтобы уничтожить военную промышленность Советов, разрушить их узлы и склады и расстроить их транспорт. С тех пор число и сила американских атомных бомб чрезвычайно возросли (Советы своих не имеют). Таким образом, «западная авантюра» поставила бы Советы перед необходимостью – отдать великий восточный плацдарм со всеми его преимуществами (национальными, языковыми, климатическими, сырьевыми, пятилетковыми, тоталитарными) и заменить его малым западным плацдармом, где и без того тесно, голодно, где хозяйственная разруха не преодолена, военная промышленность не налажена и народы, привыкшие к свободам, не сочувствуют тоталитаризму… Здесь закипело бы общепартизанское, а местами и стратегически организованное сопротивление, поддерживаемое союзническими десантами и авиацией.

Такой «переезд на новую квартиру» явился бы не «военной прогулкой», а паническим бегством от атомных бомб, т.е. акцией, заранее сорванной военной моралью. В этом бегстве можно было бы, вероятно, рассчитывать на наскоро сколоченные части немецкой армии Паулюса, но не на верность и стойкость красных частей.

Надо признать, что благоприятный момент для оккупации Западной Европы упущен Советами и авантюра эта может быть затеяна ими разве только в момент отчаяния, когда будет совсем поздно. Пока Сталин жив, это остается маловероятным. Он желает мировой революции без большой войны. Этот учет перспектив указывает нам наши ближайшие и дальнейшие задачи.

Германия – главный национальный враг России.

Русские люди, прожившие хотя бы несколько лет в Германии между двумя мировыми войнами, видели и знали, что германцы не отказались от «движения на восток», от завоевания Украины, Польши и Прибалтики и что они готовят новый поход на Россию. Русская эмиграция, жившая в других странах, не понимала этого или не хотела с этим считаться. Она предполагала рассуждать по опасной схеме: «враг моего врага – мой союзник» и по наивности готова была сочувствовать Гитлеру.

Надо надеяться, что ныне эти иллюзии изжиты. Цель Германии была совсем не в том, чтобы «освободить мир от коммунистов», и даже не в том, чтобы присоединить восточные страны, но в том, чтобы обезлюдить важнейшие области России и заселить их немцами.

Их план был задуман давно:

1) Разорить и ослабить Россию войной и революцией;

2) Истребить русскую национальную интеллигенцию руками большевиков (это старый германский прием «обезглавления» народа, примененный с успехом к саксам, чехам и западным славянам);

3) Истребить по возможности русское население в захватываемых областях (отсюда голодные и раздетые концлагеря, «остарбайтерство», система «заложничества» и т. д.; аушвицкие печи для евреев были только генеральной репетицией массового истребления в завоеванных областях);

4) Заселить и германизировать оккупированные области;

5) Расчленить остальную Россию (демагогия среди русских национальных меньшинств) и обеспечить повсюду марионеточные германофильские правительства.

Таким образом, вторая война, в которой Гитлер возродил и вынес на восток империализм средневековых германцев с их традиционными приемами, обнажила всю глубину национального презрения, ненависти и жестокости германцев к русскому народу. Мы должны додумать до конца и покончить раз навсегда с сентиментальными иллюзиями. После большевиков – Германия есть главный национальный враг России, единственный, могущий посягнуть и дважды посягавший на ее бытие и не останавливающийся ни перед какими средствами. Эта инстинктивная мечта нескольких германских поколений – двинуться на Восток и превратить Россию, по немецкому выражению, в «историческую кучу навоза» – не может и не должна считаться «угасшей» и ныне: она возродится при первой же политической конъюнктуре. Поэтому сильная Германия есть русская национальная опасность.

Эту грядущую конъюнктуру готовит ныне генерал Паулюс из-под-большевиков. План его: мобилизация германских военнопленных и вооружение их в Советии; создание марионеточной «Восточной Германии», чисто германской, но просоветской; патриотическое привлечение к ней Западной Германии и объединение немцев под Советами; выжидание третьей мировой войны; провозглашение «независимой» Германии и принятие мандата от Америки на «восточный поход». Вряд ли этот план осуществится в таком виде: коммунистов легче истребить, чем перехитрить, они слишком тоталитарны и подозрительны и про себя считают Паулюса дураком и врагом; да и западные правительства и народы слишком помнят «подвиги» империалистической Германии, политические же замыслы национальных германцев всегда бывают дипломатически наивны и грубы. Паулюс сорвется на большевиках так же, как сорвался Брокдорф-Ранцау. Но за авантюрой Паулюса нам надо следить внимательно.

Партийность в эмиграции

После второй мировой войны в эмиграции, к сожалению, опять возродился дух политической партийности, против которого всегда боролся покойный генерал Врангель. Всякая партия есть часть, желающая захватить государственную власть и повести за собой народ. Но государственной власти в эмиграции нет: эмигрантский «Центр» может быть только невластным, надпартийным, на добровольной дисциплине построенным, при свободном патриотическом сотрудничестве. И русского народа в эмиграции нет, вести можно только свой партийный кадр. Вот почему эмигрантские партии, создаваемые как будто для борьбы с национальным врагом, начинают на самом деле бороться друг с другом, впадают в озлобление и интриги и открывают этим путь демагогам и провокаторам: кто злее бранится и язвительнее пишет, тот вылезает наверх и начинает разжигать страсти и верховодить. Властолюбие не удовлетворяется, и поэтому обостряется честолюбие, изголодавшееся за долгие годы большевистской революции: начинается самореклама и поносительство. Всякому лестно политически генеральствовать, поэтому множатся всевозможные «группы», союзы и обиженные самолюбия. Каждая группа хочет иметь свою газетку или журнальчик, в которой ей, зачастую, решительно нечего сказать. Начинаются погони за «персонами», за «авторитетами», неумное восхваление собственных «лидеров»; начинаются поиски материальной и правовой поддержки у иностранных сил, ставящих, конечно, свои условия. И вот одни оказываются на поводу у католиков, другие у масонских лож, и принимают их идеи и программы, третьи – у оккупантов или у «фашистов» (старой или новой формации), как будто «фашист» может хоть

сколько-нибудь сочувствовать национальной России. От всего этого русские цели урезываются, русское служение и русская борьба искажаются, русское дело страдает… И в результате этого полнозвучную и независимую правду о России в эмиграции нельзя ни сказать, ни услышать. Как бороться с этой эмигрантской болезнью?

Старая и новая эмиграция

Нет сомнения, что те из новой эмиграции, которые провозглашают, будто старая русская эмиграция «ничего не сделала» или «не сумела даже объединиться», – не разобрались еще в обстановке и в жизненных условиях зарубежья. Они не поняли еще, сколь скудны возможности, открытые для русской политической эмиграции вообще, если, конечно, она желает сохранить свою национальную независимость. Помимо этого они просто не осведомлены, что делала и сделала русская политическая эмиграция до них. Наконец, у этих критиков, по-видимому, есть предрассудок (не подсказанный ли из-за враждебной кулисы?), будто прежняя эмиграция их куда-то «не пускает» или не уступает им каких-то воображаемых «мест» и т. д.

На самом же деле все обстоит совсем иначе. Нам некуда «не пускать» их, и каждый из них, подобно нам, беспрепятственно займет то место, которое он сумеет взять и заслужить, несмотря на бесчисленные препятствия, в которых он доселе еще не разобрался. Теперь, как и в будущей России, все будет определяться силой личного характера, инициативой, умом, образованием и талантом.

Но однажды, когда автору этих строк пришлось услышать категорическое и самоуверенное требование одного невозвращенца: «Вы обязаны помочь мне устроиться, сделайте для меня вот это и вот это!» – требующий получил правдивый ответ: «Кто вы? и чем вы можете мне доказать, что вы в порядке патриотического единомыслия заслуживаете помощи? и как я могу рекомендовать вас, когда я знаю о вас только то, что вы были уже в пяти местах и предлагали свою усердную службу английской разведке, просоветскому ученому, католической пропаганде, антисоветскому журналисту и православному священнику? Кончится тем, что вас все сочтут за агента НКВД…»

Чтобы бороться, каждый эмигрант должен сначала найти себе честный заработок, не умаляющий его патриотической независимости, а потом искать для своих искренних неподдельных и не виляющих убеждений – единомышленников и соратников.

Что может делать эмиграция

Трагедия русской честной эмиграции с самого начала состояла в том, что в своем желании непосредственно бороться с советской властью она была силою пространства лишена точки для приложения своей силы.

Пробираться внутрь страны могли только единичные герои, отнюдь не находившие там, как прежние революционеры, «под каждым кустом – и стол и дом»: они делали короткие вылазки и погибали или возвращались, совершив отдельный подвиг и привозя сведения. Но и только.

Все попытки действовать конспиративно через агентов ГПУ-НКВД – кончались неизменно трагической неудачей: доверчивые эмигранты доверялись профессиональным предателям, профессиональные предатели «уславливались», «обещали» и затем обманывали и предавали доверчивых эмигрантов, которых личная доблесть не спасла, а вела к жертвенной, но бесполезной гибели.

Глубокая разведка храбрецов, пробиравшихся во время войны в занятые немцами русские области, дала немало ценных сведений и некоторые ограниченные пропагандные возможности. Но и только.

Выстрелы Конради и Коверды имели для всего мира значение русского национального протеста и предупреждения. Главное – центральной борьбы из всего этого не выходило. Героические эксцессы вливались в общую тактику пропаганды, которая и оставалась главным делом эмиграции.

«Старая» эмиграция давно это поняла и поставила себе задачу: действовать доказательным провозглашением правды о советском коммунизме, и в этом заслуги ее огромны и неоспоримы.

Ныне эта правда о большевизме и коммунизме стала достоянием всех правительств западных и восточных держав. Однако мнение самих народов очень далеко от верного понимания правды. Доказательством тому служат выборы в Италии (до 8 млн. голосов за комблок) и во Франции, бурление в Латинской Америке, брожение, в Индии и гражданская война в Китае. Мировая пресса далеко не на высоте в своих суждениях о советских делах: она то и дело обнаруживает недостаточность своих знаний о России, своего понимания русской революции, недостаток зоркости, независимости и просто честности. Здесь для русской эмиграции – великое поле действия. Но надо помнить, что успех дается не только сенсации (Кравченко), а главным образом, доказательности и качеству, что необходим большой политической такт и что без упорных организационных усилий не достигнешь ничего.

Вторая задача эмиграции, без разрешения которой неразрешима и первая, это внимательное изучение процессов, происходящих внутри России. Наше знание и понимание мы должны проверить живым и недавним опытом новой эмиграции. Мы должны доказательно вскрыть перед мировым общественным мнением происходящее в Советии: антинациональную, губительную для России политику коммунистов, нерусскость советского империализма, духовную нелепость и разрушительность партийной тирании, сущность и цели советского тоталитаризма, мнимость и лживость советской «демократии», нравственные последствия террора, судьбу русской интеллигенции, искоренение независимых (лучших) характеров в народе, соблазн советско-церковного компромисса, экономическую безнадежность централизованного хозяйства, крушение социализма, борьбу, крестьянства с коммунизмом, общий уровень жизни, положение рабочего класса, положение одураченных и униженных национальных меньшинств, состояние промышленности и вооружений, реорганизацию армии и настроение в ней, создание новой привилегированной касты в стране и отношение народа к ней.

Издание соответствующих книг, брошюр и сборников статей на иностранных языках довершит это дело.

Этим задачи национальной русской эмиграции не исчерпываются, но с этого они начинаются.

Эмигрантская пресса

Одно из главных затруднений наших – это отсутствие у нас печатного органа. С русской зарубежной печатью после второй мировой войны дело обстоит, к сожалению, неблагополучно. Уровень ее по сравнению с прошлым сильно понизился.

С одной стороны мы видим левую прессу. Она по-прежнему ведет борьбу совсем не за Россию, а за устройство нескольких самостоятельных социалистических республик на русской территории. Ее руководители за 30 лет ничего не забыли и ничему не научились: «идеалы» февраля, раз уже погубившие Россию, для них по-прежнему священны и неприкосновенны. Это политические склеротики, социалистические маньяки, зубры левого радикализма. Они судят верно в отрицании и обличении коммунизма, в этом их издания прямо полезны; но производят жуткое впечатление могильных привидений, как только начинают формулировать свою положительную программу. Русский национальный интерес – всенародный, неклассовый, исторический, духовный, религиозный, военный, территориальный – им просто неведом. Эта пресса, хотя и печатается на русском языке, но она не русская, не национальная и ведет Россию в яму расчленения, гражданских войн и бесконечной смуты.

С другой стороны, мы видим правую и совсем правую прессу. Ее газеты и журналы заняты почти сплошь политической агитацией: Но агитация есть возбуждение к действию, а деятельная борьба с общим врагом очень затруднена в эмиграции ввиду отсутствия точки для приложения верной силы. В эмиграции люди должны прежде всего одуматься, прийти в себя от пережитой катастрофы, понять сущность нашего национального крушения, по-новому увидеть исторические корни России, укорениться в вере и обновить свой внутренний уклад, недостатки которого привели страну к катастрофе. Эмиграция дается не для эмоционального кипения в бесплодной ненависти, а для духовной мобилизации сил, без которой вся борьба с врагом поведем только к бестактностям и вредным глупостям. Поэтому агитация правой прессы не выполняет основной национальной задачи. Она протекает впустую, затрепывая все драгоценные слова и мысли, впадая в праздную декламацию и бесплодно возбуждая людей, или

же ведет к ожесточенной партийной борьбе, к взаимным интригам, разлагающим кадры эмиграции…

Эта пресса почти сплошь лишена руководящей мысли, способности выделить главное, объяснить неясное, сформулировать новые, поставленные историей проблемы, наметить основные задачи эмиграции, указать ей верные точки для приложения сил и содействовать обновлению духа в зарубежье. Все сводится здесь к передаче «информации», к пережевыванию общеизвестного, к злой полемике (с намеками, поношениями и даже угрозами) и полуграмотному преподнесению «культурной смеси»…

Эмиграции нужна прежде всего – независимая, национальная, честная и идейная газета. Не будет ее – и от лица России будут говорить люди случайные, малокультурные и не видящие ничего дальше партийных трафаретов.

Наши кадры и советская агентура

Нам надо считаться с тем, что вторая мировая война крепко перетрясла наши кадры, внесла в ряды эмиграции небывалые соблазны и разложение, влила в нее массу «невозвращенцев» и проработала ее новой, по-новому работающей советской агентурой. Поэтому нам необходимо прежде всего сделать «перекличку», найти друг друга, удостоверить прежнее единомыслие, сомкнуть наши поредевшие ряды. Нам придется далее «списать» разложившихся и отступиться от колеблющихся, которые, может быть, уже завтра «начнут возвращаться».

Заграничный аппарат НКВД получил после войны новые возможности для работы среди эмиграции. Так, он имеет в невозвращенческих рядах новую «неприглядную» среду, которой он весьма искусно пользуется. Он находит ныне доступ к эмигрантским сердцам не только слева, но и справа, именно к тем, которые понимают государственность как начало не «демократически-соглашательское», а «императивно-диктаториальное». Советские агенты ловко пользуются инстинктивным сочувствием русских людей к «русской армии», к «русской церкви», к «русскому территориальному приращению» – соблазняя, уверяя, пугая и начиная с «малых услуг и поручений». На наших глазах аппарат НКВД соблазнил ряд известных русских массонов (Вердеревского, Кедрова, Кривошеина и др.). Он несомненно использует, так или иначе, представителей «алексеевской» церкви за границей, всех без исключения неотправляемых возвращенцев, всех иностранных «сочувствователей», многих иностранных журналистов и всех иностранных коммунистов.

Нам нельзя забывать: ряд лиц, боровшихся до войны с коммунистами, ныне стали их агентами, их прислужниками, сочувствователями, восхвалителями, тайными «заработко-принимателями»… Среди этих перебежчиков – есть русские родовитые князья, прославленные беллетристы, духовные лица (православные и евангелические).

Теперь мы можем быть обойдены отовсюду: слева, справа, от алтаря, от науки, от искусства, от журналистики, от дипломатии. Враг может оказаться всюду.

Это не значит, что «бороться нельзя» или «безнадежно». Но это означает, что мы сами должны усугубить бдительность и осторожность. Верность людей – нисколько сама собой не разумеется. Чтобы кто из нас ни затевал – надо все предусмотреть, семь раз отмерить и проверить и потом, может быть, не тотчас же отрезать. Это совсем не «страх»: он нам не был свойствен ни в тюрьмах ГПУ, ни в открытой борьбе. Это – чувство ответственности, это обязательная осторожность, требуемая делом и борьбой. Конспиративные правила стали для нас обязательны и тогда, когда мы никакой особой конспиративной работы не ведем.

Предстоящий хаос в России

Русские зарубежные левые газеты все чаще и определеннее начинают формулировать свои предположения и требования в ожидании крушения советского строя: немедленный созыв Учредительного собрания по четырехчленной формуле, немедленное провозглашение всех свобод, скорейшее введение федеративной республики, по возможности, спасение всяческого социализма и т. д. Трудно разочаровывать мечтающих: занятие непопулярное и безуспешное. Но политика строится не фантазией и не доктриной. Необходим трезвый учет действительности. Мы должны предвидеть неизбежное и невозможное.

За тридцать лет коммунистического правления Россия потеряла свое имущество, свою оседлость и свою городскую – уездную – губернскую принадлежность. Вечные выселения из жилищ, ссылки, переброски, командировки – сдвинули всех с места и сделали нищими, но не погасили памяти о дорогих могилах, о законных правах и о своей пашне. Как только отпадет советский террор, вся Россия сдвинется с места в стремлении к освобождению, к возврату на насиженные родные места, к восстановлению своих прав на недвижимость, к разысканию членов своей семьи, к отмщению или просто к уходу из северного климата. Двинутся – крестьяне, рабочие, интеллигенция, миллионные концлагеря, беспризорные, уголовные, солдатня, спасающиеся от узнания коммунисты, возвращающиеся невозвращенцы и эмигранты. Этот текучий хаос будет продолжаться несколько лет, загромождая дороги живыми и мертвыми и перегружая все средства сообщения. В течение этих лет нечего будет думать о составлении, проверке, обжаловании и исправлении избирательных списков, тем более – о производстве выборов. Кто попытается это сделать, тот будет заведомо «фальсифицировать демократию». Но правительство в России будет в это время необходимо больше чем когда-либо. И оно будет существовать, представлять Россию и стремиться к порядку. Следовательно, оно будет не демократическим по своему строению, а диктаториальным.

В лучшем случае этот хаос кое-как уляжется через три-четыре года. В худшем же случае начнутся гражданские войны: с несдавшимися коммунистами; между конкурирующими претендентами на диктатуру, среди которых будет немало деморализованных авантюристов; или между центральной властью и сепаратистами; между диктатурой и бандами… Не исключено, что найдутся иностранные державы, которым будет выгодно поддерживать эти междоусобия (вспомним Китай, Смуту) и которые будут снабжать поэтому то того, то другого из авантюрных генералов или сепаратистских полководцев деньгами, инструкторами и оружием. При таких условиях национальная диктатура станет прямым спасением, а выборы будут или совсем неосуществимы, или окажутся мнимыми, фикцией, лишенной правообразующего авторитета.

Наконец, самое возникновение небольшевистской или антибольшевистской власти трудно себе представить в том порядке, что Россия будет отвоевана у коммунистов эмигрантскими демократическими партиями или что эти партии будут нарочито проведены к власти победоносными американо-немецкими штыками. На самом деле диктатура встанет изнутри и вряд ли позовет на совет или к участию г. Николаевского или г-жу Кускову. Если это будет диктатура «полукоммунистическая», то она вступит в непрерывный кризис, эволюционируя направо; если же это будет диктатура антикоммунистическая, то она, может быть, и будет обещать созыв Учредительного собрания (или «парламента»), но будет откладывать его в силу высших государственных невозможностей и необходимостей.

Под этой исторически неизбежной диктатурой русский народ будет отыскивать свои «насиженные места» и «права» хаотическим самотеком, и когда через годы, может быть, и соберется первое возможное в послереволюционной России представительное собрание, то оно встанет перед совершившимся фактом: расправа над ненавистными народу элементами будет закончена, а имущественные права «восстановлены» в захватном порядке.

Мы отнюдь не считаем это наилучшим исходом и отнюдь не призываем к этому. Но надо быть совсем наивным в политике, чтобы не считаться с этим процессом, как с наиболее вероятным.

Право на убежище

Одна из наших неотложных задач состоит в том, чтобы добиться со стороны западных держав твердого обещания не выдавать новых беглецов из советских зон, все в большем количестве переходящих советско-оккупационную границу в военном обмундировании (дезертиры-невозвращенцы) и дающих подчас (как недавно в Пригницком округе) форменные сражения еще не дезертировавшим отрядам советской армии. И вот, всюду где кто-либо из наших единомышленников имеет связь с союзническим командованием или тем более – пользуется его доверием, надо подавать краткие, но веские меморандумы на соответствующем языке, настойчиво ходатайствуя о том, чтобы эти меморандумы получали движение по военной администрации вверх. Здесь понадобится вся энергия и неутомимость.

Аргументы:

1. Совместная война против фашистов и нацистов давно закончена, и соглашения о выдаче «дезертиров», поскольку они имелись, потеряли свой военный смысл и силу.

2. Бывший союз с Советским государством давно уступил свое место непрерывным шиканам, правонарушениям, недружественным поступкам и угрожающим действиям со стороны советского правительства.

3. Советское государство есть государство тоталитарное, попирающее все права человека; это государство деспотическое и тираническое, угрожающее ежеминутно чести, свободе и жизни всякого советского гражданина. При таких условиях всякая демократическая страна всегда давала политическим беглецам право убежища.

4. Бегущие из советских пределов «дезертиры» взывают к этому праву убежища и в доказательство своего права открыто заявляют о своем категорическом нежелании участвовать в возможной войне против западных демократий.

5. Такое право убежища уже признается за всеми беглецами из советско-оккупированных малых государств Восточной Европы (Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и Югославии).

6. Предоставление этого права убежища будет иметь важнейшие и неисчислимые военные и политические последствия, могущие прямо предотвратить третью мировую войну или повести к быстрому выигрышу этой войны противниками Советов.

7. Само собою разумеется, что беглецы, претендующие на это право, должны непременно пройти строгий политический искус в изолированных лагерях на предмет удостоверения того, что они не являются советскими агентами. Чем больше таких ходатайств будет подано, тем лучше. Они уже поддерживаются с иных сторон и в иной форме.

Кому принадлежит наша лояльность?

Мы строго и последовательно отличаем национальную Россию от того интернационального, тоталитарного государства, которое называет себя Советским Союзом. Историческая трагедия России состоит в том, что III Интернационал завладел при помощи социального соблазна (1917-1920), террора (1918-1948), голода (1921-1948), Монополии работодательства (1920-1929-1933-1948) и навязанной народу бесчестной практики повальных доносов (1928-1948) – территорией, хозяйством, властью, армией и культурой русского народа. Но цели, этого государства не суть русские цели и успехи Третьего Интернационала не суть русские национальные успехи.

Мы неотрывны от России: ее судьба – наша судьба; ее свобода –наша свобода; ее спасение – наше спасение. Мы живем вместе с нею и завещаем нашим детям бороться за нее. Мы будем до конца беречь ее интерес, хранить ей верность и служить ей. Но Советскому Союзу мы неповинны ни лояльностью, ни верностью, ни служением.

Напротив, чем скорее и чем последовательнее русскому народу удастся отказать Третьему Интернационалу в повиновении, в содействии и в службе, тем лучше.

Правда, во время второй мировой войны русский человек был поставлен между двумя беспощадными врагами: внутренним вампиром и внешним завоевателем-истребителем; последнего он сначала принял за «друга» и «культурного освободителя» – и жестоко за это поплатился. Это была русская трагедия, выросшая из революции и политической слепоты… Русскому народу удалось отбиться пока только от германцев, подбросивших нам в 1917 году большевиков, снабдивших их деньгами и поддерживавших их так или иначе до 1941 года. Одоление внутреннего вампира еще не совершилось. Но мировая конъюнктура ныне слагается так, что III Интернационал поднимает против себя все еще не обезумленные им и еще не покоренные народы: вследствие этого в нашем национальном успехе оказывается заинтересованным весь свободный мир, а его интерес сводится к освобождению Русского народа от коммунистического ига.

Это-то и есть то, что мы должны объяснить всем и везде с силой последней убедительности: только восстановление России во всей ее испытанной международной лояльности (от Ярослава Мудрого до Калки, от Непрядвы – до Чертова моста, от Аустерлица,

Бородина и Лейпцига до героической смерти Императорской семьи в доме Ипатьева) умиротворит вселенную.

Тоталитарное разложение души

Тоталитарный строй, овладевший в нашу эпоху целым рядом государств, навязывает людям целый ряд больных уклонов и навыков, которые распространяются в порядке психической заразы и въедаются в душевную ткань.

Сюда относятся: политическое доносительство (часто заведомо ложное), притворство и ложь, утрата чувства собственного достоинства и почвенного патриотизма, мышление чужими мыслями, льстивое раболепство, вечный страх. Побороть эти больные навыки нелегко; для этого потребуется, после падения тоталитарного строя, время, честное и мужественное самосознание, очистительное покаяние, новая привычка к независимости и самостоятельности и, главное, новая система национального духовного воспитания. Понятно, что это обновление не начнется до тех пор, пока тоталитарный режим будет продолжаться. Но и после его падения долголетний моральный разврат будет преодолеваться медленно, ибо люди отвыкают от лояльности, прямоты, мужества, самостоятельности, независимых убеждений, правдивости, взаимного убеждения и доверия. А до тех пор пока это обновление духа не состоится, надо предвидеть, что всякая попытка ввести в стране последовательный демократический строй будет приводить или к правлению черни (т. е. массы, нравственно разнузданной и лишенной чувства собственного достоинства, не имеющей ни чувства ответственности, ни свободной лояльности), или же к новой тоталитарной тирании справа. Демократы, не думающие об этом и не предвидящие этого, не понимают ни существа демократии, ни тоталитарного строя.

Казалось бы, русская эмиграция должна бы остаться свободной от этих больных уклонов и навыков. К сожалению, это не так. В эмиграции есть группы, усвоившие эти навыки за границей. Эти люди полагали, что правый тоталитаризм есть лучшее средство против левого, и принимались служить ему, забывая собственное достоинство, честь и совесть; они привыкли мыслить чужими (иностранными, право-тоталитарными) мыслями, делали карьеру доносами и промышляли ложью и клеветой. Мы должны остерегаться их: они способны продолжать свое ложное доносительство в любом направлении и на любой службе, что ныне и делают.

Враг моего врага

Политическая деятельность не терпит наивности и близорукости. В политике слишком многое говорится для того, чтобы ослепить и обмануть доверчивых людей, особенно таких, которые мало знают, не имеют собственного, зрелого политического опыта и не умеют самостоятельно мыслить. Именно на этом строят свой первоначальный обман тоталитарные демагоги.

Когда Гитлер завопил против коммунизма, многие русские поверили ему. В действительности же он прикрывал этим готовящуюся расправу с версальско-обессиленной Европой и завоевательный поход на Россию. Опытные политики предупреждали друзей, что он может, если ему покажется выгодным, пойти на все: заключить с коммунистами союз (попытка Рема в 1934 г.), предложить Англии и Франции сделку за счет России (полет Гесса в Англию), или же, в случае победы над советским правительством, он может не ликвидировать его, а предоставить ему доканывать не завоеванные еще части России, подготовляя их для дальнейшей германской колонизации. Это и есть исторический факт: Германия, спасенная Россией (1805-1815), ныне добивается ее завоевания (1914-1918, 1939-1945).

Но многие наивные русские эмигранты ждали от Гитлера быстрого разгрома коммунистов и освобождения России. Они рассуждали так: «враг моего врага – мой естественный единомышленник и союзник». На самом же деле враг моего врага может быть моим беспощадным врагом. Поэтому трезвые русские патриоты не должны были делать себе иллюзий. Есть общее правило международной политики: когда два врага моей родины начинают борьбу друг с другом, то мне следует расценивать эту борьбу не с точки зрения международного права, или справедливости, или сентиментальных настроений, но с точки зрения прямого интереса моей родины и экономии ее сил. В таких случаях показуется нейтралитет. Массовая сдача в плен русских солдат в 1941 году и была такой инстинктивно найденной попыткой занять нейтральную позицию; и если бы они сдавались в плен народу с

живым и лояльным правосознанием, не стремящемуся завоевать и истребить русскую народность (напр. финнам, шведам, англичанам, французам или североамериканцам), то эта попытка, наверное, имела бы иные последствия.

Стратегические ошибки Гитлера

Наше время есть эпоха рекламы: предприимчивые люди сорганизовываются и начинают настойчиво провозглашать «гениальность» своего вожака и единоспасательность его программы, причем мнимая «гениальность» сводится обычно к системе самого беззастенчивого пронырства, обмана и насилия, а программа бывает пусторечива и невежественна, прикрывая личное честолюбие, а также партийное и национальное властолюбие. Отсюда неизбежные неудачи и разочарования. Так, Гитлер не понимал в стратегии ничего и проиграл войну, несмотря на исключительную подготовку германской армии и ее штабов.

Вот его основные стратегические ошибки:

1. Прежде всего он повторил старую классическую ошибку прусско-германской стратегии (Фридрих II, Вильгельм II), переоценивая свои силы, презирая другие народы, их силы, их свободолюбие и вызывая на бой против себя всех соседей и не соседей. Гитлер углубил эту ошибку до конца, раздражая своими преследованиями и поднимая против себя не только иноземные правительства, но и все общественные интернациональные организации мира: католическую церковь, евангелическую церковь, еврейство, масонство, социал-демократический интернационализм и коммунистический интернационал. Этим он обеспечил себе – религиозную и социальную вражду всего мира.

2. Готовя новую мировую войну и возлагая на свой народ великие тяготы, он лишил его внутреннего чувства своей военно-моральной правоты, ведя вызывающее нападение, делая ставку исключительно на национальный шовинизм, заключая союз с Советским государством, разрушая чужие города, свирепо и систематически истребляя невинных людей и исключая из самого процесса ведения войны всякий морально-рыцарский и религиозный элемент. В то же время, вводя партийную монополию, он политически расколол весь свой народ, восстановив против себя германские династии, германское дворянство, генералитет, многих промышленников, церковные круги, немецкое еврейство, германские ложи, социал-демократическую партию и союз Стального Шлема. Все эти внутренние силы знали о моральной порочности и имущественной жадности национал-социалистов, не доверяли им и презирали их. Еще никогда Германия не начинала войну в состоянии такой внутренней расщепленности и вражды.

3. Слепой вождизм и рекламерство выдвинули в Германии главнокомандующего-дилетанта (Гитлера). Как только дело выходило за пределы штабной подготовки (Польша, Франция, Балканы) и наемной контрразведки, так мнимый «гений» делал ошибку за ошибкой. Не желая признаться в этом, он разносил, унижал и убивал своих генералов; сочинял хвастливые реляции, не соответствовавшие истине (напр., октябрь 1941 г.): посылал на бесцельный убой свои войска и пытался поправить неудачи припадками «штабной ярости».

Продолжение и окончание предыдущего

4. Отсюда возникла «стратегия престижа». Наполеон проговорился об этом Меттерниху: «я не могу показаться своему народу в унижении, я должен оставаться велик и славен». Законный государь может проиграть войну и править дальше; полководец-выскочка держится на эффектах. Петр Великий, Суворов, Кутузов и др. умели побеждать, наступая и отступая; выскочки переживают всякое отступление как свое поражение и измеряют успех занятой территорией. Так было и с Гитлером.

5. Как близорукий дилетант, он решил, что весь секрет в том, чтобы воевать на чужой территории, грабить ее и кормить свой народ, сидящий, как на скачках, в «стратегической ложе». Отсюда это бесконечное растягивание линии фронта, оккупация Европы, разбрасывание войск, жестокость в оккупированных странах, сеяние голода и ненависти, война страхом. Отсюда же стратегическое разматывание своих сил и непредвидение возможности воздушной

войны против Германии. Эту войну и нападение с воздуха на германские города Гитлер спровоцировал сам разрушением Варшавы, Роттердама, Лондона и Белграда. А между тем, на своей территории народ дерется совсем иначе, отдавая все силы и обороняясь до последнего.

Гитлер не учел этого – он отдал германские города на разгром при невозможности народного сопротивления и народной войны за собственную территорию.

6. Бисмарк предупреждал Германию: не драться на два фронта и в частности, не драться с Россией. Гитлер же повторил стратегическую ошибку 1914-1918 гг. Он безмерно растянул свой фронт от норвежских фиордов, через Данию, Голландию, Бретань, Марсель, Италию, Африку, Грецию, Крым, Кавказ, Волгу – к Петрограду. Это была стратегическая мания величия, которая делала неосуществимым основной принцип: быть в решающий момент на главном участке – сильнее противника. Это удалось ему в Польше, во Франции и на Балканах; и не удалось ни для десанта в Англию, ни в Африке, ни в России.

7. Вовлечение в войну слабой не воинственной Италии с разлагающимся фашизмом было прямой стратегической ошибкой, приведшей германцев в Африку; то же относится и к военно-несостоятельной Румынии. Стратегически слабый союзник есть всегда бремя и опасность.

8. Далее, стратегия «молниеносной войны», придуманная для европейского пространства, не могла оправдаться ни в Африке, ни на востоке (Россия). Стратегическая координация времени и пространства была здесь глубоко ошибочна. Что было умно в европейской чересполосице, при европейских дорогах, в европейском климате, при европейской густоте населения и европейской психологии, то оказывалось стратегической глупостью применительно к русским условиям.

9. Гитлер пошел на Россию, не зная русского народа, его пространства, его климата, его быта и его социальных отношений. Его армия не имела теплой одежды даже для первой зимы, грубая ошибка шведского полководца (Карла XII), повторенная французским полководцем (Наполеоном), ничему не научила немецкого дилетанта: последствия были аналогичны.

10. Еще грубее была ошибка Гитлера – пытаться бороться сразу и с коммунистами, и с русским народом. Произошло это от сочетания невежества самомнения, психологии торопливого выскочки, расистского презрения к другим народам и прямого политико-психологического бессмыслия.

11. Стратегия бесконечного наступления в глубь России, растягивание восточного фронта, цепляние за территорию; неспособность сначала воздержаться от «дающегося» пространства, а потом своевременно «расстаться» с ним; легкомыслие затяжного предкавказского топтания; неумение заштопать «стратегическую дыру» калмыцкой степи; уничтожение своих армий у Царицына – все это памятники стратегической несостоятельности Адольфа Гитлера.

12. Если мы упомянем еще об его легкомыслии в стратегической оценке Соединенных Штатов; об его непонимании психологии английского народа, увидевшего свою столицу в разрушении и стиснувшего зубы; о легкомысленном наводнении Германии иностранными рабочими – враждебно настроенными саботажниками; и о неслыханно жестокой расправе со всем европейским еврейством – то мы приблизительно укажем основные стратегические ошибки Гитлера, погубившие его мировую затею и облегчившие победу над ним как западным державам, так и советскому штабу. Военная история несомненно вскроет еще и иные ошибки его командования.

Конспирация в зарубежье

Слово «конспирация» означает заговор. Искусство конспирации состоит в умении проводить заговоры «тайно» и доводить их до успешного конца. Это искусство имеет свои ненарушаемые правила: кто их не соблюдает, тот губит свое начинание, а может быть, и себя самого, и всех доверившихся ему близких и далеких единомышленников. Здесь дилетантство равносильно провалу и гибели.

Одно из этих правил гласит: тайну заговора можно сообщать только лицам безусловного доверия и безусловного единомыслия, – и то, если их участие в заговоре безусловно необходимо.

Вообразим, что ко мне является видный агент НКВД и говорит: «Мы заговорщики в НКВД, готовы произвести переворот в Советском государстве и установить русское национальное правительство, если вы, эмигранты, обещаете нам исполнять теперь же все наши указания, а потом дать нам всем полную амнистию и войти в наше правительство!» Я, конечно, даю ему высказаться. Что надо ответить ему?

1) «Почему вы избрали меня для сообщения мне вашей тайны? Разве я являюсь вашим безусловным единомышленником, которому можно доверить такую тайну? Чтобы быть вашим единомышленником, я должен был бы знать все ваши сокровенные замыслы против эмиграции, которые вы профессионально обязаны иметь. Как и чем вы докажете мне, что вы сейчас говорите со мной не как профессиональный провокатор из НКВД, а как национально мыслящий патриот? Какое же единомыслие возможно между нами? Единомыслие предполагает твердомыслие с двух сторон. Если принять, что мое твердомыслие доказано моим прошлым, то ваше твердомыслие погибло навсегда в вашей провокаторской деятельности. Вы уже никогда не будете верить себе самому. Какой же возможен заговор при отсутствии единомыслия и твердомыслия? Разве только заговор друг против Друга»…

2) «Откуда у вас берется такое безусловное доверие ко мне, что вы решаетесь сообщить мне такую опасную тайну. Откуда вы знаете, что я не болтлив и не хвастлив. Что я не разболтаю ваш заговор устно или в печати. Откуда вы знаете, что среди моих знакомых нет ваших же, засекреченных от вас, агентов, которые немедленно выдадут вас вашему начальству. Почему вы считаете меня таким глупцом, который способен немедленно поверить предложениям профессионального энкаведиста. Если вы обращаетесь ко мне с таким предложением, то вы явно считаете меня отъявленным политическим идиотом; но к такому идиоту невозможно питать вообще никакого доверия. Все это означает, что вы только играете со мной в доверие и нисколько не опасаетесь выдачи. Вы явно обращаетесь ко мне с ведома вашего начальства, и вся ваша затея только и может быть новой провокацией».

3) «Но если бы между вами, профессиональным провокатором, и мною имелось в действительности единомыслие и доверие (о чем смешно и думать), то вы имели бы основание сообщить мне о вашем «заговоре» только тогда, если бы мое участие было безусловно необходимо для вашей удачи. На самом же деле все обстоит как раз наоборот: ваш «заговор» затевается в среде окончательно пролганной и профессионально, насквозь прошпионенной и предательской. У вас, в НКВД подслушивают друг у друга даже ночные мысли и «пришивают» друг другу собственные вымыслы и замыслы. И тем не менее – вы создали якобы целый заговор. Но тогда какое же безумие с вашей стороны делать его предметом «эмигрантского экспорта». Ведь для успеха его необходимо, чтобы ни один комар в эмиграции не подозревал о нем и не мог пропищать о нем даже ночью… А вы вываливаете мне, первому встречному, всю вашу тайно-полицейскую подоплеку. Скажите, скольких эмигрантов еще вы посвятили в этот «план спасения» России? Вы, конечно, понимаете, что этим вы просто погубили весь ваш «заговор». И вы, искусный энкаведист, делаете при этом вид, будто вы сами всего этого не сообразили. Если ваш «заговор» известен мне, случайно попавшемуся вам эмигранту, то он, конечно, давно уже известен вашему начальству. А это означает, что он или безнадежен, и что именно вы погубили его, или же что он есть очередная провокация. Ясно, что верно именно последнее».

4) «Для производства переворота в Советии эмиграция вам решительно не нужна. Напротив, ее участие и ее болтовня могут быть только вредны вам. Если вы можете и желаете произвести переворот, то совершайте его молча, неожиданно и решительно, но не звоните же об этом за границей».

«Вы хотите от нас «амнистию». Но зачем же вам нужна амнистия, если вы сами будете у власти. Тогда амнистировать будете вы, а не вас. К тому же вы отлично знаете, что в эмиграции нет единства: она многоголова и разномысленна, в ней сотни тысяч или даже более того, а вы разговариваете со мною. Анемподистом Чижиковым, как если бы я мог гарантировать вам что-

нибудь. «Войти в ваше правительство». Что же, мы так и ввалимся в ваше неправдоподобное правительство, многоголовые и разномысленные. Или же вы обещаете это участие только мне, Чижикову, лично. Вы, должно быть, считаете меня очень честолюбивым и к тому же глупым человеком… Когда вы будете у власти, тогда вы и будете приглашать кого захотите, и приглашенные будут вам отвечать индивидуально. А до тех пор, вы сами понимаете, только глупцы могут соблазняться вашими посулами и принимать всерьез ваше провокационное пустословие. Но стоит ли вам стараться над… соблазнением глупцов? Или вы хотите превратить их в своих разведчиков?»

5) «Что же касается исполнения теперь же всех ваших указаний и требований и безоговорочного повиновения вам во всем, то это требование было в свое время произнесено вашим сотрудником – Федоровым-Якушевым, основателем всем известного провокационного «треста». Это нам уже знакомо. И именно это выдает вас окончательно, с головой. Итак, поищите себе созаговорщиков среди людей более неопытных, слепо доверчивых и болезненно честолюбивых. А меня не тревожьте вредными разговорами!»

Все эти соображения, конечно, нет надобности излагать лукавому собеседнику: можно сказать иначе, меньше и больше. Но про себя следует думать именно в этом роде. И затем следует предупредить всех единомышленников о готовящейся новой провокации, – может быть, и через честную эмигрантскую прессу.

Политика и уголовщина

Мы переживаем эпоху, в которую политика все более смешивается с грязью. Это надо продумать и из этого надо сделать выводы.

Всякое революционное движение нуждается в денежных средствах. Чем настойчивее, чем нетерпеливее, и чем беднее революционер, тем острее становится для него вопрос о добывании денег любыми путями и средствами; чем решительнее он «отвергает капитализм» и чем больше он, в качестве социалиста или коммуниста, «презирает частную собственность», тем ближе он подходит к уголовному правонарушению. Это предвидел Достоевский, у которого Петр Верховенский прямо говорит: «Я ведь мошенник, а не социалист». Это предвидел Лесков (в «Соборянах»): «Мошенники ведь всегда заключают своею узурпацией все сумятицы, в которые им небезвыгодно вмешаться». Это предвидел граф А.К.Толстой и другие. Но предотвратить этого развития в России не удалось.

Еще Бакунин, мечтая о русской революции, возлагал свои надежды на русский преступный мир.

Уже в первую русскую революцию (1905-1906) некоторые революционные партии перешли к «экспроприациям», т. е. к ограблениям с убийством и к прижизненным и посмертным вымогательствам (смерть Саввы Морозова).

В страшные годы 1917-1920 смешалось все. Люди грабили и уверяли, что они «грабят награбленное». Интеллигентные революционеры присваивали себе чужие дома, чужие квартиры, чужую мебель, чужие библиотеки – и нисколько не стыдились этого. Крестьяне грабили помещичьи усадьбы; революционные матросы – офицеров и городских «буржуев»; чекисты – арестованных; безбожники – храмы; солдаты – военные склады. Революция стала грабежом, следуя прямому указанию Ленина. В марте 1917 года Временное правительство амнистировало уголовных, считая их, по-видимому, нелегальными борцами против имущественной несправедливости, которые совершали свои уголовные деяния якобы вследствие отсутствия в стране свободы и равенства и якобы жаждали морального возрождения (см. в воспоминаниях заведующего всем розыскным делом Империи А.Ф.Кошко «Очерки уголовного мира Царской России», с. 214). В то время петербургская дактилоскопическая коллекция с фотографиями преступников и подозрительных лиц достигала двух миллионов (с. 195) снимков. И вот преступный мир покинул тюрьмы, освобождая их для «контрреволюционеров» – и привычные жители тюрем влились в революцию. Уголовные, принимавшие коммунистическую программу, быстро и легко врастали в партию и особенно в Чеку; уголовные, желавшие грабить самовольно, вне революционной дисциплины, арестовывались и расстреливались. В 1920 году лицо, близкое к профессиональному

уголовному розыску, отмечало: «Все нынешние преступники – новички, дилетанты; они грешат с голоду, ни скрыть, ни «завязаться», «смыть кровь» не умеют; а профессионалы-рецидивисты, тюремщики – или в партии, или перебиты ею за самовольство».

Главные правила революции гласят: «Добро есть то, что полезно революционному пролетариату; зло есть то, что ему вредно», «революции позволено все»; «законы буржуазных стран не связывают революционера». Все это внушено членам компартии и ее чиновникам. Так возник этот режим: разбойники стали чиновниками, а чиновники стали разбойниками. Уголовные и политики слились. Политическое и уголовное смешалось. В самую сущность новой «политики» были включены: ограбление, ложное доносительство, беззаконные аресты, произвольные мучительства и убийства, вечная ложь, вечное вымогательство и законченный административный произвол. Уголовное (преступное) обхождение человека с человеком стало самой сущностью политики. А политика, принципиально признавая преступление полезным для революции, зловеще засветилась всеми цветами уголовщины.

Но, что еще хуже: режим, возникший из этого смешения, поставил граждан в такие условия, при которых невозможно прожить без «блата». Это систематически подрывает все основы русского правосознания – вот уже в течение тридцати лет.

Уже в начале революции в широких кругах русского народа (в том числе и в интеллигенции!) складывалось сознание, что человек, ограбленный революцией, может вернуть себе свое имущество любыми путями. Именно отсюда все эти бесконечные советские «растраты», «хищения», подкупы, взятки: это есть или революционный грабеж или же произвольное самовознаграждение пострадавшего от революции. Русское правосознание отвергло государственную природу советских захватов и признало ее делом уголовного насилия. И на уголовщину сверху – стало отвечать «блатом» снизу.

Это понимание приобрело в дальнейшем величайшую популярность в народе под давлением тех хозяйственных мер, которые лишили русский народ свободных и достаточных средств производства и прокормления (социализм!). Нелегальное приобретение стало в России необходимым условием существования при социалистическом режиме. Черный рынок; отчетом прикрытая перетрата и растрата; тайная продажа «казенного имущества»; унос продуктов и полупродуктов с фабрик; ночное расширение крестьянами приусадебных участков; взаимное «одолжение» советских директоров; торговля похищенными спецами со стороны ГеПеУ и ГУЛАГа; ложное доносительство как средство «спасения» и заработка – все виды советской нелегальности, вынужденной социализмом, неисчислимы. Уголовщина оказалась естественным коррективом к коммунистическому бедламу. Здесь человек от голода крадет свою собственную курицу; здесь библиотекарь потихоньку торгует страницами, вырванными из книги на курево; здесь коммунисты «протаскивают через постель» подчиненных им интеллигентных женщин. Здесь люди в голодные годы доходят до людоедства. Все это должно быть сохранено для историков последующих поколений. Из всего этого должны быть сделаны выводы теперь же.

В революции политическое врастает в уголовщину. В социальной и социалистической революции политика и уголовщина становятся неразличимы. В коммунистическом строе люди ищут спасения от голодной смерти и стужи в непрерывной уголовщине.

Тридцать лет упражнения в таком правосознании вряд ли могут быть признаны хорошей подготовительной школой для демократии.

Национальный вождь и партийные главари

В русской эмиграции не угасает естественная и политически верная потребность объединения. Но этой потребности не соответствует наличность элементарных навыков и политических умений. С одной стороны, левое крыло отводит правое и само отводится этим последним. С другой стороны, продолжается партийное дробление, доктринерское по форме: «не совсем то, значит, совсем не то»; честолюбивое по мотивам: «я веду, а не ты и не он». Единение не удается потому, что люди живут духом части, а не духом целого и личное или партийное фигурирование ставят выше Национального Дела.

Этот же дух проявляется и в обилии политических «главарей». Необходимо отличать национального вождя от партийных главарей. Вождь один, а партийных главарей – число неограниченное.

Вождь закаляется в деловом служении, волевом, мужественном, национально верном. Он одержим духом Целого, а не частным, не личным, не партийным. Он сам стоит и сам идет, потому что он политически дальнозорок и знает, что надо делать. Поэтому он не приглашает себе идеологов «выдумывать программу». Оставшись совсем один, он начинает большое дело, не создавая себе партию, а действуя лично во имя сверхличного. Его дело есть его зов; на зов его дела вокруг него смыкаются лучшие люди. И все они твердо знают, что русское дело может делаться только русскими руками и не должно делаться по иностранной указке, ибо иностранная указка всегда ограничит, исказит или даже погубит национальный интерес. Вождь служит, а не делает карьеру; борется, а не фигурирует; бьет врага, а не пустословит; ведет, а не нанимается к иностранцам. И всегда предпочитает личный неуспех – успеху от темных и предательских путей. Таков был Корнилов. Таков был Врангель.

Иное дело партийные главари.

Их движет не тревога за Россию, а беспокойство за себя. Сидит он, сидит в эмиграции; время идет; «лучшие годы» его уходят, и досадно, и обидно! И начинает у него голодать и пухнуть честолюбие. И вот, как выразился один остроумный наблюдатель, человека начинает «дучить» (от слова «дуче», что по-итальянски значит «вождь»). Его «дучит» и «вздучивает». Вот он заводит себе адъютанта, или даже двух, начинает говорить повелительно, «указывать», диктовать. У него есть воля, но не к борьбе, а к фигурированию; у него есть и мужество – для целого ряда сомнительных копромиссов. Что ему делать, чтобы самому преуспеть, он чует; а для дела он приглашает «идеологов», кои и выдумывают ему программу. Он начинает дело своего «возглавления»: сам поездит, приятелей разошлет, все с предложением «подминаетесь под меня», ибо остальные ничего не стоят. Но для этого нужны деньги. Как их достать? Начинаются обещания: обещания бывают конфессиональные, янкменские, демократические, федеративные, социалистические, просемитические и наоборот – тоталитарные, антисемитические, национал-социалистические, сепаратистские, евразийские, «туранские», украино-аннексионные, контрразведочные, полонофильские и всякие другие еще «фильские». Издается газетка, журнальчик; скудные, пустые, с более или менее явным уклоном в сторону «покровителей». Иногда поднимается вокруг такого дела шум. А так как к качественно пустому месту и к политически мертвому делу люди не примыкают и добровольно «подминающихся» оказывается мало, то начинается раздражение, интриги, угрозы, доходящие до слов «виселица» и «правая стенка». Но время идет. Покровители охладевают или сами исчезают с арены. Постепенно шум сокращается, внутренняя пустота и партийность дела всех отвращает, главаря опять «раздучивает» и остается только ворох политического сора для будущего историка эмиграции.

Сколько мы видели таких за тридцать лет! И если еще будут появляться такие «главари», то и их постигнет та же судьба. Ибо во всех человеческих делах есть высшие мерила: совести, служения и качества.

Изживание социализма

Было время, когда среди русской интеллигенции господствовало воззрение, что «порядочный человек не может не быть социалистом» и что «только социализм осуществит на земле свободу, равенство, братство и справедливость». С тех пор мы много пережили и перестрадали; опыт осуществлен и последовательно проведен в огромном масштабе. Ныне мы должны судить на основании этого опыта. Мы увидели социализм в жизни и поняли, что он осуществим только в форме всепроникающего и всепорабощающего тоталитарного режима.

Социализм прежде всего угашает частную собственность и частную инициативу. Погасить частную собственность значит водворить монопольную собственность государства; погасить частную инициативу значит заменить ее монопольной инициативой единого чиновничьего центра. Так обстоит не только в России: и в Западной Европе, всюду, где проводится советский социализм (Польша, Чехия, Венгрия, Румыния, Болгария, Югославия, Албания, Восточная Германия) или социализм Второго Интернационала (Франция, Англия), всюду вырастает (быстро или медленно) монопольная собственность государства и слагается монопольная инициатива единого чиновничьего центра. В этом – самая сущность социализма.

Это ведет неизбежно к монополии государственного работодательства и создает полную и бесповоротную зависимость всех трудящихся от касты партийных чиновников. Знаменитый французский социолог Густав Лебон был прав, предсказывая этот ход развития. Чтобы осуществить государственно-централизованный хозяйственный план, эта каста вынуждена силою вещей овладеть всею хозяйственной деятельностью страны, а потом и политической, и культурной жизнью народа и ввести тоталитарный строй. В тоталитарном же строе – нет ни свободы, ни равенства, ни братства, ни справедливости. Мы видели в жизни – и левый, и правый тоталитаризм. С нас достаточно. Пустые мечты и политические сказки предоставим детям и агитаторам.

Почему русская интеллигенция тянула прежде к социализму? Потому что она, почти утратив христианскую веру (под влиянием западного рассудочного «просвещения»), удержала христианскую мораль и хотела социального строя, т. е. свободы, справедливости и братства (к коим она, по недоразумению, пристегивала и равенство). Ей внушали и она воображала, будто социализм есть единственный путь к социальному строю. Ныне наступает новая эпоха, которая положит в основание другое воззрение, а именно: социализм – антисоциален; искать социальности надо в ином, новом, несоциалистическом строе.

Социализм антисоциален потому, что он убивает свободу и Творческую инициативу; уравнивает всех в нищете и зависимости. Чтобы создать новую привилегированную касту партийных чиновников-угнетателей; проповедует классовую ненависть вместо братства; правит террором, создает рабство и выдает его за справедливый строй. Именно потому истинную социальность (свободу, справедливость и братство) надо искать в несоциалистическом строе. Это не будет «буржуазный строй», а строй правовой свободы и творческой социальности.

Мы не сомневаемся: пройдут года, прежде чем это воззрение станет господствующим в человечестве. Ибо пропаганда социализма велась слишком долго; из социализма сделали какой-то суррогат религии; социалистические партии и теперь еще выдают свой строй за единственный путь к счастью и демагогируют рабочих; а коммунисты стали партией ожесточившегося безумия, мирового разложения и завоевания. Все это надо изжить, во всем этом надо разочароваться, от всего этого надо отречься. Однако те социалисты, которые ныне одумались, – предпочитают сохранять название своей программы и потихоньку вложить в нее другое, более приемлемое и не столь тоталитарное содержание. У них нет мужества для отказа, пересмотра и вступления на новый путь.

Силою вещей наша многострадальная Россия идет в этом изживании, разочаровании и передумывании впереди всех. Если бы русский народ был сейчас свободен и услыхал вновь проповедь социализма (т. е. левого тоталитаризма), то ответ его был бы, наверное, недвусмыслен и стихиен.

Мы, русские христиане, по-прежнему будем искать в России социального строя. Однако на основах частной инициативы и частной собственности, требуя от частноинициативного хозяйства, чтобы оно блюло русские национальные интересы и действительно вело к изобилию и щедрости, а от частных собственников – справедливого и братского хозяйствования.

Знаем, что для этого необходимы предпринимательский и организационный талант, живое чувство справедливости и органическая христианская доброта сердца. Талантом нельзя снабжать людей, однако возможно создать такие правовые и экономические условия, при которых бездарный предприниматель будет сам выключаться из хозяйства. Чувство справедливости нельзя ввести законом, но его должно воспитывать и контрольно карать всякую явную несправедливость (введение особой социальной ответственности, слабые начатки которой мы видели в фабричной инспекции). И доброту нельзя предписать, но ее надо укреплять и воспитанием и организацией общественного мнения.

Социальность или социализм

Эти два понятия отнюдь не совпадают. «Социальность» – это живая справедливость и живое братство людей; и потому всякое установление, всякий порядок, всякий закон, от которых жизнь становится справедливее и братство крепнет, – «социальны». Понятно, что первое условие «социальности» – это бережное отношение к человеческой личности: к ее достоинству, к ее свободе. Порабощение и унижение человека исключает «социальность», ибо

социальность есть состояние духа и порядок духовной жизни; говорить о социальности, унижая человека, делая его рабом, – нелепо и лицемерно. Сытые холопы остаются холопами; роскошно одетые и в комфорте живущие рабы не перестают быть рабами и становятся тупыми, развратными и самодовольными рабами. Режим угроз, страха, доносов, шпионажа, лести и лжи никогда не будет социален, несмотря ни на какую возможную «сытость». Человеку нужны, прежде всего, – достоинство и свобода; свобода убеждений, веры, инициативы, труда и творчества. Только достойный и свободный человек может осуществить живую справедливость и живое братство. Рабы и тираны всегда будут хотеть другого и проводить в жизнь обратное.

Это коварный обман обещать людям под именем «социализма» справедливость и братство и потом отнять у них достоинство, свободу, способность к братству и путь к справедливости. Именно так поступили в наше время социалисты (в их коммунистическом обличье), и они могут быть уверены, что человечество никогда не забудет им этого.

Итак, «социальность» есть цель и задача государственного строя, создаваемого, по слову Аристотеля, «ради прекрасной жизни». «Социализм» же есть только один из способов, предложенных для осуществления этой цели и этой задачи. «Социальность» нужна при всяких условиях; а «социализм» – только при том условии, если он действительно осуществляет «социальность».

«Социальность» завещана нам Евангелием как любовь к ближнему, основанная на любви к Богу; но о социализме в Евангелии нет ни слова, ибо раздача личного имущества и нестяжательность как высшая ступень христианской добродетели – не имеет ничего общего с социализмом. Социализм не раздает из любви, а отнимает из ненависти и зависти; он есть разновидность земного стяжательства; он ищет коллективного обогащения и для этого создает личное нищенство для всех; он сулит всем равное потребительное богатство – и обманывает.

Первые христиане попытались достигнуть «социальности» посредством своего рода добровольной складчины и жертвенно-распределительной общности имущества; но они скоро убедились в том, что и такая элементарная форма непринудительной негосударственной имущественной общности – наталкивается у людей на недостаток самоотречения, взаимного доверия, правдивости и честности. В Деяниях Апостольских (4.34-37; 5.1-11) эта неудача описывается с великим объективизмом и потрясающей простотой: участники складчины, расставаясь со своим имуществом и беднея, начали скрывать свое состояние и лгать, последовали тягостные объяснения с обличениями и даже со смертными исходами; жертва не удалась, богатые беднели, а бедные не обеспечивались; и этот способ осуществления христианской «социальности» был оставлен как хозяйственно несостоятельный, а религиозно-нравственный – неудавшийся. Ни идеализировать его, ни возрождать его в государственном масштабе нам не приходится.

Общность имущества вообще есть дело претрудное и требующее легкой и свободной добровольности. Но именно добровольную общность не следует смешивать ни с социализмом, ни с коммунизмом (как делают анархисты коммунисты).

Неразделенный крестьянский двор, где ссорятся две-три семьи, – не есть образчик социализма. Добровольную общность части имущества мы наблюдаем в артели, в ученом обществе, у студенческой организации, у скаутов, у «Соколов», в кооперативе, в акционерной компании и т. д. Во всем этом нет никакого социализма, ибо это есть общность добровольная, не отменяющая частную собственность и могущая быть прекращенною. Социализм же принудителен, окончателен, бессрочен и враждебен частной собственности.

Элемент социализма имелся в русской крестьянской общине, государственно-принудительной, бессрочной и ограничивающей свободное распоряжение землей. Община казалась целесообразной и «социальной» потому, что связанные ею крестьяне старались преодолеть ее отрицательные стороны справедливым распределением пользуемой земли и несомого бремени (переделы по едокам и круговая порука). Но на деле это повело к аграрному перенаселению в общине и во всей стране, к экстенсивности и отсталости крестьянского хозяйства, к стеснению и подавлению личной хозяйственной инициативы, к аграрным иллюзиям в малоземельной крестьянской среде и потому к нарастанию революционных настроений в стране; ибо замаринованные в общине крестьяне воображали, будто в России

имеется неисчерпаемый запас удобной земли, который надо только взять и распределить, – тогда как осуществившийся в начале революции «черный передел» дал им на самом деле прирезок в две пятых одной десятины на душу (чтобы затем отнять у них и все остальное).

История показывает, что с социализмом всегда связывались всевозможные иллюзии и самые необоснованные надежды. Наша эпоха призвана разрушить эти иллюзии, погасить эти надежды.

Разъединенные телом и душой, духом и инстинктом самосохранения, – люди способны выносить общность имущества лишь постольку, поскольку им удастся преодолеть это разъединение любовью, дружбой, совестью, щедростью, личным благоволением, духом, внутренней дисциплиной и, главное, добровольным согласием.

При всяких иных условиях общность имущества будет вести только к разочарованию, вражде, насилию, воровству и хозяйственным неуспехам. Она будет создавать каторжный, тоталитарный режим, всеобщее рабство и падение культуры. Современному человечеству, захваченному социалистическими иллюзиями, придется все это изживать до протрезвления.

Дипломатические промахи советской власти

Теперь, кажется, уже весь мир понял, что Политбюро СССР добивается мирового владычества и мирового коммунизма; и только третья партия – партия Уоллэса в Соединенных Штатах и Экуменический Совет в Женеве не постигли еще этого. Но в серьезных политических кругах обсуждаются только конкретные планы советских коммунистов, а именно: что они предпочитают – революцию или войну? Ответ гласит: революцию – всегда и везде; войну – только там, где она не грозит советам разгромом; но угрозу войной – везде и всегда, поскольку эта угроза не рискует сорваться в невыгодную войну.

При таком положении дел Политбюро сделало за последние годы целый ряд серьезных промахов.

1. Оно рассылало всюду тоталитарно зараженных дипломатов (Молотова, Громыку, Вышинского и др.), которые разговаривали с другими державами революционно-обличительным, угрожающим презрительным тоном. Этот тон считается у Советов очень полезным для мировой революционной пропаганды и должен выражать непримиримую революционную позу: мы-де с вами вообще разговариваем только потому, что «наши» вас еще не свергли. Это был тон не великой державы, строящей мир в мире, а тон революционной партии. От этого престиж советской власти, поднятый усилиями и геройством русской армии на большую высоту, стремительно падал за эти годы: весь мир начал понимать, что он имеет дело не с Российской державой, а с революционной советчиной. «Революционер без манер» провалился на дипломатическом экзамене.

2. Этот сварливо-агитационный, ненавистно-угрожающий тон истолковывался другими державами не как обычный агитационный нахрап революционеров, а как угроза новой войной, что было до Крайности невыгодно советской власти. Ее дипломаты пробудили и напугали разоружившиеся было народы и вызвали процесс всеобщего ответного вооружения. Своей бестактностью они сомкнули фронт своих врагов и навредили себе сколько могли. Вместо того чтобы «уйти на отдых». Соединенные Штаты в ответ на это осознали и прощупали свою «внешнюю стратегическую линию»: от Кореи до Персии, от Турции до Италии и Испании, от Южной Америки до Ньюфаундленда и от Греции до Белграда, от Берлина до Норвегии. Англия закончила свою «линию Монтгомери» поперек Африки. Европа стала смыкать свои ряды. И только французские социалисты поставили свою партию выше государства и армии.

3. Все последние выступления Политбюро в Европе были столь же недипломатичны и ошибочны: это были вредные для мировой революции – революционные эксцессы, эксцессы властного нетерпения, за которыми не стояло реальной силы. Террор в восточно-европейских малых государствах заставил всю остальную Европу, а за ней весь мир понять сущность коммунистической революции; доклады беглецов оказались вполне убедительными. Переворот в Чехословакии погасил последние сомнения. Греческое восстание обнаружило авантюризм и слабосилие Коминформа. Ноябрьское восстание во Франции и июльская вспышка в Италии бесцельно промотали революционный ряд в массах, вызвали поправение в народе и укрепили государственные силы страны. Берлинский нажим превратился в настоящую школу

правильного обхождения с советской угрозой и с революционным нахрапом. Все это вызвало вдобавок антикоммунистическую реакцию в восточно-европейском крестьянстве, первое проявление которого мы видели в Югославии.

4. Итак, советская власть преждевременно выложила на стол свои революционные и стратегические «козыри» и навредила себе этим. Вечная угроза войной неумна: она вызывает отпор и вооружение; она выдыхается и, наконец, заставляет выяснить реальность самой угрозы. Для разрешения последней задачи был пущен в ход весь англосаксонский аппарат, давший с востока согласные и единогласные сведения.

Советская власть в данное время к войне неспособна, и ее козыряющие угрозы несерьезны. Военная промышленность строится лихорадочно, но квалифицированные отделы ее не на высоте. Инженерно-технический кадр, истребленный при Ежове на 50 процентов и за тем жестоко пострадавший во время войны, не справляется со своей задачей. Для развертывания плана не хватает рабочих рук: уже теперь не хватает одного миллиона рабочих, в 1949 году будет нехватка в два миллиона, к 1952 году – в десять миллионов. Надежда увезти соответственное количество рабочих из малых государств Восточной Европы – слабая. Рабочие изведены длительным недоеданием, жилищными условиями, холодом и террором; их квалифицированный кадр продолжает редеть; новые рабочие из пролетаризованных крестьян работают на фабриках примитивно, с браком и авариями. Железнодорожный транспорт в расстройстве. Продовольствие – тоже; ожидается снова введение карточек. Восстановление разрушенных областей и сельского хозяйства до уровня 1940 года – неосуществимо ни в шесть, ни в восемь лет, названных Сталиным в 1946 году. Застращенные советчики обманывают центр и дают ложные сведения, преувеличивая «успехи». Жертвы войны исчисляются в 15 миллионов людей; страна обескровлена; она потеряла в войне своих лучших бойцов и множество «опытных» партийцев. При соприкосновении с Европой советские воинские части быстро разлагаются. Дезертиры оккупационной армии исчисляются, за последние пять-шесть месяцев, в 60000 человек (в том числе и офицеры, и генералы). В Политбюро разброд мнений и борьба «направлений».

Этим объясняется то обстоятельство, что членам только что созданного в Вашингтоне Конгресса (конец июля) было доверительно сообщено следующее: вся разведка показывает единогласно, что советская власть «блеффирует» в Берлине, что открытие военных действий Советами не подготовляется и что всякая военная тревога неуместна. Правительство Соединенных Штатов намерено в дальнейшем вооружаться и готовиться, посылать бомбовозы и войска в Европу, вести открытую радиополемику с Советами и энергично беседовать в переговорах. Но без крайней необходимости американцы войны не начнут.

О раздорах

С чувством величайшего удручения и стыда приходится слышать и читать о длящихся раздорах в эмиграции. Речь идет не о разномыслиях – они естественны и неизбежны, ибо перед нами мировая обстановка величайшей сложности и каждый русский человек пережил и перестрадал так много, что ему естественно возвышать свой голос и высказывать свое мнение, хотя бы и не во всем компетентное; здесь необходима взаимная терпимость. Речь идет и не о различных организациях, возникающих на поверхности эмигрантского быта; они тоже естественны, а может быть, даже и полезны. Речь идет о раздорах: об этой взаимной нетерпимости, о раздражении, о перенесении скопившегося в сердце негодования и, может быть, ненависти с общего врага друг на друга, о потребности «расправиться» с инакомыслящими, обличить его в чем-то, оскорбить, унизить намеком, а может быть, и не намеком, а потоком позорящих инсинуаций, обвинений и поношений.

Все это вредно русскому делу, ибо отвлекать наши чувства и помыслы от борьбы с главным, общим врагом, с врагом России.

Все это недостойно патриотической эмиграции.

Все это, наверное, разжигается вражеской агентурой, директивы которой нам хорошо известны. Поэтому нам следует установить по отношению к этим раздорам и раздорщикам единообразную линию поведения приблизительно такого направления:

1. В раздорах мы совсем и никак не участвуем. Экономия сил! Душевная гигиена! Служение делу!

2. К раздорщикам мы предъявляем повсюду одно и то же требование: «Прекратите свару! Возражайте по существу, спокойно и достойно! Остановите поношения! Русское дело требует чистых рук и достойного тона! Оно требует патриотической сосредоточенности, а не партийных страстей; политического такта, а не интриги; поднятого забрала, а не закулисной стряпни и не ругани; взаимного благожелательства, а не пачкотни. Нравы советской печати и советских сборищ позорны и для нас неприемлемы».

3. Кто не считается с этими требованиями политического приличия и превращает состязание о правде в раздор и клевету, тот должен быть корректно изолирован, до бойкота включительно, не считаясь ни с какими его «связями» или «угрозами». Ибо на него падает подозрение в преднамеренном разлагательстве и вредительстве.

4. Совсем не обязательно возражать всем, с кем я не согласен. Есть множество заблуждений и воззрений, которым надо предоставить изжить себя и свои ошибки, обнаружить свою пустоту – «лопнуть». За всеми ошибками не угонишься. Ныне появились партии, которые вообще не выносят ни возражений, ни критики: им все кажется «обидой»; они так боятся за свою «постройку» – «того гляди завалится-развалится», – что боятся даже полемического «сквозняка». Их не следует дразнить, считаясь с их самочувствием.

5. Нам не надо преувеличивать значение эмигрантских партийных организаций и программ. Много их было и много их еще будет. Судить их будет огонь времени и событий. Решать их судьбу будет живая стихия русской истории: дурное будет отметено, верное будет сохранено. Нам надо думать не о них.

6. Нам надо заботиться о своем верном, а не о чужом неверном. Нам надо думать о грядущей России и о нашем служении ей. Надо отыскивать единомышленников, их много, и крепить с ними единомыслие и единство воли. Надо смыкать ряды и строить свой кадр без лишнего шума. Надо помогать всякой правде и гасить раздоры.

О государственной форме

Этот сложный и очень ответственный вопрос надо ставить с осторожностью и с полной непредвзятостью мысли.

Прежде всего: государственная форма есть не «отвлеченное понятие» и не «политическая схема», безразличные к жизни народов, а строй жизни и живая организация народа. Необходимо, чтобы народ, понимал свой жизненный строй, чтобы он умел – именно «так» – организовываться, чтобы он уважал законы этого строя и вкладывал свою волю в эту организацию. Иными словами: именно живое правосознание народа дает государственной форме осуществление, жизнь и силу; так что государственная форма зависит прежде всего от уровня народного правосознания, от исторического нажитого народом политического опыта, от силы его воли и от его национального характера.

Нелепо сажать за шахматы человека, не понимающего игры и ее правил, не умеющего задумать план партии, не желающего вложить в игру свою мысль и свою волю.

Спортивная дружина, не сыгравшаяся в футболе, провалит состязание.

Суворов готовил каждое сражение, разъясняя солдатам ход и смысл предстоящей операции; и именно благодаря этому он выигрывал бой за боем.

Так и в политической жизни: она делается живыми людьми, их патриотической любовью, их государственным пониманием, их характером, их чувством долга, их организационными навыками, их уважением к закону. Все это надо воспитать. Нелепо вводить в стране государственную форму, не считаясь с уровнем и с навыками народного правосознания.

Далее, государственная форма должна считаться с территориальными размерами страны и с численностью ее населения. В республике Сан-Марино (59 кв. километров, 9000 жителей!) исполнительная власть доселе принадлежит двум «капитанам», избираемым «Большим

Советом» (парламентом) на 6 месяцев, причем один из них обыкновенно выбирается из пришлых иностранцев… Некоторые, совсем маленькие кантоны Швейцарии доселе собирают раз в год свое «однодневное вече» – на площади, и в случае дождя, – под зонтами… Уже в большинстве остальных кантонов Швейцарии – это невозможно.

Далее, государственная форма должна считаться с климатом и с природою страны. Суровый климат затрудняет всю организацию народа, все сношения, все управление. Природа влияет на характер людей, на продовольствие страны, на ее промышленность; она определяет ее географические и стратегические границы, ее оборону, характер и обилие ее войн. Все это должно быть учтено в государственной форме.

Многонациональный состав населения предъявляет к государственной форме свои требования. Он может стать фактором распада и привести к гибельным гражданским войнам. Но эта опасность может быть и преодолена: природой страны и горным свободолюбием солидаризирующихся народов (Швейцария); или же долгим и свободным эмигрантским отбором, заокеанским положением страны и торгово-промышленным характером государства (Соединенные Штаты); или же – наконец – религиозно-культурным преобладанием и успешным политическим водительством численно сильнейшего племени, если оно отличается настоящей уживчивостью и добротой (Россия).

Выводы:

Каждый народ и каждая страна есть живая индивидуальность со своими особыми данными, со своей неповторимой историей, душой и природой.

Каждому народу причитается поэтому своя, особая, индивидуальная государственная форма и конституция, соответствующая ему» и только ему. Нет одинаковых народов и не должно быть, одинаковых форм и конституций. Слепое заимствование и подражание нелепо, опасно и может стать гибельным.

Растения требуют индивидуального ухода. Животные в зоологическом саду имеют – по их роду и виду – индивидуальные режимы. Даже людям шьют платье по мерке… Откуда же эта нелепая идея, будто государственное устройство можно переносить механическим заимствованием из страны в страну? Откуда это наивное представление, что своеобразнейшая английская государственность, выношенная веками в своеобразной стране (смешение кровей! остров! море! климат! история!), своеобразнейшим народом (характер! темперамент! правосознание! культура!), может воспроизводиться любым народом с любым правосознанием и характером, в любой стране любого размера и с любым климатом?! Можно поистине подумать, что образованные политики совсем не читали – ни Аристотеля, ни Макиавелли, ни Монтескье, ни Бокля…

Какое же политическое верхоглядство нужно для того, чтобы навязывать всем народам государственную форму монархии, даже и тем, у которых нет и тени монархического правосознания (напр., Соединенным Штатам, Швейцарии или бунтовщической Мексике, где император Максимилиан был убит восставшими республиканцами через три года по воцарении в 1867 г.)?! Однако не столь же безответственно – загонять в республиканскую форму жизнь народа, выносившего в долгие века монархическое правосознание (напр., Англию, Германию, Испанию, Сербию и Россию)?!… Какое политическое доктринерство нужно было для того, чтобы в 1917 году сочинять в России некую сверхдемократическую, сверхреспубликанскую, сверхфедеративную конституцию и повергать с ее наиндивидуальнейшей историей, душой и природой в хаос бессмысленного и бестолкового распада, который только и мог закончиться тиранией бессовестных интернационалистов! Сколь прав был один из составителей избирательного закона в Учредительное собрание, говорившей через три года (1920) с горем и ужасом: «О чем мы тогда думали? Что мы делали? Ведь это был просто психоз! Мы стремились превзойти в демократичности все известные конституции – и погубили все!»… К сожалению, этому умному, честному и мужественному патриоту, погибшему вскоре после того в советской тюрьме, нисколько не подражают эмигрантские политики…

Ныне почти все эмигрантские партии, следуя по-прежнему собственному политическому доктринерству и нашептам своих интернациональных «покровителей», снова требуют для

России демократической, федеративной республики. Они знают, что вышло из «однодневного» Учредительного собрания в 1917 году; они знают, что с тех пор русских людей обобрали до нищеты, стараясь превратить их в рабов; они знают, что их в течение тридцати лет лишали всякой верной осведомленности во внутренних и внешних делах и превращали в политических слепцов; они знают, что русских людей систематически отучали от всякого самостоятельного знания, суждения и понимания, от независимого труда и от личной ответственности; что их тридцать лет унижали, разрушали их веру и все духовные и нравственные основы жизни, приучая их к голодной продажности и гнусному взаимодоносительству… Они знают все это и считают это подходящим условием для немедленного введения демократической республики…

Чего же можно ждать от осуществления этих программ, кроме новых всенародных бедствий?

Пройдут годы национального опамятования, оседания, успокоения, уразумения, осведомления, восстановления элементарного правосознания, возврата к частной собственности, к началам чести и честности, к личной ответственности и лояльности, к чувству собственного достоинства, к неподкупности и самостоятельной мысли, – прежде чем русский народ будет в состоянии произвести осмысленные и непогибельные политические выборы. А до тех пор его может повести только национальная, патриотическая, отнюдь не тоталитарная, но авторитарная – воспитывающая и возрождающая – диктатура.

Академическое несчастье молодых поколений

Россию погубила полунаука. Она погубила ее скрытым в ней соблазном и ядом.

Наука есть великая сила: она учит человека самостоятельному мышлению, предметному опыту и твердому знанию своих пределов; она приучает человека к ответственной осторожности и скромности в суждении. Именно в этом состоит научная культура. А между тем, советское преподавание систематически лишало всего этого новые поколения России; и нам приходится с этим считаться как с несчастьем русской культуры.

Советские «вузы» (высшие учебные заведения) подавляли и доныне подавляют самостоятельное мышление, приковывая мысль молодежи к мертвым глупостям «диамата» (диалектического материализма). Настоящая академия говорит человеку: «смотри сам и думай сам!» И этим она воспитывает его к свободе, а не к умственному рабству.

Настоящая академия учит предметному опыту, свободному наблюдению, непосредственному и непредвзятому созерцанию человека и природы. Советское же преподавание приковывает мысль к готовым трафаретам, к плоским и устарелым схемам, выдуманным в Европе сто лет тому назад.

Настоящая академия учит человека знать пределы своего знания, ответственно судить, требовать от себя осторожности, «семь раз примеривать», прежде чем отрезать. Она учит человека созерцать величие и мудрость мироздания и скромно умолкать перед ним, как это делали все великие ученые от Аристотеля до Галилея и от Коперника и Ньютона до Ломоносова и Менделеева. Видеть огромную сложность социальных явлений – понимать свою некомпетентность и медленно-терпеливо растить свое исследовательское умение. Советское же преподавание учит развязному всезнайству (по Марксу), безответственному пустословию по коммунистическим учебникам, притязательному разглагольствованию и горделивому безбожию. Советская полунаука убивает вкус к науке и волю к свободному исследованию.

Чтобы воспитывать свободного человека, академия сама должна быть свободна, а не подавлена и не застращена. Настоящая академия не пресмыкается и не льстит. А когда читаешь «Вестник Академии наук СССР», то стыдишься этого холопского, вкрадчиво-льстивого и лживого тона, извращающего всякую правду и попирающего всякое чувство ранга. Академия призвана посильно учить истине, а не выслуживаться перед тиранами лживым славословием.

То, что в Советии преподается, есть полунаука. И авторитеты этой полунауки никогда не были ни исследователями, ни учеными. Ибо самоуверенный начетчик («много читал, много помнит») – не есть ученый: он просто «справочник», да еще часто и бестолковый публицист, бойко рассуждающий по чужим мыслям (вроде Ленина), не умеет самостоятельно думать: он машинист выводов, он последователь и подражатель, он «эпигон», он Бобчинский, «бегущий

петушком за дрожками городничего» (Маркса); человек, сводящий все глубокое к мелкому, все утонченное к грубому, все сложное к простому, все духовное к материальному, все чистое к грязному и все святое к низкому, есть слепец и опустошитель культуры. Человек, воображающий, будто он все знает и все понимает и может всех учить и наставлять, не знает на самом деле ничего и даже не подозревает об этом своем незнании, что и передается словом «наивность».

Развязное невежество большевистских «вождей» обнаружилось с самого начала революций… Еще в 1921 году Ленин восклицал: «Мы люди вроде того, как бы полудикие», но с «невежественным самомнением» и «коммунистическим чванством». «Невежественные вы люди!» – вопил Рязанов на XIV съезде. «До Октябрьской революции, – писал Красин о большевистских вождях, – никто из них не был известен ни как выдающийся писатель, ни как экономист или ученый, или что-либо другое в умственном и художественном мире»; «болтунами они были и болтунами остались». Таких подлинных самохарактеристик можно было бы привести великое множество. Они сами знали о себе и именно поэтому не прощали настоящим русским ученым их образованности, разрушали русское университетское преподавание и снижали его уровень.

Советские вожди умели думать только от Маркса и Энгельса и тем обнаруживали свою полуобразованность и неумение мыслить самостоятельно. И вот они уже тридцать лет насаждают в России дедуктивное мышление.

Дедукция делает выводы из готовой мысли. Советское преподавание говорит: «Вот, что сказал Маркс, вот как истолковывали его мысль Ленин и Сталин, делайте из этого выводы, они обязательны, они обеспечивают пролетарскую истину!» Этим оно навязывает целым поколениям России чужую мысль, ложную, грубую, плоскую мысль немца, умершего 65 лет тому назад и остававшегося до конца невеждою в отношении к России. Какие же выводы можно извлечь из этого мертвого источника?

Дедукция воспитывает мысль – несамостоятельную, ленивую, неспособную к живому наблюдению, но самомнительную, вызывающую, зазнающуюся и навязчивую. Вот эта-то мысль и восприняла в 1917 году приказ – закончить первую мировую войну предательством фронта, «отменить» национальную Россию и ввести монополию работодательства («социализм» – «коммунизм»); и эта же мысль восприняла в 1939 году приказ – заключить союз с Гитлером, развязать вторую мировую войну и два года снабжать немцев русским сырьем во славу «диалектического материализма». Неужели есть еще русские люди, которые доселе не поняли противорусскую и антинациональную природу этой стряпни?

Этой «марксистской» дедукции противостояли живые факты русской истории. Но советские авторитеты говорили: «тем хуже для этих неподходящих фактов!» И вот непокорные статистические цифры подтасовывались; непокорные явления замалчивались, непокорные люди ссылались или расстреливались; непокорные социальные классы подавлялись или искоренялись. Россия тридцать лет превращается в страну страха и смерти. И все это – дело марксистской полунауки.

Настоящая наука начинается с индукции, т. е. с непредвзятого свободного наблюдения явлений, природы и людей. От такого наблюдения, подкрепленного экспериментом, свободно организуемым опытом, мысль осторожно восходит к обобщению и пытается выговорить законы материальной и душевно-духовной природы. Здесь надо мыслить свободно и самостоятельно, учиться на ходу предметному опыту и твердо знать, где кончается твое знание и где изнемогает сила твоего суждения.

Настоящая наука углубляется интуицией, т. е. живым созерцанием, которое, во-первых, вчувствуется в глубину единичного явления и, во-вторых, пытается верно вообразить и восстановить целое, распавшееся во время исследования на детали. Интуиция должна насыщать собою индукцию: тогда возникает настоящее исследование. Без интуиции индукция начинает смотреть поверху и упускает главное-тайну индивидуальной жизни; она впадает в мертвое детализирование, распыляет все, охотно и легкомысленно уравнивает неравное, не видит «леса из-за деревьев», т. е. мира и Бога из-за мировой пыли.

Нельзя строить жизнь народа и государства, убивая дух свободного исследования. Он необходим всем и всюду: земледельцу на пашне, скотоводу и лесничему, офицеру перед боем, солдату в разведке, почвоведу и геологу, инженеру и судье, врачу и воспитателю, купцу и промышленнику, народному учителю и портному… Ибо здоровая жизнь состоит в том, что человек творчески ориентируется в данной ему обстановке (исследование!) и ищет наилучшего исхода, самого достойного, целесообразного и, может быть, даже спасительного (исследование!).

Несчастье молодых русских поколений состоит в том, что им систематически навязывали несамостоятельность и покорность ума, приучая их в то же время самоуверенно двигаться в этой навязанной им чужой мысли. Это не наука. Их не учили науке. Ее скрывали от них. И тех из нас, русских ученых и профессоров, которые пытались показать и преподать им ее, удаляли из университетов, ^ссылали или расстреливали. Так они росли, не зная ни свободы, ни академии, годами привыкая к тоталитарной каторге ума. Коммунисты сделали все, чтобы привить им рабским воспитанием рабскую мысль, чтобы приготовить из них не свободных русских граждан, не национальную интеллигенцию, не ответственных исследователей России, а полуинтеллигентных и покорных прислужников интернациональной революции.

Аристотель когда-то писал: «Раб от природы тот, кто настолько лишь причастен уму, чтобы понимать чужие мысли, но не настолько, чтобы иметь свои собственные»… Это самое разумел Достоевский, когда через 2200 лет писал: «Полунаука – самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны… Полунаука – это деспот, каких еще не приходило до сих пор никогда, деспот, имеющий своих жрецов и рабов»… Так вот, этот бич и деспот правит ныне нашей Россией, и мы должны понять это и оценить по достоинству…

Мы не сомневаемся в том, что лучшие силы новых русских поколений сумели не поддаться этому гипнозу и этому рабству, но сохранили русское сердце и русскую национальную тягу к самостоятельности и свободе. Мы не сомневаемся в том, что и те, которые поддались этому гипнозу, очнутся, стряхнут его с себя и захотят настоящего знания и настоящего интуитивно-индуктивного мышления. Но для этого они должны прежде всего понять и продумать до конца, что с ними делали коммунисты, куда они вели и на что обрекали. Тогда они захотят мужественно пересмотреть все свои умственные и духовные навыки – и научиться духу свободного мышления и исследования.

Как русские люди превращаются в советских патриотов?

Пути этого превращения различны и многообразны, и не все дороги жизни заслуживают особого описания. Трагедия голода, безработицы и отчаяния; трагикомедия паники, безволия и безличности; комедия глупости, хитрости и невежества – понятны. Их не надо разъяснять.

Но есть и сущие превращения.

Есть искренние превращения: человек тоскует по родине, а родина для него не дух, не честь, не культура, не самостоятельное и свободное цветение народной души и даже не ранг народа в мировой истории. Родина для него – это стихия национального языка (хочу говорить по-русски!); ширь ландшафта (мне здесь тесно и душно, хочу наших равнин и лесов!); острота климата (морозы, снега, весенний ветер, грозы, ливни, бури!) и аромат быта (выветрившийся в советчине!).

От многолетней усталости, близорукости и поверхностного жизневосприятия – он перестает воспринимать порочное, позорное и противорусское качество советчины.

Пропаганда подталкивает его, колеблющегося, – и он готов «сопричислиться». Таких не мало. Может быть, они и уцелеют, по своей незаметности, где-нибудь в уголочке…

Но есть и неискренние превращения. Человек отлично понимает и порочность, и позорность, и антинациональность советчины; понимает, но не чувствует ее; и потому все это не мешает ему «сопричисляться». У него холодное сердце и мертвая совесть: в нем нет русского патриотизма (были раньше зачатки, да эмигрантский сквозняк продул и выдул!), нет любви к своему народу (отвык, да и сердца у него не было!), нет живого отвращения к той системе пошлости, лжи, насилия и раболепства, которая вот уже 30 лет уродует добрую и благородную душу нашего народа. Он холодно наблюдает, рассчитывает, любопытствует, «прикидывает»; советуется с международной «закулисой» и, подбодренный ею, решает. Ведь

умные люди вообще верят в «правоту» сильного и в умение держать нос по «ветру»; а смысл великого урагана истории и скрытый в нем приговор злодейству – им недоступен. И вот он готовит себе необходимые «связи», «договаривается», «называется груздем» и «лезет в кузов». Это не значит, что он немедленно «возвращается». Да и пустят ли его?… Нет, он нередко остается в эмиграции, начинает советскую пропаганду, лжет иностранцам по советской указке, лжет и по-русски, нарочно смешивает Россию с Советским Союзом, путает все понятия, выдает зло за добро и добро за зло, отправляет других на погибель и становится слугою дьявола. Такова была предательская роль Бердяева, который, впрочем, совсем не был одинок. Другие «едут». Иногда высланные европейским государством, в котором они долго имели убежище и которое они потом отблагодарили предательской агентурой; но иногда и вполне добровольно. Ибо и дьявол может иметь своих «добровольцев»…

Таким советская власть не верит, таких она не ценит; и в этом она права. Они будут использованы, а затем уничтожены, как подозрительные перебежчики: им «пришьют» «шпионаж в пользу Эквадора или Новой Зеландии»… и присудят к «высшей мере»!…

Итак, люди «превращаются» от духовной слепоты: или наивно-беспомощной, или порочно-сознательной. Наивная беспомощность иногда выражается в своеобразном «дальтонизме»: человек вдруг (или постепенно!) слепнет для одного «цвета», для определенного сектора жизни. Один уверовал, что успех Красной Армии составляет честь и славу России и уже начинает «забирать» Дарданеллы, Балканы, Персию и аннексировать Китай (военный империализм Красной Армии)… Другой уверовал, что сан Всероссийского Патриарха делает человека «мудрым», «гениальным», «святым», «священномучеником»… И вот он уже шепчется с чекистами в рясах, прислуживает в храме перебежавшему Епископу и мечтает подмять под советскую церковь все восточные патриаршества (клерикальный империализм советской церкви)… Третий преклонился перед – «заводами-гигантами» и восторгается лозунгом «догнать и перегнать Америку». И вот он уже горюет о том, что советофил Капица все еще не подарил Советам атомную бомбу и уже переписывается таинственно с каким-то советским жильцом поруганного Московского Кремля…

И все они, по слепоте и глупости, променяв Россию на Советский Союз, мнят себя «патриотами».

Этим всем одна судьба: «коготок увяз – всей птичке пропасть»: такова «власть тьмы». Духовной зоркости не хватило – ослепнет совсем. Ступил в болото – и не вылезет. Проглотил маленького «чертенка» – проглотит и всего «дьявола»; и тогда «дьявол» проглотит его самого…

Во всех этих превращениях – искренних и неискренних – дело не просто в недостатке осведомленности или в интуитивной зоркости. Дело в скудости духа: в недуховности «патриотизма», в бездуховном политиканстве, в духовно мертвом восприятии армии, в духовнослепой религиозности, в духовно-индифферентном трактовании национального хозяйства.

Ибо без духовного измерения вещей, явлений и человеческих дел – без измерения глубины, без «Божьего луча», без совести и чести – все становится мелким, плоским, пошлым и соблазнительным. А в нашу эпоху величайшего, обостренного и обнаженного соблазна всякая духовная скудость и слепота (в политике, в хозяйстве, в церкви и в армии, в искусстве и в науке!) ведет к приятию безбожия, к содействию мировой революции и к предательству России.

Без карьеры

Современные поколения русских людей лишены жизненной карьеры. Это есть исторический факт. Мы должны установить его и примириться с ним. Только после этого начнется для каждого из нас настоящая жизнь и борьба.

Нормальная жизненная карьера есть служение своему родному народу, которое превращается в восходящий путь личного значения. В молодости человек находит себе «занятие» как точку для приложения личных сил. Он работает – его начинают ценить. Он вкладывается в свой труд, накапливает умение, богатеет опытом, выдвигает идеи, проекты и изобретения; заслуги его растут, и путь ведет его вверх. И при всем том он имеет счастливое

сознание, что он живет со своим народом, участвует в его органическом развитии, служит своей родине и пользуется именно в ней заслуженным признанием и уважением.

Всего этого мы лишены.

Не только мы – эмигранты; но и наши братья под Советами.

Мы оторваны от России пространством, бытовым языком, невозможностью вложиться непосредственно в ее жизнь и в строительство родины; и главное тем, что она подменена тоталитарным, антинациональным Советским Союзом.

Они – наши подъяремные братья – не оторваны от России пространством и бытовым языком – ни, как и мы, они не имеют возможности строить ее «честно и грозно» (по выражению русских летописей), а подмену России антинациональным Советским Союзом они должны испытывать острее нас и притом на каждом шагу. В школах – безбожная пошлость и антинациональная ложь; в газетах – славословие международному коммунизму и его вожакам и бессовестное лгание; в храмах – то запустение, то советская политика; в учреждениях и на фабриках – тоталитарный надзор, вооружающий коммунистов и замуровывающий в склеп Россию; и всюду – террор, доносы, пресмыкательство и погубление невинных и лучших. Кто делает жизненную карьеру в Советии, тот делает ее на костях русского народа бесчестно и бессовестно (наподобие поляка Вышинского).

По сравнению с этим жизнь эмигранта кажется «свободной» и «легкой». Но эта свобода – мнимая, и эта легкость есть иллюзия. Мы живем чужие среди чужих народов. Эти народы не знают России, не уважают ее и не любят ее. Они привыкли бояться ее размеров и ее мощи и от страха и зависти – то и дело думают о ней неподобное и произносят о ней печатно всякую глупость и гадость. Когда мы свидетельствуем правду о России, они нам не верят и начинают относиться к нам подозрительно. Чтобы делать у них карьеру, надо заслужить их доверие; для этого надо говорить о России ту вздорную неправду, которая им привычна и выгодна. Мало того: надо примкнуть к тем разветвленным организациям, которые руководят у них общественным мнением, направляя его в противорусскую сторону, надо подтверждать их ложь о России, двусмысленно помалкивать и лукаво поддакивать, угождать исконным противникам национальной России и православия и испрашивать у них директивы для угодливого приспособления. Чтобы делать карьеру за границей, русскому эмигранту необходима бессовестная «гибкость» и пролазливая двусмысленность. Вот почему крупнейшие русские ученые голодают или преподают на задворках маленьких стран; даровитые русские военные бедствуют или кормятся черной работой; славные русские врачи не имеют права практики; честные русские инженеры нанимаются в африканские колонии; русские писатели и мыслители еле печатаются или же пишут под спуд; идейные русские священники бедствуют среди своих нищенских приходов; честные русские юристы ездят шоферами или торгуют папиросами; русская интеллигенция работает в угольных шахтах… И все эти русские люди правы, предпочитая фальшивой и предательской карьере за границей – эмигрантскую каторгу. Ибо чужие народы ищут угодливых и покорных, а угождать им значит изменять национальной России.

Современные русские люди лишены жизненной карьеры в качестве русских людей: им надо сначала «сменить свою кожу»… И мы должны с этим считаться, не примиряясь и не подчиняясь: лучше прожить жизнь без карьеры, без успеха, без признания, в скудости и бесправии, чем смотреть из чужих рук, кривить душой во вред России и растрачивать свое национальное достоинство по международным передним. Мы должны принять спокойно и мужественно это кажущееся ничтожество и пребыть в верности родине. Ибо не в карьере дело, а в качестве жизненного пути. Важно не «казаться» и не «считаться»; важно быть – быть русским, любить Россию, бороться за нее честно и грозно и стоять до конца за торжество Дела Божьего на земле. Россия всюду, где бьется верное ее сердце. И человек, блюдущий достоинство России как свое собственное и свое достоинство как русское, – вкладывается тем самым в ее историю как драгоценная русская сила, несет ее в себе, служит ей и совершает жизненный путь, который называется не карьерой, а подвигом верности.

Россия всегда строилась своими верными стоятелями, своими непоклонными головами, прямившими Родине и Царю, презиравшими интригу и не уступавшими врагу ни пяди. В этом – наше призвание, наша судьба и наше служение. И никакие соблазны не соблазнят нас до конца.

Протокол допроса

В прежние времена считалось, что признание обвиняемого в совершении преступления есть окончательное и неопровержимое подтверждение его виновности («королева доказательств»). Наивная и грубая психология судей и законодателей не считалась с возможностью того, что заподозренный может иметь интерес заведомо ложно оговорить самого себя. Поэтому добивались «признания» – во что бы то ни стало, любыми средствами, пытками, душевными и телесными мучениями. Этим создавали в душе подозреваемого прямой и острый интерес: скорее оговорить себя – признаться во всем, что угодно, только бы прекратились мучения, и, добившись признания, торжествовали и карали.

В 1498 году в Кельне появилась книга «Молот Ведьм», написанная двумя католическими инквизиторами, Институром и Шпренгером, в которой на основании Ветхого Завета и папских булл доказывалось существование ведьм и правомерность их истребления; а затем устанавливался порядок тех нечеловеческих пыток, которым женщина должна быть подвергнута для вынуждения у нее желанного признания. Папы Иннокентий VIII, Юлий II и Адриан VI всеми силами поощряли эти преследования и процессы. По всей Европе шли доносы и сыск; всюду происходили пытки и казни; имущество казнимых поступало в пользу судей. Жертвы гибли в лютых муках десятками и сотнями тысяч (в Италии, Испании, Франции, Швейцарии, Германии, Швеции, Англии и т. д.). Это европейское варварство продолжалось и после Реформации, в шестнадцатом, семнадцатом и даже в восемнадцатом веках.

Ныне советская инквизиция двадцатого века пытает и казнит в том же порядке, хотя и во славу другой, противорелигиозной доктрины. Она тоже добивается «признания» (даже говорит кощунственно о «чистосердечном признании») и систематически прибегает к пытке (угрозы, побои, пытка стоянием, пытка темнотой, голодом, бессонницей, инсценированием мнимого расстрела, пытка собаками, в «тисках», на «красном стуле», «конусом» и другими способами, специально изобретенными советской «академией наук»).

Однако люди из НКВД нисколько не верят в доказательную силу этого «признания». Они не нуждаются в «доказательствах» и сами издеваются над ними, бесстыдно «пришивая» своим жертвам такие неправдоподобные, ни с чем несообразные, вызывающе-бессмысленные обвинения, нелепость которых они сами отлично понимают. Для них признание подсудимого есть предписанная формальность.

Виновность арестованного ясна для них с самого начала и состоит в том, что он «неудобен» партии, политической полиции или какому-нибудь отдельному партийцу. Так мы знаем замученных и убитых – за «скрытое несочувствие», за классовую «чуждость», за религиозность, за настоящую интеллигентность дореволюционного уровня, за выдающуюся честность (мешал другим красть), за «стояние на дороге» выдвиженцу-доносчику, за чрезмерную осведомленность, за мужественные слова, за простое чувство собственного достоинства, за обладание желанной одеждой, квартирой или библиотекой, за недостаток льстивости по адресу вождей или просто за то, что он знающий и талантливый инженер, которым Гулаг желает «торговать», как рабом, чтобы потом его уничтожить, и т. д. Обвинение никогда не соответствует ни объективной правде, ни делам обвиняемого, ни его показаниям на допросе. Обвинение почти всегда вздорно, ложно и бесстыдно.

Поэтому мы должны принципиально установить, что показание на допросе только тогда имеет вес, когда оно дано совершенно свободно и добровольно: без угроз, без нажимов и пыток (психических, моральных или физических); что протокол допроса только тогда имеет правовое значение, когда он точно отражает свободные показания и совершенно свободно подписан допрашиваемым. Во всех остальных случаях все это лишено всякого веса и значения и свидетельствует только о порочности и низости допрашивающего и протоколирующего. Та запись, которую палач и лжец навязал невинному, запуганному или замученному человеку для подписи, порочит не жертву, а палача.

Мы должны заранее предупредить будущих законных правителей России и будущих историков русской революции, что все эти протоколы советской полиции, – что бы в них ни стояло и кто бы под чем бы ни подписался в них, – суть документы не права и не правды, а живые памятники мучительства и мученичества. Кто бы в них ни «признавался чистосердечно», – в измене, в предательстве, в шпионаже в пользу другой державы, в хищениях, в растратах или в каком ином «бесчестии», – эти протоколы не бросают ни малейшей тени на подписавшего, но зато вскрывают наглядно порочность советского строя, коммунистической партии, ее вождей, советской полиции и советского суда. По этим документам будущие историки России и социалистического движения будут изучать безумие революции, низость революционеров, сущность левототалитарного режима и мученичество русского народа. Беспристрастно и доказательно вскроют они эту систему, этот план перебить лучших русских людей, обескровить и дисквалифицировать русский народ и приготовить на его крови и на его костях порабощение для всех остальных народов.

Против России

Где бы мы, русские национальные эмигранты, ни находились в нашем рассеянии, мы должны помнить, что другие народы нас не знают и не понимают, что они боятся России, не сочувствуют ей и готовы радоваться всякому ее ослаблению. Только одна маленькая Сербия инстинктивно сочувствовала России, однако без знания и без понимания ее; и только Соединенные Штаты инстинктивно склонны предпочесть единую национальную Россию как неопасного им антипода и крупного, лояльного и платежеспособного покупателя.

В остальных странах и среди остальных народов – мы одиноки, непонятны и «непопулярны». Это не новое явление. Оно имеет свою историю. М.В.Ломоносов и А.С.Пушкин первые поняли своеобразие России, ее особенность от Европы, ее «не-европейскость». Ф.М.Достоевский и Н.Я.Данилевский первые поняли, что Европа нас не знает, не понимает и не любит. С тех пор прошли долгие годы и мы должны были испытать на себе и подтвердить, что все эти великие русские люди были прозорливы и правы.

Западная Европа нас не знает, во-первых, потому, что ей чужд русский язык. В девятом веке славяне жили в самом центре Европы: от Киля до Магдебурга и Галле, за Эльбой, в «Богемском лесу», в Каринтии, Кроации и на Балканах. Германцы систематически завоевывали их, вырезали их верхние сословия и, «обезглавив» их таким образом, подвергали их денационализации. Европа сама вытеснила славянство на восток и на юг. А на юге их покорило, но не денационализировало турецкое иго. Вот как случилось, что русский язык стал чужд и «труден» западным европейцам. А без языка народ народу нем («немец»).

Западная Европа не знает нас, во-вторых, потому, что ей чужда русская (православная) религиозность. Европой искони владел Рим, – сначала языческий, потом католический, воспринявший основные традиции первого. Но в русской истории была воспринята не римская, а греческая традиция. «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер» (Пушкин). Рим никогда не отвечал нашему духу и нашему характеру. Его самоуверенная, властная и жестокая воля всегда отталкивала русскую совесть и русское сердце. А греческое вероисповедание мы, не искажая, восприняли настолько своеобразно, что о его «греческости» можно говорить лишь в условном, историческом смысле.

Европа не знает нас, в третьих, потому, что ей чуждо славянорусское созерцание мира, природы и человека. Западноевропейское человечество движется волею и рассудком. Русский человек живет прежде всего сердцем и воображением и лишь потом волею и умом. Поэтому средний европеец стыдится искренности, совести и доброты как «глупости»; русский человек, наоборот, ждет от человека прежде всего доброты, совести и искренности. Европейское правосознание формально, черство и уравнительно; русское – бесформенно, добродушно и справедливо. Европеец, воспитанный Римом, презирает про себя другие народы (и европейские тоже) и желает властвовать над ними; за то требует внутри государства формальной «свободы» и формальной «демократии». Русский человек всегда наслаждался естественной свободой своего пространства, вольностью безгосударственного быта и расселения и нестесненностью, своей внутренней индивидуализации; он всегда «удивлялся» другим народам, добродушно с ними уживался и ненавидел только вторгающихся поработителей; он ценил свободу духа выше

формальной правовой свободы, и если бы другие народы и народцы его не тревожили, не мешали ему жить, то он не брался бы за оружие и не добивался бы власти над ними.

Из всего этого выросло глубокое различие между западной и восточнорусской культурой. У нас вся культура – иная, своя, и притом потому, что у нас иной, особый духовный уклад. У нас совсем иные храмы, иное богослужение, иная доброта, иная храбрость, иной семейный уклад; у нас совсем другая литература, другая музыка, театр, живопись, танец; не такая наука, не такая медицина, не такой суд, не такое отношение к преступлению, не такое чувство ранга, не такое отношение к нашим героям, гениям и царям. И притом наша душа открыта для западной культуры: мы ее видим, изучаем, знаем и если есть чему, то учимся у нее; мы овладеваем их языками и ценим искусство их лучших художников; у нас есть дар вчувствования и перевоплощения.

У европейцев этого дара нет. Они понимают только то, что на них похоже, но и то искажая все на свой лад. Для них русское инородно, беспокойно, чуждо, странно, непривлекательно. Их мертвое сердце – мертво и для нас. Они горделиво смотрят на нас сверху вниз и считают нашу культуру или ничтожною, или каким-то большим и загадочным «недоразумением»…

И за тридцать лет революции в этом ничего не изменилось. Так, в середине августа 1948 года происходил съезд так называемого «церковно-экуменического» движения в Швейцарии, на котором были выбраны 12 виднейших швейцарских богословов и пасторов (реформаторской церкви) на такой же «всемирный» съезд в Амстердаме. И что же? На съезде господствовало «братское» сочувствие к марксизму, к советской церкви и советчине и мертвое холодно-пренебрежительное отношение к национальной России, к ее Церкви и культуре. Вопрос о русской культуре, о ее духовности и религиозной самобытности совсем и не ставился: она приравнивалась к нулю. Марксизм есть для них «свое», европейское, приемлемое; и советский коммунист для них ближе и понятнее, чем Серафим Саровский, Суворов, Петр Великий, Пушкин, Чайковский и Менделеев.

То же самое происходило потом и на «всемирном» съезде в Амстердаме, где подготовлялось чудовищное месиво из христианства и коммунизма.

Итак, Западная Европа не знает России. Но неизвестное всегда страшновато. А Россия по численности своего населения, по территории и по своим естественным богатствам огромна. Огромное неизвестное переживается всегда, как сущая опасность. Особенно после того, как Россия в 18 и 19 веках показала Европе доблесть своего солдата и гениальность своих исторических полководцев. С Петра Великого Европа опасалась России; с Салтыкова (Кунерсдорф), Суворова и Александра Первого – Европа боится России. «Что, если этот нависающий с востока массив двинется на запад?» Две последние мировые войны закрепили этот страх. Мировая политика коммунистической революции превратила его в неутихающую тревогу.

Но страх унижает человека; поэтому он прикрывает его презрением и ненавистью. Незнание, пропитанное страхом, презрением и ненавистью, фантазирует, злопыхательствует и выдумывает. Правда, мы видели пленных немцев и австрийцев, вернувшихся в Европу из русских лагерей и мечтавших о России и русском народе. Но европейское большинство и особенно его демократические министры кормятся незнанием, боятся России и постоянно мечтают о ее ослаблении.

Вот уже полтораста лет Западная Европа боится России. Никакое служение России общеевропейскому делу (семилетняя война, борьба с Наполеоном, спасение Пруссии в 1805-1815 годах, спасение Австрии в 1849 году, спасение Франции в 1875 году, миролюбие Александра III, Гаагские конференции, жертвенная борьба с Германией 1914-1917 гг.) не весит перед лицом этого страха; никакое благородство и бескорыстие русских Государей не рассеивало этого европейского злопыхательства. И когда Европа увидела, что Россия стала жертвою большевистской революции то она решила, что это есть торжество европейской цивилизации, что новая «демократия» расчленит и ослабит Россию, что можно перестать бояться ее и что советский коммунизм означает «прогресс» и «успокоение» для Европы. Какая слепота! Какое заблуждение!

Вот откуда это основное отношение Европы к России: Россия – это загадочная, полуварварская «пустота»; ее надо «евангелизировать» или обратить в католичество, «колонизировать» (буквально) и цивилизировать; в случае нужды ее можно и должно использовать для своей торговли и для своих западноевропейских целей и интриг; а впрочем, ее необходимо всячески ослаблять. Как?

Вовлечением ее в невыгодный момент в разорительные для нее войны; недопущение ее к свободным морям; если возможно – то расчленение ее на мелкие государства; если возможно – то сокращением ее народонаселения (например, через поддержание большевизма с его террором – политика германцев 1917 – 1938 гг.); если возможно то насаждением в ней революций и гражданских войн (по образцу Китая); а затем – внедрением в Россию международной «закулисы», упорным навязыванием русскому народу непосильных для него западноевропейских форм республики, демократии и федерализма, политической и дипломатической изоляцией ее, неустанным обличением ее мнимого «империализма», ее мнимой «реакционности», ее «некультурности» и «агрессивности».

Все это мы должны понять, удостовериться в этом и никогда не забывать этого. Не для того чтобы отвечать на вражду – ненавистью, но для того, чтобы верно предвидеть события и не поддаваться столь свойственным русской душе сентиментальным иллюзиям.

Нам нужны трезвость и зоркость.

В мире есть народы, государства, правительства, церковные центры, закулисные организации и отдельные люди – враждебные России, особенно православной России, тем более императорской и нерасчлененной России. Подобно тому, как есть «англофобы», «германофобы», «японофобы» – так мир изобилует «русофобами», врагами национальной России, обещающими себе от ее крушения, унижения и ослабления всяческий успех. Это надо продумать и прочувствовать до конца.

Поэтому, с кем бы ни говорили, к кому бы мы ни обращались, мы должны зорко и трезво измерять его мерилом его симпатий и намерений в отношении к единой, национальной России и не ждать от завоевателя – спасения, от расчленителя – помощи, от религиозного совратителя – сочувствия и понимания, от погубителя – благожелательства и от клеветника – правды.

Политика есть искусство узнавать и обезвреживать врага. К этому она, конечно, не сводится. Но кто к этому неспособен, тот сделает лучше, если не будет вмешиваться в политику.

Нас учит жизнь

Нам надо жить с открытыми глазами и все время учиться на опыте других народов. Каждое явление политической жизни таит в себе как бы скрытый урок, который мы должны осознать и формулировать для себя. Политике надо учиться.

1. За последний год коммунисты ввели в обиход своей политической борьбы парламентские драки. Отвратительность этих нападений и свалок (в Италии, во Франции, в Венгрии) не поддается описанию. Однако это явление не новое: в конце двадцатых годов мы наблюдали еще более зверские драки в германском рейхстаге, где нападающими были национал-социалисты.

Это означает, что тоталитаристы, как левые, так и правые, принципиально исключают из государственного строительства начало свободного воззрения и свободного сговора. Для инакомыслящих у них есть только угроза, насилие и, в конце концов, казнь. Этим они ставят себя вне лояльности, вне государственной конституции, вне закона вообще. Они сознательно и открыто идут по пути политического преступления. Есть ли основание терпеть их присутствие в законодательных собраниях, терпеть их партии в государстве, предоставлять им право голосования и право агитации в стране? Политическая свобода есть ли свобода открытого насилия и партийного нападения на государство? И еще глубже: неужели свобода безгранична и призвана разнуздывать в жизни зло? Где же предел свободы и где ее мера?

2. Современная Франция сползает в пропасть потому, что ей не удается преодолеть психологию разбитого на войне государства. Она давно освобождена от оккупации и сопричислена к победителям, а душа ее ранена, обессилена и деморализована поражением 1940

года и последующими унижениями. Французский народ потерял веру в свою армию и не решается восстановить ее; он потерял веру в авторитет своего правительства и то и дело дезавуирует его; он потерял веру в силу и продуктивность здорового хозяйственного труда и ждет причитающихся «народу-победителю» репараций и компенсаций, которых ему не с кого получить; он научился больному спекулянтски-нелегальному самоснабжению и никак не может расстаться с черным рынком и оздоровить свою валюту; он все считает свои «убытки» и не решается списать их; его политическая воля утомлена, она не строит государства, а уходит в синдикаты, партии и разные союзы, где мыслят о прибытке (заработке и власти) и пытаются вымучивать вожделенное из без того замученного государства. Всем этим пользуются коммунисты. Именно с этим психологическим скольжением в пропасть борется генерал де Голль.

Этот урок учит нас тому, что государство строится прежде всего народною «душою», точнее – ее духовными силами, а именно: ее правосознанием, ее волею к единению, ее чувством собственного достоинства, ее доверием к власти и к армии, ее способностью честно трудиться и нести жертвы. В этой связи ставится и решается вопрос: есть ли государственный интерес сумма всех частных, личных и классовых интересов или нечто большее и особливое? И если он есть нечто большее, то в чем же состоит это большее?

3. Консервативная партия в Англии, победоносно проведшая войну и вслед за тем дезавуированная своим народом на выборах, обновляется и возрождается на наших глазах. За два года число ее членов удвоилось (ныне 2400000 человек), 100000 партийных агитаторов предложили ей безвозмездно свои услуги, в ее школах готовятся 10000 ораторов, ее программа радикально пересмотрена и обновлена: она категорически отвергает социализм, но требует глубоких и верных социальных реформ, по радикальности не уступающих левым программам.

Этот путь верен и поучителен, хотя для нас, русских, не нов. Реформы Петра Великого (пробуждение народной самодеятельности, введение «подушного» обложения, развязавшего крестьянскую запашку на сто лет вперед, и др.), реформы Александра II, реформы последнего царствования (расцвет образования, введение Государственной Думы, аграрная реформа Столыпина) – все это составляет у нас русскую государственную традицию: блюсти священные основы жизни и освобождать творческие силы народа; не расшатывать форму государства, а вовлекать народ в его жизнь; сочетать национализм со справедливостью; вести жизнь к социальности, но не к социализму и тоталитарности. Традиция это возводит нас к Пушкину, преклонявшемуся перед Петром Великим и мечтавшему дожить до грядущих реформ Александра II. Это целая школа политики, верная и глубокая, которой еще предстоит в России великое будущее.

История покажет, что удастся осуществить английским неоконсерваторам.

4. В Соединенных Штатах предстоят выборы Главы Государства. Этим выборам предшествовал целый год неуверенности и полубессилия в общей политике правительства (сущая растрата сил, времени и возможностей) и личная агитация кандидатов на сей пост перед народными массами (которых надо «уговорить»). Кандидаты на пост Главы Государства разъезжают ныне по всей стране, выхваляют самих себя, заискивают, поносят (или прямо позорят) соперников и наличный парламент, сулят выгодные реформы, обещают всяческие облегчения в жизни, пожимают руки, представляют толпе своих жен, говорят на железнодорожных станциях с вагонных площадок, стараются угодить публике острыми словечками и иными выходками, иногда провожаются аплодисментами, иногда глухим, недоверчивым молчанием, иногда забрасываются гнилыми томатами и тухлыми яйцами…

Как далеко это от русского представления о Главе Государства! Сколь ничтожен был бы в России авторитет такого Главы и его правительства! Как быстро разложилась бы Россия при такой государственной организации!

К истории дьявола

Дьявольское начало имеет в жизни человеческого рода свою историю. По этому вопросу существует серьезная научная литература, не касающаяся, впрочем, последних десятилетий. Однако именно последние десятилетия проливают новый свет на два прошедших века.

Эпоха европейского «просвещения» (начиная с французских энциклопедистов 18 века) подорвала в людях веру в бытие личного дьявола. Образованному человеку не верится в существование такого отвратительного, человекообразного существа «с хвостом, с когтями, с рогами» по Жуковскому), никем не виданного, а изображаемого только в балладах и на картинках. Лютер еще верил в него и даже швырнул в него чернильницей; но позднейшие века отвергли «черта», и он постепенно «исчез», угас как «отживший предрассудок».

Но именно тогда им заинтересовались искусство и философия. У просвещенного европейца остался лишь «плащ» сатаны, и он начал с увлечением драпироваться в него. Загорелось желание узнать о дьяволе побольше, рассмотреть его «истинный облик», у гадать его мысли и желание, «перевоплотиться» в него или хотя бы «пройтись» перед людьми в дьявольском образе…

И вот искусство стало воображать и изображать его, а философия занялась его теоретическим оправданием. Дьявол, конечно, «не удался», потому что человеческое воображение не способно вместить его, но в литературе, в музыке, в живописи началась культура «демонизма». С начала 19 века Европа увлекается его противобожественными обликами: появляется демонизм сомнения, отрицания, гордости, бунта, разочарования, горечи, тоски, презрения, эгоизма и даже скуки. Поэты изображают Прометея, Денницу, Каина, Дон Жуана, Мефистофеля. Байрон, Гёте, Шиллер, Шамиссо, Хофман, Франц Лист, а позднее Штук, Бодлер и другие развертывают целую галерею «демонов» или «демонических» людей и настроений, причем эти «демоны» – «умны», «остроумны», «образованы», «гениальны», «темпераментны», словом, «обаятельны» и вызывают сочувствие, а «демонические люди» являются воплощением «мировой скорби», «благородного протеста» и какой-то «высшей революционности».

Одновременно с этим возрождается «мистическое» учение о том, что «темное начало» имеется даже и в Боге. Немецкие романтики находят поэтические слова в пользу «невинного бесстыдства», а левый гегельянец Макс Штирнер выступает с открытой проповедью человеческого самообожествления и демонического эгоизма. Отвержение личного «черта» постепенно заменяется оправданием дьявольского начала…

Скрытую за этим пропасть – увидел Достоевский. Он указал на нее с пророческой тревогой и всю жизнь искал путей к ее преодолению.

Фридрих Ницше тоже подошел к этой пропасти, пленился ею и возвеличил ее. Его последние произведения – «Воля к власти», «Антихрист» и «Се человек» – содержат прямую и откровенную проповедь зла… Всю совокупность религиозных предметов (Бога, душу, добродетель, грех, потусторонний мир, истину, вечную жизнь) Ницше обозначает как «груду лжи, рожденную из дурных инстинктов натурами больными и в глубочайшем смысле вредными». «Христианское понятие Бога» есть для него «одно из растленнейших понятий, созданных на земле». Все христианство есть в его глазах лишь «грубая басня о чудотворце и спасителе», а христиане – «партия забракованных ничтожеств и идиотов».

То, что он превозносит, есть «цинизм», бесстыдство, «высшее, что может быть достигнуто на земле». Он взывает к зверю в человеке, к «верховному животному», которое надо во что бы то ни стало разнуздать. Он требует «дикого человека», «злого человека», «с радостным брюхом». Его пленяет все «жестокое, неприкрыто-звериное», преступное. «Величие есть только там, где имеется великое преступление». «В каждом из нас утверждается варвар и дикий зверь». Все, что зиждет в жизни братство людей, – идеи «вины, наказания, справедливости, честности, свободы, любви и т. п.» – «должно быть вообще изъято из существования». «Вперед же», – восклицает он, – «богохульники, противники морали, всевозможные беспочвенники, артисты, евреи, игроки, – все отвергнутые слои общества!»…

И нет для него большей радости, как видеть «уничтожение лучших людей и следить, как они шаг за шагом идут к гибели»…

«Я знаю мой жребий, – пишет он, – однажды с моим именем будет сопряжено воспоминание о чем-то чудовищном, о кризисе, какого никогда еще не было на земле, о глубочайшем совестном конфликте, о приговоре, вызванном против всего, во что дотоле верили, чего требовали, что свято чтили. Я не человек, я – динамит»….

Так оправдание зла нашло свои сущедьявольские, теоретические формулы, – и оставалось только ждать их осуществления. Ницше нашел своих читателей, учеников и поклонников; они приняли его доктрину, сочетая ее с доктриной Карла Маркса, – и принялись за осуществление этого плана 30 лет тому назад.

«Демонизм» и «сатанизм» не одно и то же. Демонизм есть дело человеческое, сатанизм есть дело духовной бездны. Демонический человек предается своим дурным страстям и может еще покаяться и обратиться; но человек, в которого, по слову Евангелия, «вошел сатана», – одержим чуждой, внечеловеческой силой и становится сам человекообразным дьяволом. Демонизм есть преходящее духовное помрачнение, его формула: «жизнь без Бога»; сатанизм есть полный и окончательный мрак духа, его формула: «низвержение Бога»». В демоническом человеке бунтует необузданный инстинкт, поддерживаемый холодным размышлением; сатанический человек действует как чужое орудие, служащее злу, но способное наслаждаться своим отвратительным служением. Демонический человек тяготеет к сатане; играя, наслаждаясь, мучаясь, вступая с ним (по народному поверию) в договоры, он постепенно становится его удобным жилищем; сатанический человек утратил себя и стал земным инструментом дьявольской воли. Кто не видал таких людей или, видя, не узнал их, тот не знает исконно завершенного зла и не имеет представления о подлинно дьявольской стихии.

Наши поколения поставлены перед ужасными, таинственными проявлениями этой стихии и доселе не решаются выговорить свой жизненный опыт в верных словах.

Мы могли бы описать эту стихию как «черный огонь» или определить ее как вечную зависть, как неутолимую ненависть, как воинствующую пошлость, как беззастенчивую ложь, как абсолютное бесстыдство и абсолютное властолюбие, как попрание духовной свободы, как жажду всеобщего унижения, как радость от погубления лучших людей, как антихристианство. Человек, поддавшийся этой стихии, теряет духовность, любовь и совесть; в нем начинается разложение и разнуздание, он предается сознательной порочности и жажде разрушения; он кончает вызывающим кощунством и человеко-мучительством.

Простое восприятие этой дьявольской стихии вызывает в здоровой Душе отвращение и ужас, которые могут перейти в настоящее телесное недомогание, в своеобразную «дурноту» (спазма симпатической нервной системы!), в нервную дисритмию и в психическое заболевание, а могут привести и к самоубийству. Сатанические люди узнаются по глазам, по улыбке, по голосу, по словам и по делам. Мы, русские, видели их въяве и вживе; мы знаем, кто они и откуда. Но иностранцы и доселе не разумеют этого явления и не хотят понять его, потому что оно несет им суд и осуждение.

А некоторые реформаторские богословы продолжают доселе писать о «пользе дьявола» и сочувствовать его современному восстанию.

Кризис коммунизма в Европе

За три года, протекших после войны, выяснилось с очевидностью, что европейские народы не хотят коммунизма. Достаточно вспомнить все голосования, происшедшие за это время в свободных странах, все попытки учинить переворот (Италия, Франция), гражданскую войну в Греции; достаточно обозреть состав парламентов и правительств. Если бы свободные европейские народы действительно желали коммунизма, кто помешал бы им за эти три года совершить соответствующую революцию? И если бы народы оккупированных стран (восточные Германцы, Поляки, Чехи, Словаки, Венгры, Румыны, Болгары) сочувствовали своим коммунистическим оккупантам, то зачем применялся бы в них режим террора?

Нет, европейский пролетариат оказался «не на высоте»: после такой войны, стольких страданий и разрушений, такого унижения и голода – он не дал коммунистам ни большинства голосов, ни уличной победы в вооруженном восстании. Да и европейские коммунисты недалеко ушли от так называемых «социал-предателей». Оказалось, что даже такие старые члены Коминтерна, как Торез, Марти, Тольятти, Готвальд, Димитров и Пик не умеют или не решаются

провести настоящую коммунистическую революцию: одни из них только болтают о вооруженном восстании (Тольятти, Торез) и в то же время предоставляют «буржуазному» правительству конфисковывать склады оружия, стоившие так много труда и денег; другие (Тито, Димитров, Гомулка) совершенно не преодолели в себе национализма и мешают интернациональному всеслиянию и всесмешению; и все они боятся своих мужиков и своей буржуазии; их всех надо «понуждать к власти», потому что они просто опасаются брать ее. Парламентские драки, конечно, для начала неплохо; но они не ведут к власти. И то обстоятельство, что все европейские коммунисты жалуются на «вялое» настроение среди рабочих, свидетельствует просто об их «неумении»!!…

Правда, рабочие во Франции охотно бастуют, но только из-за заработной платы и из-за снижения налогов, а на восстание не идут: их надо раскачивать, разжигать столкновениями и подсказывать «приемлемые» для них лозунги («долой план Маршалла», «не потерпим новой войны» и т. д.); а стойкость их в «необходимой» гражданской войне – очень сомнительна… А рабочие в Италии немедленно шныряют в боковые улицы, как только показываются правительственные войска. Но на то есть «вожди Коминтерна», чтобы вести массы на баррикады!

Советские правители отлично понимают, что коммунизм можно навязать Европе только войной и оккупацией. Они прекрасно знают, что там, где необходим террор, – там масса не желает коммунизма. Так обстоит дело, например, в России уже тридцать лет. Вообще степень необходимого террора определяет степень отвращений народа от коммунизма.

Картина ясна: без военной оккупации Европа коммунизма не примет. Европейские народы совершенно «испорчены» – христианством, индивидуализмом, частной инициативой, свободой мнения, частной собственностью и демократическим почтением к праву и власти. Для мировой власти нужна коммунистическая элита, а ее в Европе нет; нужна коммунистически-фанатическая армия, а ее нет – ни в России, ни в Западной Европе. Коминтерну необходимы янычары коммунизма, слепо доверчивые, покорные, беспощадные, фанатичные, жадные, лишенные собственного мышления, образования, политического смысла и опыта. А их надо навербовать. Где? В Европе – дело безнадежное. Европейцы годятся не в «комправители», а в «комрабы», они не пойдут на завоевание, обезличение и порабощение остального человечества; скорее их самих надо завоевать, обезличить и поработить, а может быть, и наполовину истребить…

Европа создала тип человека и культуры, не подходящий для коммунизма.

Эти люди не будут сражаться за коммунизм, а будут сдаваться. Если «свои давнишние рабы» сдавались в плен финнам и немцам, то чего же ждать от «новопокоренных» европейцев? А между тем война за мировую власть предстоит жестокая, беспощадная, истребительная и разрушительная. Тольятти никогда не решится разрушить Рим и Флоренцию, Торез и Марти не согласятся истребить французский народ чумными бактериями. Тито и Димитров не поведут своих славян стирать с лица земли Лондон и Нью-Йорк. А советская армия может начать массовую сдачу сразу после перехода через Эльбу… Нет, чтобы выиграть новую мировую войну за коммунизм, нужны не-христиане, анти-европейцы, нужна интернациональная армия, лишенная родины, национальной чести, «предрассудков» и жалости.

Вот смысл тех слов, которые были произнесены негласным вождем Коминформа два года назад: «Русский народ для нашей войны больше не годится, это отработанный пар»; и еще: «как коммунистический солдат – азиат выше».

И то, что сейчас совершается, есть именно начавшийся поход за «азиатским янычаром».

Сначала Азия

Вот уже тридцать лет мы изумляемся тому, как медленно постигают европейцы и американцы коммунистическую опасность, как упорно они пытаются свести все к «революционному прогрессу» в России и, в худшем случае, к возрождению «русского империализма». Теперь стали догадываться, спохватились, и то все еще твердят там и сям, что «Россию надо обуздать» и что в коммунизме живет «начало христианской справедливости» (реформаторский теолог Карл Барт).

На самом же деле коммунисты хотят мировой власти – «всерьез и надолго». Они мыслят не в государственном масштабе и не в национальном, а в континентальном. Им нужен большой, глухоманный, извне недоступный, суровый континент, континент – людское море, континент – крепость, с выходами во все стороны. Это – Азия. Они уже владеют третьей частью ее и уже сумели оценить все притонные удобства ее тайги, ее пустынь и ее плоскогорий.

Размер Азии – 40 миллионов кв. километров; она вчетверо больше Европы. Население Азии – 1200 миллионов людей (Китай – 461 млн, Брит. Индия – 353 млн); оно превышает европейское население больше чем вдвое. Естественные богатства Азии – неисчерпаемы. Уровень жизни ее народов – чрезвычайно низок, что так важно для коммунистов, несущих людям нищету и голод. Азиатские народы чрезвычайно выносливы; европейскую культуру они не знают и не ценят, европейскую цивилизацию изведали только в качестве «притесняемых» и «порабощаемых» иностранным капиталом. Нет ничего легче, как внушить им ненависть к Европе и Америке. Они политически наивны и доверчивы; «соблазны» капитализма и демократии им почти неведомы. У них есть первобытная фантазия и темперамент; все это можно разжечь до жестокого фанатизма. Азиат упорен и хитер. В числе его религий есть две завоевательных (шинтоизм и магометанство) и одна мессиански-властолюбивая. Разжечь в Азии «освободительные», «антиколониальные» гражданские войны – легче легкого. В этих войнах выделятся безоглядные фанатики, свободные от патриотических и национальных предрассудков, – и из них будет создан миллионный кадр коммунистических янычар.

Ныне эти гражданские войны разжигаются во всей Азии: в Корее, в Бирме, в Индокитае, в Индии, на Яве, на Филиппинах. «Континентальная акция» начата и идет с возрастающим успехом; и какое число иноземных коммунистов, переодетых китайцами, корейцами, бирманами, малайцами, индусами, организует эти войны или просто сражается в них (напр., завоевывая Монголию или Маньчжурию), знают только одни коммунистические штабы.

Тот, кто изучал протоколы съездов Коминтерна, и особенно резолюции его Исполнительного Комитета (ИККИ), тот знает, что колониальные страны давно считаются у коммунистов чем-то вроде «эльдорадо» революции, что план «взбунтовать колонии против европейцев и американцев» и устроить им резню – давно уже проводится в жизнь всевозможными резидентами Коминтерна. Теперь пробил час решительного наступления в Азии. И по сравнению с этим восстанием колоний – европейский фронт и европейские события уже отошли на задний план. Драться сразу и в Европе, и в Азии Советы не могут. Европейский фронт должен быть временно приглушен и только обеспечен от нападения.

В этом-то и состоит смысл последних событий: наступление в Азии и оборона в Европе. Именно этим объясняются улыбки Сталина западным послам; щедрость его на неисполняемые обещания; снижение советского тона по всей европейской линии; хладнокровное принятие провала в Греции; отложенная экзекуция над Тито; новейшее заигрывание с Австрией; организация чисто немецкой компполиции в Восточной Германии; требование от западноевропейских коммунистов торжественного обязательства, что они «не допустят нападения на Совсоюз»; упорные старания сорвать «план Маршалла» в Европе (угольными и металлургическими забастовками, полувосстаниями во Франции и в Италии и т. д.) и многое другое. Европейская политика Советов получила значение «отвлекающей диверсии». Главное готовится и совершается в Азии.

В этом отношении Китай получил уже для сороковых годов то значение, которое имела Испания в тридцатых годах: борьба за новый революционный плацдарм; война с антикоммунистическим миром – на чужой территории и без объявления войны; практическая школа революции и ее приемов – в переряженном виде и т. д… Китай есть ключ к Азии, или, точнее, это ворота, ведущие к азиатским народам. Его территория в 9 раз больше испанской; его население почти в 20 раз многочисленнее испанского. Поэтому можно сказать, что силою обстоятельств судьба Европы решается сейчас в Китае. Это уже понятно и в Америке и в Англии. В Америке недавно Дуй (Dewey), республиканский кандидат в президенты, сказал, что Америка должна в первую очередь помочь «своему старому другу, Китаю». Имперская конференция в Лондоне, при участии Канады, Новой Зеландии, Индии (Пандит Неру), Южной Африки, Австралии, Цейлона, Пакистана, Южной Родезии и Англии, только что выработала

план обороны Великобританской империи от коммунизма (для Азии, Австралии, Африки и Европы).

Автор настоящей статьи склонен думать, что в этом планетарно-континентальном плане коммунисты просчитаются. Они недооценивают морально-религиозный фактор в Азии: из десяти великих азиатских религий (шинтоизм, конфуцианство, лаотцеизм, буддизм, ранний ведизм, поздний индуизм, парсизм, магометанство, иудейство, христианство) – элементы разнуздания можно найти только в некоторых сектах позднего индуизма. Из агрессивных религий Азии – ни магометанство, ни шинтоизм совсем не склонны к коммунизму. В частности, китайцы крепко держатся за начала конфуцианского правосознания, патриотизма, семьи и частной собственности. Пробуждение «колониальных» народов поведет у них не к интернационализму, а к множеству национальных государств. В Индии – ни магометане, ни индусы не дадут коммунизму никаких кадров. Словом, бацилла большевизма приведет в Азии к совсем иным последствиям, чем думает азиатский властелин Коминтерна-Коминформа.

Перенесение борьбы в Азию дает Европе отсрочку, коей европейцы должны умно воспользоваться. В то же время оно требует от Соединенных Штатов именно той дальнозоркости и активности, которые присущи Маршаллу, Ванденбергу, Делльсу и, по-видимому, истребителю нью-йорских гангстеров, возможно, будущему президенту Дуй.

Современная эмигрантская политика

Будущему историку русской революции предстоит большая и поучительная работа. Можно представить себе, с каким интересом он будет разбирать все наши журналы, журнальчики, листки, обзоры, газеты, воззвания, резолюции, протоколы, инструкции и программы. Кипы и вороха; комплекты и одиночки. Одно беспокоит: не разочаровался бы он… Разберет, прочтет, да и напишет: «Девяносто процентов этого материала представляло из себя сущий пустоцвет; было много возбуждения и мало содержания; люди проталкивались вперед, а сказать им было нечего; хотели фигурировать, вести, учить, – а фигурировать было не с чем, вести было некуда и учить не могли ничему за неимением серьезных мыслей». «Странная, – скажет он, – была эпоха: писатели молчали, а читатели разглагольствлвали; а о чем, – и сами не знали, потому что сказать им было нечего и мысли они заменяли провозглашениями и взаимной бранью»…

Если будущий историк напишет это, то он будет, кажется, прав. Большая часть современной эмигрантской публицистики выговаривает заносчивым тоном общие места, избитые фразы, и хорошо еще, если эти избитые фразы составлены грамотно; и хорошо еще, если за ними не скрывается какого-нибудь невозможного политического вздора… Читаешь это политическое половодье и спрашиваешь себя: откуда это? А вот откуда.

Эта «литература» объясняется, во-первых, общей взволнованностью мировыми событиями. Эта взволнованность особенно понятна в русской душе, в душе едва спасшегося эмигранта, столько лет проведшего в угнетенном молчании и копившего неизживающиеся аффекты. Но «взволнованность» сама по себе не дает ни зрелой мысли, ни сосредоточенной воли. Излитая на бумаге, она превращается в пустые извержения, в банальные возгласы, в беспредметную агитацию и партийную раздорливость.

Эта «литература» объясняется, во-вторых, изголодавшимся честолюбием – состоянием психологически вполне понятным, но без чувства чести, без политической дальнозоркости и без политического опыта – весьма опасным. К сожалению, большинство эмигрантских политиков не имеет возможности действовать, им негде показать свою энергию, свои таланты, свой такт, разве только в писании. Отсюда множество писателей, никогда не думавших и не имеющих, что сказать. А говорить стараются громко, звонко, всеуслышно…

Эта «литература» объясняется, в-третьих, политическим дилетантством большинства. Странное дело, все понимают, что каждому серьезному делу, каждому «рукомеслу», каждой ответственной службе надо обучаться: учатся сапожники, столяры, маляры, переплетчики, механики, штукатуры. Горшки обжигают горшечники. Одежду шьют – портные и т. д. Учатся врачи, инженеры, юристы, агрономы, военные. Но с политикой – сущее несчастье: все берутся за нее, не учась, не зная политической азбуки, не продумав ни одной национальной истории, ни одной конституции, не имея никакого представления о законах социологии, морали и

правосознания. Предоставляют все эти «корешки» другим, а сами довольствуются «вершками». Пытаются прикрыть свое незнание громким голосом, спрятать свои недоразумения за развязностью, импонировать хлесткой полемикой. Думают, что политика – это «лозунги», «агитация» и «подминание других под себя»…

И в четвертых, – торопятся. Уверяют себя и других, что к завтрашнему дню надо быть готовым; что третья война «уже началась»; что она вот-вот закончится разгромом Советов и что тогда – «наша очередь». Нас, именно нас, а не другую какую-нибудь идиотскую партию, позовут, призовут, «нам вручат», «мы поведем», ибо «все за нас» (за исключением предателей и народных врагов), и мы тогда «покажем себя»…

А показывать-то окажется нечего, кроме агитационного пустословия и нового «террора – наоборот».

Тревожно и грустно следить изо дня в день за всей этой политической шумихой, сумятицей, саморекламой и взаимоотношением; за всем этим надрывным деньгодобыванием, за всей этой беспочвенной демагогией. И ничего хорошего из этого выйти не может.

Ибо для серьезной политики нужно не заискивание у иностранцев, не агитация в пустоте и не злоупотребление священными словами в лозунгах. Нужно другое, а именно:

1. Твердое и доказанное на деле чувство национальной чести. Ибо тот, кто его лишен, – только и может повести бесчестную политику, какими бы словами он ни прикрывался. А бесчестием России не спасешь.

2. Политическая дальнозоркость, свойственная людям вчувствовавшимся в ход истории, имеющим некий дар государственного предвидения и искушенным в деле.

3. Политическое разумение и экономическое образование. Подумать только: как довериться человеку, не умеющему отличить государство от церкви, авторитарный строй от тоталитарного, федерацию от автономии, честь от бесчестия? Кому нужна невежественная болтовня и стряпня? Не России же!

4. Творческая идея.

Не наивно ли ждать спасения от безыдейного политиканства, от закулисных шептаний и соглашений?

5. Воля как дар к власти (а не как похоть властолюбия!). Государственность есть волевое начинание: нет воли и все расползается в раздоры, интриганство и хаос.

6. Политический такт, т. е. искусство объединять людей на исторически обоснованной и жизненно реальной программе, не раздражая их и не отталкивая их.

Надо помнить, что бестактный политик погубит всякую, даже самую легкую и благополучную политическую конъюнктуру. А наше положение – русской эмиграции – исторически наитруднейшее.

И вот мы должны быть всегда готовы приветствовать и поддерживать каждый проблеск такой серьезной политики в эмиграции.

Оптимизм в политике

Прожитые нами черные десятилетия должны были, казалось бы, излечить нас от того наивного политического оптимизма, который был внушен девятнадцатому веку Жан-Жаком Руссо и который в свое время породил большую французскую революцию. «Человек от природы добр и его надо только освободить, тогда все устроится само собою». Вот предпосылка, на которой строили свои программы анархисты, либералы и демократы 19 века. Мы не смешиваем анархистов с либералами, а либералов с демократами – это различные доктрины и программы, но наивный оптимизм человеческой свободы присущ и доныне им всем (см., напр., статью В.А. Маклакова «Еретические мысли» в XIX книжке «Нового Журнала»), хотя и в различной степени.

Казалось, уже один опыт большой французской революции должен был доказать, что политическая свобода сама по себе не «облагораживает» человека, а только развязывает его, выпускает его на волю таким, каков он есть, со всеми его влечениями, интересами, страстями и пороками, которые он и выносит на улицу. Казалось бы, что опыт всех последующих войн и революций, всего хозяйственного и политического развития за полтораста лет («капитализм» и

«демократия») должен был обличить и опровергнуть наивную и сентиментальную предпосылку такого оптимизма. Этот опыт показал недвусмысленно и ясно: нет, человек есть существо сложное; заряженное страстями, но способное иногда и к доброте; не зверь, но подчас с наклонностями к зверству; расчетливое и жадное, но не лишенное совести; восприимчивое к божественным лучам, но и весьма удобопревратное ко злу; естественное, но с противоестественными тяготениями; способное и к доблести, и к самому смрадному душевному «подполью» (см. у Достоевского); и слишком часто бесхарактерное, неустойчивое, погрязающее в мелочности и трусости. «Свобода» – не переделывает его к лучшему, а только «проявляет» (в фотографическом смысле) его со всеми его чертами, склонностями и страстями. «Освободить» его – не значит сделать его внутренне способным понести внешнюю свободу и не превратить ее в разнуздание. Напрасно анархист Кропоткин твердил до конца, будто человек дурен потому, что его угнетают законы государства, и будто тотчас после отпадения государства, законов и власти осуществится свободное, солидарное и гармоническое сожительство людей.

С этими наивными иллюзиями, надо надеяться, покончено надолго, на века: наши черные десятилетия дали нам незабываемый урок. Мы видели, во что внутренне несвободные люди превращают внешнюю свободу. Мы видели, как злодеи нарочно разнуздывали народные массы, чтобы взнуздать их по-новому, по-своему, «по-свойски», тоталитарно; мы видели, как массы валили за ними, создавая для себя новое, неслыханное и невиданное ярмо коммунизма. И когда мы теперь рассказываем о том, как свободен был русский народ под своими Государями и как эта свобода все возрастала вместе с ростом духовной культуры, то нам верят лишь с трудом, ибо в рабстве выросли заново целые поколения русских людей, которым вдолбили неправду об историческом прошлом России.

Политика будущего должна смотреть на человека трезво и брать его таким, каков он есть. Она будет разуметь под свободой прежде всего свободу внутреннюю: духовное, нравственное и политическое самообладание человека; его способность распознать добро и зло, предпочитать добро и нести ответственность; его умение – обуздывать в себе преступное и добровольно блюсти лояльность законам; его готовность – ставить интерес родины и государства выше своего собственного. К этой внутренней свободе людей надо воспитывать, от молодых ногтей, из поколения в поколение: интеллигенцию, рабочих и крестьян, в народных школах, в гимназиях, в университетах, в армии, в общественной и политической жизни. Нельзя исходить из уверенности, будто всякий, умеющий одеться, обуться и заработать себе дневное пропитание, способен активно участвовать в строительстве государства; и будто всякий, кто способен

«Без принуждения в разговоре Коснуться до всего слегка»…

политически «умен» и очень «мил»…

(Пушкин)

Однако и этого мало: надо понять, что происходит в душе человека, голосующего в любом государстве.

Во-первых, он не компетентен в большинстве вопросов, по которым он подает свой голос: он не знает этих предметов; он не разбирается в том, что именно народу и государству полезно и что вредно; он или голосует наобум, или же подменяет пользу государства своею личною выгодою. Его спрашивают: что нужно народу в Целом, в чем польза государства? А он отвечает, подавая свой голос: мне выгоднее «то», а не «это»! Люди «танцуют» от «своей печки»; голосуют про собственную «шкуру»; радеют о личном прибытке, и только самые «развитые» и «сознательные» подменяют государство своим «классом» или «профессией».

«Мне завтра надо голосовать по трем существенным вопросам жизни, – пишет мне из Швейцарии один выдающийся ученый, – а я не знаю, за что голосовать; надо бы изучить каждый вопрос отдельно, отвести на каждый по крайней мере по неделе, а у меня нет времени; придется голосовать наобум»… Таково положение честного ученого. Какова же компетентность рядовых обывателей?

Во-вторых, каждый человек, идущий подавать свой голос, несет в себе весь свой сложный состав: тут и приобретатель, и гражданин; и шкурник, и патриот; и добросовестный, и карьерист; и классовый «требователь», и реальный политик, а может быть, и бессовестный злыдень; а нередко вся эта «сложность» упрощается – и голосовать идет просто хитрый шкурник. Западная демократия – формальна: она «верует» в свободу голосования, которая является будто бы лучшей наставницей и «священным правом». Голосование должно быть «свободным» и «тайным»: каждый человек должен иметь обеспеченное священное право подать свой голос из своего внутреннего «шкурника», из «карьериста», из классового требователя и бессовестного злыдня. А потом все эти недоуменные и недоразуменные голоса шкурников будут подсчитаны и, по наивной вере Жан-Жака Руссо, – «крайности отпадут, а не ошибающаяся никогда Общая Воля будет выяснена»…

Прожитые нами черные десятилетия заставляют нас поставить ребром вопрос: да полно, так ли это? Определяется ли истина – прессованием недоразумений? Познается ли государственно полезное посредством арифметического подсчета частных вожделений? Действительно ли священно право гражданина – «тайно» и «свободно» рвануть к себе общественный пирог? Хорошо ли это – приравнять голос честного патриота голосу предателя, мнение политического мудреца – мнению ловкого карьериста, суждение Петра Аркадьевича Столыпина – суждению эсера Чернова, голос Ключевского – голосу Абрама Крыленко, мнение Менделеева – мнению батьки Махно? Верен ли и спасителен ли путь формальной демократии, арифметически оперирующей с частными вожделениями?

И вот, мы думаем, что этот путь неверен и опасен; а для грядущей России он может стать прямо гибельным. Надо искать других путей.

Но не значит ли это, что мы рекомендуем тоталитаризм с его фальсификацией голосования, в сущности, лишающей подачу голоса всякого смысла? Нет. Боже избави Россию от всякого тоталитаризма – левого, правого и среднего. Но в таком случае остается только путь западноевропейской демократии? Знаем, что многие так думают: загнали сами себя в мнимый тупик и не видят ни перспективы, ни исхода: или тоталитарная диктатура – или формальная демократия. А между тем в самой этой формулировке уже указываются новые исходы:

1. Диктатура, но не тоталитарная, не интернациональная, не коммунистическая; диктатура, организующая новую неформальную демократию, а потому демократическая диктатура; не демагогическая, «сулящая» и развращающая, а государственная, упорядочивающая и воспитывающая; не угасающая свободу, а приучающая к подлинной свободе.

2. Демократия, но не формальная, не арифметическая, не прессующая массовые недоразумения и частные вожделения; демократия, делающая ставку не на человеческого атома и не безразличная к его внутренней несвободе, а на воспитываемого ею, самоуправляющегося, внутренне свободного гражданина; демократия качественности, ответственности и служения – с избирательным правом, понятым и осуществленным по-новому.

А за этими двумя возможностями скрывается множество новых политических форм в разнообразнейших сочетаниях, начиная с новой, творческой, чисто русской народной монархии. Но ведь такой формы нигде нет! Странное возражение! Как будто на свете не бывает ничего нового! Или как будто мы, русские, только и можем заимствовать у других народов их моды и их ошибки…

…«Ах, если рождены мы все перенимать, Хоть у китайцев бы нам несколько занять Премудрого у них незнанья иноземцев»…

…«Чтоб истребил Господь нечистый этот дух пустого, рабского, слепого подражанья»…

Грибоедов

России необходимо иное, новое! И русские люди создадут его.

О фашизме

Фашизм есть явление сложное, многостороннее и, исторически говоря, далеко еще не изжитое. В нем есть здоровое и больное, старое и новое, государственно-охранительное и

разрушительное. Поэтому в оценке его нужны спокойствие и справедливость. Но опасности его необходимо продумать до конца.

Фашизм возник как реакция на большевизм, как концентрация государственно-охранительных сил направо. Во время наступления левого хаоса и левого тоталитаризма – это было явлением здоровым, необходимым и неизбежным. Такая концентрация будет осуществляться и впредь, даже в самых демократических государствах; в час национальной опасности здоровые силы народа будут всегда концентрироваться в направлении охранительно-диктаториальном. Так было в Древнем Риме, так бывало и в новой Европе, так будет и впредь.

Выступая против левого тоталитаризма, фашизм был далее прав, поскольку искал справедливых социально-политических реформ. Эти поиски могли быть удачны и неудачны: разрешать такие проблемы трудно и первые попытки могли и не иметь успеха. Но встретить волну социалистического психоза – социальными и, следовательно, противосоциалистическими мерами – было необходимо. Эти меры назревали давно, и ждать дольше не следовало.

Наконец, фашизм был прав, поскольку исходил из здорового национально-патриотического чувства, без которого ни один народ не может ни утвердить своего существования, ни создать свою культуру.

Однако наряду с этим фашизм совершил целый ряд глубоких и серьезных ошибок, которые определили его политическую и историческую физиономию и придали самому название его ту одиозную окраску, которую не устают подчеркивать его враги. Поэтому для будущих социальных и политических движений подобного рода надо избирать другое наименование. А если кто-нибудь назовет свое движение прежним именем («фашизм» или «национал-социализм»), то это будет истолковано, как намерение возродить все пробелы и фатальные ошибки прошлого.

Эти пробелы и ошибки состояли в следующем:

1. Безрелигиозность. Враждебное отношение к христианству, к религии, исповеданиям и церквам вообще.

2. Создание правого тоталитаризма, как постоянного и якобы «идеального» строя.

3. Установление партийной монополии и вырастающей из нее коррупции и деморализации.

4. Уход в крайности национализма и воинственного шовинизма (национальная «мания грандиоза»).

5. Смешение социальных реформ с социализмом и соскальзывание через тоталитаризм в огосударствление хозяйства.

6. Впадение в идолопоклоннический цезаризм с его демагогией, раболепством и деспотией.

Эти ошибки скомпрометировали фашизм, восстановили против него целые исповедания, партии, народы и государства, привели его к непосильной войне и погубили его. Его культурно-политическая миссия не удалась, и левая стихия разлилась с еще большей силой.

1. Фашизм не должен был занимать позиции, враждебной христианству и всякой религиозности вообще. Политический режим, нападающий на церковь и религию, вносит раскол в души своих граждан, подрывает в них самые глубокие корни правосознания и начинает сам претендовать на религиозное значение, что безумно. Муссолини скоро понял, что в католической стране государственная власть нуждается в честном конкордате с католической церковью. Гитлер с его вульгарным безбожием, за которым скрывалось столь же вульгарное самообожествление, так и не понял до конца, что он идет по путям антихриста, предваряя большевиков.

2. Фашизм мог и не создавать тоталитарного строя; он мог удовлетвориться авторитарной диктатурой, достаточно крепкой для того, чтобы а) искоренить большевизм и коммунизм и б) предоставить религии, печати, науке, искусству, хозяйству и некоммунистическим партиям свободу суждения и творчества в меру их политической лояльности.

3. Установление партийной монополии никогда и нигде не приведет к добру: лучшие люди отойдут в сторону, худшие повалят в партию валом; ибо лучшие мыслят самостоятельно и свободно, а худшие готовы приспособиться ко всему, чтобы только сделать карьеру. Поэтому монопольная партия живет самообманом: начиная «качественный отбор», она требует «партийного единомыслия»; делая его условием для политической правоспособности и дееспособности, она зовет людей к бессмыслию и лицемерию; тем самым она открывает настежь двери всевозможным болванам, лицемерам, проходимцам и карьеристам; качественный уровень партии срывается, и к власти приходят симулянты, взяточники, хищники, спекулянты, террористы, льстецы и предатели. Вследствие этого все недостатки и ошибки политической партийности достигают в фашизме своего высшего выражения; партийная монополия хуже партийной конкуренции (закон, известный нам в торговле, в промышленности и во всем культурном строительстве).

Русские «фашисты» этого не поняли. Если им удастся водвориться в России (чего не дай Бог), то они скомпрометируют все государственные и здоровые идеи и провалятся с позором.

4. Фашизм совсем не должен был впадать в политическую «манию грандиозу», презирать другие расы и национальности, приступать к их завоеванию и искоренению. Чувство собственного достоинства совсем не есть высокомерная гордыня; патриотизм совсем не зовет к завоеванию вселенной; освободить свой народ совсем не значит покорить или искоренить всех соседей. Поднять всех против своего народа – значит погубить его.

5. Грань между социализмом и социальными реформами имеет глубокое, принципиальное значение. Перешагнуть эту грань – значит погубить социальную реформу. Ибо надо всегда помнить, что социализм антисоциален, а социальная справедливость и социальное освобождение не терпят ни социализма, ни коммунизма.

6. Величайшей ошибкой фашизма было возрождение идолопоклоннического цезаризма. «Цезаризм» есть прямая противоположность монархизма. Цезаризм безбожен, безответственен, деспотичен; он презирает свободу, право, законность, правосудие и личные права людей; он демагогичен, террористичен, горделив; он жаждет лести, «славы» и поклонения; он видит в народе чернь и разжигает ее страсти; он аморален, воинствен и жесток. Он компрометирует начало авторитарности и единовластия, ибо правление его преследует цели не государственные и не национальные, а личные.

Франко и Салазар поняли это и стараются избежать указанных ошибок. Они не называют своего режима «фашистским». Будем надеяться, что и русские патриоты продумают ошибки фашизма и национал-социализма до конца и не повторят их.

Трагедия династии без трона

Республиканцы и революционеры девятнадцатого века достигли своей цели: троны поколеблены, большинство европейских династий – или свергнуто, или «отреклось», и из монархических государств сохранили свою форму только те, в которых власть монарха перестала быть властью и свелась к традиционной, хотя, может быть, и популярной в народе декорации…

Однако этим принцип единовластия отнюдь не устранен из политической истории. Он, правда, утратил свою религиозную санкцию, характер законности и дух ответственности; он перестал быть источником мирного порядка, нравственной основы государства, явлением права и правосознания. Но зато он появился в новом обличий, в обличий произвола и разврата, партийной монополии, революционного заговора и террора; он стал источником тоталитарного строя, бесправия, угнетения и культурного разложения. Законные государи низлагаются, и на их место становятся диктаторы и тираны.

Впрочем, республиканцы не имеют ни малейшего основания радоваться и торжествовать, ибо республиканские режимы не удаются, за исключением таких старых, можно сказать, «прирожденных» народоправств, как Швейцария и Соединенные Штаты, все республики – или вступают в длительный процесс переворотов, политического и военного разложения, или же явно тяготеют к диктатуре и превращаются в тирании. Кемаль Паша, Пилсудский, Хорти, Чан Кай Ши, Ульманис, Пяте, Сметона, Дольфус, Франко, Салазар, Перон и др. являются диктаторами; Ленин, Сталин, Муссолини, Гитлер, Тито – выступают в качестве

тиранов. И вот единовластие, подобно природе, изгоняется в дверь и вторгается в окно… Но вторгается оно обычно в таком искаженном виде и несет народам такие страшные тоталитарные извращения и унижения, что люди начинают помышлять о законной монархии как об утраченном эдеме…

Наряду с этой трагедией народов развертывается еще иная трагедия – трагедия династий и монархов, утративших свой наследственный престол. Естественно, что эту трагедию понимают и чувствуют только монархисты.

Трагедия законного государя начинается с разрыва между его обязанностями и правами. Его права не признаются и революционно отменяются, его лишают власти, его заставляют отречься, его удаляют из страны. В сущности говоря, его приговаривают к смерти. Однако законный государь (или его правопреемник) считает себя не просто носителем таких-то государственных «полномочий», наподобие президента республики, но пожизненно призванным и обязанным правителем своей страны. Монарх не может сложить с себя по личному произволению то религиозное призвание, которое возложено на него коронацией. Публично-правовые обязанности и политическая ответственность – вообще не погашаются людьми односторонне. Поэтому низложенный монарх – уступает внешнему насилию, но внутренне сохраняет верность своему призванию и своим обязанностям. А низложенная династия по-прежнему остается единым родом, призванным к замещению престола в данной стране. И монарх, и династия остаются пожизненно, как бы «на пикете» своего государства: «стражами» его судеб, живыми органами спасения для своего народа.

Это неизбежно вызывает в душе монарха трагическое самочувствие, ибо ведет к бессилию государя перед лицом его религиозно-государственного призвания, к внешней невозможности исполнять свои священные обязанности. Отсюда – гложущее чувство ответственности; гневный, но беспомощный протест против насилия; горечь отрыва от любимого народа; желание помочь ему при отсутствии путей и средств. Возникает что-то вроде пожизненной ссылки, с которой надо внешне примириться, не приемля ее внутренне; вечное пассивное созерцание революционных бедствий и тиранических унижений, а может быть, и прямого вымирания своего народа; и все это при воле к активной борьбе и при отсутствии точки для верного приложения этой воли…

К этой внутренней трагедии присоединяется целый ряд жизненных условий и отношений, которые увеличивают это духовное бремя и затрудняют его несение.

Низложенный монарх не может не думать о том, что он, в сущности говоря, предан своим народам и своими приверженцами (монархистами), ибо народ не вступился за него в час восстания революционного меньшинства, но пошел за революционерами; он не оборонил его и в часы изгнания и смертной опасности. А приверженцы его, привыкшие видеть в нем источник власти, почестей, наград, подарков и субсидий, не захотели «компрометировать себя» сношениями с ним в час беды и опасности, не сумели спасти его, не захотели или не смогли создать для него, потерявшего, быть может, всякие средства к жизни, ни личной охраны, ни необходимого и достойного материального обеспечения… Они покинули его и спасали себя; а спасшись, – или остались в стране (делать «карьеру» при революционном правительстве), или же ушли в эмигрантское рассеяние…

Далее, монарх, потерявший свой трон, но сохраняющий верность своему народу и призванию, вынужден примириться с тем, что его объявляют «претендентом», – прилагая к нему название пошлое и пренебрежительное… «Претендент» – есть что-то вроде отвергнутого и обиженного неудачника; или «сброшенного всадника», который все хочет и никак не может вскочить опять в седло… «Претендент» – что-то вроде просителя, которому вечно отказывают; это человек, которого, лишили прав и привилегий и который бесплодно мечтает, чтобы ему вернули эти привилегии…

А между тем законный государь ждет совсем не возврата «привилегий», он ищет не власти, а служения; он хочет совсем не почестей себе, а спасения, освобождения от тирании и возрождения для своего народа. Но люди не понимают его трагедии, меряют ее мерилом вульгарной политики и пишут о нем в газетах всевозможные сплетни и пошлости…

Все это усугубляется тем положением зависимости, к которому приводит его судьба. Если он вынужден покинуть свою страну, то он становится ищущим убежище эмигрантом и зависит от иностранных правительств, иногда враждебных его народу и его стране, а иногда прямо содействовавших его свержению. Если революция лишает его имущества и апанажа, то он вынужден искать приюта у своих иностранных родственников, и тогда он становится в зависимость от них. Если же нет этих гостеприимных родственников, то начинается период унизительной бедности и прямых лишений, с зависимостью или от работодателей, или от дальновидных и всегда небескорыстных «меценатов»… Эти «меценаты», предвидя его возможное возвращение к власти, окружают его целою сетью политических интриг, обусловливая свою помощь «моральными векселями» и стараясь связать его национальными, конфессиональными, политическими или партийными обязательствами на будущее время. История знает примеры, когда воцарившийся монарх должен был впоследствии, во имя блага народа, отказаться от исполнения этих навязанных ему «обязательств» и вернуть себе свободу действия, на что коварные «меценаты», опираясь на подлую доктрину о допустимости «монархоубиения», отвечали ему покушениями и убийством…

Монарх в изгнании не может вести самостоятельной политики за неимением территории, армии, правительственного аппарата и средств. Он вынужден – или бездействовать, или просить согласия и «покровительства» у иностранных правительств, или же заключать секретные соглашения направо и налево в наиневыгоднейший для своего народа час. Вспомним, например, что Бурбоны (Людовик XVIII и его племянник Герцог Ангулемский с 1805 года до 1814 года девять раз скромно просили у Императора Александра I помощи или «службы» или прямо «покровительства» – и девять раз встречали или прямой отказ или молчание; причем Император Александр титуловал Людовика XVIII в своих ответных письмах не «братом» и не «величеством», а просто «графом».

Не забудем еще, что активная политика требует точной и полной мировой осведомленности, для которой у правящего Государя имеется весьма разветвленный аппарат явной и тайной информации, – испытанный и верный… Монарх в изгнании лишен этого аппарата и всегда рискует стать жертвой своей недостаточной осведомленности или же безответственной и зложелательной дезинформации, особенно в наше время, когда мир кишит профессиональными диверсантами, интриганами и дезинформаторами, руководимыми из нескольких мировых центров и умеющими искусно приспособляться ко всякой среде и симулировать любые чувства.

Наконец, правящий Государь сам выбирает своих советников и сотрудников из всего состава своего народа, и советники эти знают, что государственное предательство наказуемо, тогда как монарх в изгнании имеет дело с весьма ограниченным кругом эмигрантов, нередко вынужден довольствоваться теми, которые сами навязываются ему (нередко из честолюбия, карьеризма или по соображениям еще более неприглядным и непроглядным); ответственность этих лиц минимальна и лишена санкций, и общение с ними предполагает величайшее личное доверие. Все это до последней степени затрудняет для монарха в изгнании всякую активную политику и усугубляет его личную политическую трагедию. Действовать с полной ответственностью он не может; действовать безответственно – он никогда не захочет. И чем больше территория и население его страны, чем сложнее ее проблематика, чем глубже переживаемая ею революция и чем менее другие страны и правительства разумеют особенности его страны, чем более иноземцы склонны насаждать «республику» и «федерацию» в монархической и унитарной стране, – тем затруднительнее и трагичнее его положение.

В подобном положении находятся ныне монархи и династии – России и Германии; королевств Баварии, Саксонии, Вюртемберга; великих герцогств – Бадена, Гессена, Мекленбург-Шверина, Саксен – Веймара, Мекленбург-Штрелица, Ольденбурга; и еще других пяти герцогств и семи княжеств германского союза; далее – монарха и династии Франции (две династии), Австрии, Италии, Португалии, Югославии, Болгарии, Румынии, Албании, Турции, Китая и в значительной степени – Испании (две династии) и Бельгии.

Эта политическая трагедия, как и всякая жизненная трагедия, должна изживаться с величайшим терпением и тактом.

Для восстановления династии на престоле должны назреть в самом народе внутренние – политические, нравственные и религиозные тяготения, способные проявиться активно и организованно; должен сложиться кадр монархистов, – людей чести, верности и государственного опыта; должна разложиться или просто рухнуть революционная или соответственно республиканская власть в стране; должна быть морально, политически и стратегически подготовлена международная конъюнктура. И, что особенно важно, – должна сложиться и окрепнуть вера в данную династию, как в духовный орган национального спасения и международного мира.

Все это – процессы медленного течения и органического характера, требующие от монархистов данной страны дальнозоркости, незапятнанных репутаций и величайшего политического такта.

Чутье зла

В этом наша беда и наша опасность: мы живем в эпоху воинствующего зла, а верного чутья для распознания и определения его не имеем. Отсюда бесчисленные ошибки и блуждания. Мы как будто смотрим – и не видим; видим – и не верим глазам; боимся поверить; а поверив, все еще стараемся «уговорить себя», что «может быть, все это не так»; и не к месту, и не вовремя сентиментально ссылаемся на евангельское «не судите» и забываем апостольское «измите злаго от вас самих» (Кор. 1. 5-13). Делаем ошибку и стыдимся сказать: «я ошибся», поэтому держимся за нее, длим ее, увязаем во зле и множим соблазны.

А воинствующее зло отлично знает нашу подслеповатость и беспомощность и развивает искуснейшую технику маскировки. Но иногда ему не нужно никакой особой техники: просто назовется иначе и заговорит, как волк в детской сказке, «тоненьким голосочком»: «Ваша мать пришла, молочка принесла»… А мы, как будто только этого и ждали, – доверчивые «козляточки», – сейчас «двери настежь» и на все готовы.

Нам необходима зоркость к человеческой фальши; восприимчивость к чужой неискренности: слух для лжи; чутье зла; совестная впечатлительность. Без этого мы будем обмануты как глупые птицы, переловлены, как кролики, и передавлены, как мухи на стекле.

В нас до сих пор живет ребяческая доверчивость: наивное допущение, что если человек что-нибудь говорит, то он и в самом деле думает то, что говорит; если обещает – то желает исполнить обещанное; если рассказывает о своем прошлом – то не врет; если развивает «планы», то сам относится к ним серьезно; если обвиняет другого, то «не станет же заведомо и злостно клеветать»; если восхваляет кого, то не потому, что ему пригрозили, наобещали или уже заплатили; если выставляет себя «патриотом», то никак не может принадлежать к враждебной контрразведке; если произносит священные слова, то не ради провокации; если носит какую-нибудь одежду (военную, духовную или иноземную), то и внутренне соответствует своему наряду; если располагает деньгами, то добыл их законным и честным путем; если обещает продовольственные посылки, то от сочувственной доброты и т. д. Мы, как маленькие дети, судим о внутреннем по внешности: по словам, по одежде, по статьям в газете и особенно по обещаниям, по личным комплиментам и по подачкам.

Но слова без дела не весят. У каждого из нас есть свое прошлое, состоящее из поступков, совершенных нами и, может быть, втайне совершаемых и ныне. Это прошлое отнюдь не подобно змеиной коже, периодически обновляющейся; напротив – оно вырастает у нас из души и сердца, оно остается внутренне вращенным и несется нами через всю жизнь; оно звучит в интонациях голоса, оно посверкивает во взгляде, оно сквозит в манерах, оно прорывается в оборотах речи и в аргументации, оно выдает нас. Иногда человек выдает себя одним взглядом, одним словом, одной постановкой вопроса.

Поэтому за словами должны стоять общеизвестные дела; и судить надо не по речам, а по делам. Человек должен иметь нравственное право на те слова, которые он произносит. Священные слова не могут прикрыть грязных дел. Великие лозунги не звучат из уст предателя. Надо быть духовно слепым и глухим, чтобы верить в искренность наемного агента. Наше

поколение богато отвратительным опытом лжи и лицемерия; мы обязаны иметь чутье зла и не имеем права поддаваться на соблазны.

И одежда не гарантирует ничего. Разве иерочекисты, прилетавшие в Париж и соблазнившие Митрополита Евлогия и Митрополита Серафима (Лукьянова), – были не в рясах? Разве Скоблин не имел права на форму белого генерала? Разве шулер не выдает себя слишком безукоризненным фраком и белоснежной рубашкой с бриллиантовыми запонками?

И газетные статьи не должны вводить нас в заблуждение. На статьи, как и на слова, и на речи, – человек должен иметь жизненное право, право, приобретенное делами жизни, ее мужеством, ее искренностью, ее жертвенностью, цельностью своего характера. Современный мир богат костюмированными писателями, уже не раз переодевшимися, писателями-наймитами, писателями «чего изволите», писателями-лицемерами и предателями. Надо научиться распознавать их.

Еще глупее верить «обещаниям». И под Советами, и в эмиграции мы видели множество «искусников», которые делают себе карьеру неисполняемыми, а часто и заведомо неисполнимыми обещаниями: суля другим впустую мнимую «конъюнктуру», они постепенно готовят самим себе настоящую.

Еще глупее верить хвалителям и льстецам. Лесть есть такая разновидность взятки, которая наказуема и которую люди не стыдятся брать: и «дал», и «не дал»; и «взял», и «не взял»; подкуп состоялся, а доказать его нельзя. Между тем льстец всегда есть в то же время клеветник: кто не даст подкупить себя лестью, тот будет им оклеветан. А нам надо помнить: современное человечество кишит нравственно – и политически – скомпрометированными людьми, которым необходимо скрыть или диссимулировать свое прошлое; ложь, лесть и клевета – их главное жизненное оружие.

Что же нам делать?

1) Отходить от зла и творить благо. Не замешиваться в ту праздную и вредную сумятицу партийной интриги и клеветы, которой столь многие отдают свои силы. Искать реальной борьбы, а не эмигрантской карьеры, которая всегда была и всегда будет пустозвоном. Надо быть, а не казаться; наносить удары врагу, а не считаться «эмигрантским проминентом».

2) Смыкать наши ряды. Упорно, неустанно искать людей, заслуживающих абсолютного доверия: людей совершенных дел; людей непоколебимого стояния; людей никогда и никуда не продававшихся и ни на что грязное не нанимавшихся; таких людей, что если ловкий клеветник представит нам «несуразные доказательства» их мнимой нечестности, то мы отвернемся от клеветника с омерзением. Надо находить людей абсолютного доверия и связываться с ними напрочно.

3) Постоянно крепить в себе чутье к добру и ко злу. Беречь свое чувство чести; не снижать его требований; твердо верить, что бесчестье есть мое поражение и переход в лагерь дьявола; и всякого нового человека мерить про себя требованием полной чести и честности. Всегда проверять свои впечатления и свой внутренний суд – в общении с людьми абсолютного доверия. От бесчестных решительно отходить; сомнительным не доверяться. Ни те, ни другие – не годятся для борьбы: продадут и предадут.

4) Учиться безошибочно отличать искреннего человека от неискреннего. Крепить в себе чувство фальши и слух для лжи. Бережно копить в себе соответственный жизненный опыт и делиться им с людьми абсолютного доверия. И всегда и во всех своих общественных ошибках отдавать себе ясный и честный отчет.

Что есть государство – корпорация или учреждение?

Когда мы находим в левых органах русской зарубежной прессы категорические заявления о том, что «теперь-де демократия признана всеми и окончательно», то мы изумляемся политической близорукости и партийной наивности этих писателей. На самом деле «демократия» переживает сейчас «великий и затяжной кризис», который может иметь только два исхода: или торжество диктатур и тираний тоталитарного направления (чего не дай Бог!), или же полное обновление демократического принципа в сторону отбора лучших и политического воспитания. Идея «формальной демократии», выдвинутая за последние полтораста лет в качестве всемирной политической панацеи (всеисцеляющего средства), уже

привела целый ряд государств, а за ними и все остальное человечество к величайшим затруднениям и бедствиям и уперлась в выросший из ее последовательного осуществления тоталитарный строй. Не видеть этого могут одни только доктринеры.

То, что в действительности произошло в мире за последние тридцать лет, есть духовное обличение и отражение тоталитарного строя, все равно – левого или правого; но совсем не политическое оправдание формальной демократии. Напротив, именно «формальная демократия» с ее внутренними пустотами, ошибками и соблазнами и привела к левому и правому тоталитаризму: эти два политических режима связаны друг с другом, как уродливая реакция на болезненное преувеличение, или как тирания, возникающая из распада; или как рабство, возвращающееся на того, кто не сумел найти и соблюсти духовно верную меру свободы. Ныне мы переживаем период, когда человечество еще не разочаровалось ни в формальной демократии, ни в право-левом тоталитаризме; когда одни наивно собираются лечить провалившийся тоталитаризм – формальной демократией, а другие организуются для того, чтобы заменить формальную демократию – правым или левым тоталитаризмом.

Мы же настаиваем для России на третьем исходе и считаем его единственно верным. Для того чтобы уразуметь его, надо поставить весь вопрос со всей возможной политико-юридической ясностью.

Государство как многоголовый (или совокупный) субъект права может быть или «корпорацией» или «учреждением». Что же оно есть на самом деле?

Спросим себя прежде всего: что есть «корпорация» и что есть «учреждение»?

Корпорация (например, кооператив) состоит из активных полномочных и равноправных деятелей. Они объединяются в единую организацию по своей свободной воле: хотят – входят в нее, не хотят – выходят из нее. Они имеют общий интерес и вольны признать его и отвергнуть. Если они признают его и входят в эту корпорацию, то они тем самым имеют и полномочие действовать для его удовлетворения. Они уполномочены формулировать свою общую цель, ограничивать ее, выбирать голосованием все необходимые органы, утверждать их и дезавуировать их, «отзывать» свою волю, погашать свои решения, обусловливать свое участие «постольку-поскольку». Кооперация начинает с индивидуума: с его мнения, изволения, решения; с его «свободы» и интереса. Она строится снизу вверх; она основывает все на голосовании; она организуется на свободно признанной (и соответственно свободно ограничиваемой, свободно отвергаемой) солидарности заинтересованных деятелей. «Все через народ» – идеал формальной демократии.

Напротив, жизнь учреждения (напр., больницы, гимназии) строится не снизу, а сверху (даже и тогда, когда само учреждение – учреждено всенародным голосованием). Люди, заинтересованные в жизни этого учреждения, получают от него благо и пользу, но не формулируют сами ни своего общего интереса, ни своей общей цели. Они не имеют и полномочия действовать от лица учреждения. Они «проходят» через него, но не составляют его и не строят его. Они пассивно принимают от учреждения – заботы, услуги, благодеяния и распоряжения. Не их слушаются в учреждении, а они слушаются в учреждении. Учреждение само решает, «принимает» оно их или нет; и если «принимает», на каких условиях и доколе. Они не выбирают его органов, не имеют права «дезавуировать» или «сменять» их; и даже не всегда могут самовольно отвергать его услуги и «уйти». Следовательно, учреждение строится по принципу опеки над заинтересованными людьми. Оно имеет свои права и обязанности, свой устав, свою организацию; но все это оно получает не от опекаемых; оно не с отчитывается перед ними, и органы его не выбираются, а назначаются. Больные в больнице не выбирают врачей; гимназисты в гимназии не могут сменить директора и инспектора, и кадеты не могут самовольно выйти из кадетского корпуса; студенты принимаются в университет, но не определяют его целей и задач, и профессора не слушаются их распоряжений. И поскольку государство есть учреждение, постольку народ в нем не управляет собою и не распоряжается, а воспитывается, опекается и повинуется.

И вот сторонники формальной демократии считают, что государство тем лучше организовано, чем последовательнее оно превращено в корпорацию. А сторонники тоталитарного строя убеждены, что государство тем лучше организовано, чем

последовательнее всякое самоуправление исключено и подавлено, чем больше государство превращено в учреждение. Принцип корпорации, проведенный последовательно до конца, погасит всякую власть и организацию, разложит государство и приведет его к анархии. Принцип учреждения, проведенный последовательно до конца, погасит всякую человеческую самодеятельность, убьет свободу личности и духа и приведет к каторге. Анархия не лечится каторгой; это варварство. Каторга не оздоравливается анархией: это безумие. Спасителен только третий путь. Какой же? И как найти его?

* * *

Прежде всего надо понять и до конца продумать, что корпоративный строй требует от граждан зрелого правосознания. Желающий участвовать в управлении государством должен уметь управлять самим собой, понимать сущность государства, его задачи и цели, органичность народной жизни, значение и смысл свободы, технику социальной организации, законы политики и хозяйства. Нет этого – и общий интерес остается неосознанным, подмененным частной корыстью и личными вожделениями, принцип солидарности остается пустым словом, общая цель утратится, полномочие будет подменено «кулачным правом»; начнется фальсификация государственности и развал. Государство погибнет или сложится вновь по типу диктаториального учреждения.

И вот по отношению ко всем гражданам с незрелым правосознанием (дети, несовершеннолетние, душевнобольные, дикари, политически бессмысленные, уголовно-преступные, аморальные, жадные плуты и т. п.) – государство всегда останется опекающим учреждением. Тех, кто не способен осознать и жизненно оформить свой общественный интерес и кому нелепо давать право голоса, – государство всегда будет опекать и вести.

Но и этим дело не ограничивается. Люди вообще живут на свете не для того, чтобы убивать свое время и силы на политическую организацию, а чтобы творить культуру. Политика не должна поглощать их досуга и отрывать их от работы, а обеспечивать им порядок, свободу, законность, справедливость и технически-хозяйственные удобства жизни. Кипение в политических разногласиях, страстях и интригах, в тщеславии, честолюбии и властолюбии – есть не культура, а растрата сил и жизненных возможностей. Поэтому политика не должна поглощать времени и воли больше, чем это необходимо. Корпоративный строй склонен растрачивать народные силы; строй учреждения, если он на высоте, экономит их.

В довершение всего – политическое дело требует особых знаний, изучения, подготовки, опыта и таланта, которыми «все» никогда не обладали и обладать не будут; политическое строительство всегда было и всегда будет делом компетентного меньшинства.

Поэтому государство никогда не перестанет строиться по типу учреждения, особенно в тех отношениях, где необходимы единая власть и дисциплина: а именно – в делах общественного воспитания, порядке, суда управления, обороны, дипломатии и некоторых других. Это совсем не означает, что принцип самоуправления исключается из государственной жизни и строительства, что он осуждается и отвергается; но это означает, что сфера его применения по самому существу дела ограничена: 1) принудительным характером государственного союза вообще (подданство – гражданство, лояльность без всякого «постольку-поскольку», налоги, воинская повинность, судебный приговор и наказание); 2) самой техникой государственного и в особенности военного строительства (вопросы, требующие тайны и личной ответственности, вопросы стратегии и тактики – не голосуются); 3) наличным уровнем правосознания в стране; 4) необходимой экономией сил (люди живут на свете решительно не для того, чтобы политиканствовать).

Все это означает, что современные крайности (формальной демократии и тоталитарного режима) являются нездоровыми заблуждениями. Государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится – и сверху, и снизу – и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления. Есть государственные дела, в которых уместно и полезно корпоративное самоуправление; и есть такие дела, в которых оно решительно неуместно и недопустимо. Голосование в русской армии в 1917 году были проявлением политического кретинизма и революционной интриги (одновременно). Подобно этому есть государственные дела, которые могут вестись только по принципу

властного предписания, назначения и взыскания; и есть такие дела, в которых необходимо самоуправление, ибо тоталитарный централизм убивает в них жизнь (срав. советский строй). Нелепо строить все государство по схеме больницы или школы, ибо государственно зрелые граждане не больные и не школьники; их осознанная солидарность драгоценна, их политическая активность необходима, их публично-правовая уполномоченность зиждительна; все это есть могучий политический цемент.

Это означает также, что политик, организующий государство, должен считаться прежде всего с наличным в данной стране и в данную эпоху уровнем народного правосознания, определяя по нему то жизненное сочетание из учреждения и корпорации, которое будет наилучшим «при данных условиях жизни».

Такими условиями жизни являются:

1. Территория и ее размеры (чем больше эти размеры, тем необходимее сильная власть и тем труднее проводить корпоративный строй)..

2. Плотность населения (чем больше она, тем легче организация страны; чем меньше она, тем необходимее начало учреждения).

3. Державные задачи государства (чем грандиознее они, тем меньшему числу граждан они понятны и доступны, тем выше должен быть уровень правосознания, тем труднее корпоративный строй).

4. Хозяйственные задачи страны (с примитивным хозяйством маленькой страны может легко управиться и корпоративное государство).

5. Национальный состав страны (чем он однороднее, тем легче народу самоуправляться).

6. Религиозная принадлежность народа (однородная религиозность масс облегчает управление, разнородная – затрудняет; обилие противогосударственных сект – может стать прямой государственной опасностью и т. д.).

7. Социальный состав страны (чем он первобытное и проще, тем легче дастся народу солидарность, тем проще управление).

8. Культурный уровень народа (чем он ниже, тем необходимее начало учреждения).

9. Уклад народного характера (чем устойчивее и духовно-индивидуализированнее личный характер у данного народа, тем легче осуществить корпоративный строй; народ индивидуализированный не духовно, а только биологически, и притом бесхарактерный – может управляться только властною опекой).

Все это указуется здесь только для примера; при всем этом подразумевается оговорка «при прочих равных условиях».

Итак: единого мерила, единого образцового строя для всех народов и государств нет и быть не может. И тот, кто вечно твердит «все через народ», – обнаруживает свое верхоглядство и свою политическую неспособность.

Идея «государства – учреждения» представлена в истории началом монархическим (и диктаториальным); несмотря на это, монархическая форма государства способна уживаться с самым широким кооперативным самоуправлением (напр. Англия; Россия до 1917 г.).

Идея «государства – корпорации» представлена в истории началом республиканским (и демократическим); несмотря на это, республиканская форма государства способна вырождаться в сущий тоталитаризм, приближаясь к диктатуре (Германия после 1933 года; Россия после 1917 года).

Крайние лозунги – «все сверху» и «все снизу», – столь соблазнительные для людей примитивного мышления и страстного темперамента, одинаково несостоятельны и опасны. Тот, кто попытается делать все «сверху», – убьет творческую самостоятельность своего народа, отвратит его от себя, ожесточит его, изолирует себя, захлебнется в сетях формальной и продажной бюрократии и подорвет жизненную силу своего государства, независимо от того, будет ли он левым или правым тоталитаристом. Тот, кто попытается строить все «снизу», – разложит государство на систему маленьких и бессильных общинок, сделает невозможным единение и правопорядок, даст преобладание дурному количеству над творческим качеством, захлебнется в волнах демагогии и смуты и очнется под пятой у тирана.

Государство по самому существу своему есть организация не частноправовая, наподобие кооператива, добровольно-свободная, а публично правовая, властно-повелительная, обязательно-принудительная. И этим одним уже предопределено, что оно никогда не перестанет быть учреждением и никогда не превратится в кооперацию чистой воды. Дух учреждения может временно отступать на задний план, но горе той республике или демократии, на которой он выветрится совсем! В час смуты, революции, войны, стихийного бедствия, общей опасности, голода, заразы – самая демократическая, архифедеративная республика вспомнит о ведущей, повелевающей и принудительной опеке учреждения и не будет решать «все через народ», как этого требовали наши русские сверхдемократические головотяпы в 1917 г.

Грядущей России предстоит найти для себя – свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из «учреждения» и «корпорации», которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным, начиная от наличного в России пореволюционного правосознания и кончая национальной территорией.

Перед лицом такой творческой задачи – призывы зарубежных партий к формальной демократии остаются наивными, легкомысленными и безответственными.

Почему мы верим в Россию?

Где бы мы, русские люди, ни жили, в каком бы положении мы ни находились, нас никогда и нигде не покидает скорбь о нашей родине, о России. Это естественно и неизбежно: эта скорбь не может и не должна нас покидать. Она есть проявление нашей живой любви к родине и нашей веры в нее.

Чтобы быть и бороться, стоять и победить, нам необходимо верить в то, что не иссякли благие силы русского народа, что не оскудели в нем Божий дары, что по-прежнему лишь на поверхности омрачненное живет в нем его исконное боговосприятие, что это омрачение пройдет и духовные силы воскреснут. Те из нас, которые лишатся этой веры, утратят цель и смысл национальной борьбы и отпадут, как засохшие листья. Они перестанут видеть Россию в Боге и любить ее духом; а это значит, что они ее потеряют, выйдут из ее духовного лона и перестанут быть русскими.

Быть русским значит не только говорить по-русски. Но значит – воспринимать Россию сердцем, видеть любовью ее драгоценную самобытность и ее во всей вселенской истории неповторимое своеобразие, понимать, что это своеобразие есть Дар Божий, данный самим русским людям, и в то же время – указание Божие, имеющее оградить Россию от посягательства других народов и требовать для этого дара – свободы и самостоятельности на земле. Быть русским значит созерцать Россию в Божьем луче, в ее вечной ткани, ее непреходящей субстанции и любовью принимать ее как одну из главных и заветных святынь своей личной жизни. Быть русским значит верить в Россию так, как верили в нее все русские великие люди, все ее гении и ее строители. Только на этой вере мы сможем утвердить нашу борьбу за нее и нашу победу. Может быть, и не прав Тютчев, что «в Россию можно только верить», ибо ведь и разуму можно многое сказать о России, и сила воображения должна увидать ее земное величие и ее духовную красоту, и воле надлежит совершить и утвердить в России многое. Но и вера необходима: без веры в Россию нам и самим не прожить, и ее не возродить.

Пусть не говорят нам, что Россия не есть предмет для веры, что верить подобает в Бога, а не в земные обстояния. Россия перед лицом Божьим, в Божьих дарах утвержденная и в Божьем луче узренная – есть именно предмет веры, но не веры слепой и противоразумной, а веры любящей, видящей и разумом обоснованной. Россия, как цепь исторических явлений и образов, есть, конечно, земное обстояние, подлежащее научному изучению. Но и самое это научное не должно останавливаться на внешней видимости фактов; оно должно проникать в их внутренний смысл, в духовное значение исторических явлений, к тому единому, что составляет дух русского народа и сущность России. Мы, русские люди, призваны не только знать историю своего отечества, но и видеть в ней борьбу нашего народа за его самобытный духовный лик.

Мы должны видеть наш народ не только в его мятущейся страстности, но и в его смиренной молитве; не только в его грехах и падениях, но и в его доброте, в его доблести, в его подвигах; не только в его войнах, но и в сокровенном смысле этих войн. И особенно – в том скрытом от постороннего глаза направлении его сердца и воли, которым проникнута вся его история, весь его омолитвованный быт. Мы должны научиться видеть Россию в Боге – ее сердце, ее государственность, ее историю. Мы должны по-новому – духовно и религиозно осмыслить всю историю русской культуры.

И, когда мы осмыслим ее так, тогда нам откроется, что русский народ всю свою жизнь предстоял Богу, искал, домогался и подвизался, что он знал свои страсти и свои грехи, но всегда мерил себя Божьими мерилами; что через все его уклонения и падения, несмотря на них и вопреки им, душа его всегда молилась и молитва всегда составляла живое естество его духа.

Верить в Россию значит видеть и признавать, что душа ее укоренена в Боге и что ее история есть возрастание ее от этих корней. Если мы в это верим, то никакие «провалы» на ее пути, никакие испытания ее сил не могут нас страшить. Естественна наша неутихающая скорбь о ее временном унижении и о мучениях, переносимых нашим народом; но неестественно уныние или отчаяние.

Итак, душа русского народа всегда искала своих корней в Боге и в Его земных явлениях: в правде, праведности и красоте. Когда-то давно, может быть еще в доисторические времена, был решен на Руси вопрос о правде и кривде, решен и запечатлен приговором в сказке.

«Надо жить по Божьи… Что будет, то и будет, а кривдой жить не хочу»… И на этом решении Россия строилась и держалась в течение всей своей истории – от Киево-Печерской Лавры до описанных у Лескова «Праведников» и «Инженеров-Бессеребренников»; от Сергия Преподобного до унтер-офицера Фомы Данилова, замученного в 1875 году кипчаками за верность вере и родине; от князя Якова Долгорукова, прямившего стойкой правдой Петру Великому, до умученного большевиками исповедника – Митрополита Петербургского Веньямина.

Россия есть прежде всего – живой сонм русских правдолюбцев, «прямых стоятелей», верных Божьей правде. Какою-то таинственной, могучей уверенностью они знали-ведали, что видимость земной неудачи не должна смущать прямую и верную душу; что делающий по Божьи побеждает одним своим деланием, строит Россию одним своим (хотя бы и одиноким, и мученическим) стоянием. И тот из нас, кто хоть раз попытался объять взором сонм этих русских стоятелей, тот никогда не поверит западным разговорам о ничтожности славянства, и никогда не поколеблется в своей вере в Россию.

Россия держалась и строилась памятью о Боге и пребыванием в Его живом и благодатном дуновении. Вот почему, когда русский человек хочет образумить своего ближнего, он говорит ему: «Побойся Бога!» – а укоряя, произносит слова: «Бога в тебе нет!». Ибо имеющий Бога в себе носит в своей душе живую любовь и живую совесть: две благороднейшие основы всякого жизненного Служения, – священнического, гражданского и военного, судейского и царского. Это воззрение исконное, древнерусское; оно-то и нашло свое выражение в указе Петра Великого, начертанном на Зерцале: «Надлежит пред суд чинно поступать, понеже суд Божий есть, проклят всяк, творяй дело Божье с небрежением». Это воззрение выражал всегда и Суворов, выдвигая идею русского воина, сражающегося за дело Божье. На этом воззрении воспитывались целые поколения русских людей, – и тех, что сражались за Россию, и тех, что освобождали крестьян от крепостного права (на основах, не осуществленных нигде в мире, кроме России), и тех, что создавали русское земство, русский суд и русскую школу предреволюционного периода.

Здоровая государственность и здоровая армия невозможны без чувства собственного духовного достоинства, а русский человек утверждал его на вере в свою бессмертную, Богу предстоящую и Богом ведомую душу: вот откуда у русского человека то удивительное религиозно-эпическое и спокойное восприятие смерти – и на одре болезни, и в сражении, которое было отмечено не раз в русской литературе, в особенности у Толстого и Тургенева.

Но здоровая государственность и здоровая армия невозможны и без верного чувства ранга. И прав был тот капитан у Достоевского, который ответил безбожнику: «Если Бога нет, то

какой же я после этого капитан?» Творческая государственность требует еще мудрости сердечной и вдохновенного созерцания, или, по слову Митрополита Филарета, сказанному во время коронования Императора Александра II – она требует, «наипаче таинственного осенения от Господня Духа владычного, Духа премудрости и ведения, Духа совета и крепости».

Этим духом и держалась Россия на протяжении всей своей истории, и отпадения ее от этого духа всегда вели ее к неисчислимым бедам. Поэтому верить в Россию, значит принимать эти глубокие и великие традиции, – ее воли к качеству, ее своеобразия и служения, укореняться в них и уверенно строить на них ее возрождение.

И вот когда западные народы ставят нам вопрос, почему же мы так непоколебимо уверены в грядущем возрождении и восстановлении России, то мы отвечаем: потому что мы знаем историю России, которой вы не знаете, и живем ее духом, который вам чужд и недоступен.

Мы утверждаем духовную силу и светлое будущее русского народа в силу многих оснований, из коих каждое имеет свой особый вес и кои все вместе ведут нас в глубину нашей веры и нашей верности.

Мы верим в русский народ не только потому, что он доказал свою способность к государственной организации и хозяйственной колонизации, политически и экономически объединив одну шестую часть земной поверхности; и не только потому, что он создал правопорядок для ста шестидесяти различных племен, – разноязычных и разноверных меньшинств, столетиями проявляя ту благодушную гибкость и миролюбивую уживчивость, перед которой с таким радостным чувством преклонился однажды Лермонтов («Герой нашего времени», глава I, «Бэла»); и не только потому, что он доказал свою великую духовную и национальную живучесть, подняв и пересилив двухсотпятидесятилетнее иго татар;

и не только потому, что он, незащищенный естественными границами, пройдя через века вооруженной борьбы, проведя в оборонительных войнах две трети своей жертвенной жизни, одолел все свои исторические бремена и дал к концу этого периода высший в Европе средний уровень рождаемости: 47 человек в год на каждую тысячу населения; и не только потому, что он создал могучий и самобытный язык, столь же способный к пластической выразительности, сколь к отвлеченному парению, – язык, о котором Гоголь сказал: «Что ни звук, то и подарок, и право, иное название еще драгоценнее самой вещи»… («Выбранные места из переписки с друзьями»);

и не только потому, что он создавая свою особую национальную культуру, доказал – и свою силу творить новое, и свой талант претворять чужое, и свою волю к качеству и совершенству, и свою даровитость, выдвигая из всех сословий «собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов» (Ломоносов);

и не только потому, что он выработал на протяжении веков свое особое русское правосознание (русский предреволюционный суд, труды российского Сената, русская юриспруденция, сочетающая в себе христианский дух с утонченным чувством справедливости и неформальным созерцанием права);

и не только потому, что он создал прекрасное и самобытное искусство, вкус и мера, своеобразие и глубина которого доселе еще не оценены другими народами по достоинству – ни в хоровом пении, ни в музыке, ни в литературе, ни в живописи, ни в скульптуре, ни в архитектуре, ни в театре, ни в танце;

и еще не только потому, что русскому народу даны от Бога и от природы неисчерпаемые богатства, надземные и подземные, которые обеспечивают ему возможность, – в самом крайнем и худшем случае успешного вторжения западных европейцев в его пределы, – отойти в глубь своей страны, найти там все необходимое для обороны и для возвращения отнятого расчленителями и отстоять свое место под Божьим солнцем, свое национальное единство и независимость…

Мы верим в Россию не только по всем этим основаниям, но, конечно, мы находим опору и в них. За ними и через них сияет нам нечто большее: народ с такими дарами и с такой судьбой, выстрадавший и создавший такое, не может быть покинут Богом в трагический час своей истории. Он в действительности и не покинут Богом, уже в силу одного того, что душа

его искони укоренялась и укоренилась в молитвенном созерцании, в искании горнего, в служении высшему смыслу жизни. И если временно омрачилось око его, и если единожды поколебалась его сила, отличающая верное от соблазна, – то страдания очистят его взор и укрепят в нем его духовную мощь…

Мы верим в Россию потому, что созерцаем ее в Боге и видим ее такою, какой она была на самом деле. Не имея этой опоры, она не подняла бы своей суровой судьбы. Не имея этого живого источника, она не создала бы своей культуры. Не имея этого дара, она не получила бы и этого призвания. Знаем и разумеем, что для личной жизни человека – 25 лет есть срок долгий и тягостный. Но в жизни целого народа с тысячелетним прошлым этот срок «выпадения» или «провала» не имеет решающего значения: история свидетельствует о том, что на такие испытания и потрясения народы отвечают возвращением к своей духовной субстанции, восстановлением своего духовного акта, новым расцветом своих сил. Так будет и с русским народом. Пережитые испытания пробудят и укрепят его инстинкт самосохранения. Гонения на веру очистят его духовное око и его религиозность. Изжившиеся запасы зависти, злобы и раздорливости отойдут в прошлое. И восстанет новая Россия.

Мы верим в это не потому, что желаем этого, но потому, что знаем русскую душу, видим путь, пройденный нашим народом, и, говоря о России, мысленно обращаемся к Божьему замыслу, положенному в основание русской истории, русского национального бытия.

О тоталитарном режиме

Еще тридцать лет тому назад никому и в голову не приходило включать в науку права понятие «тоталитарного» государства; не потому, чтобы идея такого государства никогда не появлялась на горизонте историка (это было бы неверно!), а потому, что такой режим казался невозможным и никто его не злоумышлял. Если бы даже кто-нибудь «выдумал» его (срав. напр. проект Шигалева-Верховенского в «Бесах» Достоевского!), то все сказали бы: нет, на земле не найдется ни таких бессовестных и безумных людей, ни таких чудовищных государственных учреждений, ни таких технических орудий и приспособлений, чтобы осуществить эту всепроникающую, всенасилующую, всерастлевающую политическую машину. Но вот тоталитарный режим стал историческим и политическим фактом, и мы вынуждены с этим считаться: и люди нашлись, и учреждения развернулись, и техника явилась к услугам людей.

Что же такое тоталитарный режим ?

Это есть политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан, включивший всю их деятельность в объем своего управления и принудительного регулирования. Слово «тотус» означает по латыни «весь, целый». Тоталитарное государство есть всеобъемлющее государство. Оно отправляется от того, что самодеятельность граждан не нужна и вредна, а свобода граждан опасна и нетерпима. Имеется единый властный центр: он призван все знать, все предвидеть, все планировать, все предписывать. Обычное правосознание исходит от предпосылки: все не запрещенное – позволено; тоталитарный режим внушает совсем иное: все не предписанное – запрещено. Обычное государство говорит: у тебя есть сфера частного интереса, ты в ней свободен; тоталитарное государство заявляет: есть только государственный интерес, и ты им связан. Обычное государство разрешает: думай сам, веруй свободно, строй свою внутреннюю жизнь, как хочешь; тоталитарное государство требует: думай предписанное, не веруй совсем, строй свою внутреннюю жизнь по указу. Иными словами: здесь управление – всеобъемлющее; человек всесторонне порабощен; свобода становится преступной и наказуемой.

Отсюда явствует, что сущность тоталитаризма состоит не столько в особой форме государственного устройства (демократической, республиканской или авторитарной), сколько в объеме управления: этот объем становится всеохватывающим. Однако такое всеобъемлющее управление осуществимо только при проведении самой последовательной диктатуры, основанной на единстве власти, на единой исключительной партии, на монополии работодательства, на всепроникающем сыске, на взаимодоносительстве и на беспощадном терроре. Такая организация управления позволяет придать собственно государственной форме

любой вид: советский, федеративный, избирательный, республиканский или иной. Важна не государственная форма, а организация управления, обеспечивающая всеохват; до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбачьей лодки и церковной исповедальни.

Это означает, что тоталитарный режим держится не основными законами, а партийными указами, распоряжениями и инструкциями. Поскольку законы вообще еще имеются, они всецело подчинены партийным инструкциям. Поскольку государственные органы еще с виду действуют, они слагают только показную оболочку партийной диктатуры. Поскольку «граждане» ещё существуют, они суть только субъекты обязанностей (но не прав! не полномочий!) и объекты распоряжений; или иначе: индивидуальные люди суть рабочие машины, носители страха и симулянты сочувственной лояльности. Это есть строй, в котором нет субъектов права, нет законов, нет правового государства. Здесь правосознание заменено психическими механизмами – голода, страха, муки и унижения; а творческий труд – психофизическим механизмом рабского надрывного напряжения.

Поэтому тоталитарный режим не есть – ни правовой, ни государственный режим. Созданный материалистами, он весь держится на животных и рабских механизмах «тела-души»; на угрожающих приказах рабонадзирателей; на их, внушенных им сверху, произвольных распоряжениях. Это не государство, в котором есть граждане, законы и правительство; это социально-гипнотическая машина; это жуткое и невиданное в истории биологическое явление – общество, спаянное страхом, инстинктом и злодейством, – но не правом, не свободой, не духом, не гражданством и не государством.

Если же все-таки говорить о форме этой организации, хотя и не правовой и противоправной, то это есть рабовладельческая диктатура невиданного размера и всепроникающего захвата.

Правовое государство покоится всецело на призвании человеческой личности – духовной, свободной, полномочной, управляющей собою в душе и в делах, т. е. оно покоится на лояльном правосознании. Тоталитарный режим, напротив того, покоится на террористическом внушении. Людям грозит: безработица, лишенчество, разлука с семьей, гибель семьи и детей, арест, тюрьма, инквизиционные допросы, унижения, избиения, пытки, ссылка, гибель в каторжном концлагере от голода, холода и переутомления, под давлением этого всеохватывающего страха им внушается: полная покорность, безбожно материалистическое мироощущение, систематическое доносительство, готовность к любой лжи и безнравственности и согласие жить впроголодь и впрохолодь при надрывном труде. И сверх того, им внушается «пафос коммунистической революции» и нелепое чувство собственного превосходства над всеми другими народами; иными словами: гордыня собственного безумия и иллюзия собственного преуспеяния. Под влиянием этого террористического гипноза они заражаются слепой верою в противоестественный коммунизм, трагикомическим самомнением и презрительным недоверием ко всему, что идет не из (советской! коммунистической!) псевдо-России.

Этот гипноз инфильтрирует и калечит их души – давно, десятилетиями, в поколениях; они уже не замечают его происхождения; они не понимают, откуда в них эта одержимость гордынею, и некоторые из них (слава Богу – не все!), попав за границу, блуждают в таком болезненном, тоталитарном душевном состоянии по лицу земли, никому не доверяя, злобою и презрением встречая более ранних эмигрантов и впадают от времени до времени в припадки болезненного самомнения. Это остатки тридцатилетнего гипноза, которые могут быть лишь постепенно изжиты и преодолены. Таковы своеобразные черты этого болезненного и чудовищного режима.

От демократии к тоталитаризму

В наше время существует довольно распространенный предрассудок, будто демократический строй обеспечивает человеческое общество от тоталитарного режима и будто

всякое отступление от демократии в сторону авторитарного строя приближает народы к тоталитаризму. Верно ли это?

Обе эти формы государства, – и авторитарная и демократическая, – хорошо известны нам из истории. Всякое государство, управляемое властью, независимо от народного избрания и контроля, является авторитарным государством: таковы все патриархальные общины, все теократические государства, все диктаториальные республики, все аристократические – наследственные республики, все единоличные диктатуры и все неограниченные монархии. Авторитарный строй не исключает народного представительства, но дает ему лишь совещательные права: глава государства (единоличный или коллективный) выслушивает советы народа, но правит самостоятельно.

Такое авторитарное законодательство и правление отнюдь не ведет к тоталитарному режиму. Тоталитаризм состоит в исключении всей и всякой самодеятельности граждан: их личной свободы, их корпоративной организации, их местного и профессионального самоуправления, их усмотрения в делах личных и семейных, их хозяйственной инициативы и их культурной самодеятельности. Такой (или приближающийся к нему) режим отмечается в истории человечества в виде редкого и кратковременного исключения, в виде проваливающихся опытов, отнюдь не связанных с авторитарною формою государства. Такой режим и не мог быть последовательно проведен до XIX века в силу отсутствия технических условий (железных дорог, телеграфа, телефона, радио, авиации) и административной изощренности (организация всеобщей зависимости и взаимодоносительства); он появился впервые, строго говоря, лишь в XX веке. Для нас поучительна история России: наша страна политически сложилась, окрепла и культурно расцвела при авторитарной форме государства, а ныне нищенствует, терпит унижение, прекратила свой культурный рост и вымирает физически – именно при тоталитарном режиме…

Этот режим определяется тотальным объемом государственного регулирования. А между тем авторитарный строй совсем не покушается на такой объем: он может довольствоваться малым объемом административного вмешательства и совсем не претендовать на всестороннюю навязчивую опеку жизни. Мало того, великие государи всегда стремились приучить граждан к свободной самодеятельности и развязать их инициативу. И когда продажные писаки, желая угодить левым или правым тоталитаристам, начинают приписывать тоталитарные тенденции Петру Великому, то они обнаруживают только свое невежество и свою лживость. Петр Великий имел одну великую, осознанную им самим, задачу: пробудить творческую инициативу русского человека во всех областях жизни; и то, что он сам называл «приневоливанием народа», было пробуждением его воли к живой самодеятельности.

И вот, не следует представлять себе дела так, что авторитарный строй ведет к тоталитаризму, а демократический строй спасает и обеспечивает народы от него. Именно демократический строй может обнаружить склонность к систематическому расширению своего административного захвата. Этот процесс мы и наблюдаем теперь в Европе.

Тяготение к вмешательству во все стороны жизни для властного регулирования ее возникло в истории – или по теократически-церковным мотивам, или же из демократически-социалистических побуждений.

Так, идея всепоглощающего, выдвинутая Платоном (V-VI века до Р.Х.), носила характер теократический (власть богосозерцающих философов): он хотел подвергнуть регулированию всю жизнь граждан (до собственности, брака, воспитания и музыки включительно). Попытка католического монаха Савонаролы ввести во Флоренции церковно-государственно-принудительную добродетель (1494-1497) носила также теократически-клерикальный характер. Правление реформата Кальвина в Женеве (1541-1564), пытавшееся подвергнуть государственному регулированию верования, нравы, развлечения, поступки и даже выражение лиц у граждан и не останавливавшееся перед организацией сыска и доносов, а также перед изгнаниями и казнями (1542-1546 было казнено 58 человек и 75 изгнано), – имело также клерикально-теократический характер. Такой же характер был присущ и сентиментально-коммунистическому государству иезуитов в Парагвае (XVII-XVIII в.).

С другой стороны, социализм, как хозяйственный, а потом и культурно-бытовой тоталитаризм носил с самой древности революционно-демократический характер. Таков был уже древнекитайский коммунизм (более чем за 1000 лет до Р.Х.). Еще ярче выражена эта тенденция в коммунистическом заговоре Абдаллы Ибн-Маймуна (IX век до Р.Х.), который привел к установлению общности имущества и жен в отдельных местностях Хузистана и Аравии. Европейский социализм последних веков возрождает эту тенденцию и выступает под флагом революционной демократии. Французской революции (конец XVIII века) с ее демократической диктатурой, с ее террором и тоталитарными тяготениями осталось сделать только один шаг до полного коммунизма, к которому ее и пытался привести коммунист Бабеф (1797), впрочем, своевременно обезглавленный.

В течение всего XIX века именно революционная демократия Европы, продолжая считать себя демократией, проповедовала и готовила предельное расширение государственно-административного объема, т. е. приближение к тоталитарному режиму; большевики же суть не что иное, как крайнее, волевое и последовательное ответвление этого потока. И ныне после страшных и показательных опытов левого тоталитаризма в России, а потом и в Польше, Чехии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Югославии, и Восточной Германии, – именно европейская социал-демократия делает все возможное, чтобы осуществить во всех демократических странах хозяйственный и культурный тоталитаризм (начиная с промышленности и кончая «национализацией» врачебной помощи и т. п.)… Вот почему противопоставление демократии и тоталитаризма – есть предрассудок, иллюзия и ошибка.

Правда, демократическое государство может обнаруживать и свободолюбивые тяготения и отстаивать свободу и самодеятельность граждан; так обстоит ныне в Швейцарии и в Соединенных Штатах. Но демократическое государство может выдвинуть и тоталитарно-настроенное большинство (напр. в Англии, Швеции), которое и начнет вводить тоталитарно-социалистический режим по всем правилам всеобще равного голосования, парламентских заседаний и министерств. Об этом и стараются ныне европейские социал-демократы при громких и сочувственных восклицаниях нью-йоркского «Социалистического Вестника». Ибо социал-демократы всех стран являются по их основному замыслу и плану третьей по счету тоталитарной партией мира (после коммунистов и наци-фашистов). И то обстоятельство, что они пытаются осуществить свой левый тоталитаризм в эволюционном порядке и по всем правилам формальной демократии, нисколько не делает их не-тоталитаристами. Тоталитарная каторга, введенная постепенно, не меняет своей природы; и мы отлично помним, какой социал-демократический гнет царил в Австрии перед приходом к власти Дольфуса, и в Латвии – перед приходом к власти Ульманиса.

Итак, демократический строй нисколько не обеспечивает народы от тоталитарного режима. Постепенное введение социализма будет означать переход к диктатуре социалистического большинства, но не забудем, большинства, составленного по условным и искажающим схемам формальной демократии.

Тоталитарную природу социализма начали ныне понимать и среди самих социалистов. Там и сям в их среде стали сконфуженно поговаривать и пописывать, что они-де «не хотят тоталитарности», что они попытаются «сочетать социализм со свободою»; или еще, что они хотят «не социализма», а «свободолюбивых социальных реформ». Но этот растерянный лепет не меняет плана, выношенного за 100 лет. Их товарищи, находящиеся у власти, делают свое дело, и логика политического развития определят судьбу их тоталитарной затеи.

Мировая политика русских государей

21 января 1933 года в № 4690 французского журнала L'Jllustration была напечатана достопримечательная статья итальянского историка Гуилельмо Ферреро, проведшего последнюю часть своей жизни в Женеве и скончавшегося там же в 1941 году.

Статья, озаглавленная «Прежняя Россия и мировое равновесие», высказывает ряд верных и справедливых мыслей о мировой политике русских Государей в 19 веке. Эти мысли прозвучали в Европе как в стране глухонемых и не оказали, конечно, ни малейшего влияния на укоренившееся здесь общественное мнение. Европа не знает России, не понимает ее народа, ее истории, ее общественно-политического строя и ее веры. Она никогда не понимала и ее

Государей, огромности их задания, их политики, благородства их намерений и человеческого предела их возможностей…

И, странное дело, каждый раз, как кто-нибудь знающий пытается высказать правду и поправить дело всеобщего невежества, он наталкивается на уклончивое безразличие и недружелюбное молчание. Ему не возражают, его не опровергают, а просто – «остаются при своем». Европе не нужна правда о России; ей нужна удобная для нее неправда. Ее пресса готова печатать о нас самый последний вздор, если этот вздор имеет характер хулы и поношения. Достаточно любому ненавистнику России, напр., из «Грушевских украинцев», распространиться о пресловутом поддельном «завещании Петра Великого», о «московитском империализме», якобы тождественном с коммунистическим мирозавоеванием, и о «терроре царизма», – и европейские газеты принимают эту лживую болтовню всерьез, как новое оправдание для их застарелого предубеждения. Им достаточно произнести это политически и филологически-фальшивое словечко «царизм», – и они уже понимают друг друга, укрывая за ним целое гнездо дурных аффектов: страха, высокомерия, вражды, зависти и невежественной клеветы…

Нам надо понять это отношение, это нежелание правды, эту боязнь действительности. Все видимое преклонение европейца перед «точным знанием», перед «энциклопедической образованностью», перед «достоверной информацией», словом, – вся этика истины – смолкает, как только дело коснется России. Европейцам «нужна» дурная Россия: варварская, чтобы «цивилизовать» ее по-своему; угрожающая своими размерами, чтобы ее можно было расчленить; завоевательная, чтобы организовать коалицию против нее; реакционная, чтобы оправдать в ней революцию и требовать для нее республики; религиозно-разлагающаяся, чтобы вломиться в нее с пропагандой реформации или католицизма; хозяйственно-несостоятельная, чтобы претендовать не ее «неиспользованные» пространства, на ее сырье или, по крайней мере, на выгодные торговые договоры и концессии. Но если эту «гнилую» Россию можно стратегически использовать, тогда европейцы готовы заключить с ней союзы и требовать от нее военных усилий «до последней капли ее крови»…

И вот когда в такой атмосфере кто-нибудь из них скажет несколько правдивых и справедливых слов о России, то мы должны выделить их из общего хора голосов.

Ферреро, как и другие, не знает истории России и не разумеет ни ее судьбы, ни ее строя, ни ее задач. Для него, как и для всех европейцев (о, как редкостны исключения!), Россия есть «далекая, полуварварская империя», «олигархия восточных сатрапов», страна «деспотизма, подмявшего под себя сто миллионов людей», «огромное военное государство, основанное и управляемое мечом, эксцентричное, наполовину оевропеившееся»… Кроме этих мертвых пошлостей, он не знает о России ничего. И потому – понять и объяснить мировую политику ее Государей – он не может. Но он это честно выговаривает: «Эта политика», упорно и потомственно добивавшаяся в Европе и в Азии «устойчивого равновесия», есть для него «одна из великих тайн истории 19 века», которую «важно было бы изучить и понять». И вот Ферреро имеет мужество признать эту политику, точно формулировать ее сущность и ее значение для всего мира и с величайшею тревогою отметить ее вынужденное прекращение. Предоставим слово ему самому.

Девятнадцатый век принес Европе «очень немного войн», «мало кровавых и мало разорительных, кроме разве войны 1870 года. Германия, Франция, Англия, Соединенные Штаты – гордились до самого 1914 года тем порядком и миром, которые господствовали во вселенной в течение целого века, тем богатством, которое им удалось извлечь из этого порядка и мира», и соответствующим прогрессом. Все эти «чудеса, ослепившие 19 век, они считали своим делом и своею гордостью. Но теперь мы знаем, что мы тут были ни при чем, что это был почти бесплатный дар, поднесенный Германии, Франции, Англии, Соединенным Штатам, всему Западу – последними наследниками Византии», т. е. Царями.

«После 1918 года мы слишком скоро забыли, что с 1815 года до 1914 года, в течение века, Россия была великой силой равновесия в Европе». «С 1815 года до 1870 года Россия поддерживала и подкрепляла германский мир, помогая ему прямо и косвенно. В 1849 году она спасла Австрию, послав в Венгрию свою армию, чтобы подавить мадьярскую революцию.

Бисмарк смог объединить Германию и создать империю между 1863-1870 годами, потому что петербургское правительство давало ему свободу, если не прямо поощряло его. Тогда в Петербурге хотели усиления Германии, чтобы она была противовесом Англии и Франции, врагам России по Крымской войне. Но после 1870 г. германский мир быстро принимает гигантские размеры и замашки. И вот Россия понемногу отделяется от него и переходит в другой лагерь. В 1875 году она помешала Германии напасть на Францию. После 1881 года»… Россия все больше и больше сближается с Францией. Почему? Потому что германское могущество все возрастает». Наконец, в 1891 году заключается настоящий союз с Францией, а в начале 20 века «Англия и Россия, два соперника, объединяются против германской опасности».

Как бы ни объяснялась тайна этой «выдержанной, вековой политики европейского равновесия», проводившейся русскими Императорами, – «бесспорно, что если Европа пользовалась целый век миром, лишь с перерывом от 1848 до 1878 года, то она обязана этим в значительной степени такой русской политике. В течение века Европа и Америка были на банкете всеобщего благоденствия гостями и почти прихлебателями русских Царей.

Но этим «парадокс не исчерпывается: эта огромная военная империя»… была также стражем порядка и мира, в Азии. Ураган, разоряющий Азию вот уже больше 20 лет (теперь уже 39 лет!), начался только в 1908 году вместе с турецкой революцией ив 1911 году вместе с китайской революцией. С 1915 года до этих революций Азия пребывала в сравнительном порядке, которым Европа широко пользовалась для распространения своего влияния и для устройства своих дел. Но этот порядок поддерживался, главным образом, страхом перед Россией. В Турции, в Персии, в Индии, в Японии – имелись англофильские партии. Все уступали интригам или даже господству Англии, потому что Англия казалась защитою против московской империи и меньшим злом». Таким образом, «обе державы помогали друг другу, ведя борьбу друг против друга; и их азиатское соперничество было самым парадоксальным сотрудничеством в мировой истории». Понятно, что «крушение царизма» в 1917 году «стало для Азии сигналом к восстанию против Европы и против западной цивилизации».

Теперь «все заняты новым правительством, овладевшим Россией», стараясь разгадать его намерения, и «забыли об империи Царей, как если бы она исчезла совсем»; а между тем «последствия ее крушения только еще начинаются ощущаться». «Цари России уже не даруют ежедневно Европе и Азии даров мира и порядка», а «Европа и Америка не находят ничего такого, что могло бы заменить эту политику равновесия, в течение века регулирующую жизнь Вселенной».

Все это было написано в 1933 году. С тех пор произошло очень многое, подтвердившее предвидения и опасения Ферреро. Миролюбивая Россия лежит все еще в прострации, в разорении, унижении и муках. Ее место занято посягающим «на все» Советским Союзом. Это новое, в корне нерусское и враждебное национальной России псевдогосударство явилось невиданным в истории человечества революционным и военным агрессором – и мир трепещет в ожидании новой разрушительной войны. Регулятором мирового равновесия пришлось стать Соединенным Штатам.

Но вернемся к прошлому, к «неразгаданной тайне», выдвинутой в статье Ферреро.

Голос политической честности, гражданского мужества и искреннего непонимания – всегда производит глубокое впечатление, особенно в нашем пролганном мире. Этот голос заслуживает внимания и уважения.

Первое, что необходимо установить для разъяснения выдвинутой итальянским ученым проблемы и политической «тайны», – что между русскими Государями и русским народом существовала духовно-органическая связь. Эта связь прерывалась очень редко; и государи, не умевшие установить ее (Анна Иоанновна под влиянием Бирона, Иоанн Шестой по малолетству и Петр III по чужеземству), проходили в русской истории как тени. Иностранная кровь, вливавшаяся в русскую династию (в силу «равнородных» браков) – преодолевалась обычно уже в следующем поколении. Этому содействовали глубокие духовные обстояния.

1. Своеобразие русского духовного уклада, не совмещающегося с западноевропейским укладом и властно требующего ассимиляции.

2. Православная вера, вовлекающая в религию главное чувствилище человеческой души и не мирящаяся с формальной обрядностью и условным ханжеством.

3. Особливость русской государственной судьбы, трагической по самому своему существу: ее надо понять трепетом сердца и принять совестью и волею.

4. Сила нравственного излучения, исходившего от монархически чувствующего и водящего народа, направленного к Государю и его Дому.

5. Чуткая даровитость русских Государей, религиозно-осмысливающих свое служение и вдохновлявшихся верою в русский народ, а также, в особенности,– любовью к нему.

В силу всего этого драгоценная связь между монархом и народом устанавливалась быстро и напрочно. Это давало русским Государям возможность чувствовать и созерцать свою страну, жить в основном русле его истории и мыслить из его трагической судьбы. Они, так сказать, «врастали» в Россию, чему много содействовала художественная даровитость русского человека. Русский народ, созерцая сердцем своих Государей, вовлекал их (уже в звании наследника!) в ответное сердечное созерцание, и государям, – инстинктивно и интуитивно, – открывалось самое существенное: душевный и духовный уклад русского народа, его историческая судьба, его грядущие пути и, в особенности, его опасности. Они оставались людьми и могли ошибаться (недооценивать одно и переоценивать другое); это возлагало на русских людей долг правды и прямого состояния перед Государем. Но в основном они редко сомневались.

К началу 19 века русский народ нуждался прежде всего и больше всего – в мире. Он провоевал, по точному исчислению генерала Сухотина и историка Ключевского, буквально две трети своей жизни – за свою национальную независимость и за свое место под солнцем, которое оспаривали у него все соседи. Эти войны столетиями растрачивали его лучшие силы: гибли самые верные, самые храбрые, самые сильные духом, волею и телом. Эти войны задержали его культурный и хозяйственный рост. Им надо было положить конец.

А между тем с семилетней войной (1756-1762) Россия была вовлечена в западноевропейские трения и войны: она стала членом «европейского концерна» на положении великой державы и не могла уже отказаться от этого пути. Следование по нему принесло нам целый ряд величайших государственно-вредных осложнений: разделы Польши, суворовский поход и затяжные войны с Наполеоном, окончившиеся, как известно, опустошением ряда губерний, сожжением Москвы и ликвидационной войной за пределами России. В общем, много славы, очень много ненужного бремени и огромные потери.

После наполеоновских войн положение России выяснилось недвусмысленно. Дипломатически и стратегически «уйти из Европы» – значило бы предоставить опередившим нас европейским державам сговариваться на свободе против России, замышляя против нее недоброе, а самим пассивно ждать нового вторжения «двунадесяти язык». Этот исход был бы равносилен самопредательству. Технически же, хозяйственно и культурно этот уход был бы еще большей ошибкой. Но, оставаясь в «европейском концерте», надо было считаться с неизбежностью новых стратегических вовлечений в западные дела и соперничества. Оставалось одно – мудрое и верное: неуклонно и искусно поддерживать в Европе и Азии равновесие сил и длительное замирение.

И вот, начиная с первой французской революции, впервые показавшей европейцам весь размах этого заразительного психического заболевания масс, Россия должна была считаться с двумя кровавыми опасностями, идущими из Европы: с войной и с революцией. Это уразумели уже Екатерина II и Павел I. Что может дать России европейская война – показали тогда наполеоновские походы. Что может вызвать в России массовое восстание, показали бунт Разина, стрелецкие заговоры при Петре Великом и самозванство Пугачева. Русские государи 19 века видели обе эти опасности, которые нисколько не тревожили русскую революционную интеллигенцию. Поэтому они стремились оградить Россию и от ненужных войн, и от революционных безумий. Они хотели вывести народ, по возможности без войн и решительно без революций, на путь реформ, дальновидно подготовлявшихся Императором Николаем I и превосходно осуществленных Императором Александром II.

Ныне история подтвердила их политическую линию: строить Россию мировым равновесием сил; не допускать ее провала в стихию восстания; и повышать уровень ее культуры и правосознания. В начале 20 века, когда Россия больше всего нуждалась в мире и лояльном прогрессе – именно война и революция принесли ей невиданное в истории крушение и превратили ее в очаг мировой заразы…

В течение всего 19 века европейцы не верили – ни в миролюбие России, ни в мудрые и прогрессивные замыслы ее императоров. Они уверяли себя, что Россия стремится к территориальному расширению и желает покорить себе всех соседей. Конечно, у страха глаза велики; но ведь и сила суждения, именуемая в общежитии «умом», дается человеку на что-нибудь… Европейцы сделали себе из России что-то вроде «пугала». Это объясняется, между прочим, – провинциальностью их политического горизонта: они никогда не могли представить себе того пространства, которым Россия уже оплодотворена, и в то же время обременена; они все воображали, что Россия с ее малою плотностью населения нуждается в их переуплотненных жителями клочках территории; они не понимали, что экспансия имеет смысл только в сторону менее населенных стран и что Россия с ее православной верою и с ее просторами никогда не могла дойти до чудовищной германской мысли – истреблять население завоеванной страны, чтобы отдать ее своим насильникам… На самом же деле – не русских тянуло завоевывать Европу, а европейцы разных государств мечтали (вослед за шведским королем Густавом Адольфом!) отодвинуть Россию в Азию и отнять у нее ее «передние» европейские земли. Последние полвека наглядно подтвердили это стремление – и со стороны Германии (два похода на Россию, в Прибалтику и на Украину вплоть до Волги и Кавказа!), и со стороны Польши, определенно мотивировавшей свою экспансию на восток «необходимостью обеспечить свои грядущие поколения» коренными русскими землями и доныне заселенными русским народом.

Все это заставляет нас признать миролюбивую и уравновешенную политику русских Государей в 19 веке – национально верной, дальновидной и мудрой. Она является прямой противоположностью советскому революционному завоевательству и может казаться «империалистической» или «таинственной» только неосведомленному европейцу, раз навсегда испугавшемуся «русского колосса» и ликующему каждый раз, как ему дается повод провозгласить, что сей колосс – «на глиняных ногах». И если бы европейские газетчики знали и понимали, какая политическая глупость нужна для того, чтобы повторять их отождествление русской национальной политики «равновесия» с советской политикой революционного завоевания мира, то многие из них вырвали бы себе остатки волос на голове…

Они аннексировали

Мы имеем серьезные данные для утверждения, что руководящие круги советских коммунистов считают все занятые Красною Армией европейские территории – своим завоеванием и приобретением. Согласно этому они аннексировали не только Прибалтийские страны и Бессарабию, входившие в состав России до 1914 года, но и всю Польшу, всю восточную половину Германии, Чехию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Албанию, ныне «бунтующую» Югославию и восточную часть Австрии. Они считают, что «первая мировая война дала им Россию, а вторая – Восточную Европу». По-видимому, к этому надо присоединить еще – Монголию, Манчжурию и значительную часть Китая.

Эти аннексии не провозглашаются открыто: 1) чтобы не раздражать народы «аннексированных» стран; они теперь «перевоспитываются», подобно пленникам-мученикам советских концлагерей, и лишь постепенно привыкают к своей судьбе, к тоталитарному режиму, к чистке партий и армий, к презрительному попиранию их национального и патриотического чувства и к коммунизму; 2) чтобы не пугать преждевременно народы не оккупированных стран, которые должны «симпатизировать» своим компартиям, отдавать им голоса на выборах и готовиться к революции; 3) чтобы не дразнить бывших «союзников» по второй мировой войне и не перенапрягать преждевременно мировую атмосферу. Но партийные комиссары, инструкторы, лекторы и докладчики – не скрывают этих «завоеваний» и «приобретений».

При формулировании нашего отношения к этим «аннексиям» – нам следует учитывать следующие соображения:

1. Советский Союз не есть Россия. Его стратегия, дипломатия и политика – не суть стратегия, дипломатия и политика национальной России. Великая победа Советов укрепляет и длит коммунистический режим, т. е. порабощение, нищету, деморализацию и вымирание русского народа. Всякая советская оккупация и «аннексия», вводящая в других странах тоталитарный режим, приписывается другими народами не Коминтерну-Коминформу, а России и будит в душах страх перед якобы наседающей Россией и ненависть к страдающему русскому народу: порабощенного принимают за поработителя и коммунистические злодейства выдаются за «обычную у русских жестокость» (из газетных суждений).

2. По самому существу Россия ныне не нуждается в территориальном расширении за пределы 1914 года и удовлетворится на Западе так называемой «линией Керзона». История навязала нам и без того чрезмерное обилие мелких народностей, которые нарушают драгоценную монолитность нашего государства и подчас склонны считать благодушное культуртрегерство национальной России за что-то вроде «угнетения». Исторически Россия заинтересована ныне больше всего в национальной консолидации и в залечивании революционных ран, а совсем не в завоеваниях, не в расширении своей территории на Запад и не в самообременении чуждыми нам малыми народами. Империалистическая политика может нам только вредить: она отвлечет нас от внутреннего – правового, культурного и хозяйственного – прогресса; навяжет нам справедливо восстающие против нас инонациональные «провинции»; введет нас неизбежно во многие опасные дипломатические конфликты; вызовет новый страх и новую ненависть к нам во всей Европе и за ее пределами и истощит Россию бессмысленными войнами за обладание решительно не нужными нам территориями и народами…

3. Перед лицом этих соображений национальный империализм не имеет в России никакого патриотического оправдания: он не нужен, он опасен и, может быть, даже гибелен. Мечта о разрастании территории имеет смысл только там, где это безусловно необходимо для национально-государственного бытия народа. Эта эпоха отошла для нас в прошлое; и ныне такой необходимости нет. Носиться же с этой мечтой «по инерции» – бессмысленно и опасно. Ставить себе задачу «русификации Запада» – значит предаваться духовно-беспочвенной и нелепой национальной гордыне и проявлять сущее ребячество в государственных вопросах. Мы сами не оправдались перед судом истории: мы не сумели отстоять ни нашу свободу, ни нашу государственность, ни нашу веру, ни нашу культуру. Чему же мы стали бы «обучать» Запад? Русский народ должен думать о своих собственных недостатках и пороках, о своем духовном возрождении, укреплении и расцвете, а не о том, как бы ему навязать искаженное «русскоподобие» народам, уже сложившимся в иной культуре и с чуждым нам языком и характером. Смешно слушать «мудрые» советы разорившегося хозяина; глупо превозноситься в самомнении, наделавши бед на весь мир…

4. Все эти соображения сохраняют свой вес и для нашей армии. Русская армия неотделима от своего народа: она есть воплощение его воли, его силы, его храбрости, его разума. Нам естественно гордиться ее доблестью; но не ее покорностью интернациональным коммунистам; и не ее политическим малодушием; и не ее национальным безразличием. И все это решительно не означает, что она призвана нападать на всех соседей, разбивать их армии и порабощать народ за народом. Русская армия отнюдь не должна заболевать «чингисханством»; она не должна видеть в себе какой-то всемирный «паровой каток» или «бич» человечества. Это была бы сущая духовная болезнь, которую ныне Коминтерн насаждает в кадрах Красной армии. Заражаться этой заразой – значит поддаваться революционному гипнозу и заболевать коммунистической манией величия…

5. Политика принципиально требует трезвения и предвидения. Ни одно достижение Советского государства (если таковые в действительности имеются) не есть достижение русского народа: что из этих «достижений» переживет крушение компартии? Что останется России от всех этих «пятилеток», индустриализации и прочих затей, осуществляемых на костях и на крови русских людей? Неизвестно. Но чудовищная убыль населения, деморализация от тоталитарного режима, вырождение культуры, море страданий и унижений – уже вошли в историю русского народа. Так обстоит и во внешней политике: «взятое» Советами – уже

пережито всем остальным миром как возмутительное противоправие, совершенное «русскими»; и кто в мире примирится с увековечением этого «грабежа» и «насилия»?! Поэтому всякая советская «аннексия» не только не имеет шансов сохраниться, но грозит России (как было с Германией после Гитлера) карающей расплатой за счет ее собственных исконных территорий.

6. Поскольку же всякая советская «аннексия» усиливает хозяйственный, рабочий, политический и военный потенциал Коминтерна-Коминформа и сеет среди новых и новых народов безбожие, тоталитарное растление нравов, нищету, изобилие и жажду мести (мести кому? «русским»?), постольку признавать правомерность этих «аннексий» или тем более радоваться им – могут только люди, зараженные мировою смутою.

Русская революция была катастрофой

После всего, что произошло с Россией за последние 32 года (1917-1949), нужно быть совсем слепым или неправдивым, чтобы отрицать катастрофический характер происшедшего. Революция есть катастрофа в истории России, величайшее государственно-политическое и национально-духовное крушение, по сравнению с которым Смута бледнеет и меркнет.

Смута была брожением; народ перебродил и опомнился. Революция использовала новую смуту и брожение и не дала народу ни опомниться, ни восстановить свое органическое развитие.

Смута была хаотическим бунтом и дезорганизованным разбоем. Революция оседлала бунт и государственно организовала всеобщее ограбление.

Смуту никто не замышлял: она была эксцессом отчаяния, всенародным грехопадением и социальным распадом. Революция готовилась планомерно, в течение десятилетий; в известных слоях интеллигенции она стала традицией, передававшейся из поколения в поколение; с 1917 года она стала систематически проводиться по заветам Шигалева и чудовищным образом закрепляться: она ломала русскому человеку и народу его нравственный и государственный «костяк» и нарочно неверно и уродливо сращивала переломы.

Смута длилась 9 лет (1604 – появление самозванца, 1616 – избрание на царство Михаила Федоровича). Революция тянется уже 32 года, и конца ей не видно. Подрастают новые поколения, живущие в России, но не знающие ни ее истории, ни ее священных традиций, ни ее международного положения.

Смута разразилась в сравнительно первобытной России, расшатанной и оскудевшей от террора Иоанна Грозного. Революция была подготовлена и произведена в России, которая культурно цвела, хозяйственно богатела и прогрессивно реформировалась. Россия начала 20 века имела две опасности: войну и революцию. Войну ей сознательно навязала Германия, чтобы остановить ее рост; революцию в ней сознательно раздули революционные партии, чтобы захватить в ней власть.

После смуты Россия была разорена (засевалась всего одна двадцать третья часть прежней площади), но она сохранила свой национальный лик. Революция разоряет и вымаривает ее систематически и стимулирует ее мнимое «богатение»; она исказила ее национальный лик, отменила даже ее имя и превратила ее в мировую язву, грозящую всем народам.

Поэтому русская революция есть величайшая катастрофа – не только в истории России, но и в истории всего человечества, которое теперь слишком поздно начинает понимать, что советский коммунизм имеет европейское происхождение и что он теперь ломится назад, – на свою «родину». Ибо он готовился в Европе сто лет в качестве социальной реакции на мировой капитализм; он был задуман европейскими социалистами и атеистами и осуществлен международным сообществом людей, сознательно политизировавших уголовщину и криминализировавших государственное правление. В мире встал аморальный властолюбец, сделавший науку и государственность орудием всеобщего ограбления и порабощения, – жестокий и безбожный, величайший лжец и пошляк мировой истории, научившийся у европейцев клясться именем «пролетариата» и оправдывать своими целями самые гнусные средства.

Итак, русская революция подготовлялась на протяжении десятилетий (с семидесятых годов) – людьми сильной воли, но скудного политического разумения и доктринерской

близорукости. Эти люди, по слову Достоевского, ничего не понимали в России, не видели ее своеобразия и ее национальных задач. Они решили политически изнасиловать ее по схемам Западной Европы, «идеями» которой они как голодные дети объелись и подавились. Они не знали своего отечества; и это незнание стало для русских западников гибельной традицией со времен главного поносителя России – католика Чаадаева…

Русские революционеры не понимали величайших государственных трудностей, создаваемых русским пространством, русским климатом и ничтожной плотностью русского населения. Они совершенно не разумели того, что русский народ является носителем порядка, христианства, культуры и государственности среди своих многонациональных и многоязычных сограждан. Они не желали считаться с суровостью русского исторического бремени (на три года жизни – два года оборонительной войны!) и хотели только использовать для своих целей накопившиеся в народе утомление, горечь и протест. Они не понимали того, что государственность строится и держится живым народным правосознанием и что русское национальное правосознание держится на двух основах – на Православии и на вере в Царя. Как «просвещенные» неверы, они совершенно не видели драгоценного своеобразия русского Православия, не понимали его мирового смысла и его творческого значения для всей русской культуры. Они не видели тех опасностей, которые заложены для России – в неуравновешенности русского темперамента, в незрелости русского добродушного, по-детски увлекающегося и шаткого характера и в его многосотлетней непривычке активно и ответственно строить свое государство. Они не понимали, что западные демократии держатся на многочисленном и организованном «среднем сословии» и на собственническом крестьянстве и что в России нет еще ни того, ни другого.

Они видели только сравнительную бедность и нравственную удобособлазнимость русского народа – и десятилетиями демагогировали его. И никому из них и в голову не приходило, что народ, не привыкший к политической свободе, не поймет ее и не оценит; что он злоупотребит ею для дезертирства, грабежа и резни, а потом продаст ее тиранам за личный и классовый прибыток… Подпиливали столбы и воображали себя титанами Атлантами, способными принять государственное здание на свои плечи. Закладывали динамит и воображали, что удастся снести одну крышу, которая немедленно сама вырастет вновь из «нерухнувшего» здания. Сеяли ветер на все четыре стороны и, пожиная бурю, удивлялись, что их парусную лодчонку опрокинуло волною…

На этой политической близорукости, на этом доктринерстве, на этой безответственности – была построена вся программа и тактика русских революционных партий. Они наивно и глупо верили в политический произвол и не видели иррациональной органичности русской истории и жизни. И слишком поздно поняли свои ошибки. Благороднейшие из них признали свои недоразумения и промахи уже в эмиграции (Плеханов, Церетели, Фундаминский), тогда как другие и доселе восхищаются своим «февральским» безумием…

Русская революция была безумием

Она была безумием и притом разрушительным безумием. Достаточно установить, что она сделала с русской религиозностью всех исповеданий, в особенности с православной церковью; что она учинила с русским образованием, в особенности с высшим и средним образованием, с русским искусством, с русским правом и правосознанием, с русской семьею, с чувством чести и собственного достоинства, с русской добротой и патриотизмом…

Она была безумием со стороны самих умеренно революционных и полуреволюционных партий, кои вскоре были уничтожены со всеми их планами, программами, кадрами, газетами и традициями.

Но она же обнаружила и безумную беспечность и близорукость правых – охранительных партий, которые не имели ни творческих идей, ни социальных программ, ни верных кадров в стране. Их хватило только на то, чтобы затруднить великую реформу Столыпина… А «крайне правые» только и умели обманно уверять Государя в «многомиллионноести» своего «союза» и

в его «верноподданничестве», с тем, чтобы в грозный час опасности предать Царя и его семью на арест, увоз и убиение…

Революция была безумием и для русского крестьянства. Русское крестьянство стояло перед исполнением всех своих желаний; оно нуждалось только в лояльности и терпении. Равноправие и полноправие давалось ему от Государственной Думы (законопроект, выработанный В.А. Маклаковым). Земля переходила в его руки столь стремительно, что по подсчету экономистов к 1932 году в России не осталось бы ни одного помещика: все было бы продано и куплено по закону и нотариально закреплено. Земля отдавалась ему в частную собственность (реформа П.А. Столыпина, 1906). К началу этой реформы Россия насчитывала 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона дворов уже владело землею на праве частной собственности, а 8 миллионов числилось в общинном владении. За 10 лет (1906-1916) на выдел из общины записалось 6 миллионов дворов из восьми. Реформа шла полным ходом в связи с прекрасно организованным переселением; она была бы закончена к 1924 году. Но революционные партии позвали к «черному переделу», осуществление которого было сущим безумием, ибо только «тело земли» переходило к захватчикам, а «право на землю» становилось спорным, шатким, непрочным и прекарным (т. е. срочным до востребования); оно обеспечивалось лишь обманно – будущими экспроприаторами, коммунистами. Итак, историческая эволюция давала крестьянам землю, право на нее, мирный порядок, культуру хозяйства и духа, свободу и богатство; революция лишила их всего. Подготовительный нажим большевиков начался немедленно вслед за «черным переделом» и длился 12 лет. Вслед за тем (1929-1935) коммунисты приступили к коллективизации и, погубив казнями и ссылками не менее 600000 дворов и семей, ограбили и пролетаризировали крестьян и ввели государственное крепостное право.

Революция была безумием и для русского промышленного пролетариата. Война 1914-1917 гг. поставила его непосредственно перед легализацией свободных рабочих союзов. Революция дала ему – гибель его лучших технически обученных кадров; долгие годы безработицы, голода и холода; порабощение в тоталитарных тред-юнионах; снижение уровня жизни на целые поколения; падение реальной зарплаты; государственную «потогонную систему» (стахановщина); систему взаимного политического сыска, доносительства и концлагеря.

Революция была проявлением безумия и со стороны русского промышленно-торгового класса, который в лице Саввы Морозова, Ивана Сытина и других финансировал революционеров до тех пор, пока не был истреблен ими. А когда гибель стояла уже у порога, этот же самый класс не захотел или не сумел своевременно изыскать средства для борьбы с большевиками. Во время гражданской войны на юге, когда города переходили из рук в руки, – промышленники по уходе белых считали свои «убытки» и «протори» и роптали, а по уходе красных – подсчитывали свои «остатки» и благодарили судьбу за спасение.

Но наибольшим безумием революции была для русской интеллигенции, уверовавшей в пригодность и даже спасительность западноевропейских государственных форм для России и не сумевшей выдвинуть и провести необходимую новую русскую форму участия народа в осуществлении государственной власти. Русские интеллигенты мыслили «отвлеченно», формально, уравнительно: идеализировали чужое, не понимая его; «мечтали» вместо того, чтобы изучать жизнь и характер своего народа, наблюдать трезво и держаться за реальное; предавались политическому и хозяйственному «максимализму», требуя во всем немедленно наилучшего и наибольшего; и все хотели политически сравняться с Европой или прямо превзойти ее.

И теперь еще люди этого сентиментально-мечтательного поколения покидают земную жизнь, не передумав и вменяя себе это самодовольное упрямство в заслугу «стойкости» и «верности»… Они так и не поймут, что глупо глотать все лекарства, полезные другим; что пальмы и баобабы не всюду растут на воле; что страусы не могли жить в тундре; что республика и федерация требуют особого правосознания, которого многие народы не имеют и коего нет и в России. Не поймут, что народы, веками проходившие через культуру римского права, средневекового города, цеха и через школу римско-католического террора (инквизиция!

религиозные войны! крестовые походы против еретиков! грозная исповедальня!), – нам не указ и не образец… Ибо мы, волею судьбы, проходили совсем другую школу – сурового климата, татарского ига, вечных оборонительных войн и сословно-крепостного строя. Что «немцу здорово», то русского может погубить…

Так безумие русской революции возникло не просто из военных неудач и брожения, но из отсутствия политического опыта, чувства реальности, чувства меры, патриотизма и чувства чести у народных масс и у революционеров. Люди утратили органическую национальную традицию и социально-политическое трезвение. В труднейший час исторической войны, когда монарх и указанный им наследник двукратным отречением погасили в народе присягу на верность, – все это вызвало развал правосознания, безумную толкотню и давку из-за эфемерного полно-равно-правия и столь же мнимого обогащения захватом. Все это брожение возникло отнюдь не из «нищеты», «гнета» или «разрухи». Брожение шло от нежелания отстаивать Россию и держать фронт и от жажды революционного грабежа. По прозорливому слову Достоевского, русский простой народ понял революционные призывы (Приказ № 1) и освобождение от присяги – как данное ему «право на бесчестие» и поспешил бесчестно развалить фронт, удовлетвориться «похабным миром» и приступить к бесчестному имущественному переделу. Это бесчестье выдвинуло наверх демагогов-интернационалистов.

Русские летописи пишут о Смуте, что она была послана нам за грехи, – «безумного молчания нашего ради», т. е. за отсутствие гражданского мужества, за малодушное «хоронячество» и непротивление злодеям. Несомненно, что эти слабости и недостатки сыграли свою роль и в нынешней революции. Но были и иные грехи, важнейшие: утрата русских органических и священных традиций, шаткость нравственного характера, безмерное политическое дерзание и отсутствие творческих идей.

Искажение русской истории

Редакция нового журнала «Возрождение» – не имеющего, впрочем, ничего общего с созданной П.П. Струве в 1925 году русской национальной газетой «Возрождение», – сочла уместным поместить в первом же номере, обычно дающем программу органа, статью барона Нольде «Имперские судьбы России». Статья излагает сначала замысел целой книги и затем дает отрывки из нее: «Завоевание Казани», «Пермь Великая», «Строгановы и Ермак». Это произведение писалось по-французски и предназначалось для просвещения руководящих кругов мировой политики через посредство «Института международного права», председателем коего г. Нольде был избран незадолго до своей смерти.

Автор посвящает 4 странички присоединению Казани, 2 странички присоединению Пермского края и одну страничку присоединению Сибири. Это, конечно, не научное исследование и не мобилизация ученого материала; это даже и не конспект лекции, а всего только небрежные наброски, вскрывающие, однако, основную тенденцию задумывавшейся книги.

Остановимся на первой главе.

В изображении автора завоевание Казани Иоанном Грозным (1552 г.) было проявлением «империализма», якобы характерного «до конца» для всей русской монархии. Служилый класс не хотел этой войны, поддерживая «малодержавную» программу; часть духовенства (Архиепископ Новгородский) тоже не сочувствовала делу и даже укрывала «детей боярских от воинской повинности». Завоевания требовали Иоанн IV и Митрополит Московский Макарий. Оснований для этого похода, в сущности, не было, кроме монархического и церковного империализма. Напрасно Макарий пишет якобы в духе западного католицизма (Папа Урбан II и крестовые походы), будто начинается священная война против неверных, «проливающих кровь христианскую, оскверняющих и разрушающих церкви православные». Барон Нольде знает лучше, что было и чего не было: «Тут, – пишет он, – несомненное преувеличение; не имеется никаких подтверждений, чтобы казанские татары того времени действительно оскверняли и разрушали русские церкви. Но таков уж был заказ официальной пропаганды в то время».

Далее рассказывается в двух словах, что в Казани татары и черемисы «защищались храбро»; что «активные защитники» были «избиты поголовно» и что сопротивление местных народов продолжалось еще «в течение следующих веков» – «то настоящими восстаниями, то отдельными проявлениями неподчинения, то просто разбоем»… А в 1574 и 1584 гг. и в самом деле черемисы жгли православные монастыри и церкви. Впоследствии татары, черемисы, чуваши веками соединялись с русскими «революционными атаманами» и отстаивали свою свободу. Дошло до того, что указ царя Алексея Михайловича от 1659 года «предоставлял землевладельцам, служилым людям, детям боярским и татарским мурзам Волжских областей право казнить смертью разбойников без предварительного обращения к властям»…

Прочтя это «историческое» освещение, читатель выносит следующее впечатление:

1. При царях в России происходило приблизительно то же самое, что при большевиках (империализм, лживая пропаганда, поощрение казней).

2. Имперские аннексии русских царей не имели никаких оснований, кроме завоевательной похоти монархов и столичного духовенства, ведшего по заказу воинственную пропаганду.

3. Малые народности, подвергавшиеся насилию, храбро сопротивлялись и потом еще веками боролись за свою национальную свободу.

4. Понятно, что справедливость требует ныне их освобождения т. е. расчленения России.

Автор не произносит этих выводов, о нет! Он только вкладывает их в душу читателя и слушателя; он только подсказывает ему программу расчленения России, «сгруппировав материал» и «осветив» по-своему ход истории. Что же было на самом деле?

1. Россия стонала под татарским игом 250 лет. Куликовская битва (1380 г.) не покончила с ним. Последовали еще два века татарских походов на Москву, сопровождавшихся резней и разгромом на пути. Уже в 1382 году из Сарая (Золотая Орда) явился хан Тохтамыш с войском, сжег и опустошил Москву. В 1395 году Темерлан разорил Россию до самого Ельца. В 1408 году Мурза Егидей разорил Россию, дошел до Москвы, взял выкуп и возобновил уплату дани. В 1439 г. хан Улу-Махмет явился из Казани и разгромил Московскую область; в 1445 году он явился вновь, громил Московское царство, разбил русских у Суздаля и забрал в плен Великого Князя Василия II Темного. В 1451 году последовало нашествие Мазовши. В 1472 году сарайский Ахмет доходил до Алексина, а в 1480 году до Воротынска. С начала 16 века начинаются набеги Крымских татар: они действовали совместно с казанскими татарами, как, например, в 1521 году, когда Россия была опустошена двумя братьями Магмет-Гиреем крымским и Саип-Гиреем казанским. В 1537 году казанский хан Сафа-Гирей (крымский царевич) опустошил весь восток и северо-восток Московского царства, а именно: муромскую и костромскую земли. В 1552 году Казань опять была в союзе с Крымом, и крымское войско доходило до Тулы. Так, татары громили Московское царство с трех сторон: от Казани, от Сарая и из Крыма. В последний раз Москва была сожжена при Иоанне Грозном в 1571 году крымским ханом Девлет-Гиреем и обложена Казы-Гиреем в 1591 году при Федоре Иоанновиче. Татары жгли, громили и грабили, убивали в сражениях храбрейших русских воинов, заставляли платить себе дань и развращали христианскую Россию страхом, привычкою к грабежу и погрому, жаждою мести, свирепостью и всякими обычаями. После Куликовской битвы, например, тогдашняя Россия была так обескровлена, что в 1382 irony Димитрий Донской не мог даже набрать войско против Тохтамыша.

2. Москва имела все основания считать Казань своим опаснейшим врагом; казанские татары были ближайшими, а потому и наиболее предприимчивыми громилами. Платонов пишет: казанские татары в союзе с черемисами и мордвою «обрушивались изгоном на русские окраины, разоряя жилища и пашни и уводя в полон; черемисская война жила без перестани в русском Заволжье; она не только угнетала хозяйство землевладельцев, но засоряла торговые и колонизационные пути». «Сообщение с русским северо-востоком, с Вяткою и Пермью должно было совершаться обходом далеко на север». Князь Курбский пишет: «И от Крыми, и от Казани – до полуземли пусто бяша». России оставалось – или стереться и не быть, или замирить буйных соседей оружием.

3. Тогдашний «полон» был явлением жестоким: он вел к пожизненному рабству с правом продажи в другие страны. По словам летописи, татары русских «куют (в цепи) и по ямам полон хоронят». Тотчас же после завоевания Казань выдала русских пленников сразу 2700 человек; 60000 пленных вернулось из Казани только через Свияжск; и несметное число вернулось на Вятку, Пермь, Вологду. Общее число освобожденных из одной Казани, наверное, доходило до 100000 человек. Это означает, что татары искореняли Русь не только грабежом, огнем и боевым мечом; они изводили ее и рабством плена.

4. Но тот, кто хочет понять все значение взятия Казани, тот должен раскрыть карту России и проследить течение русских рек. Издревле русские реки были торговыми путями страны. Один великий торговый путь шел «из варяг в греки»: от Невы и Волхова через Днепр в Черное море; другой от великих северо-западных озер через Шексну и Мологу, через Волгу и Каспийское море в Персию и Индию; третий, добавочный, от Северной Двины через Вятку и Каму в Волгу. В то время реки были артериями жизни – колонизации, торговли (транзита, экспорта и импорта) и культуры. По самому положению своему, по самой судьбе своей Москва находилась в речном центре страны, и борьба за речную свободу и речное замирение была для нее железною необходимостью. В глубоком материке, в суровом климате, задержанная игом, отдаленная от запада, осажденная со всех сторон, – шведами, ливонцами, литвой, поляками, венграми, турками, татарами крымскими, сарайскими (Золотая Орда) и казанскими, – Россия веками задыхалась в борьбе за национальную свободу и за веру и боролась за свои реки и за свободные моря. В этом и состоял ее так называемый «империализм», о котором любят болтать ее явные и тайные враги.

Обо всем этом г. Нольде счел полезным умолчать в своем изложении, несмотря на то что он мог и должен найти все эти и другие данные в летописях, и у С.М. Соловьева, и у Н.И. Костомарова, и у С.Ф. Платонова, и у других лучших русских историков. Но ему не это было важно: не подлинный ход русской истории и не прагматическое освещение ее. Вот почему его изложение производит впечатление поверхностное, политически предумышленное и враждебное национальной России.

Чрезвычайно любопытно, что редакция нового журнала горячо рекомендует эти искажающие правду и вредоносные очерки, как «яркие, мудрые и мастерские», самого же автора объявляет «знаменитым русским ученым».

Для нас это наглядный урок: мы должны помнить, что в русской эмиграции немало людей, которые говорят по-русски без акцента, родились и сделали карьеру в России, а думают и действуют, как ее враги.

12 апреля 1949 года.

Право на правду

Мы живем в эпоху величайшей смуты. Правда и ложь, честь и бесчестье, верность и предательство, вера и лицемерие – вот уже больше тридцати лет преднамеренно смешиваются и подмениваются для того, чтобы духовно оглушить и ослепить людей, вызвать в душах замешательство, растерянность и беспомощность и подмять заблудших и обессиленных под чужую им власть. С этим намерением – обмануть и поработить – выступает целый ряд организаций, конечно, во главе с левыми и правыми тоталитаристами…

Кто годами читал советскую прессу и не поддавался ее пропаганде, тот прошел хорошую и наглядную школу умственной и духовной зоркости. В советских газетах ложь идет сплошной волной. Она преподносится тоном непререкаемого авторитета и наигранного, лицемерного пафоса, свойственного скверным драматическим актерам. Читаешь и думаешь: лжет! и сам знает, что лжет; и даже не скрывает своего знания… «Да, лгу! А ты слушай и молчи! И попробуй только не согласиться! И повторяй мою ложь за мною! Да без оговорок, без колебаний! Уверенно! С чистосердечным убеждением! Лги искренно! Обманывай вместе со мною с пафосом! Лицемерь с темпераментом, чтобы я, перволжец и обер-обманщик, имел основание сделать доверчивую физиогномию!!!»…

Читаешь и чувствуешь, что начинается тихое головокружение, сопровождаемое отвращением к лжецу и тайным презрением к самому себе… – за молчание…

И вдруг – в этом потоке лжи и обмана, – тем же тоном, –выговариваются целые куски фактической правды… И эта правда выговаривается именно в составе лжи – для ее подкрепления и удостоверения. Знаешь, что это правда… и начинаешь не верить и ей. Потому, что и она лжет! Она лжет тем, что произносится тем же тоном наглого апломба, с теми же лицемерными и аффектированными «жестами» (умственными, нравственными и стилистическими!). Она лжет и тем, что появляется, окруженная ложью, в обманной картине и для-ради обмана. И вот стараешься отцедить в этой скомпрометированной «правде» – настоящую правду от лжи, удержать одну честную фактическую правду, закрепить ее и осудить ею и своим свободным разумением всю ту ложь, которая ее окружает…

Этот тон вызывающей и провоцирующей лжи, водворившейся с самого начала революции в советских газетах и речах, – постепенно, но прочно захватил в Советии все: и суд, и все остальные ведомости, и журналы, и науку, и искусство, и низшую школу, и среднюю, и высшие учебные заведения, и частные разговоры, и самое мышление советских «граждан», и особенно миросозерцание советской молодежи, в новых поколениях ничего иного не видавшей! Страх и гипноз внесли в души людей величайшее духовное безвкусие, которым многие из них наивно гордятся…

В Советии лжет все: там все искажено, все двусмысленно, все обманывает. Подумать только: что называется в советском суде «чистосердечным признанием»?; что почитается в советской науке – «доказанной» теорией, хорошим учебником, научной «заслугой»?; какое искусство предписывается и премируется и какое бывает поруганным и запрещенным? Вот по радио посылается «Евгений Онегин» Чайковского; зачем? Чтобы выдать Советию за Россию и наглядно показать всему миру «свободу советского художества»… Зачем комиссариаты переименованы в министерства? Зачем в советской пропаганде появились драгоценные русские имена – Александра Невского, Петра Великого, Суворова? Зачем была выдвинута кощунственная декорация «патриаршей церкви»?.. В Советии пролгано все вплоть до денег, которые не стоят своей собственной валюты и не принадлежат их частному владельцу; вплоть до тракторов, которые служат не труду, а порабощению; вплоть до полицейских собак, которые ловят не частных жуликов и не государственных разбойников, а мучеников режима и героев борьбы; вплоть до «исправительных трудовых лагерей», которые никого не исправляют, а эксплуатируют и вымаривают лучших людей страны. В Советии лгут и «чины» и «ордена», ибо чины даются за предательство России, а «ордена» – за льстивое угождение ее врагам…

Люди, выросшие в этой атмосфере, уносят ее с собою, в себе – за границу. И самые бойкие газеты эмиграции (независимо от их направления) суть самые просовеченные: безответственные, лживые, нравственно-развязные и провокационные. Террор отучает людей от правды и приучает ко лжи; и они должны заметить это в самих себе, осудить и преодолеть. Это растленное правило: «каждый человек всю жизнь лжет в свою пользу и надо только научиться лгать умно, искусно и правдоподобно» – есть порождение дьявольской смуты и означает ее торжество. Мы должны понять и прочувствовать это. И лгущие не должны воображать, будто мы не видим их лжи и не умеем распознавать ее. По чему мы узнаем это? По глазам, беспокойно бегающим туда и сюда; по выражению лица; по интонации голоса; по жестикуляции; по внутренним противоречиям; по разнобою в их же собственных показаниях; по расхождению с фактами; по этой манере: каждому собеседнику лгать иное и иначе, в порядке приспособления…

И вот, кто так лжет, тот теряет в самом себе чувство правды; а перед другими людьми и перед Богом – он теряет и право на правду. Самая правда его начинает лгать. И он сам чувствует это и сам себе не верит. И другие ему не верят. Если он не поймет всего этого, – то он сам станет мнимым человеком, социальным призраком, фальшивой монетой, картонным кирпичом, поддельным товаром (муляжом) из советской витрины. Кому он нужен такой? Только не будущей России!

В жизни необходимо иметь право на правду! Не всякий, пытающийся выговорить ее, может это. Человек с хитро шмыгающим взглядом, с фальшивой улыбкой, с лицемерным лицом, с наигранной интонацией, с аффектированными жестами, с мутным, пролганным или прямо бессовестным прошлым, с лукавыми целями, с тщеславно-актерскими замашками –

будет высказывать самую сущую правду неискренне, возбуждать у всех подозрение, компрометировать истину и вредить ей…

За словом должна стоять личная мысль; должен ощущаться характер, а не жажда новой, обратной карьеры; должна слышаться искренняя убежденность; должно проглядывать чувство собственного достоинства. Слово должно быть выстраданным и сказанным из сердца. Тогда оно убеждает и побеждает; тогда оно несет не лгущую полуправду, а честную правду. И напрасно думать, что все это теоретическая выдумка, ибо это доступно всякому простому и порядочному человеку, не обремененному никакими «теориями».

Когда Гитлер вел пропаганду против большевизма-коммунизма, – он лгал; лгал в густую мировую смуту; лгал с темпераментом бесстыдника; лгал и тогда, когда произносил подходящие слова об удостоверенных фактах. Искренние русские антикоммунисты, годами работавшие над ответственным и правдивым обличением большевизма, чувствовали, как эта двусмысленная, обманная пропаганда лжеца – компрометирует их и их дело. Бывают соседи, от которых все отворачиваются; бывают «единомышленники», которые внушают всякому отвращение. Подобно тому, как бывают «награды», которые хуже пятна. Орден Красного Знамени совсем не возвышает человека; напротив, он обязывает его доказать, что он не заслужил его никакою нарочитою противорусскою низостью. И кто делал в Советии «карьеру», тот не мог останавливаться перед низостями; и кто сделал ее, подобно Вышинскому, тот несет на плечах целое бремя злодейства. Кто поверит «передумавшему» эн-ка-ве-де-ку?

Когда предатель проповедует верность и с виду высказывает правильные мысли, – он лжет. Когда наемный агент чужой державы зовет к бескорыстному служению России, – он лжет. Лгал Зиновьев, взывая к «социальной справедливости». Лгал Дзержинский, восхваляя и «практикуя» «гуманность». Лгал Литвинов, рекомендуя денежную корректность. Лжет «отец народов», призывая к миролюбию; ибо мир необходим человечеству, но его «мир» – есть обратное.

В эпоху величайшей смуты и пролганности нам надо хранить чувство правды как зеницу ока и требовать от себя и от людей права на правду. Ибо без чувства правды мы не узнаем лжеца, а без права на правду мы погубим всякую истину, всякое убеждение, всякое доказательство и все священное в жизни.

Россию можно строить только на взаимном доверии; а если русские люди будут лгать друг другу, то они распылятся в мире и погибнут роте и погибнут от взаимного недоверия и предательства.

Евангелие недаром называет дьявола «отцом лжы» (Иоан. 8, 44).

Численность русского населения

По всенародной переписи 1897 года Россия в своих тогдашних пределах насчитывала свыше 128 миллионов жителей (128239000. Менделеев. «К познанию России», стр.. 20). Нормальный, средний годичный прирост населения составлял до революции 17 человек на каждую тысячу жителей. Согласно этому, население России исчислялось официально к 1914 году в 167 миллионов человек, а к 1918 году за вычетом военных потерь первой мировой войны (невступно 2 миллиона), – в 175 миллионов приблизительно. На основании этих данных – статистики высчитывали, что, при сохранении этого прироста, русское население должно к 1942 году удвоиться по сравнению с 1897 годом и составить около 256,5 миллионов граждан обоего пола.

Однако в конце первой мировой войны от России отпали целые страны и области с населением около 29 миллионов людей, так что Советская власть захватила Россию к началу 1918 года с населением приблизительно в 146 миллионов граждан (иные считают, преуменьшая, 144 миллиона; советолюбивые писатели исчисляют еще ниже).

С этого момента мы имеем о России только советские данные, к которым следует применять следующие правила.

1. Надо помнить, что Советская власть не стесняется опубликовывать в целях пропаганды заведомо неверные данные; она обычно имеет два исчисления: публикуемое и

«засекреченное». О засекреченных числах можно догадываться только на основании косвенных данных.

2. С 1937 года (если не ранее) Советская власть вступила окончательно на путь «тоталитарно-предписываемой статистики». Эта статистика преувеличивает всяческий успех и преуменьшает всяческую убыль; она строится на основании пропагандных и советски-милитарных соображений и не заслуживает доверия.

3. Поэтому советские цифры надо сопровождать прямою критикой. Там, где для этой критики нет обоснованных данных, необходимо оговариваться: в исчислении успехов – «это максимум; больше этого не будет»; в исчислении смертности, убыли, проторей – «это минимум; в действительности может быть гораздо хуже».

4. Принимать советские данные без критики, на веру есть признак наивности или пристрастия.

Советы утверждают, что средний годичный прирост населения России остался на прежнем уровне: + 17 человек на 1000 населения. Если бы они допустили, что он стал ниже, то они признали бы, что их господство повело к истощению биологической силы народа. Но если они устанавливают + 17 на тысячу, то они принимают на себя ответственность за всякий статистический «некомплект» населения.

Мы принимаем цифру + 17.

При таком приросте населения Россия должна была бы иметь в 1922 году 156 миллионов населения – если бы не события и не жестокости революции. Статистик С.Н. Прокопович, который больше всего боится проявить какую-нибудь «несправедливость» к советской власти, показывает на этот год всего 131,7 миллиона, ссылаясь на «официальные источники». Таков первый «некомплект» населения в 25 миллионов душ.

Продолжая среднее статистическое исчисление, мы увидим, что Россия под властью Советов должна была бы иметь к 1937 году не менее 200 миллионов населения (15 лет по 3 миллиона прироста 45 + 156 = 201). Между тем перепись, произведенная в 1937 году, когда Центральное Статистическое Управление находилось еще в руках достойных и образованных людей, дала по предварительному подсчету невступно 160 миллионов населения. Перепись эта была аннулирована Сталиным, а независимые статистики были смещены и убраны в концлагеря. Революционный «некомплект» продолжал нарастать и достиг 40 миллионов.

По исчислению + 17 на тысячу, перепись 1939 года, вновь назначенная Сталиным, должна была бы дать цифру в 206-207миллионов. Сталин предписал цифру в 170,5 миллиона, которая и была послушно заявлена новым Статистическим Управлением. Революционный «некомплект» был произвольно снижен, а 36-37 миллионов жизней были списаны в расход.

Это число, 170,5 млн, не было подвергнуто независимой научной критике в эмиграции. Статистики приняли его как достоверную величину и пользуются ею с непонятным для нас полным доверием.

Запомним эти «списанные» миллионы жизней и пойдем дальше.

Если принять эту произвольную цифру условно как недостоверную, но и не замещенную величину, то к началу советско-германской войны к этим 170,5 миллионам должно было прибавиться за два года нормальной рождаемости около 6,5 миллиона (итого 177). Оккупированные в 1939-1940 гг. области дали Советскому Союзу прирост населения в 22,4 миллиона людей (восточная Польша 12,5 миллиона, Карелия 0,2 миллиона, Бессарабия и Буковина 3,7 миллиона, Эстония, Латвия и Литва около 6 миллионов). Таким образом, к началу войны 1941 года Советский Союз подчинял себе следующие человеческие массы:

Основное население…… 177,0 миллионов

Население оккупированных территорий……22,4 миллиона

Итого……199,4 миллиона

При нормальной рождаемости за годы 1941-1946 к основному населению должно бы было прибавиться около 17 миллионов жителей (5 лет по 3,4 млн.). Итого: 216 миллионов.

В 1945 году к этой массе присоединилось население вновь аннексированных областей Печенги, Кенигсбергского округа, Карпатороссии. Южного Сахалина, Курильских островов и

др. С.Н. Прокопович исчисляет его в 1,9 миллиона, Н.С. Тимашев в 1,8 миллиона. Принимаем цифру Прокоповича и устанавливаем, что в 1946 году советское государство со всеми оккупированными территориями должно было бы насчитывать около 218,3 миллиона жителей (Тимашев считает 218,4 миллиона).

* * *

Итак, на 1946 год в Советской России должно бы было числиться 218,3 миллиона жителей.

На самом же деле русское население обнаруживает снова вопиющий революционно-военный «некомплект». Мы должны принять во внимание целый ряд причин, в силу которых население России за 1939-1946 гг. погибало или не рождалось. Размеры этих убылей нам неизвестны. Возможно, что они неизвестны и советскому правительству.

1. Мы не знаем точно потерь армии во время войны с Финляндией (1939-1940).

2. Мы знаем лишь приблизительно число погибших в германских лагерях русских военнопленных: за одну только осень-зиму 1941-1942 гг. германцы уморили раздеванием, голодом, холодом и болезнями от 80 до 90 проц. всех, взятых ими тогда, русских пленных, т. е. не менее 4 миллионов людей. Это есть официальный немецкий подсчет, приводимый Б.И. Николаевским в кн. XVIII «Нового Журнала» (С. 218). Н.С. Тимашев напрасно принимает эту цифру за тотальную (1941-1946), ибо после весны 1942 года русские пленные оставались в Германии еще не менее трех-четырех лет, еле одетые, полуголодные или вовсе голодные, заброшенные в своих «лагерях», никак не поддерживаемые советским правительством при безобразном обхождении немцев с «низшею расою». Смертность, может быть, не была столь стихийною (со сценами людоедства и трупоедства), но она была по-прежнему велика: а новые военнопленные продолжали поступать с театра военных действий и к концу войны всех взятых русских пленных насчитывалось у германцев около 8 миллионов. Поэтому надо считать, что за последующие годы погибло еще 1-1,5 миллиона людей.

3. Цифры Сталина, исчислявшего в 1945 году военные потери (убитыми и пропавшими без вести) в 5,3 миллиона, а в 1946 году показавшего цифру в 7 миллионов (павшие, погибшие от оккупации и от «остарбайстерства»), – представляются нам совершенно недостоверными, т. е. преуменьшенными. Цифра в 7 миллионов определяет, вероятно, одни военные потери. Исчисления германского штаба, передававшиеся по радио в ноябре 1944 года, являются, конечно, хвастливо и пропагандно преувеличенными: 13 миллионов убитых и 18 миллионов раненых (будто бы).

4. Германцы оккупировали во время войны русскую территорию с населением около 85 миллионов. Они расстреливали массами «заложников», убивали массами евреев. Здесь могло погибнуть до 1,5миллиона евреев из 2,9 миллиона, живших на территории Советской России. Очищали страну от увозимого ими скота и провианта (организуя на местах голод); вообще проводили систематически политику «обезлюдения» страны для подготовки будущей германской колонизации. Представитель УНРА Фальк, проведший в Белоруссии 5 месяцев, исчисляет убыль населения на месте в 40 проц. (2,2 миллиона). Терещенко, представитель УНРА на Украине, исчисляет потери населения там в 25 проц. (7,9 миллионов; см. статью Тимашева).

5. Мы не знаем, какое число «остарбайтеров» погибло в Германии. Не забудем, что их увозили после облав – еле одетыми и держали на голодном полупайке.

6. Мы знаем, что НКВД во время реоккупации русских территорий расстреляло множество мнимых «коллаборантов». Но – сколько их погибло?

7. Мы знаем, что во время осады Петербурга германцами погибло от голода и холода около 1 миллиона людей.

8. Повышенная смертность имела место среди всего принудительно, наспех эвакуируемого и кое-где, кое-как поселяемого русского коренного населения (1941-1945).

9. Расстреливались и гибли выселяемые немцы Поволжья и Украины, крымские татары, карачаи, чеченцы, ингуши. Но – сколько их погибло?

10. Во время войны террор НКВД, как всегда во время опасности, усиливался вдвое.

11. Все время гибли жертвы большевиков в концлагерях, которые исчисляются и ныне в 10 миллионов человек (оптимизм Н.С. Тимашева, допускающего не свыше 4 миллионов, нам непонятен; данные Б.И. Николаевского гораздо серьезнее).

12. Во время войны неизбежна была пониженная рождаемость, на счет которой Тимашев относит некомплект в 11 миллионов.

13. Наконец, нам невозможно определить, хотя бы приблизительно, каков был за это время перевес эмиграции над иммиграцией.

Возможно, что история никогда не узнает убыль населения по всем этим статьям в отдельности. Во всяком случае, эта убыль была огромной, исторически небывалою и неслыханною.

Экономист Лоример исчисляет население советского государства на 1946 год в 188 миллионов (новый некомплект признается этим в размере 28 миллионов).

Советский статистик Александров назвал цифру в 193 миллиона (некомплект в 23 миллиона).

Перешедший к большевикам экономист Марков назвал (из Парижа) цифру в 197 миллионов (некомплект в 19 миллионов). Н.С. Тимашев указывает на то, что оба они не указали ни дату этих цифр, ни способа их исчисления.

Прокопович С.Н., исходя из числа советских избирателей (по спискам 1946 года) в 101,7 миллиона и принимая, что процентное отношение числа избирателей к общему числу населения (56,35 %) сохранилось и в 1946 году, исчисляет население Советии в 180,5 миллиона (новый некомплект признается этим в 35 – 36 миллионов).

Тимашев Н.С. делает интересную попытку исчислить население Советии по возрастам: старший возраст по избирательным спискам 101,7 миллиона, 4 миллиона «лишенцев» (?), 39 миллионов школьных подростков и 36 миллионов малолетних. Это дает цифру в 181 миллион жителей (новый некомплект в 37,5 миллиона).

Все это – только за годы второй мировой войны. Присоединяя этот новый некомплект к прежнему в 36 миллионов, мы получим чудовищную сумму в 72 миллиона жизней. Это – цена революции.

К этому необходимо добавить следующее.

Как С.Н. Прокопович, так и Н.С. Тимашев принимают советские данные всерьез и на доверие. Такое доверие обнаруживается, напр., в словах Н.С. Тимашева, что «точный ответ» на вопрос о численности русского населения даст только «новая перепись» в Советии (с.200). Это доверие к правдивости публикуемых советских исчислений, после тридцати лет наблюдений за советской политикой и за ее пролганностью, – представляется нам удивительным и, по меньшей мере, неосторожным. Во всяком случае, это доверие делает все их подсчеты оптимальными.

Но если принять это оптимальное число – 181 миллион – как условную отправную точку, то из него надо будет вычесть население аннексированных (в 1939-1945 гг.) территорий (24,3 миллиона), чтобы получить число оставшегося коренного советского населения, подсчитывавшегося в январе 1939 года. Оно составит 156,7 миллиона оставшихся от «официально» объявленных тогда 170,5 миллиона. И вот, допустить, что коренное советское население потеряло за эти ужасные годы 1939, сент. – 1946, сент. по всем перечисленным статьям прямого жизнелишения всего 14 миллионов, – мы не можем.

Не забудем, что все эти исчисления построены на пропагандных и не внушающих доверия советских «публикуемых» данных. Серьезных и обоснованных статистических подсчетов добросовестного и научновероимного характера у нас нет и не будет до тех пор, пока во главе России не станет русское национальное правительство. До тех пор мы все вынуждены будем гадать и должны быть готовы к тому, что в России на 1946 год не окажется и 181 миллиона жителей.

Не забудем еще, что благоденствие народа определяется не только числом непогибших людей, но особенно их питанием, здоровьем, нервным и душевным состоянием, жилищем, одеждой, положением семьи и детской духовной свободою, радостью труда, культурным, моральным и религиозным уровнем жизни.

Революция все время изводит национальную Россию – и количественно, и качественно, – и мы обязаны выговорить это честно и открыто.

Мировой самообман

С тех пор как коммунисты завладели Россией и превратили ее в плацдарм мировой революции, прошло 32 года, и за это время, казалось бы, так называемое «мировое общественное мнение» могло и должно было рассмотреть, что произошло с национальной Россией и что представляет из себя вновь возникшее, национальной России враждебное и от нее во всех своих целях и средствах отличное новое государство. Это небывалое в истории правительство небывалого в мире государства – культурные западноевропейцы с их эгоцентризмом и шахматным мышлением, конечно, не могли постигнуть сразу. Посеяли они «Бебеля», а взошел «Ленин»; надеялись они на демократический урожай, а выросла тоталитарная деспотия. Однако большевики с самого начала не скрывали ни своих целей, ни своих планов, ни своей тактики, ни своего отношения к остальному человечеству; все выговаривалось громко, и все делалось почти в открытую. Коммунисты «верили», что хозяйственная «анархия», хозяйственные кризисы и буржуазный империализм – подтачивают и очень скоро погубят «капиталистические» страны; и в силу этой глупой и близорукой доктрины, против которой тщетно и долго пытался аргументировать ныне наконец услышанный «Компроф» Варга, не стеснялись громко говорить в присутствии якобы «полумертвого» старика о том, как лучше его прикончить и как обойтись с его наследством.

Уже Ллойд-Джордж разглядел, что имеет дело с «людоедами», но решил «торговать с ними». Уже социал-демократическое правительство Германии (Носке!) разобралось в вопросе о том, чего следует ждать от Коминтерна, и решило не пускать его к себе, а пока что разыграть его «псевдодружбу» против Антанты (Рапалло). С тех пор Коминтерн, его Исполнительный Комитет, его Политбюро, его Совнарком, его Чека-Гепеу – действовали повсюду в открытую: разрабатывали детальные планы для пропаганды, организации гражданских войн, революций и новой, нетерпеливо ожидаемой мировой войны; излагали эти планы в резолюциях, переводили эти резолюции томами на все языки и повсюду открыто их продавали; приводили эти резолюции в исполнение и поучали Вселенную своими партиями и «акциями», потрясая до корня то Италию (1920), то Болгарию (1923), то Эстонию (1924), то Англию (1926), то Австрию (1927), то Китай (1928), то Германию (1929), то Испанию (1931-1936), то Францию (1934) и Соединенные Штаты (1934) и т. д. И все это постоянно освещалось и разъяснялось серьезной и ответственной антикоммунистической литературой, выпускающейся русскими эмигрантами на всех европейских языках. Сталинский террор тридцатых годов (коллективизация крестьян, партийные процессы и казни, «чистка» Красной армии, ежовщина, концлагеря) – был подробно описан и обсужден во всей мировой прессе. Казалось бы, европейцы и американцы, по крайней мере наиболее дальнозоркие и чуткие из них, могли понять, в чем дело и что есть Советская власть…

Но вот началась вторая мировая война и обнаружила, что умственная лень, застарелая предубежденность против России, экономическая и торговая заинтересованность, полное незнание русской истории и тайная прокоммунистическая пропаганда, ведшаяся повсюду (и коммунистами и полуреволюционной «закулисой»), затмили политическую дальнозоркость, возобладали над трезвым разумением и привели великие и малые державы к целому ряду грубых (политических, экономических и стратегических) ошибок. Ни германцы, ни англичане, ни французы, ни итальянцы, ни американцы – не «реализовали» воображением и мыслью новое явление мировой истории и судьбу национальной России; и не сумели сделать из этого волевых и практических выводов. Ни героический Черчилль, ни лукавый Рузвельт, ни самоуверенный Муссолини, ни тупой фанатик Гитлер – не поняли натуры и намерения Сталина, не поняли различия между национальной Россией и Советским Союзом, не постигли и своеобразия русского народа и наделали величайших исторических ошибок. Гитлер затеял бороться сразу с коммунистами и с русским народом – и погиб. Муссолини понимал коммунистов, но совсем не знал Россию и поддался гипнозу Гитлера. Черчилль и Рузвельт «договаривались» со своим лютым врагом в Тегеране, в Ялте, в Потсдаме и отдали ему из политической наивности и

«союзнической лояльности» – все малые государства Восточной Европы и Маньчжурию с Китаем в Азии; отдали, а преемники их схватились за голову, когда было уже поздно.

Поняли ли теперь великие державы и их правительства – мировую конъюнктуру? Разобралось ли теперь мировое «общественное мнение» в прошлых ошибках и будущих опасностях?

К сожалению, нет еще. Есть отдельные зоркие политики и ясно мыслящие стратеги, которые видят и ошибки и опасности. Не следует называть их имена из осторожности. На наряду с ними прокоммунистическая печать и полуреволюционные закулисные организации продолжают свою пропаганду и делают все возможное, чтобы «смешать карты», чтобы отвести влиятельным политикам глаза, выдать ложь за истину и тем, с одной стороны, облегчить мировому коммунизму его работу, с другой стороны, затруднить некоммунистическим государствам (и политически и стратегически) разумное и успешное сопротивление…

И первое, о чем они стараются, это – о смешении Советского государства с Россией: делается все для того, чтобы выдать политику коммунистов за дело русского народа и еще хуже, еще глупее, чтобы выдать всю советскую революцию за коварно-злодейский прием России, жаждущей будто бы мирового завоевания и потому «притворяющейся» коммунистическою. Такие статьи ныне рассылает, напр., так называемый Комитет борьбы за демократию («закулиса»!) по всем странам западного блока.

Политические двойники

Мировое общественное мнение галлюцинирует: оно видит двойников и не знает, где реальность и где иллюзия. Оно никак не может разобраться в происходящем: у него двоится в глазах и оно на каждом шагу рискует наделать ошибок. Оно прислушивается к тайным нашептам заведомо некомпетентных, а иногда и просто продажных писателей и колеблется.

Оно видит сатанинскую ларву в русском национальном Кремле и начинает называть ее… «Кремлем». Услышав голос и призывы этой ларвы, оно ужасается… и не хочет рассматривать ее; знает, что это нечто злобное, преступное и страшное… и отвертывается; и пытается уверить себя, что все «осталось по-прежнему», что русское государство «просто» «опять» управляется деспотически (к чему-де русский народ давно привык!) и что в этом деспотическом режиме есть даже что-то «справедливое» и «христианское» (Карл Барт, Фриц Либ и другие ослепшие в дедукциях протестантские теологи). Дьявольский «двойник» встал 32 года назад в России: Россия исчезла и от ее лица заговорил насилующий и терзающий ее коммунистический мировой центр, 32 года он пытается вызвать к жизни таких же «двойников» в других государствах; и все народы и страны ведут с ним борьбу у себя и стараются не допустить его власти и засилья.

Но теперь они уже появились в Восточной Европе: есть две Германии, две Польши, две Венгрии, две Болгарии и две Югославии. Советский двойник, всегда «как две капли воды» похожий на соответствующее государство, – по языку, по территории, по географии, по сырью, по армии и по названию, – ведет политику, дипломатию, стратегию и хозяйство у каждой из своих жертв от ее имени, а мировая печать, как бестолковый и невежественный лекарь, приписывает все эти «художества» одноименным народам и государствам: «чешский» шпионаж раскрыт в Баварии; «болгары» преследуют свое духовенство; «поляки» разгромили своих партизан; в «Венгрии» произошли новые выборы и т. д. Обманывают сами себя в мировом масштабе и думают, что понимают политическую конъюнктуру и что хорошо осведомлены…

Весь этот образ действий мировой прессы был бы только тогда целесообразен и понятен, если бы она вся целиком стремилась увеличить смуту и отдать мир коммунистам. Но на самом деле это соответствует желанию лишь меньшинства ее. Большая же часть газет действует так от слепоты и от непонимания мировой конъюнктуры.

Для того чтобы победить надвигающуюся опасность, надо, как всегда бывает с дьяволом, уверенно и мужественно назвать его по имени и обличить его цели и средства: отделиться от него, противостать ему и «заклясть» его всеми религиозными, нравственными, патриотическими и государственными словами и мерами, которые имеются в распоряжении у человека; и затем начать новую, христиански-социальную эпоху истории. Без этого «двойник»

победит и начнется везде то политическое безумие и духовно-религиозное кощунство, от которого стонет и вымирает вот уже три десятка лет русский народ.

Поэтому нет ничего более опасного и вредного, как продолжать смешение и смуту: смешивать мученика (Русский Народ) с его мучителем (Коминтерн); приписывать планы, преступления и бесхозяйственность коммунистов – самой России; договариваться со Сталиным и воображать, что заседаешь с русским правительством; слушать Молотова, Вышинского и Громыку и уверять себя, что это русские речи русских людей; смотреть на Балканы и обличать «панславизм»; уверять себя и своих читателей, что советская политика есть продолжение политики русских Царей; постоянно и упорно писать в газетах вместо «советский» и «коммунистический» – «русский»; уверять самих себя и прочих невежд, что нигилизм изобретен не Штирнером, не Марксом, не Ницше, не апашами и не гангстерами, а русскими; словом, позорить Россию и русское имя всем советским позором, все вновь и вновь обнаруживая свою политическую слепоту.

Но оставим в стороне глупость и злорадство этого образа действий и остановимся на его политической и стратегической опасности.

1. Эта тактика повторяет и воспроизводит самую опасную ошибку Гитлера: бороться с советским государством, взяв за скобку Коминтерн и русский народ, Сталина и Россию. Гитлер погиб на этом. Мировая закулиса не поняла этого и идет по его стопам.

2. Поскольку грядущая возможная мировая война будет вестись в порядке прежней стратегии и тактики (пехота, танки, артиллерия, флот, авиация), постольку западные державы смогут ее выиграть только при массовом положении оружия Красной Армии, состоящей в силу трагедии судьбы из русских людей. Ныне мировая пресса делает все возможное, чтобы подготовить обратное. Русский солдат, увидев, что его отождествляют с коммунистами, что его презирают, что его родину чернят и поносят, что его страну хотят завоевать и расчленить, «осерчает» опять, как Митька в «Князе Серебряном», и сделает все необходимое для победы Коминтерна. А к чему он способен в патриотической войне, это он показал в истории не раз.

3. Поскольку же грядущая война будет вестись атомными бомбами внутри России, поскольку ее опустошенные и обезлюдевшие территории будут открыты для оккупации ближайшим соседям, западные державы должны помнить, что в очереди, жаждущей «вторжения» и «наделения» разгромленными территориями, прежде всех записаны германцы, которым атомная война и передаст Украину и Кавказ во исполнение программы Гитлера. Последствия этого будут необозримы, причем вторая мировая война будет, конечно, «списана в расход», как потерянное дело.

4. Всякий европеец, говорящий или пишущий о политике, должен разложить перед собою карту Европы – Азии, всмотреться и вдуматься в нее. Азия вчетверо больше Европы; а Европа есть лишь разветвленный полуостров азиатского материка. Пока Азия спала, лень и отсутствие любознательности могли служить для европейца «извинением». Для него Азия начиналась сейчас же за Польшей и Молдавией, и он не знал ни ее языков, ни ее истории, ни ее культуры. Теперь это время прошло. Азия проснулась и зашевелилась в своем огромном массиве. И ныне она зацветает варварством коммунизма и тоталитарной деспотии. С этим она намерена идти на Европу. Азия проснулась, но Европа еще спит. И есть в Европе злые силы, которые пытаются продолжить ее сонные фантазии до самого конца; а недопроснувшийся человек, как известно, не знает что и к чему, суется сюда и туда – и не может не наделать глупостей.

5. Всего вреднее и погибельнее это может сказаться в отношении России. Европейцы не знают России, не чувствуют русской души, не видят ее пространства и ее климата, не постигают ее судьбы – и боятся ее. Боятся и не любят. И гадко фантазируют о ней, пачкаются и клевещут. И верят всякому вздору, который принесет им в редакцию любой хвастливый проходимец (фальшивое «завещание» Петра Великого, угнетение малых народностей, империализм русских государей и т. д.).

Незнание, слепое доверие и высокомерие никогда не приводили к добру. В дипломатии же всегда приводили к тяжелым, непоправимым ошибкам.

Править должны лучшие

Первое, что мы должны сделать при обсуждении устройства русского государства, это стряхнуть с себя гипноз политических формул и лозунгов. Предоставим «верующим» демократам – веровать в необходимость и спасительность этого режима и освободим себя для беспристрастного наблюдения и опытного исследования. И еще: предоставим людям, ищущим успеха у толпы, поносить «аристократов» или совсем обходить молчанием идею аристократии, как якобы «реакционную», «контрреволюционную», «старорежимную» и т. д. Когда мы думаем о грядущей России, то мы должны быть свободны, совершенно свободны от боязни кому-то не угодить и от кого-то получить «осуждение», будь то западноевропейцы или свои, доморощенные, – леворадикалы или праворадикалы. Мы повинны Богу и России – правдой, а если она кому-нибудь не нравится, то тем хуже для него.

Обычно «демократию», как правление людей «излюбленных» и выбранных народом, и «аристократию», как правление людей «наследственно привилегированных», – противопоставляют друг другу. Это есть ошибка, которую надо понять и отвергнуть. Она есть порождение политических страстей, демагогии и ожесточения. Править государством должны лучшие люди страны, а народ нередко выбирает не лучших, а угодных ему льстецов и волнующих его бессовестных демагогов. Править государством должны именно лучшие, а они нередко выходят из государственно воспитанных и через поколения образованных слоев народа. Демократия заслуживает признания и поддержки лишь постольку, поскольку она осуществляет подлинную аристократию (т. е. выделяет кверху лучших людей); а аристократия не вырождается и не вредит государству именно постольку, поскольку в ее состав вступают подлинно лучшие силы народа.

Убедимся в этом.

«Аристос» значит по-гречески «лучший». Не «самый богатый», не «самый родовитый», не «самый влиятельный», не «самый ловкий и пронырливый», не привилегированный, не старейший возрастом. Но именно – лучший: искренний патриот, государственно мыслящий, политически опытный, человек чести и ответственности, жертвенный, умный, волевой, организационно-даровитый, дальнозоркий и образованный. Можно было бы добавить к этому и другие качества, напр. храбрый, сердечный; но трудно отбросить хотя бы одно из перечисленных и отнести к «лучшим» человека жадного, продажного, интернационалиста, бесчестного, лишенного государственного разума и опыта, безвольного глупца, организационного растеряху или наивного невежду. Именно лучшие должны править во всех государствах и при всех режимах. Всякий режим плох, если при нем правят худшие. Нелепо и противоестественно говорить: «Мы требуем демократии, хотя бы в ней выбирались, выдвигались и правили безвольные глупцы, продажные невежды, бесчестные растеряхи и тому подобный социальный отброс». Наоборот, необходимо и верно ответить: «Демократия, не умеющая выделить лучших, не оправдывает себя; она губит народ и государство и должна пасть». Безумно вводить в стране демократию, чтобы погубить государство и народ, как сделали в России в 1917 году. А к чему ведет правление подлинно худших людей, это русские люди испытывают на себе уже тридцать второй год… Суровая школа!

Можно было бы назвать наше требование политической аксиомой (т. е. истиной самоочевидной): править должны лучшие. В жизненном распознавании этих лучших людей можно ошибаться, можно соглашаться и не соглашаться в оценках их, но задача их выделения бесспорна и основоположна… Можно было бы выразить это в виде лозунга: дорогу честным и умным патриотам! Дорогу им – независимо от того, принадлежат они к какому-нибудь сословию, классу, к какой-нибудь партии или нет! Важно качество человека; его политическая ценность и его политическое воление; и неважно его происхождение, его профессия, его классовая и партийная принадлежность. Важна его нравственная и умственная мощь, а не его предки; важна его верность родине, существенно направление его воли, а не его партийный билет. Партийность (всякая партийность!) не удостоверяет качества человека, а только подменяет или заслоняет его. А качество человека – первее всего и драгоценнее всего.

Поэтому всякие выборы должны иметь в виду единую, главную и необходимую цель: выделение качественно лучших сынов народа и поручение им политического дела. Глупо и слепо прельщаться демагогами, которые, прикрывшись партийным ярлыком, яростно

отстаивают интерес какого-нибудь класса, сословия, национального меньшинства, территориального округа или же попросту – свой собственный!

Во-первых, потому, что государственное дело ищет единого, общего, всенародного интереса, а не частных вожделений, и демагог, разжигающий страсти именно в сторону частных вожделений, открыто свидетельствует о своей политической негодности: он является фальсификатором в политике; он подобен цыгану, выхваляющему подменно-поддельную лошадь; по отношению к наивному и доверчивому народу он выступает в качестве развратителя детей, строящего свое благополучие на подтасовке и лжи.

Во-вторых, потому, что самая его демагогия свидетельствует о его качественной несостоятельности; он разжигает страсти, чтобы выдвинуться и погубить государственное дело, превращая его в лучшем случае в дело частного вожделения, а в худшем случае – в дело своей личной корысти.

Россия может спастись только выделением лучших людей, отстаивающих не партийный и не классовый, а всенародный интерес. На этом все должны согласиться и сосредоточиться. Это надо разъяснить самому русскому народу прежде всего. Для этого должны быть приняты все меры, как-то: освобождение народа от всех и всяких партий; введение голосования по округам с выставлением персональных, лично всем известных кандидатур; и, главное, выработка особого вида конкурирующего сотрудничества в нахождении и выдвижении лучших людей – сотрудничества государственного центра с избирателями. Это предложение будет обосновано и изложено в дальнейших выпусках «Наших Задач».

Демократические выборы являются лишь условно целесообразным средством для безусловно верной цели (отбор лучших). Если такая цель и такое средство сталкиваются, то условное средство должно уступить безусловной цели. Требование, чтобы правили лучшие, относится к самому естеству, к самой идее государства; строй, при котором у власти водворятся худшие, будет жизненно обречен и рухнет рано или поздно, С большим или меньшим позором. Всякое государство призвано быть аристократией в нашем смысле слова: и монархическое, и диктаториальное, и демократическое; и можно было бы сказать с уверенностью, что если бы исторически законные государства были на политической высоте, то они извлекали бы этих подлинно лучших из всех слоев населения; и тогда профессиональным революционерам нечего было бы делать на свете.

Поэтому вопрос «всенародных выборов» (по четырехчленной формуле – всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право) есть вопрос средства, а не высшей непререкаемой цели или догмы. Это средство может в одном государстве и в одну эпоху оказаться целесообразным, а в другой стране и в другую эпоху нецелесообразным. Ребячливо веровать в это средство как в политическую «панацею». Совсем не всякий народ и не всегда способен выделить к власти лучших при помощи таких выборов. Вопрос надо поставить иначе: какой народ и когда, при каком размере государства, при каком уровне религиозности, нравственности, правосознания, образования и имущественного благосостояния, при какой системе выборов, в спокойные или бурные периоды жизни – действительно разрешал эту задачу успешно?

Спросим поэтому: какие основания имеют современные эмигрантские демократические партии для того, чтобы считать, что русский народ после всеразлагающей, духоопустошительной и развращающей всякое правосознание эпохи коммунизма, после водворения в стране повальной нищеты (разбогатевшие совкарьеристы не в счет!), после тридцатидвухлетнего рабства, после отвычки от самостоятельного мышления, после полной и застарелой неосведомленности в вопросах политики, хозяйства и дипломатии, после укоренившейся привычки бояться, воровать, промышлять доносами и спасать свою жизнь пресмыкательством сумеет осуществить такие выборы? Если у них имеются серьезные основания, то не следует их замалчивать; а если их нет, а есть обратные основания, то к чему безответственное программное пустословие?

Россия нуждается в такой системе выборов, которая дала бы ей верный способ найти и выделить своих подлинно лучших людей к власти. В этих выборах лучших людей не могут и не должны участвовать члены интернациональной партии, заведомые губители и палачи русского

народа, «нырнувшие» коммунисты, перекрасившиеся предатели и т. д. А это означает, что эти выборы не могут быть ни всеобщими, ни прямыми. Лучших людей могут найти только те, которые не утратили чести и совести, те, которые страдали, а не те, которые пытали страдальцев. Иначе Россия будет опять отдана во власть политической черни, которая из красной черни перекрасится в черную чернь, чтобы создать новый тоталитаризм, новую каторгу и новое разложение. Избави нас Бог от этого!

О главном

Эпоха, переживаемая ныне человечеством, есть эпоха суда и крушения. На суд идут все народы без исключения; одни ранее, другие позже. Крушение грозит каждому из них; каждый должен увидеть свою неудовлетворительность или несостоятельность перед лицом Божьим, – в свой черед, по-своему, со своим особым исходом и в осуществлении своей особой судьбы. Прошли годы, когда нам могло казаться, что «мы рухнули, а другие устояли». Теперь нам это уже давно не кажется. Сбывается вещее слово о том, что мы все подлежим суду вечно живого огня, – разумеется, духовного огня, опаляющего, очищающего и обновляющего. И, разумея это, нам, русским, надлежит не падать духом и не малодушествовать, а крепко верить в Бога и верно служить нашей родине, России, с которой началось это духовно огненное опаление, очищение и обновление.

Чем мы можем служить ей? К чему мы призваны? Что нам надо делать? Ответить на это – значит выговорить главное; приступить к этому служению значит осуществлять это главное.

России нужен новый русский человек: проверенный огнями соблазна и суда, очищенный от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого и строящий себя по-новому, из нового духа, ради новых великих целей… В этом главное. Делая это, мы строим новую Россию. Ибо слепо и кощунственно думать, будто Россия «погибла»; пусть верят в это иностранцы, враждебные ей, и предатели, помышляющие о ее расчленении. Да, Россия первою пошла на суд; первая вступила в полосу огня, первая противостала соблазну, первая утратила свое былое обличие, чтобы выстрадать себе новое. Первая, но не последняя. И другие страны уже охвачены тем же пожаром, каждая по-своему. Прежней России не будет. Будет новая Россия. По-прежнему Россия; но не прежняя, рухнувшая; а новая, обновленная, для которой опасности не будут опасны и катастрофы не будут страшны. И вот к ней мы должны готовиться; и ее мы должны готовить, – ковать в себе самих, во всех нас новый русский дух, по-прежнему русский, но не прежний русский (т. е. больной, не укорененный, слабый, растерянный). И в этом главное.

Для этого необходимо, во-первых, справиться с соблазнами. Их целый ряд.

И первый из них – соблазн большевистской «свободы», свободы от Бога, от Духа, от совести, от чести, от национальной культуры, от родины. Этот соблазн не русского происхождения. За последние века он проявлен материализмом и распространен французской революцией и немецкой философией (от левых гегельянцев до Фридриха Ницше включительно). Свобода необходима человеку и священна для него. Но эта свобода обретается через Бога, в духе, в совести, в чувстве собственного духовного достоинства, в служении своему единокровному народу. Большевистская же «свобода», освобождающая человека от третьего (духовного) измерения, оставляющая ему голодное тело и развратно-страстную душу, есть не свобода, а произвол насилия, блуда и греха.

Второй соблазн есть соблазн тоталитарного государства и коммунистической каторги, соблазн, обещающий разбойничье «величие» через порабощение и через ограбление остального человечества и обезьянье «счастье» через отказ от личного начала, от творческой инициативы и от свободного вдохновения. Этот соблазн за последние века был выдвинут социалистами, во главе коих в XIX веке встал Карл Маркс. Нельзя отнимать у людей идеи величия и счастья. Но истинное величие не осуществляется в формах национального ограбления, всемирного завоевания, и истинное счастье не добывается через порабощение личности. Обман безбожной сытости, навязываемой от рабовладельческого государства обезличенным рабам, – соблазняет людей величайшей пошлостью и величайшею ложью; соблазняет, чтобы разочаровать и погубить. И его необходимо одолеть.

Кто не одолеет этих двух соблазнов, тот не строитель новой России. Кто не разоблачил до конца искушение безбожной свободы и тоталитарной государственности, тому не дастся ни очищение души, ни обновление ее. А если он утвердится в будущей России, то он окажется в ней представителем разнуздания и рабства. Культура без Бога есть вавилонская башня. Государство без Бога есть земная каторга. И сколькие в эмиграции уже не справились с этим соблазном, не осилили первого этапа и потому не произнесли ни одного живого слова; ибо их путь вел их с самого начала в пропасть большевизма.

Второе задание наше – очистить душу от слабостей, заблуждений и уродливостей прошлого. Их много. Вот главнейшие.

1. Бесхарактерность, т. е. слабость и неустойчивость духовной воли; отсутствие в душах духовного хребта и священного алтаря, за который идут на муки и на смерть; невидение религиозного смысла жизни и отсюда – склонность ко всевозможным шатостям, извилинам и скользким поступкам; и в связи с этим – недостаток духовного самоуправления и волевого удержа.

2. Недостаточное, неукрепленное чувство собственного духовного достоинства, этой жизнесдерживающей и жизненаправляющей силы, и отсюда: удобособлазняемость наших душ; колебание их между деспотизмом и пресмыканием, между самопревознесением и самоуничижением; неумение уважать в себе субъекта прав и обязанностей, неукрепленное правосознание; больная тяга к слепому подражательному западничеству, к праздному и вредному заимствованию вздорных или ядовитых идей у других народов, неверие в себя, в творческие силы своего народа.

3. Насыщение политической жизни ненавистью и тягой к анархии. Мы обязаны преодолеть и то и другое. Ни на классовой, ни на расовой, ни на партийной ненависти Россию нам не возродить и не построить. Знаем мы, что иностранцы будут поддерживать и разжигать в нас все эти виды ненависти, для того чтобы ослабить, расшатать, расчленить и покорить нас. А мы должны очистить и освободить себя от этих разрушительных сил и погасить, искоренить в себе этот дух грозящих нам гражданских войн. И сделать это мы должны потому, что мы христиане; и еще потому, что этого требует от нас государственная мудрость и верное разумение исторических и многонациональных судеб нашей родины. Великую и сильную Россию невозможно построить на ненависти, ни на классовой (социал-демократы, коммунисты, анархисты), ни на расовой (расисты, антисемиты), ни на политическо-партийной.

И вот наше третье, положительное задание – обновить в себе дух, утвердить свою русскость на новых, национально-исторически древних, но по содержанию и по творческому заряду обновленных основах. Мы должны научиться веровать по-иному, созерцать сердцем – цельно, искренно, творчески, чтобы мы сами по себе знали и чтобы другие о нас знали, что не про нас это сказано: «на небо посматривает, по земле пошаривает». Мы должны научиться не разделять веру и знание, а вносить веру не в состав и не в метод, а в процесс научного исследования и крепить нашу веру силою научного знания. Мы должны научиться новой нравственности, религиозно-крепкой, христианско-совестной, не боящейся ума и не стыдящейся своей мнимой «глупости», не ищущей «славы», но сильной истинным гражданским мужеством и волевой организацией.

Мы должны воспитать в себе новое правосознание, – религиозно и духовно укорененное, лояльное, справедливое, братское, верное чести и родине; новое чувство собственности – заряженное волею к качеству, облагороженное христианским чувством, осмысленное художественным инстинктом, социальное по духу и патриотическое по любви; новый хозяйственный акт – в коем воля к труду и обилию будет сочетаться с добротою и щедростью, в коем зависть преобразится в соревнование, а личное обогащение станет источником всенародного богатства.

России нужен новый русский человек, с обновленным – религиозным, познавательным, нравственным, художественным, гражданским, собственническим и хозяйственным – укладом. Этот уклад мы должны прежде всего воспитать и укрепить в себе самих. Ибо только после этого и вследствие этого, мы сможем передать его нашему даровитому, доброму и благородному народу, который доселе пребывает во многой беспомощности и нуждается в

верной, сильной ведущей идее. Россия ждет от нас нового, христиански-социального, волевого, творческого воспитания. Но как воспитает других тот, кто не воспитал себя самого?

Это – главное. Это – на века. Без этого не возродим и не обновим Россию. А на этом пути – справимся со всеми бедами, опасностями, затруднениями и заданиями. И кто в этом духе поведет свое обновление и самовоспитание, кто так сотворит и других научит, тот осуществит свое историческое и отечественное призвание.

России необходима свобода

Кто любит Россию, тот должен желать для нее свободы; прежде всего свободы для самой России как государства, ее международной независимости, ее державной самостоятельности; далее – свободы для России как национального, хотя и многочленного единства, т. е. творческой нестесненности, любовного взращивания русской и всех других российски-нерусских национальных культур; и, наконец, – свободы для русских людей, как множества духовных и хозяйственных личностей, свободы для всех нас, как живых субъектов права: свободы веры, искания правды, творчества, труда и собственности.

Это требование свободы есть основное, неоспоримое, аксиоматическое… Его необходимо продумать и прочувствовать до конца. Его необходимо принять духом и волею, чтобы уже не колебаться. Грядущая Россия должна быть свободна и будет свободна. Отвергающий эту аксиому жизни будет готовить и ей, и нам всем, и нашим детям и внукам – распад, соблазн и порабощение. Спорить здесь можно не о самой свободе, а лишь о мере и о формах ее политического и хозяйственного осуществления.

Необходимо прежде всего признать, что старый спор между «либералами» и «антилибералами» потерял свой былой смысл и обновился. За последние десятилетия в мире совершились события, которые сделали этот спор устаревшим. Впервые за всю свою историю мир увидел тоталитарное государство и испытал, что значит лишиться всякой свободы; он увидел и понял, что такой строй восстает и против Бога, и против всех законов созданной им природы; что он превращает человека – не то в раба, не то в машину; что такой строй служит делу дьявола и что он поэтому обречен и гибелен!

В результате этого спор о свободе передвинулся и углубился. Оказалось, что он вращался на поверхности жизни и касался всего лишь некоторых отдельных видов личной свободы, о мере и о формах которой можно спорить и теперь, разрешая этот спорный вопрос различно в разных странах, ибо и здесь, как во всех человеческих делах, нет единого, спасительного рецепта для всех времен и народов.

Оказалось, что либералы не предусмотрели, что крайняя или несвоевременная и неуместно предоставленная свобода ведет к разнузданию и порабощению; они не предугадали, что человек, не созревший для свободы, может злоупотребить ею в разнуздании и продать ее за личный или классовый интерес, за частный прибыток; что в мире встанут поработители, которым он и отдастся в рабство; они сумеют зажать разнуздавшихся, извести людей чести и совести, сорганизовать злых, заставить своих новых рабов служить себе за страх пуще, чем за совесть – и тогда посягнут на порабощение и всех остальных народов, всего мира. Либералы с ужасом поняли, что они хотели совсем иного: они готовились к идиллии, а настал разврат… И даже самые крайние либералы, – анархисты, – с отвращением увидели безобразное убийство черни и живой ад тоталитарного коммунизма (князь Петр Кропоткин). Но было уже поздно. Безмерная свобода есть или ребяческая мечта или соблазн дьявола, а в жизни – то и другое вместе. Зло скрывается совсем не «в принуждении» и не в «государственности», как проповедовал Лев Толстой, а в безбожной и злой человеческой воле, которой безумно предоставлять «свободу». И потому всякая свобода должна иметь свою меру и форму, и притом у каждого народа – свою особую…

С другой стороны, оказалось, что противники либерализма гораздо вернее предвидели опасности разнуздания и тирании; но и они отрицали только известные виды свободы, которые они считали развращающими и опасными. Они и не думали отвергать всякую свободу и всю свободу, но всегда разумели человека как существо самостоятельное, призванное внутреннему (духовному) самоуправлению и самодеятельности. Уже дохристианское римское право,

выговорившее парадоксальное утверждение – «раб есть вещь», не сумело и не захотело проводить в жизнь это духовно противоестественное обобщение и постоянно отступало от него в сторону права и свободы. А после торжества христианства, с его учением о личной, нравственно-ответственной и бессмертной душе, человек явился нам живым и творческим центром нравственной самодеятельности. Самые последовательные антилибералы, вроде английского философа Гоббса, начинали с человеческой самодеятельности и свободы, пытаясь примирить и уравновесить множество состязающихся личных центров, не угашая их жизни и творчества; и никто не думал о возможности или желательности коммунистического бедлама.

Итак, новейшее тоталитарное государство явилось великим потрясением и для сторонников политической свободы, и для их противников. Этого исхода, такой развязки – никто не ожидал. Перед таким финалом старые споры потеряли свой смысл, и ныне весь вопрос должен быть поставлен и разрешен заново.

Историческое наказание было очень сурово и наставительно: кто не дорожит свободой, этим Божьим благом, – кто злоупотребляет им или торгует им, – тот лишается его, лишается целиком, до конца, до погибели, чтобы другие на его примере научились ценить его… Мы имели в дореволюционной России: свободу веры, исследования, слова, печати, труда, собственности, неполную свободу союзов, свободные выборы в законодательное собрание, чрезвычайно разветвленное и всестороннее общественное самоуправление, – и роптали… И только тогда, когда пришла настоящая полная несвобода, – цельная до конца, до погибели, – тогда мы поняли, сколь свободны мы были в императорской России и чего мы лишились… – не «мы, русская буржуазия», и не «мы, русская интеллигенция», – а мы, русский народ всех званий, сословий и племен… Ибо все утратили всё.

Русские люди роптали на то, что недостаточно ограждены права личности; казалось бы, следовало им совершенствовать в стране соответствующие законы и порядки, ибо огражденность личных прав ни в одной стране не сваливалась с неба, но они «уверовали» в революцию, которая впервые «все даст, и устроит»; а революция отвергла личность и совсем отменила и попрала ее права. Русские люди тянули к экспроприации и социализации земель – одни хотели получить чужое в неограниченном количестве и даром, другие «уверовали», будто русский мужик только и мечтает о том, чтобы ему ничего не принадлежало, а только – все общине; а революция отняла все у всех, погасила частную собственность и ввела вожделенный «социализм». Русские люди роптали на государственную цензуру, – «пусть всякий пишет кто во что горазд, и пусть ему никто не мешает»; за эту глупую и наивную безмерность история подарила им коммунистическую монополию мысли, слова, печати и преподавания. Русские люди отходили от своей Церкви и не участвовали в ее жизни, а о духовенстве рассказывали друг другу плоские анекдоты; и вот дьявол истории поднял вихрь безбожия, гонений и кощунств.

Тогда русский народ понял, что он был свободен и стал рабом; что императорская Россия никогда не стремилась создать тоталитарный режим; что Россия при Государях строилась совсем не полицейским гнетом, как писали тогда радикальные газетчики, а национальным самоуправлением.

Только совсем неосведомленные и зложелательные иностранцы, да теперь свои доморощенные клеветники без стыда и совести – могут говорить о «деспотическом строе» или о «народном рабстве» в России применительно к 20 веку. Со стороны иностранцев это до известной степени понятно: они не понимают, что самое пространство всегда требовало в России децентрализации и самоуправления; что опасность анархии всегда была в России больше, чем возможность авторитарного зажима; что самое дыхание Православной Церкви обеспечивало нам признание личного начала и вовлечение сердца в строительство государства; что наши многоплеменность, многоязычность и многоверие – делали у нас самоуправление неискоренимым; что самые властные русские Государи, как Петр Великий, заботились больше всего о том, чтобы поднять народную самодеятельность; что самый консервативный русский царь, Николай Павлович, систематически подготовлял освобождение крестьян и прямо называл крепостное право «началом зла». Иностранцы не знают Россию, меряют ее своим маленьким аршинчиком и потому ошибаются. Другое дело – доморощенные поносители, которые и теперь

еще имеют бесстыдство писать о России как о «каторжной империи», которая якобы держалась «похотью власти» и «радостью унижения слабых» (смотри статью пресловутого Федотова в 16 книжке «Нового Журнала»).

Скажем же однажды сами себе: культура законности и свободы бесспорно нуждалась в России в дальнейшем совершенствовании, но к началу 20 века русский народ имел в основном посильную для него свободу, которую он утратил целиком при Советах. При Императоре Николае II народная самодеятельность в России непрерывно крепла и росла: и в расцвете земства и городов, и в трудах Государственной Думы, и в движении за восстановление Православной Соборности, и в личной земельной собственности Столыпина, и в росте кооперации, и в движении за свободные рабочие союзы, и просто в нестесняемой правительством культурной инициативе самого населения на всех поприщах жизни. Словом России грозило не «самодержавие трона», а разнуздание народа, над которым работали революционные партии; опасность лежала совсем не в «деспотическом режиме», а в неукрепленности массового правосознания; страшна была не реакция, а революция…

После революционного порабощения русский народ, может быть, поймет, что он жил доселе не в рабстве, а в свободе; что свобода есть неотъемлемое право человека на законно урегулированную самодеятельность, но отнюдь не право на революцию или на грабеж; что свобода всегда будет иметь свои законные пределы; что у разных народов мера свободы бывает различна и что она зависит от укорененности и несоблазнимости общенародного правосознания.

Мы не сомневаемся: Россия вернет себе свободу, укрепит ее и приучит свой народ к свободной лояльности. Но в дьявольской школе тоталитарного коммунизма она научится ценить свободу, не злоупотреблять ею, не торговать ею и стойко блюсти ее законные пределы.

Основы демократии

Всякий политический строй имеет свои жизненные основы – в душевном укладе народа, в его правосознании и в его социальном строении. Исчезают эти основы – и политический строй вырождается: сначала в свою зловещую карикатуру, а потом в свою прямую противоположность. Отсутствие этих основ в жизни народа означает, что этот народ неспособен к такому политическому строю; что этого государственного устройства совсем не следует у него вводить под опасением гибельных последствий. Так, нелепо предлагать монархический или аристократический строй для Швейцарии или для Соединенных Штатов; введение республики в Германии только и могло кончиться демагогической тиранией; свергнуть монархию в Греции, в Югославии или в Испании – значило бы поставить эти страны на край гибели и т. д. История учит нас всему этому на каждом шагу; но доктринеры не учатся у истории, они сами думают поучать историю, подчиняя ее своим теоретическим выдумкам.

Так и демократия имеет свои жизненные основы – в духе народа, в его правосознании, в его социальном укладе. Нет этих основ, и демократия выродится – или в охлократию (засилье черни), или в тиранию. Каковы же эти основы?

Демократия (по-русски – «народоправство») предполагает в народе способность не только вести государственную жизнь, но именно править государством.

Для этого народу необходимо прежде всего уверенное и живое чувство государственной ответственности: «от того, что я делаю, как я держу себя и за что голосую, – зависит судьба моего народа, моего государства, моя собственная, моих детей и внуков: за все это я отвечаю; все это я должен делать по чести и совести». Это есть сразу чувство творческой связи между собой и государством и чувство предстояния (Богу, родине и совести, чести и грядущим поколениям). Народ, лишенный чувства ответственности, не способен к народоправ-ству: он поведет себя безответственно и погубит все дело. И пока это чувство в нем не воспитано – взваливать на него бремя народоправства можно только сослепу, от доктринерства и от своей собственной безответственности.

Во-вторых, народоправство неосуществимо без свободной лояльности и без элементарной честности. Народ, не научившийся чтить закон и добровольно соблюдать его за совесть, не будет уважать ни своего государственного устройства, ни им самим изданных

законов; всяческое правонарушение окажется основной формой его жизни, и во всех делах его водворится «черный рынок». Мало этого, этот народ окажется неспособным ни к контролю, ни к суду, ни к принудительным мерам, ни к мобилизации своей армии; ибо в основе всего этого лежит добровольное закононаблюдение, чувство долга и неподкупность. Но где законы не уважаются, так особенно и непрестанно попираются законы имущественные: грани между «твоим и моим», между «моим и общественным», между «моим и казенным» утрачиваются: в жизнь внедряется всяческое воровство и мошенничество, продажность и взяточничество; люди не стыдятся уголовщины – и народоправство становится своей собственной карикатурой. Первая же война провалит его с позором.

В-третьих, народоправство требует от народа государственно-политического кругозора, соответствующего размерам страны и державным задачам этого народа. Малому, ниоткуда не угрожаемому народу достаточно уездного политического горизонта: датчанину можно обойтись без того кругозора, который необходим англичанину; гражданин княжества Монако может не видеть далее своей колокольни; но американский «изоляционист» есть близорукая «деревенщина»; и русский калужанин, отвергающий борьбу за морские берега на том основании, что «нам, калуцким, моря не надо», не способен к народоправству. Народ, не понимающий своих исторических и державных задач, создаст жалкую карикатуру на демократию и погубит себя и свою культуру.

В-четвертых, народоправство требует от народной толщи – известных знаний и самостоятельного мышления о знаемом. Есть степень народного невежества, при которой вводить демократию можно только для того, чтобы надругаться над ней. Народ, не знающий ни истории, ни географии своей страны, – не увидит сам себя; и все его голосования будут бессмысленны. Народ, не понимающий своего хозяйства, будет обманут первой же шайкой демагогов. Народ, не способный самостоятельно мыслить о своей судьбе и о своем государстве, будет цепляться за подсказываемые ему фальшивые лозунги и побежит за льстивыми предателями. Мировая конъюнктура есть обстояние сложное – и дипломатически, и стратегически, и экономически, и национально, и религиозно. К какому народоправству способен народ, не знающий ничего верного о других народах, о их жизни, интересах, претензиях, планах и намерениях? Ни к какому! Он политически слеп и дипломатически глух; в финансовых вопросах он подобен ребенку; в делах культуры и науки он некомпетентен; в делах стратегии и войны он беспомощен. Что же весит его голосование? У темного человека «право голоса» будет всегда украдено политическим жуликом…

В-пятых, народоправство осуществимо только там, где народу присуща сила личного характера. Что сделает со своим «голосом» человек, лишенный чувства собственного достоинства? Он продаст его повыгоднее первому же ловкому покупателю голосов.

Во что превратится избирательная кампания у народа, лишенного моральной дисциплины? В погромы, в резню, в гражданскую войну. Массы людей, отучившихся от взаимного уважения и доверия, не способны ни к честной организации, ни к сговору, ни к координации сил. Народ без характера – быстро разложит «народоправство» в анархию, в войну всех против всех.

Однако помимо этих духовных основ и условий демократии есть еще социальные основы.

Во-первых, народ, потерявший оседлость жилища, крепость семьи и уважение к труду, становится беспочвенным и политически несостоятельным; он приближается к римскому плебсу эпохи цезаризма. Люди перестают быть политическими индивидуумами и становятся пылью, трагическим сором, несущимся по ветру. Вспомните войну Белой и Алой розы, перечитайте исторические драмы Шекспира и не делайте себе иллюзий! Кто не имеет оседлого жилища, тот легко становится «ландскнехтом», ищущим себя «кондотьери». Кто не дорожит традициями своего честного рода и своим семейным очагом, тот превращается незаметно в авантюриста. У кого отнят смысл труда, тот перестает быть гражданином. Народ, находящийся в таком состоянии, не способен к государственному самоуправлению, к корпоративному строю, к демократии.

Во-вторых, участник народоправства должен иметь волевую независимость и гражданское мужество. Это дается не легко. Легче всего это дается человеку, имущественно стоящему на своих ногах: крестьянину-собственнику, людям «среднего класса», квалифицированному кадру пролетариата, богатым гражданам. Именно в этих слоях демократия и имеет свою главную опору. Обнищавший народ, опустившийся до состояния черни, быстро выродит и погубит всякое народоправство.

Наконец, некая исторически-национальная и государственная ткань солидарности. Люди должны быть вращены в нее трудом, семейственностью, правосознанием, религиозным чувством и патриотизмом. Ею держится всякое государство, особливо же демократическое. Нет ее, нет этой незримой творческой спайки в национальное всеединство – и корпоративное устройство государства становится неосуществимым. Тогда надо искать спасения в государстве-учреждении, которое должно будет медленно, но упорно крепить эту ткань солидарности и растить корпоративные навыки, т. е. демократические способности в народной массе…

Такова основа демократии.

Что же предстоит в России

Взвесив все, высказанное нами об основах народоправства, всякий трезво мыслящий и ответственный демократ должен со скорбью признать, что русский народ после тридцатилетнего разгрома, насилия, обнищания и всяческого разврата – окажется неспособным к осуществлению демократического строя, до тех пор пока он не восстановит в себе честь, совесть и национально-государственный смысл. Ныне в его душе все элементарные и необходимые основы народоправства подорваны, поруганы, извращены или прямо упразднены тоталитарными коммунистами. Русский народ существует, но существование его подобно мученическому унижению его собственных беспризорных детей. Состояние его, – религиозное, духовное, интеллектуальное, волевое, политическое, хозяйственное, трудовое, семейственное и бытовое, – таково, что введение народоправства обещает ему не правопорядок, а хаос, не возрождение, а распад, не целение, а «войну всех против всех»; это было бы последним и горшим бедствием. За кошмарной эпохой революционного «якобинства» началась бы эпоха затяжной «жирондистской» анархии – со свирепой крайне правой тиранией в заключение. Ребячливо и безответственно – закрывать себе на это глаза.

Поэтому первое, что обязан выговорить идейный и ответственный демократ, есть пессимистический диагноз и прогноз: коммунистическая революция не приблизила Россию к народоправству, напротив – она подорвала все его живые основы, имеющиеся налицо в Императорской России.

Революция длится уже 32 года; и она еще не окончена. За это время коммунисты сделали все, чтобы убить в некоммунистической массе русского народа чувство государственной ответственности и духовного предстояния; чтобы сделать государственное начало ненавистным для русской души синонимом бессмысленной каторги; чтобы отучить русского человека от свободного и верного политического изволения; чтобы погасить в его душе гражданина и приучить его к рабству; чтобы внушить ему презрение к унижениям избирательной комедии. Какое же «народоправство» может быть построено на этом?

За эти долгие, мучительные годы советская власть делала все, чтобы отучить русских людей от свободной лояльности, чтобы смешать ее в душах с пресмыканием, с грубой лестью и подлым доносительством. В советской России право стало равнозначным произволу и насилию; в душах угашалось всякое уважение к закону; правонарушение стало основной и необходимой формой жизни. Еще в 1919 году из Совнаркома была формулирована директива: «Сущность революции состоит в открытом попирании всякого права, включая и собственные декреты революции». И вот, по этой директиве – чиновник становится разбойником и взяточником, а социальный отброс возводился в чиновники. Загнанный же русский обыватель, в порядке жизненной самообороны от революционного разбоя, превратил «блат» в естественный и неизбежный способ борьбы за существование. Сверху сделано было все, чтобы смешать «мое» и «твое», «мое и казенное» – в одну неразличимую кучу, чтобы вытравить из душ всякую

имущественную законность и честность. Какую же демократию можно построить на таком «воровстве»?

Коммунисты и поныне продолжают делать все, чтобы лишить народ русского национально-государственного кругозора и подменить его всемирно революционным угаром, заносчивостью, самоуверенностью международного авантюризма. То чувство державной правоты и державной меры, которое столетиями воспитывалось в русской душе и на котором строилась вся Русь от Киева до Петербурга, попрано и распалось. Четвертый десяток лет коммунисты истощают без всякого национального смысла жертвенность, чувство долга и силу служения, присущие русскому народу, как редко какому другому; проматывается русский патриотизм; разочаровывается русское самоотвержение; русский гражданин проходит величайшую принудительную школу политического разврата. Нужно совсем не знать историю и ничего не понимать в политике, чтобы пытаться строить демократию на этом разврате.

Русский человек никогда не жил чужою мыслью. Он всегда предпочитал думать «глупо», но самостоятельно: идти вразброд и тонуть в разногласии, но не подчиняться слепо чужому авторитету. И вот четвертый десяток лет из него выколачивают революционной «учебой», голодом, страхом, навязчивой пропагандой и партийной монополией печати способность к самостоятельной мысли. В его образовании – все опошлено, искажено и пролгано; в его принудительном «миросозерцании» – все мертво, трафаретно, безбожно и аморально. Он в течение целых поколений оторван от верного знания – и о самом себе, и о других народах. Он слеп в политике и часто не знает о своей слепоте и все чаще принимает свою слепоту за высшую умственную «зрячесть». Предлагать ему народоправство можно только в надежде заменить тоталитарный трафарет коммунистов новым, тоже тоталитарным партийным трафаретом. Что же может быть противнее истинному демократу, чем такая фальсификация «народоправства»? Или они попытаются создать новый «демократический фашизм», чтобы, воспевая свободу, попирать ее от лица новой, неслыханной в истории псевдодемократии?

После большевиков Россию может спасти – или величайшая государственная дисциплинированность русского народа или же национально-государственно-воспитывающая диктатура. Какая же психологическая наивность нужна для того, чтобы верить, будто русский народ, всегда страдавший недостатком характера, силы воли, дисциплины, взаимного уважения и доверия, найдет в себе именно после этих долгих лет рабства и растления эту сверхвыдержку, эту сверхумеренность, сверхволю и сверхсолидарность для осуществления демократического строя?

Подорваны все духовные и все социальные основы демократии – вплоть до оседлости, вплоть до веры в труд, вплоть до уважения к честно нажитому имуществу. В клочки разодрана ткань национальной солидарности. Повсюду скопилась невиданная жажда мести. Массы мечтают о том, чтобы стряхнуть с себя гипноз подлого страха и ответить на затяжной организованный террор – бурным дезорганизованным террором. И в этот момент им предложат: 1. «Демократическую свободу»; 2. «Право всяческого самоопределения» и 3. «Доктрину народного суверенитета». Кто же будет отвечать за неизбежные последствия этого?..

Демократия – немедленно и во что бы то ни стало.

Мы должны предвидеть, что трезвые политические соображения, изложенные в двух последних статьях «Наших Задач» (с. 137, 140), не убедят «доктринеров от демократии». Они внушили себе раз навсегда, что демократическая форма государственной жизни есть высшая и самостоятельная ценность, воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества… Так они и ставили этот вопрос перед началом революции, когда по их директивам из всех углов страны, бывало, шли резолюции: пока нет истинно демократического учредительного собрания – невозможно ни научить, ни учиться, ни лечить, ни лечиться, ни заседать, ни обсуждать, ни решать, ни торговать, ни печатать, ни вообще вести какую бы то ни было жизнь. Словом, демократия или гибель! Казалось бы, опыт истории мог научить их чему-нибудь: в 1917 году демократия развернулась в России на полной свободе и принесла с собой сущую гибель. Но разве доктринеры учатся у Истории? Прошло

более тридцати лет, наполненных бедствием. И вот мы опять перед тем же вопросом и слышим опять то же решение и тот же ответ: демократия немедленно и во что бы то ни стало, ни с чем не считаясь, любою ценою, ибо она есть воздух бытия, свет жизни, радость существования, гарантия всяческой справедливости, смысл творчества и т. д.

Наша патриотическая тревога о России ничего не говорит им. Мы спрашиваем: что сделает из политической свободы человек, который не созрел для нее и переживает ее как разнуздание? Ведь мы прожили 1917 год с открытыми глазами и с сердцем, обливающимся кровью! Мы наблюдали и учились. Мы учились и научились. Мы спрашиваем: чем же заполнит такой человек свои политические права теперь, после тридцати или сорокалетнего революционного рабства? Что даст своей стране такой человек, злоупотребляя всеми свободами, выбирая криводушно, голосуя продажно, решая все вопросы государства на основах воровства, мести и жадности? Что же можно будет сделать, если окажется, что он сам становится опаснейшим врагом чужой и общей свободы?

Мы должны предвидеть, что эти вопросы ничего не скажут доктринерам. Они ответят нам на это приблизительно так.

«Чтобы приучить людей к истинной свободе, надо непременно дать им полную свободу. Чтобы пробудить правосознание в народе, надо предоставить все на его усмотрение. Чтобы проснулась честность, лучше всего дать людям возможность воровать и не воровать, – тогда только они поймут на собственном опыте, что вором быть постыдно. Чтобы приучить людей к осмысленному голосованию, необходимо дать им право располагать своим голосом свободно: лет десять, двадцать, тридцать, а может быть и больше, они будут торговать своими голосами (продавая их за иностранную валюту), голосовать за демагогов, за интернациональных агентов, за политических проходимцев и просто за своих домашних жуликов, а впоследствии, пройдя через все это, они научатся голосовать умнее и лучше. Все народы шли этим путем и так учились демократии; русский народ не лучше прочих. Когда ребенок учится ходить, то он первое время падает: что же из этого? Стрелок не сразу попадает в цель, а сначала много и долго промахивается. Только самоуправляясь, люди приучаются к самоуправлению. Кто боится воды, тот никогда не научится плавать: Россия должна сделаться демократическим государством как можно скорее и во что бы то ни стало, любою ценою. Это главное, это самое важное. Если она при этом еще и еще пострадает, то это несущественно. Пусть осуществится демократия, хотя бы ценою всероссийского распада и нового значительного уменьшения народонаселения в России! За науку свободы никакая цена невысока. Надо выбирать. Одно из двух: или тоталитарное рабство – или последовательная демократия. Третьего исхода нет!»

Так скажут нам политические доктринеры…

Мы ответим им.

«Нет, есть еще третий исход, и именно он должен быть найден и осуществлен в жизни: это твердая, национально-патриотическая и по идее либеральная диктатура, помогающая народу выделить кверху свои подлинно лучшие силы и воспитывающая народ к трезвлению, к свободной лояльности, к самоуправлению и к органическому участию в государственном строительстве. Только такая диктатура и может спасти Россию от анархии и затяжных гражданских войн».

«Чтобы приучить людей к свободе, надо давать им столько свободы, сколько они в состоянии принять и жизненно наполнить, не погубляя себя и своего государства; безмерная и непосильная свобода всегда была и всегда будет – сущим политическим ядом».

«Чтобы пробудить правосознание в народе, надо воззвать к его чести, оградить его от погромных эксцессов властными запретами и предоставить на усмотрение народа не более того, чем сколько он сумеет поднять и понести, не погубляя себя и своего государства. Безмерные полномочия никогда не приводили к добру, а только вызывали политическое опьянение и разнуздание страстей. И ныне ни одна государственная конституция не предоставляет ни одному народу таких полномочий».

«Чтобы проснулась и окрепла честность, отнюдь не надо выпускать из тюрем всех уголовных (как это было сделано в России в марте 1917 года) и отнюдь не надо обеспечивать им безнаказанность. Честность есть разновидность свободной лояльности, а она воспитывается

поколениями. Сентиментальное и фальшивое непротивленчество только поощряет злое начало в людях».

«Чтобы приучить людей к государственно-верному изволению, надо начинать с ограниченного права голоса: давать его только оседлым, только семейным, только работящим, только никогда не служившим компартии, только возрастно зрелым, только приемлемым и для избирателей и для национальной власти. Иными словами: надо начинать с системы не имущественных цензов, обеспечивающих необходимый минимум почвенности, честности и государственного смысла, с тем чтобы в дальнейшем, по мере оздоровления народа и страны, расширять круг голосующих. Все остальное было бы доктринерским безумием и погублением России».

«Зачем говорить заведомую неправду, будто все народы шли этим путем?

На самом деле ни один народ не имел такого пространства, такого климата, таких границ, такого исторического бремени, такого многонационального состава, таких трудностей и соблазнов, такой героической жертвенности, такого государства и такой культуры! Ни один народ не проходил через такое мученическое насилие и растление, какое принесла с собой коммунистическая революция».

«Глупо ссылаться на падающего ребенка, ибо ныне дело идет не о детском синяке, а о бытии России. Еще глупее ссылаться на промахивающегося стрелка, ибо промах не беда, а вторичное доктринерское надругательство над свободою и над участием народа в государственном самоуправлении (ибо первое надругательство состоялось в 1917 году и длилось с февраля до декабря!) неизбежно закончится новым потоком национальных бедствий».

«Самое важное – это бытие России. Она должна прежде всего восстать из порабощения и возобновить свою хозяйственную и духовную жизнь. А потом только, в меру своих наличных способностей к корпоративно-государственной форме, – она может думать о своем демократическом облачении. Россия должна продолжать свое великое, вековое, религиозно-национальное Дело, свое общечеловеческое культурное служение. Это главное, это самое существенное. Она не может и не должна платить «любую цену» за псевдодемократическое разнуздание, которое доктринеры называют «свободою»; от этого разнуздания они сами погибнут первые, если не успеют опять спастись за кордон. Но наша скорбь не о них, а о России. Лозунг «демократия немедленно и во что бы то ни стало» один раз привел уже в России к тоталитарной диктатуре. Он грозит такой же диктатурой и впредь, но уже антикоммунистической».

«Мы понимаем, что доктринерам – их доктрина дороже России: на то они доктринеры. Но нам Россия дороже всего, и мы не желаем ни всероссийского распада, ни нового вымирания русского народа в подготовляемых расчленителями гражданских войнах».

Да спасет нас от этого Господь!..

Конкретный урок социализма

В одной из лучших европейских газет («Базлер Нахрихтен») была недавно помещена интересная корреспонденция из Лондона. В ней рассказывается о том, как среди англичан постепенно распространяется разочарование в социализме и отвращение к нему. Эти настроения английской массы, крепнущие на фоне почти непреодолимых экспортных и валютных затруднений, уже обнаружились в последних коммунальных выборах, давших чрезвычайно выразительный сдвиг вправо. Передаем вкратце содержание этой корреспонденции.

Огосударствление промышленности и общественной культуры в Англии, с таким увлечением проводимое правящей «Лэйбер-партией», дало весьма осязательные результаты. Число правительственных чиновников возросло с 1939 года на 50 проц. Появляются все новые, огромные бюрократические гнезда, учреждаемые парламентарным правительством и разрастающиеся бесконтрольно. Для них реквизируются без стеснения и без разбора все новые замки, отели и дома. И в Англии открыто говорят о том, что былые поместья отведены теперь под малолетних преступников, под сумасшедших и под социалистических чиновников, причем первые две категории новых обитателей «все-таки подают некоторую надежду».

Огосударствление жизни означает бюрократизацию жизни, т. е. подчинение ее мелким государственным чиновникам, их произвольному усмотрению и их обывательской глупости. Все они руководятся убеждением, что для счастья народа государственные чиновники должны регулировать жизнь не только хозяйственную, но и культурную, вплоть до последнего получаса вечернего досуга. В этом и состоит тоталитарное посягательство на гражданина. Всюду возникает чрезмерная организованность, всепроникающий контроль, контроль над контролем, неповоротливость, тяжелодумие, медленность и в результате – особый социалистический паралич жизни. Всем владеет бумага – регистрация, прошение, приказ, запрет, уведомление, донесение, циркуляр, отчет, протокол, «отношение за номером». Социализация вводится на основании министерских циркуляров («министериал ордерс»), выпускаемых в количестве около 3000 в год. Все они имеют силу закона, но их никто не знает. За несоблюдение их полагаются наказания – до двух лет тюрьмы и до 500 фунтов стерлингов штрафа. Недавно знаменитый лондонский адвокат сказал, что в Англии, наверно, нет ни одного человека, который не подлежал бы так или иначе («ведением или неведением») наказанию за несоблюдение этих премудрых законов; а они все умножаются и создают мнимый строй и мнимое хозяйство. Чтобы жить, надо их обходить, рискуя наказанием. В результате расцвел черный рынок и повальное беззаконие. Социалистическое правительство ответило на это созданием целой армии, состоящей из «офицеров принуждения» («энфорсмент офисерс») и «инспекторов», которые все время врываются в частную жизнь (в лавках, в домах и на улице) и требуют доказательств законности. А это возмущает всех поголовно, угашает в людях охоту к жизни, предприимчивость и радость труда. Это угнетает и запугивает, а англичане этого не любят.

Стоит поговорить с любым англичанином, и он расскажет вам целый ряд проявлений такой бюрократически-социалистической глупости. В ожидании мелочных «разрешений» и «постановлений» люди, подавшие прошение о пустяке, успевают переменить свою службу, уехать в другую страну и даже умереть; а инвалид с ампутированной ногой, имеющий право на двойную порцию мыла, получает требование – представить новое врачебное удостоверение о том, что его нога «все еще ампутирована»…

Таких примеров имеются буквально сотни.

Особенно поучительна история огосударствления медицинской помощи в Англии. Против такой «социализации врача» английские доктора восстали дружно с самого начала: они отвергли ее огромным большинством голосов в январе 1948 года. Тогда социалистический министр здравоохранения внес в их среду раскол: он подкупил зубных врачей перспективой огромных государственных гонораров, а когда они соблазнились и согласились, то он вскоре издал приказ об огромном сокращении этих соблазнительных гонораров. Негодование и гнев обманутых врачей не поддаются описанию.

В народе бесплатное государственное врачевание вызвало сначала сущий восторг: все обрадовались даровым очкам, парикам, челюстям и корсетам… Врачи и фельдшера оказались заваленными работой; больницы переполнились. Каждому было лестно из-за каждого пустяка бесплатно отдохнуть в госпитале; выздоравливать никто не хотел; напротив, все всем заболевали. Взаимное доверие между врачом и пациентом испарилось окончательно: осажденному врачу не до доверия, только бы «пропустить» как-нибудь всю эту ораву пациентов, тем более что каждый «государственный пациент» дает ему поголовный гонорар в 17 шиллингов (17 русских императорских полтинников); а осаждающему полупациенту важно не лечение, а ордер на бесплатное государственное добро. Один женский врач прямо признавался, что в одно утро выдавал 54 ордера на бесплатные корсеты. Если же пациенту отказать, то он пойдет к другому врачу и гонорарное «поголовье» пропало. Поэтому ордера давались 90 процентов из ста. Лысым полагается два государственно-бесплатных парика, каждый по 10 фун. ст. (100 русских рублей). До конца января 1949 г. было выплачено 36000 фун. ст. за одни парики. А вначале социализации выдавались рецепты и на другие бесплатные целебности, как то: виски, коньяк, шерри, пиво и шампанское, а также и на особые порции молока, сахара, мыла и мясных экстрактов. Однако здравоохраняющий министр скоро пришел в ужас от этих расходов и спиртные рецепты были переданы в контрольную комиссию.

Впрочем, и доселе пятьдесят бесплатных предметов прописываются врачами единолично: от перевязочных средств до лекарств и подкожных впрыскиваний, а также ингаляторы, плевалки, резиновые чулки, очки, глазные зонтики, мешки для льда и т. д. Кому же не лестно запастись этим всем в порядке государственной бесплатности?

Каждый приезжий иностранец получает удостоверение, дающее ему право на бесплатное лечение. И вот, в нижней палате было сообщено, что остиндские матросы высаживаются в Англии, и во всех портах по очереди, заказывают себе повсюду челюсти, парики и очки и сбывают их на восточных рынках. Особые комиссии или больницы разрешают пластические операции лица, кресла-каталки и лечение астмы полетами на высоту – все бесплатно. Окулисты определенно сообщают, что сотни тысяч людей приобрели себе бесплатные очки, которых они никогда не носят. Государство платит оптику за каждое исследование глаз 15 шиллингов и за каждые очки 25 шиллингов; и вот оптики прописывают каждому желающему одни очки для чтения, другие для дальнего взирания и третьи для «полудистанции». Починить старые очки стоит 12 шиллингов; и пациенты предпочитают сберечь их и заказать себе две пары новых бесплатных очков, возложив на государственный бюджет расход в 8 фунт. ст. Можно представить себе, как закипела работа у врачей, дантистов, аптекарей, дрогистов, оптиков и ортопедов!

Но всякая радость имеет свой конец. На первый год парламент ассигновал на расходы по бесплатному лечению 210 миллионов фунтов стерлингов; но оказался уже дефицит в 53 миллиона фунтов. Английская толпа, как и всякая толпа, воображала, что «социалистическая бесплатность» будет покрыта «богатыми»; но оказалось что богатый класс Англии уже «выжат» так, что «бесплатность» надо покрывать нажимом на самого рядового обывателя. Бремя «социалистических благодеяний» ложится на всех и на каждого; английское министерство финансов открыто выговаривает это и разочарование в народе растет.

Поучительно, что социализм в Англии породил тот самый хозяйственно-эстетический бедлам, который мы знаем по советскому строю: тоталитарный гнет, сокращение личной инициативы, бюрократизацию жизни, произвол и глупость мелкого чиновничества, застой и омертвение в хозяйстве, поток неисполняемых законов, рост преступности, беззастенчивую погоню за бесплатностью и всеобщую деморализацию. Социализм противен и природе, и свободе, и праву, и морали, и хозяйству, и культуре.

К тем же самым выводам приходит и лорд Мельвертон, который только что вышел из «лэйбер-партии» и поместил декларативную статью в газете «Дейли-Мейл». Он пишет: «Вся национальная жизнь все более и более зашнуровывается распоряжениями, ограничениями и законами. Инициатива, дух предприимчивости и надежда утрачивают всякое право на существование. Каждый контроль требует опять-таки нового контроля и далее – контроля над новым контролем. Скромный гражданин, человек улицы, весь средний класс народа – обрекаются растущими налогами и новыми ограничениями на вымирание. Имущие слои истекают кровью. Но предстоит еще худшее: полная зависимость всех и каждого от суверенного государства и его контролеров, – вот цель, к которой мы идем… Мы знаем теперь, чем кончатся все эти иллюзорные мечты о дешевой утопии: Советский Союз дает нам наглядный пример… А еще предстоит национализация железа, стали, страхования, цемента, химической промышленности, жиров и мореплавания…»

Любопытно сопоставить с этими фактами ликующий отзыв «Социалистического Вестника» (30 окт. 1948 г.) о полной удаче английского социализма: весь этот злосчастный опыт, оказывается, «ни в малейшей мере не умалил суммы свобод британского народа»; напротив, оказались «морально-политические достижения» и «престиж правительства возрос»…

Но когда же доктринер умел наблюдать и учиться? Дело совсем безнадежное.

Заветы февраля

В определенных кругах эмиграции, склонных к политическому доктринерству и социализму, опять заговорили о «традициях», «заветах» и «идеалах» февральской революции (1917 г.), об их единоспасительности и о необходимости вернуться к ним. Поскольку при этом подразумеваются личные мечты февральских деятелей, постольку мы в этом вопросе

некомпетентны. Это дело будущей истории, и притом ее биографической части: февралисты уже выпустили целый ряд мемуаров и их будущие биографы, наверное, сумеют установить, каковы были их мечты, идеалы и намерения. Но для России февральская революция нисколько не сводится к этим мечтам и идеалам: она представляет из себя ряд фатальных для русской истории деяний и событий, которые имели совершенно определенный политический уклон и неизбежно вели к совершенно определенным последствиям. И когда нам начинают восхвалять эту злосчастную, постыдную и мучительную эпоху и рекомендовать этот политический уклон, как единоспасительный, то мы чувствуем себя обязанными открыто и недвусмысленно формулировать сущность этих деяний и этих «заветов». Предоставим февральским деятелям повествовать о своих идеалах и вздыхать о своих мечтах; предоставим им оправдываться перед Богом, перед своею совестью и перед русским народом. Нас интересует не их субъективно-политические переживания, а объективно-государственный профиль февраля.

В февральской революции надо различать стихийно-массовый процесс военного разочарования, смятения, возмущения, бунта, разнуздания и духовного разложения: здесь действовали не «идеалы» и не «заветы», а нежелание идти на фронт, массовые вожделения и страсти. Это была не политика, а длительный и нараставший эксцесс, поощрявшийся и разжигавшийся слева. От этого противогосударственного и анархического «эксцесса снизу» надо отличать политическую тактику сверху. Мы будем сейчас говорить не о том, что делала «улица», «толпа» или «масса», а о тех директивах, которые проводились в жизнь сверху, о мерах Временного Правительства, воспринявшего «всю полноту власти».

Конечно, деятели февраля могут сказать нам, что улично революционная и совдеповско-большевистская ситуация была такова, что они ничего иного не могли делать, кроме того, что делали; что у них не было выбора; что в их распоряжении не было ни сил, ни средств; что они просто «рушились» вместе с государственным аппаратом, с армией и национальным хозяйством и только старались обрушиться подостойнее. Но если так, то в чем же «традиции» и «заветы» февральского Временного Правительства? Не в том ли, чтобы рушиться в либерально-демократической позе и «политически фигурировать» на тающей льдине, уносимой «полою водою революции»? О такой традиции не стоило бы говорить; к таким «заветам» нечего и призывать. Дело, конечно, обстоит иначе: февралисты и ныне поддерживают свои директивы и меры, считают их правильными и призывают новые поколения русских людей воспринять их и подражать им.

Ведь на самом деле правительство, говорившее и решавшее дела от лица русского государства с марта по ноябрь 1917 года, действовало, повелевало, разрешало, издавало указы и законы, назначало и увольняло, прокладывая совершенно определенные пути и создавая совершенно определенные традиции («заветы»). Какие же это были пути и какие традиции, заслуживающие преклонения и подражания?

1. Тактика февраля началась 1 ноября 1916 года речью Милюкова в Государственной Думе, направленной против Государя и стремившейся подорвать в народе всякое доверие к нему и его семье. Слова «глупость или измена» были восприняты всей страной как обоснованное обвинение Императора в национальной измене и как «штурмовой» сигнал к «революции – во имя победы». На самом же деле Милюков не имел никаких данных для такого обвинения и сам знал, что он никаких данных не имеет. Следственная комиссия Н.К. Муравьева, состоящая сплошь из левых деятелей, установила в дальнейшем полную неосновательность этого обвинения. А Государь и его семья запечатлели впоследствии свою верность России страшною смертью. Это означает, что измена была не на стороне Монарха, а на стороне его инсинуаторов и диффаматоров (ибо выступление Милюкова было обдумано и решено не им единолично).

Такова исходная директива февраля: поднять революцию во время войны, не считаясь с войной, прикрываясь ее целями и начать эту революцию изменническою клеветою на законного Государя.

2. Следующим актом революции был «Приказ № 1». Нам безразлична подробная история его составления и опубликования; не существенны и имена его составителей. Существенно то, что он, по своему точному тексту и смыслу, сделал следующее: 1. Он ввел в

армию выбранные «Комитеты от нижних чинов» и призвал в Совдеп представителей от «воинских частей» (пункты 1 и 2); 2. Политически – он подчинил армию выбранным комитетам и Совдепу, введя тем двоевластие и представив право и комитетам и Совдепу дезавуировать приказы Военного командования (пункт 3); 3. Он противопоставил приказам Военной Комиссии Государственной Думы – приказы Совдепа и ввел тем троевластие, т. е. полную и окончательную смуту (пункт 4); 4. Он изъял все оружие армии из ведения ее командного состава, отдав его в распоряжение ротных и батальонных комитетов; этим он вызывающе деградировал все русское офицерство в глазах солдат и всего народа (пункт 5); 5. Вне строя и службы – он провозгласил «политические права солдата», отменил вставание во фронт и отдание чести (пункт 6); 6. Наконец, он отменил субординационное титулование командного состава и превратил солдатские ротные комитеты в судилище над офицерами (пункт 7). Всем этим он вовлек армию в революционную политику и революционное разложение; и сделал ее совершенно небоеспособной.

Этот приказ мы цитируем по тексту, помещенному в номере 3 «Известий Петроградского Совета». Текст его, найденный нами во французском издании книги Керенского – не соответствует подлинному и первоначальному русскому тексту: он переведен неточно-смягчающе, пункт четвертый пропущен, так же, как и пункт о «невставании во фронт» и «неотдании чести».

Напрасно указывают на то, что приказ Номер Первый касался только «гарнизона Петроградского Округа»; в действительности он был разослан по всей русской армии, читался и применялся везде.

Существенно также, что этот приказ не был отменен ни военным министром, ни Временным Правительством, ни революционной думой. Мало того, провозглашение «политических прав солдата» было через несколько дней подтверждено всем составом Временного Правительства, а также приказом № 114 военного министра Гучкова, о чем сообщает в своих воспоминаниях и Керенский (с. 168 и сл., с. 395 франц. издания).

Такова вторая директива февраля: политизировать воюющую армию; подорвать военную субординацию в ней; и, следовательно, – внести в нее революцию, разложить ее и лишить ее боеспособности: все это из опасения, как бы верная армия не подавила революцию.

3. Следующим актом революции была амнистия всем преступникам, как политическим, так и уголовным. Она была дана 19 марта 1917 года. О ней не раз упоминает в своих воспоминаниях Начальник Всероссийского Уголовного Розыска А.Ф. Кошко (т. I, с. 214. II, 22. III, 151). По соображениям, подсказанным фальшивою сентиментальностью и полным отсутствием государственного смысла, – в хаос революции было выброшено несколько сот тысяч опытных воров и удостоверенных убийц, которые тогда же объединились на съезде «уголовных деятелей» и, конечно, начали, как надо было предвидеть, «новую жизнь»: одна часть вступила в коммунистическую партию и даже прямо в ЧК, другая «завязалась» в толпе и возобновила свою прежнюю деятельность, но уже не угрожаемая распавшимся уголовным розыском.

Такова третья директива февраля: от «гуманной» веры в «человека» и от доктринерской веры в «свободу» – разнуздать все наличные в стране злые и преступные силы от большевиков до профессиональных рецидивистов.

4. Следующим актом Временного Правительства был разрыв с политически опытными и социально-почвенными силами, ликвидация всего наличного государственного аппарата, как якобы контрреволюционного, и повальное дезавуирование прежней администрации. В результате этого распались все силы, способные поддержать порядок, а силам беспорядка были открыты все возможности. На место профессионального администратора – стал дилетант; опытные деятели порядка заменились неопытными, но пронырливыми болтунами; наивнейшие «общественные деятели» взялись за дело, в котором они ничего не понимали; и даже в славный и мудрый Правительственный Сенат были введены бездарные доценты и леворадикальные адвокаты.

Такова четвертая директива февраля: разрушить аппарат государственного порядка, которым держалась страна; на все места выдвигать левых, независимо от их неопытности,

неумения, бездарности, неискренности и авантюризма; т. е. снижать качество государственного кадра в стране.

* * *

Систематическое разрушение государственного аппарата, проводившееся Временным Правительством, объясняется прежде всего отвращением февралистов к государственному принуждению.

5. В русском либерале 19 века дремал сентиментальный анархист: либерал начинал с мечты о свободе, воспринимал от всего христианства одно только требование «гуманности», отрицал «насилие», а потом и «всякое принуждение» и кончал в безвластье. Так, для Керенского («Воспоминания» гл. I) – государственное принуждение сводится к «террору» и «гильотине»; смертная казнь есть для него «классическое орудие самодержавия»; в русской дореволюционной администрации он видит «лакеев» и палачей Николая II. Все это, конечно, отвергается с негодованием. Напротив, Временное Правительство «творило новое государство», основанное на «любви к ближнему», на «гуманности, терпимости, прощении и кротости». Внешне это выглядело как «слабость», но на самом деле требовало, видите ли, «великой силы характера».

Вот откуда это разложение власти: февралисты ничего не понимали и ныне ничего не понимают в государстве, в его сущности и действии. Тайна государственного импонирования; сила повелевающего и воспринимающего внушения; секрет народного уважения и доверия к власти; умение дисциплинировать и готовность дисциплинироваться; искусство вызывать на жертвенное служение; любовь к Государю и власть присяги; тайна водительства и вдохновение патриотизма – все это они просмотрели, разложили и низвергли, уверяя себя и других, что Императорская Россия держалась «лакеями и палачами», что вся сила государства – в красноречивом «уговаривании» и что этим искусством они владеют, как никто. Понятно, почему Временное Правительство не организовывало никаких верных ему воинских частей; почему оно в критическую минуту имело за себя только добровольцев-юнкеров и женские батальоны и, наконец, почему оно не могло оборонить Учредительное Собрание. У сентиментальных дилетантов от политики – все расползлось и пошло прахом.

Вот пятая традиция февраля: государство без принуждения, без религиозной основы, без монархического благоговения и верности, построенное на силах отвлеченного довода и прекрасноословия, на пафосе безрелигиозной морали, на сентиментальной вере во «все высокое и прекрасное» и в «разум» революционного народа. Словом, «демократизм» в состоянии анархического «умиления».

6. Однако разрушение государственного аппарата, проводившееся Временным Правительством, имело еще одно весьма трезвое основание: страх перед правыми и перед якобы подготовляемой ими «контрреволюцией».

Страх перед правыми был психологически понятен: слишком долго боролись левые с Императорским Правительством; слишком импонировал им его административный аппарат; слишком суровое возмездие предносилось каждому из них в случае провала революции и торжества консервативной государственности. К этому присоединились еще инерция и близорукость. Но политически этот страх был противогосударствен и необоснован. Противогосударствен – потому, что спасение России требовало объединения всех политических и государственно-опытных сил, каковые находились именно справа, а не в кругах революционного подполья, открывшего Всероссийское Учредительное Собрание пением гнусного «интернационала». Необоснован этот страх был потому, что «овцы», потерявшие «пастыря», рассеялись, а угрожающие выкрики Маркова второго о «многомиллионном Союзе Русского народа» были обманны; он просто искал субсидий и заискивал у Государя. В течение всего 1917 года опасность грозила «слева», а не справа. Это понимали все трезвые и патриотически настроенные люди, кроме Временного Правительства, которое боролось против «правых», включая сюда и демократически настроенных Корнилова и Деникина, и браталось с левыми – по совдепам и в комиссариатах разлагаемой армии.

Такова шестая директива февраля: опасаться мнимой контрреволюции; срывать ее начинания всеми средствами; верить в революционную демократичность большевиков и брататься с ними.

7. Было бы, однако, несправедливо приписывать февралистам только сентиментальное примиренчество. На внутреннем, социальном фронте они вели замаскированное, но успешное наступление.

Автор настоящей статьи состоял летом 1917 года членом Волостного Исполкома и председателем Волостного Комитета по выборам в Учредительное Собрание. Он имел возможность наблюдать агитацию партии социалистов-революционеров среди крестьян и сам читал и разъяснял вслух членам Волисполкома приказ министра земледелия Чернова, в котором выдвигалось два тезиса:

1) Высококультурные помещичьи имения должны быть сохранены до Учредительного Собрания. 2) Таких имений чрезвычайно мало. Выслушав этот приказ, крестьяне делали вывод, что «Временное Правительство разрешает немедленно приступить к разделу всех остальных имений», тогда как комментатор доказывал им анархическую, преступную и противогосударственную природу этого погромного приказа. Таким образом, Чернов призывал к аграрным погромам; Керенский выслушивал призывы с мест о помощи и отказывал в защите: а провинциальные деятели их партии организовывали подвижные погромные отряды.

Такова еще одна традиция февраля: немедленно проводить желательный имущественный передел, осуществляя его в виде фактического захвата и разгрома, но в сентиментально-непротивленчески-замаскированной форме, приписывая его «революционной активности масс»; Учредительное Собрание должно было быть «поставлено перед совершившимся фактом». Само собою разумеется, что никакая сила не могла удержать солдат в армии при известии, что «черный передел» в стране идет полным ходом.

8. В то же самое время февралисты, разложив армию и порядок в стране и замаскировано поощряя черный передел, попытались, в успокоение союзников, продолжать войну, что и закончилось позором Тарнополя и Риги. Мнимое «предательство революции» Главнокомандующим Корниловым должно было прикрыть весь этот жалкий провал.

Такова восьмая традиция февраля: традиция полного государственного и стратегического бессмыслия.

С нас довольно этого: основные традиции февральской революции вскрыты и формулированы. Они выражались не в словах, в которых эффектированно изливались общие места радикального либерализма, революционной демократии и сентиментальной гуманности, а в деяниях, в приказах, назначениях и смещениях, а также в неизбежных последствиях всего этого, погубивших Россию, ее свободу и ее демократические возможности. Вся эта политическая линия проявила такую государственную наивность, такое политическое безволие, такую правительственную неспособность, что стыд и ужас овладевают русским сердцем, когда теперь вновь раздаются призывы к возрождению этих традиций и когда газеты приносят доказательство того, что февралисты опять собираются брать в свои руки «всю полноту власти».

Но страшен сон, да милостив БОГ!

Обоснование свободы

Человеку подобает свобода в силу двух оснований: 1) в силу того, что он есть живой организм; 2) в силу того, что он есть живой дух.

1. Всякий живой организм (от растения до человека) есть самостоятельное существо, со своею внутреннею, таинственною самодеятельностью и особым жизненным инстинктом. На эту инстинктивную самодеятельность можно оказать снаружи известное влияние (например, поливкой, удобрением и прививкой у растений; кормом, усовершенствованием породы и лечением у животных; питанием, лечением, словом, духовным воспитанием у людей); но подавить, пресечь или отменить ее невозможно ничем. Организм живет сам по своим внутренним законам. Изучая эти законы, вплетаясь в них и комбинируя их, можно до известной степени направлять жизнь организма, но погасить его самодеятельность можно, только прекратив его существование. В этом и состоит естественная свобода человека: он от природы

самодеятелен, он строит себя сам – в здоровье и в болезни, в потребностях и в отвращениях, в питании и труде, в любви и размножении. Его инстинкту присуща внутренняя целесообразность, которую необходимо признавать, поощрять, духовно воспитывать (дисциплина) и устраивать в свободе. Заменить эту самодеятельность нечем: этого нельзя достигнуть ни гипнозом, ни приказом, ни страхом. Все подобные попытки обречены на жизненную неудачу, на уродование организма, на ослабление его функций и на унижение его души и духа. Коммунисты пытались это сделать: как материалисты, они приравнивали человека – машине и ставили его в положение «робота» или раба. Они отняли у него собственность, свободную хозяйственную инициативу, свободу труда и свободу предметного суждения. В ответ на это человек как бы отвлек свой инстинкт от коллективного сектора жизни, от коллективной собственности, от коллективной инициативы, от коммунистического труда и коммунистического общественного мнения. Творческий инстинкт спрятался и ушел в себя: он сосредоточился на частном секторе жизни и предал коммунистическое хозяйство и коммунистическую культуру на изуродование, расхищение и вырождение. Вот почему коммунистический транспорт разваливается, советские дома не стоят, коллективная земля не родит, колхозная корова не телится, а уровень коммунистического образования неудержимо падает: у человеческого организма отняли свободную самодеятельность и инстинкт его вышел из жизни. В грядущей России это должно быть исправлено и восстановлено: личный творческий инстинкт человека должен быть признан, поощрен, духовно дисциплинирован и устроен в свободе. Русский человек опять получит доступ к частной собственности: он будет иметь свободу труда и свободу предметного суждения. И вся Россия быстро возродится и зацветет.

2. Но человек есть только живой организм: он есть живой дух. Духу же подобает свобода веры и любви, созерцаний, убеждений и творчества. Дух есть живая личность, ответственная перед Богом и отвечающая за себя перед другими людьми – за свои верования и воззрения, за свое делание и неделание. А ответственность предполагает свободу. При этом надо разуметь не «метафизическую свободу воли», а отсутствие общественно-политического принуждения в нашем духовном самоопределении; не отсутствие законов (уголовных, гражданских и политических), не разнуздание человека, не злоупотребление правами и преимуществами, но законченное ограждение внутренней духовной жизни человека. Человек имеет священное, неотъемлемое право на духовное самоопределение и на духовное творчество; узреть Бога в небесах и ризу Его – в земной природе; избрать себе исповедание и церковь; полюбить нравящееся и отвергнуть не нравящееся. Самостоятельно внять закону своей совести и попытаться осуществить его; увидеть красоту и попытаться художественно изобразить ее; выработать себе воззрения, убеждения и миросозерцание; познавательно исследовать то, что его пленяет, и самостоятельно добиваться истины; найти в себе живого субъекта права и определить свои политические воззрения; самостоятельно построить себе семью, жилище и жизнь. Вся эта духовная деятельность полноценна только тогда, когда она в своем внутреннем существе не регулирована обязательными запретами и предписаниями, идущими извне, от других людей или от государственной власти. Она должна быть само-починна и само-деятельна повинуясь только совестному (Божьему) зову и личному дарованию человека. Тогда ею правит вдохновение; тогда она может быть цельна и искренна; тогда она цветет и плодоносит. Тогда она свободна. И все так называемые «права личной свободы» имеют лишь тот смысл, что они политически ограждают творческую самодеятельность человека как организма и как духа.

Надо понять, что религиозная вера может быть цельна и искренна только тогда, когда она свободна. Приказ и требование бессильны создать веру. Запрет и гонение не могут прекратить ее. Ибо вера есть цветок Благодати, дар веющего Духа. И все приказы и запреты могут привести только к притворству и лицемерию. Но притворствовать и лицемерить будут не лучшие люди, а худшие. Поэтому исповедные гонения дают преимущества худшим людям и осуществляют отбор лжецов и симулянтов. Вера есть личная и добровольная связь души с Богом; именно поэтому на нее нельзя покушаться, ее нельзя вымогать, ее нельзя преследовать и гнать.

И Императорская Россия разумела это и выговаривала открыто. В статье 67 Основных Законов (в Своде Законов см. том I, часть I, раздел 1 статья 45), свобода веры присвоялась всем русским гражданам, включая и язычников: «да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языки по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи». Императорская Россия понимала, что только искреннее верование полноценно и что только свободное верование может быть искренним. Мы не сомневаемся в том, что будущая Россия восстановит эту свободу, – не свободу соблазна, лукавого совращения, извращения, сатанизма и безбожной пропаганды, но свободу Богосозерцания и Богоисповедания.

Далее нам необходимо понять, что любить, созерцать, исследовать и творить человек может только по внутреннему дару и влечению согласно требованиям сердца, вдохновения и совести. Все это полноценно только тогда, когда свободно. Нельзя полюбить по приказу и разлюбить на основании запрета. Нелепо ждать художественного искусства от «социальных заказов», скрепленных голодом и террором. Ученый, готовый исследовать по предписанному методу и трафарету, – есть не ученый, а лишенный духовного достоинства симулянт. Ибо творчество есть всегда дело свободы и предметного вдохновения.

Наконец, мы должны убедиться в том, что все живые источники человеческого качества, – от элементарной порядочности до высших ступеней святости, – суть дело свободы, т. е. не навязанного и не вынужденного другими людьми, самостоятельного приятия и осуществления. Так, чувство собственного духовного достоинства, – эта воспитанная в нас христианством живая основа личности и ее служения (морального, общественного, гражданского и воинского), есть дело свободного опыта и свободного утверждения: кто сам не воспринимает в себе Божьего сына, того не исправит никакой террор. Чтобы пробудилось в человеке чувство чести, надо погасить в нем раба; и совесть есть прямое проявление личной свободы в добре; и патриотизм можно пробудить и расшевелить в людях, для того чтобы он свободно загорелся в них, но навязать его невозможной. И самый высший героизм, и самое чистое самоотвержение являются проявлением свободной, доброй воли.

Кто берет у людей свободу, тот лишает их всех источников добра в жизни. Путь к вере, к любви, к смирению и геройству, к очевидности и художественному созерцанию – есть путь свободы, личного обращения к лучу Благодати. Покорность же без свободы ведет, в лучшем случае, к законничеству (к внешней, мертвой лояльности), но не к любви. А без свободной любви – иссякает в жизни всякое благо: вера и знание, совесть и честность, правосознание и верность, художество и хозяйственный труд, патриотизм и жертвенность. И потому государственная власть, подавляющая свободу человека, строящая все на тоталитарности и терроре, подтачивает свои собственные силы и силы управляемого ею народа.

И вот, будущей России предстоит сделать выбор: между свободным человеком и рабом, между воспитанием народа к свободной качественности духа и тоталитарным террором. И ныне уже ясно, что именно она выберет. Безумию левого большевизма Россия должна противопоставить не безумие правого большевизма, а верную меру свободы: свободу веры, искания правды, труда и собственности. Это не будет свобода разнуздания. Это не будет свобода соблазна, преступления, эксплуатации, предательства, шпионства, революции и анархии. Это будет свобода здорового, органического инстинкта и свобода духовного опыта пределы коей будут указаны в законе.

Россия велика, многолюдна и многоплеменна, многоверна и многопространственна. В ней текут многие воды и струятся разные ручьи. Она никогда не была единосоставным, простым народным массивом и не будет им. Она была и будет Империей, единством во множестве: государством пространственной и бытовой дифференциации и в то же время – органического и духовного единения. Она и впредь будет строиться не страхом, а любовью, не классовым произволом, а правом и справедливостью, не тоталитарностью, а свободой.

О страданиях и унижениях русского народа

Каждый русский, любящий свой народ и гордящийся своей культурой, наверное, не раз спрашивал себя: «Почему именно России суждена такая ужасная судьба? Почему именно

Русскому народу надо переносить такие мучения и унижения? Почему именно России пришлось стать гигантской камерой пыток, всемирным позорищем и рассадником заразы?!»…

Этот вопрос духовно естествен и патриотически понятен; плох тот русский человек, которому он никогда не приходил а голову. Но обычно он формулируется неясно и сбивчиво и это чрезвычайно затрудняет ответ. В нем скрыто по крайней мере четыре различных вопроса: 1. Почему? 2. Кто виноват? 3. За что? и 4. Зачем?

«Почему?» – есть вопрос национально-исторический; это вопрос о причинах русской революции, т. е. об общих и частных факторах, приведших к этой национальной трагедии. Над разрешением этого вопроса мы все обязаны постоянно думать, созерцая и исследуя, но отнюдь не облегчая себе ответ поверхностной, дешевой и часто клеветнической ссылкой на «реакционное правительство», ссылкой, продиктованной не историческим пониманием, а политической ненавистью.

«Кто виноват?» – есть вопрос обывательско-политический, исходящий из наивного и близорукого представления о том, что все дело в отдельных людях, в их заблуждениях, ошибках, глупостях и преступлениях; что надо этих людей – «сыскать» и по рецепту щедринских «глупцов» – «сбросить с раската колокольни». Этот вопрос наиболее лично-страстный и партийно-пристрастный и потому самый неумный и самый опасный; впрочем, и наименее плодотворный.

Третий вопрос – «за что нам это послано?» – есть вопрос религиозно-философский, который следует рассматривать только среди людей однородного миросозерцания и одной религиозной веры; это вопрос самый трудный, ибо он посягает на уразумение путей Божественного Провидения; и потому он обречен на то, чтобы разрешаться как бы «зерцалом в гадании»…

И, наконец, четвертый вопрос – «зачем?» – есть вопрос практически-волевой; это самый важный и плодотворный в жизненном отношении вопрос, над разрешением которого мы все должны были бы неустанно трудиться духовно и политически…

Не следует думать, что все эти вопросы могут быть быстро и окончательно разрешены. Их будут теоретически исследовать и практически разрешать еще целые поколения. Но кое-что основное, необходимое и полезное для их разрешения должно быть сказано немедленно.

1. Прежде всего – по вопросу о причинах русской революционной трагедии. Они сложны и глубоки: все то, что задерживало политическое и культурное развитие России, – климат, почва с ее «мерзлотою», открытая незащищенная равнина, обилие пространств, континентальная замедленность жизни, оторванность от морей, обилие малых и чужеродных племен, особливость языка и быта, положение страны между Востоком и Западом, вечный нажим презрительно-завистливой Европы и вторжения хищно-погромной Азии, бесконечное татарское иго, нескончаемые оборонительные войны, всяческое «воровство», «кривизна» и «неправда» самих русских людей всех сословий (о ней давно уже взывал Хомяков, обличительно и покаянно!), все государственные ошибки, упущения, вся политическая близорукость былой русской власти и многое другое… – все это создало известную образовательно-политическую и хозяйственно-техническую отсталость России и русской народной массы; все это затруднило нам нашу национальную борьбу с внешними врагами двадцатого века и с Третьим Интернационалом; все это должно быть впоследствии вскрыто в составе исторических причин крушения Императорской России.

Но при всем том надо признать следующее.

Болезнь, ныне изводящая Россию, а именно: воинствующее безбожие; антихристианство; материализм, отрицающий совесть и честь; террористический социализм; тоталитарный коммунизм; вселенское властолюбие, разрешающее себе все средства, – весь этот единый и ужасный недуг имеет не русское, а западноевропейское происхождение. В течение девятнадцатого века русская интеллигенция соблазнялась им, как «последним словом передовой культуры», мечтательно, сентиментально и безвольно заражаясь им. В двадцатом веке – многонародно-международная, полурусская, полуинтеллигенция, зараженная им до мозга костей, тупая, волевая и жестокая, – пошла в грозный час мировой войны на штурм, захватила власть в России и превратила нашу страну в опытный рассадник этой духовной чумы.

Это-то чума и принесла нам все наши национальные мучения и унижения, с тем чтобы впоследствии (ныне!) наградить ими и соседние народы Запада и Востока, считавшие себя «неугрожаемыми»…

Но почему же нам не удалось оборониться от этого засилия? Потому что русская национальная интеллигенция не понимала своего народа, не разумела его монархического правосознания, не умела верно вести его и отвернулась от своих Государей. И еще: по невежеству, ребячливой доверчивости и имущественной жадности народной массы. И еще: по недостатку волевого элемента в русском Православии последних двух веков. И, главное, – по незрелости русского национального характера и русского национального правосознания.

Запад выносил погубительную идею и программу, но именно потому он сам мог противопоставить ей волевой, социальный и организованный отпор; а в русском народном организме не оказалось – для занесенных в него «бактерий» – необходимых «антитоксинов». Полуинтеллигенция Востока уверовала в западного дьявола как в бога и поработила многоплеменную российскую массу – сначала соблазном разнуздания, а потом страхом голода, унижения, муки и смерти…

2. На вопрос о «виноватых» – может быть только один ответ: все виноваты – по-своему и на своем месте. По-своему правители и по-своему подданные; по-своему соблазнители, и по-своему волевые люди, и по-своему безвольные. Однако соблазненные и покоренные, страдающие и унижаемые искупают свою вину мукою, очищаются и преображаются; а ныне правящие, соблазнители и волевые мучители делают свое дьяволово дело до конца. У одних вина в прошлом, и теперь они поступали бы иначе; а у других вина – и в прошлом, и в настоящем, и до века. И однажды русский народ, совершив свой крестный путь и свое очищение, в благоприятный час истории ответит им по достоинству и по заслугам.

3. Третий вопрос – «за что нам это послано?» – пытается сам предвосхитить свой ответ, ибо он обращается не к Богу любви, милосердия и прощения, а к «богу» лютого гнева, «талионной» кары (око за око) и неумолимой жестокости. Однако и такой «бог» должен был бы отмерять каждому грешнику по «талиону», т. е. столько кары, сколько греха, справедливою мерою. Мы же видим множество невинных в муке и погибели – беспризорных детей, исповедников, людей светлой веры и светлого порыва, самоотверженных героев; мы видим и средних людей в незаслуженной ими сверхсильной муке. А злодеев и соблазнителей мы видим в животном благоденствии и безнаказанности. Вот почему люди, настаивающие на вопросе «за что?», – неизбежно приходят к самым фантастическим выдумкам: еще недавно один из таких «следопытов» утверждал, будто в русских людях наших дней живут «переселившиеся души» злого народа и иного многрешного века, ныне претерпевающие свое возмездие в новом обличий… Фантазия – поистине нехристианская!

Посему третий вопрос надо изменить в корне, спрашивая не «за что нам это послано?», а «для чего, в какое испытание, в какое научение и удостоверение, закаление и преображение нам посланы эти мучения и унижения?», с тем чтобы волею и сердцем принять посланное и вступить на предуказанный путь обновления.

Не следует думать, будто страдание всегда посылается человеку в наказание за его грехи. Бог не есть Бог мести и безжалостного воздаяния; Он есть Бог искупления, очищения, одухотворения и преображения. И христианину надлежит помышлять не только о заслуженной мзде, но прежде всего и больше всего – о совершенствовании через сердечное созерцание.

4. И вот третий вопрос приводит нас к четвертому: «зачем?». Страдания и унижения русского народа должны умудрить и очистить его, открыть ему новые земные горизонты и новые небесные высоты, пробудить его сердце и укрепить его волю. Весь наш душевный уклад должен быть обновлен: в этой трагедии должен завязаться и окрепнуть новый русский национальный характер, укорененный во Христе, сердечный и волевой, достойный и прямой, без изворотливо-лживой хитрости и с живым чувством духовного ранга. В русской душе должен быть преодолен раб; в ней должно начаться новое гражданственно-свободное правосознание.

Русский человек должен перестать поклоняться чужим идолам и дьяволам. Он должен «вернуться к себе», к живым и драгоценным корням своей национальной культуры. Он должен

понять, принять и выговорить свою русскую Идею, с тем чтобы затем осуществить ее во всем – в религии и в науке, в праве и в государственной форме, в искусстве и в труде, в суде, в медицине и в воспитании.

Страдания и унижения революции даны нам для того, чтобы мы увидели ту бездну, в которую нас тянули дореволюционные соблазнители, и чтобы мы восхотели Божьего; чтобы мы очистились, возродились и заткали ткань новой России. И потому нелепо нам гордиться тем, что мы-де «ничего не пересмотрели и ничему не научились»; и еще нелепее нам опять «идти побираться под окнами» западной культуры, западной религиозности, философии и политики и выпрашивать себе «на бедность» черствые корки европейских рассудочных выдумок. Россия ждет от нас – своего видения, своей веры, своей мысли и новой, своей государственной формы. И мы должны готовиться к тому дню, когда рухнет в России засилье дьявола.

Что такое Русский Обще-Воинский Союз?

(ко дню двадцатипятилетия, протекшего со дня его основания Главнокомандующим П.Н. Врангелем)

Двадцать пять лет тому назад – 1 сентября 1924 года – последний Главнокомандующий Русской Армией, Петр Николаевич Врангель, преобразовал кадры ее в некое новое и небывалое еще в русской истории воинское братство, наименованное им «Русским Обще-Воинским Союзом». С тех пор прошло четверть века. Это было трудное время, бурное, соблазнительное и для многих мучительное: эпоха политических и военных крушений. Сокрушалось все, что изменяло чести, верности и духовной свободе. Русский Обще-Воинский Союз, положивший в основу своего бытия именно эти начала, пережил эту эпоху и понес свое русское национальное знамя вперед. Да сохранит его ГОСПОДЬ и впредь, по последней предсмертной молитве его Главнокомандующего: «БОЖЕ, Спаси Армию!!»…

Пишущему эти строки пришлось недавно услышать вопрос о том, что такое Русский Обще-Воинский Союз и не есть ли он политическая партия? Ответ, данный им по его личному разумению, он ныне предлагает на всеобщее обсуждение.

«Русский Обще-Воинский Союз никогда не был политической партией, и если он когда-нибудь превратится в таковую, то он изменит своему основному существу».

«Политическая партия делит свой народ на своих и чужих и ищет успеха именно своим; примеров тому было у нас достаточно перед глазами. Она отправляется не от Целого и думает не о Целом, а представляет интересы только одной части народа (все равно – класса, сословия, профессионального союза или церкви). Этот партийный интерес она стремится выдать за всенародный и тем навязать его всему народу, и для этого она добивается власти. Для приобретения власти она ведет агитацию, раздает обещания, восхваляет себя, старается захватить так называемые общественные высоты (редакции, банки, влиятельные должности и т. д.), вносит пристрастный дух партийности во всю культуру, извращает все критерии жизни, интригует, пачкает других и обычно неутомимо лжет везде в свою пользу.

«Всем этим Р.О.В.С. никогда не занимался и таких целей себе никогда не ставил. Он искал не власти, а служения; отстаивал не партийное дело, а национально-государственное; объединял, а не разделял; жертвовал, а не приобретал. Он носил в себе дух национальной, патриотической армии, а не частного сообщества граждан, сорганизовавшихся для легального, а по теперешнему времени, может быть, и полулегального или даже и вовсе нелегального захвата власти. Этому духу Р.О.В.С. доселе и оставался верен.

«Ныне он не есть армия, ибо силою вещей законная русская власть исчезла и у этой бывшей славной армии нет ни верховной власти, ни территории, ни оружия, ни настоящей воинско-армейской организации. Но он есть кадр русской армии, орденски спаянный национально-патриотическим единомыслием, единочувствием и единоволием. И к этому воинскому кадру и духу примыкает в таком же порядке единочувствия, единомыслия и единоволия кадр непартийных политических деятелей, не служивших в армии, но верных России, духу Целого и белой борьбе за родину. И примыкать к этим двум кадрам, думается мне, надлежит всякому, кто помышляет о спасении России, а не о партийном делении ее народа и не о партийном захвате власти. Этот дух надо охранить и передать русскому народу во что бы то ни стало.

«Но не означает ли это, – был задан вопрос, – что члены Р.О.В.С. обречены на государственное бессмыслие и на отсутствие всякой политической программы?»

Ответ был: «Наоборот, государственное бессмыслие начинается именно там, где люди предоставляют своим главарям думать за них, а сами повторяют чужие выдумки». Этого никогда не было среди членов Р.О.В.Са. С самого основания Добровольческой Армии люди шли в нее по собственной инициативе, сами думали, сами решали, свободно подчинялись и не считались со своим чином, шли нередко рядовыми бойцами и за совесть боролись. С тех пор в Союзе культивировались всегда организационная субординация и духовно-политическая индивидуализация. Какое же тут бессмыслие?

Что же касается программы, то за эти долгие годы мы видели много программ, Все они были беспочвенны, ибо составлялись заочно, в отдалении от России, на глазомер, без подлинного знания о тех процессах, которые совершаются в России; все они устаревали через несколько месяцев после своего изобретения; все они имели доктринерский характер и ограничивались заимствованиями у Западной Европы. Это удовлетворяло только близоруких и наивных людей, думающих по бумажке и боявшихся куда-то опоздать.

Нам надо думать самостоятельно и готовить в душе новую Россию.

30 августа 1949 г.

О расчленителях России

У национальной России есть враги. Их не надо называть по именам, ибо мы знаем их, и они знают сами себя. Они появились не со вчерашнего дня, и дела их всем известны из истории.

Для одних национальная Россия слишком велика, народ ее кажется им слишком многочисленным, намерения и планы ее кажутся им тревожно-загадочными и, вероятно, «завоевательными», и самое «единство» ее представляется им угрозой. Малое государство часто боится большого соседа, особенно такого, страна которого расположена слишком близко, язык которого чужд и непонятен и культура которого инородна и своеобразна. Это противники – в силу слабости, опасения и неосведомленности.

Другие видят в национальной России – соперника, правда, ни в чем и никак не посягающего на их достояние, но «могущего однажды захотеть посягнуть» на него или слишком успешным мореплаванием, или сближением с восточными странами, или же торговой конкуренцией! Это недоброхоты – по морскому и торговому соперничеству.

Есть и такие, которые сами одержимы завоевательными намерениями и промышленной завистью: им завидно, что у русского соседа большие пространства и естественные богатства; и вот они пытаются уверить себя и других, что русский народ принадлежит к низшей, полуварварской расе, что он является не более чем «историческим навозом» и что «сам бог» предназначил его для завоевания, покорения и исчезновения с лица земли. Это враги – из зависти, жадности и властолюбия.

Но есть и давние религиозные недруги, не находящие себе покоя оттого, что русский народ упорствует в своей «схизме» или «ереси», не приемлет «истины» и «покорности» и не поддается церковному поглощению. А так как крестовые походы против него невозможны и на костер его не взведешь, то остается одно: повергнуть его в глубочайшую смуту, разложение и бедствия, которые и будут для него или «спасительным чистилищем», или же «железной метлой», выметающей Православие в мусорную яму истории. Это недруги – из фанатизма и церковного властолюбия.

Наконец, есть и такие, которые не успокоятся до тех пор, пока им не удастся овладеть русским народом через малозаметную инфильтрацию его души и воли, чтобы привить ему под видом «терпимости» – безбожие, под видом «республики» – покорность закулисным мановениям и под видом «федерации» – национальное обезличие. Это зложелатели – закулисные, идущие «тихой сапой» и наиболее из всех сочувствующие советским коммунистам, как своему («несколько пересаливающему!») авангарду.

Не следует закрывать себе глаза на людскую вражду, да еще в исторически-мировом масштабе. Не умно ждать от неприятелей – доброжелательства. Им нужна слабая Россия, изнемогающая в смутах, в революциях, в гражданских войнах и в расчленении. Им нужна

Россия с убывающим народонаселением, что и осуществляется за последние 32 года. Им нужна Россия безвольная, погруженная в несущественные и нескончаемые партийные распри, вечно застревающая в разногласии и многоволении, неспособная ни оздоровить свои финансы, ни провести военный бюджет, ни создать свою армию, ни примирить рабочего с крестьянином, ни построить необходимый флот. Им нужна Россия расчлененная, по наивному «свободолюбию» согласная на расчленение и воображающая, что ее «благо» – в распадении.

Но единая Россия им не нужна.

Одни думают, что Россия, расколовшаяся на множество маленьких государств (напр., по числу этнических групп или подгрупп!), перестанет висеть вечной угрозой над своими «беззащитными» европейскими и азиатскими соседями. Это выговаривается иногда открыто. И еще недавно, в тридцатых годах, один соседний дипломат уверял нас, что такое саморасчленение «бывшей России» по этническим группам будто бы уже подготовлено подпольными переговорами за последние годы и начнется немедленно после падения большевиков.

Другие уверены, что раздробленная Россия сойдет со сцены в качестве опасного, – торгового, морского и имперского, – конкурента, а затем можно будет создать себе превосходные «рынки» (или рыночки) и среди маленьких народов, столь отзывчивых на иностранную валюту и 'на дипломатическую интригу.

Есть и такие, которые считают, что первою жертвою явится политически и стратегически бессильная Украина, которая будет в благоприятный момент легко оккупирована и аннексирована с запада; а за нею быстро созреет для завоевания и Кавказ, раздробленный на 23 маленькие и вечно враждующие между собой республики.

Естественно, что религиозные противники национальной России ожидают себе полного успеха от всероссийского расчленения: во множестве маленьких «демократических республик» воцарится, конечно, полная свобода религиозной пропаганды и конфессионального совращения, «первенствующее» исповедание исчезнет, всюду возникнут дисциплинированные клерикальные партии, и работа над конфессиональным завоеванием «бывшей России» закипит. Для этого уже готовится целая куча искушенных пропагандистов и вороха неправдивой литературы.

Понятно, что и закулисные организации ждут себе такого же успеха от всероссийского расчленения: среди обнищавшего, напуганного и беспомощного русского населения инфильтрация разольется неудержимо, все политические и социальные высоты будут захвачены тихой сапой и скоро все республиканские правительства будут служить «одной великой идее»: безыдейной покорности, безнациональной цивилизации и безрелигиозного псевдобратства.

Кому же из них нужна единая Россия, это великое «пугало» веков, этот «давящий» государственный и военный массив, с его «возмутительным» национальным эгоизмом и «общепризнанной» политической «реакционностью». Единая Россия есть национально и государственно сильная Россия, блюдущая свою особливую веру и свою самостоятельную культуру: все это решительно не нужно ее врагам. Это понятно. Это надо было давно предвидеть.

Гораздо менее понятно и естественно, что эту идею расчленения, обессиления и, в сущности, ликвидации исторически-национальной России ныне стали выговаривать люди, родившиеся и выросшие под ее крылом, обязанные ей всем прошлым своего народа и своих личных предков, всем своим душевным укладом и своей культурой (поскольку она вообще им присуща). Голоса этих людей иногда звучат просто слепым и наивным политическим доктринерством, ибо они, видите ли, остались «верны» своему «идеалу федеративной республики», а если их доктрина для России не подходяща, то тем хуже для России. Но иногда эти голоса, как ни страшно сказать, проникнуты сущей ненавистью к исконной исторически сложившейся России, и формулы, произносимые ими, звучат безответственной клеветой на нее (таковы, например, статьи «федералистов», печатающихся в нью-йоркском «Новом Журнале», статьи, за которые целиком ответственна и редакция журнала, и основная группа его сотрудников). Замечательно, что суждения этих последних писателей, по существу своему,

очень близки к той «украинской пропаганде», которая десятилетиями культивировалась и оплачивалась в парниках германского милитаризма и ныне продолжает выговаривать свою программу с вящим ожесточением.

Читая подобные статьи, невольно вспоминаешь одного предреволюционного доцента в Москве, недвусмысленного пораженца во время первой войны, открыто заявлявшего: «У меня две родины. Украина и Германия, а Россия никогда не была моей родиной». И невольно противопоставляешь его одному современному польскому деятелю, мудрому и дальновидному, говорившему мне: «Мы, поляки, совершенно не желаем отделения Украины от России! Самостоятельная Украина неизбежно и быстро превратится в германскую колонию, и мы будем взяты немцами в клещи – с востока и с запада».

И вот, имея в виду русских расчленителей, мы считаем необходимым привлечь внимание наших единомышленников к проблеме федерации по существу. И для этого просим внимания и терпения; ибо вопрос этот – сложный и требует от нас пристального рассмотрения и неопровержимой аргументации.

Что такое федерация?

Внимательное чтение русских зарубежных газет и журналов привело нас к выводу, что большинство наших доморощенных федералистов имеет лишь смутное понятие о предмете своих мечтаний: они не понимают – ни юридической формы федерации, ни условий возникновения здорового федерализма, ни истории федеративной государственности. Видят во всем этом некую завершительную форму «политической свободы», которая якобы должна всех удовлетворить и примирить, и, по старой русской привычке, решают: «Чем больше свободы, тем лучше!» И потому федерация заносится ими в список «всего высокого и прекрасного» и вписывается в программу российского оздоровления.

Установим прежде всего юридическую природу федерации. Латинское слово «федус» означает договор и союз, и далее – порядок и закон. В науке государственного права федерацией называется союз государств, основанный на договоре и учреждающий их законное, упорядоченное единение. Значит, федерация возможна только там, где имеется налицо несколько самостоятельных государств, стремящихся к объединению. Федерация отправляется от множества (или, по крайней мере, от двоицы) и идет к единению и единству. Это есть процесс отнюдь не центробежный, а центростремительный. Федерация не расчленяет (не дифференцирует, не разделяет, не дробит), а сочленяет (интегрирует, единит, сращивает). Исторически это бывало так, что несколько малых государств, уже оформившихся политически и попытавшихся вести независимую жизнь, убеждались в том, что внешние опасности и внутренние трудности требуют от них единения с другими такими же государствами – сочленения, сращения, интеграции. И вот они образовали единое государство, заключая друг с другом договор о том, в чем именно будет состоять это единение и в каком законном порядке оно будет осуществляться. Это единение обычно провозглашается как «вечное».

Так именно было в Швейцарии, где в борьбе с сильными соседями сначала в 1291 году стратегически объединились малые государства (кантоны) Ури, Швиц, Нидвальден и Обвальден и написали затем «союзную грамоту». В 1332 году к их федерации присоединился кантон Люцерн. В 1352 году примкнул Цюрих, Гларус и Цуг. В 1353 году примкнул «на веки» Берн. В 1415 году был отвоеван у Австрии и присоединен кантон Ааргау. С этого года «швейцарское клятво-товарищество» начало свои ежегодные федеральные съезды. Ныне таких кантонов (с полукантонами) насчитывается всего 26.

Так объединились гораздо позже и Соединенные Штаты. Их было сначала 13 английских колоний, самостоятельных друг от друга, причем каждая из них уже имела свою особую – политическую и конституционную историю. В 1775 году они объединились стратегически в борьбе с Англией. В 1781 и затем в 1787 году эти штаты выработали свою федеральную конституцию, т. е. объединились уже и государственно. К ним потом присоединилась купленная у Французов Луизиана. У России была куплена Аляска. У Мексики были отвоеваны «территории», у Испании – Антильские острова. Ныне федеративное государство состоит из 47 штатов, трех «территорий» и ряда колоний. В аналогичном порядке объединились в 1871 году 25 германских независимых государств и вольных городов, в течение

столетий ведших самостоятельную политическую жизнь. Они создали единую Германию как «вечную конфедерацию».

В 1867 году объединились в «единую и независимую державу, под именем Канады», три английских провинции Северной Америки – (Канада, Новая Шотландия и Новый Брауншвейг).

В 1885-1886 году под английским суверенитетом федеративно объединились в государство «Австралазию» – шесть австралийских колоний, Новая Зеландия и Острова Фиджи.

Таково типичное возникновение классического федеративного государства: снизу – вверх, от малого – к большому, от множества – к единству: – это есть процесс политического срастания, т. е. целесообразное движение от разрозненности ко взаимопитающему единению. При этом федеральные конституции устанавливают, в чем именно политически срастающиеся малые государства сохраняют свою «самостоятельность» и в чем они ее утратят; обычно самостоятельность предоставляется им во всем, что касается каждого из них в отдельности и что неопасно для единства. И вот если впоследствии союзное государство начинает превышать свою компетенцию и вмешиваться в местные дела, сторонники местной самостоятельности ссылаются на федеральную конституцию и говорят: «Мы – федералисты! У нас не унитарное государство, а федеративное! Да здравствует законно признанная местная самостоятельность!» Отсюда идея «федерализма» получает помимо своего главного, объединяющего и центростремительного значения – еще и обратный оттенок: не угасшей самобытности частей, их самостоятельности в законных пределах, их органической самодеятельности в недрах большого союза. Важно отметить, что этот «обратный оттенок» имеет смысл не юридический, а политический, ибо он касается не конституционной нормы, а ее практического применения и осуществления.

Установим далее, что федерация совсем не есть ни единственный, ни важнейший способ срастания малых государств друг с другом. История показывает, что малые государства нередко сливались в единое большое – не на основе федерации, а на основе поглощения и полного сращения в унитарную державу.

Вспомним, как Франция в три-четыре столетия срослась в современное единство, состоя первоначально из одного королевства, одного курфюршества, 26 герцогств, 6 княжеств, одного маркграфства, одного вольного графства, 77 графств, 19 вицеграфств, 14 «владений», одного «маркизата», одного «капталата» и 13 духовных владений (из которых некоторые отошли потом к Германии и Швейцарии). Революционный «жирондизм» был последней вспышкой распада во Франции. К началу 19 века от всего этого множества государств не осталось почти и «швов».

Италия еще в середине 19 века (1815-1866) состояла из Королевства обеих Сицилий, Ломбардско-Венецианского Королевства (под Австрией), Королевства Сардинского, Герцогства Савойского, Великого Герцогства Тосканского, Герцогства Моденского, Герцогства Пармского, Княжества Пьемонта и Церковного Государства. Давно ли это было? И где же это все теперь? В единой Италии остались одни «названия» и «титулы»!

История хранит еще память о том, что Испания несколько сот лет тому назад распадалась на три королевства: Кастилию, Арагонию и Гренаду; что имелись на ее территории и другие государства – Астурия, Леон, Наварра, Маркграфство Барселона… Все давно уже срослось в единую Испанию.

Еще хранит кое-какие политические швы сросшаяся воедино на своем острове Великобритания.

Во всех этих случаях малые государства объединились, не федерируясь, а поглощаясь одним из них или сливаясь. Нации ассимилировались и народы заканчивали период политической дифференциации и полугражданских войн – унитарной политической формой. Глупо и смешно говорить, что унитарная форма государства уходит в прошлое. Нелепо утверждать, что все современные «империи» распадаются: ибо одни распадаются, другие возникают. Так всегда и было: вспомним хотя бы историю Испании, Португалии, Голландии, Англии, Германии, Турции и Италии.

Таким образом, история знает два различных пути при возникновении более крупных держав. Оба начинают с нескольких или многих отдельных государств. Один путь – договорного объединения (федерации); другой путь – политического включения, экономического и культурного срастания в унитарное государство.

Однако, наряду с юридически прочными и политически жизнеспособными союзами государств, история знает еще и мнимые, фиктивные «федерации», не возникавшие в органическом порядке – снизу, а искусственно и подражательно насаждавшиеся сверху. Мы называем их «псевдофедерациями».

О псевдофедерациях

Всякий, изучавший историю человечества, знает, что мода наблюдается не только в сфере одежды, но и во всех сферах жизни. Люди переимчивы и подражательны; изобрести свое, новое им гораздо труднее, чем перенять готовое у других. Тут проявляется и закон экономии сил, и лень, и психическая зараза, и волевое внушение, и боязнь «отстать от века». И конечно, еще одно (довольно глупое) рассуждение: «что другому полезно, то и мне хорошо»; «ему удалось, а я еще получше сделаю». В политике же к этому присоединяются и другие факторы: с одной стороны, влияние сильной и богатой страны; с другой стороны, пропаганда, отчасти идеологическая и открытая, отчасти же закулисно-конспиративная. Свою заразу несет революция и свою – реакция. Народы перенимают друг у друга – и государственные учреждения и политические преступления (как убиение монарха).

Так было и с федеративным устройством.

Та настоящая, юридически осмысленная и политически удачная федерация, которая осуществилась в Соединенных Штатах в 1787 году, вызвала ряд беспочвенных и фиктивных подражаний в других государствах средней и южной Америки, где политические деятели в течение всего 19 века считали, что в конституции Соединенных Штатов им дан якобы идеальный образец для всех времен и народов, обеспечивающий всякой стране государственную мощь и хозяйственный расцвет. На самом деле это подражание новой моде приводило или к длительному и кровавому разложению политической и национальной жизни, или же к унитарному государству с автономными провинциями.

Вот краткий обзор этих псевдофедеративных попыток.

По мере того как государства средней и южной Америки освобождались от испанского или португальского суверенитета, они пытались выработать себе новую конституцию, почти везде оказывалось две партии: партия либералов-федералистов, желавшая подражать Соединенным Штатам, и партия консерваторов-унитаристов-централистов, понимавшая, что такое подражание приведет только к вящим беспорядкам. Федералистические попытки были сделаны в Аргентине, Боливии, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Коста-Рике, Мексике, Доминиканской республике и Чили. Политические предпосылки для такого строя имелись разве только в Аргентине и Бразилии.

В Аргентине – провинции после своего освобождения самоуправлялись в течение нескольких лет и были независимы друг от друга; поэтому они отвергли первую же централистическую конституцию 1826 года. Они и в дальнейшем сумели выдвигать своих федералистически настроенных депутатов и даже диктаторов и вести гражданские войны с унитаристами. В результате каждая провинция получила возможность выработать для себя особую провинциальную конституцию и самоуправляться в пределах и в объеме, ей предоставленных. Это нисколько не оградило аргентинцев от брожений, гражданских войн и переворотов. И пришлось им искать спасения в унитарной государственности. Ныне Аргентина должна быть отнесена к разряду унитарных государств с известной провинциальной автономией.

Аналогичное произошло в огромной Бразилии, где провинции по конституции 1824 года имели свои «Генеральные Штаты», переименованные в 1834 году в Провинциальные Законодательные Собрания (ассамблэас легислативас провинциалэс) с довольно широкими полномочиями. При этом Бразилия до 1889 года спасалась от вящего разложения своей монархической формой. Превратившись в 1889 году из монархии в республику, Бразилия

подтвердила свое якобы «федеративное» устройство, и ее огромные провинции пользуются и ныне автономным самоуправлением. О настоящей федерации здесь говорить не приходится.

Во всех остальных американских государствах федеративного строя или совсем не было, или же он не удавался за отсутствием реальных государственных предпосылок.

Все эти государства являются с самого своего освобождения вечным поприщем гражданских войн, революций и переворотов. В них постоянно вырабатываются новые конституции, судьба которых весьма курьезна: или они не встречают сочувствия и утверждения и немедленно вызывают «пронунциаменто» (военный переворот) и гражданскую войну; или они остаются без применения, мертвыми (как в Уругвае 1830-1890); или они имеют кратчайшую длительность – в два месяца или в шесть месяцев; или они «вводятся», но в действительности просто не соблюдаются (как в Гондурасе); иногда они «родятся» по две в год (Венесуэла 1858, Перу 1860). Иногда эти государства живут совсем без конституции (Чили 1825-1828, Коста-Рика 1871-1882). Каждое из них всегда стоит накануне нежданного переворота; ни одно из них не обеспечено от гражданской войны завтра. Понятно, насколько «федеративная тенденция» благоприятствует всему этому: при отсутствии лояльности и прочного правосознания каждая новая группа недовольных деятелей легко находит в себе ту или иную провинцию, и ту или иную территориальную воинскую часть (сухопутную или морскую), которая помогает ей взять в свои руки «всю полноту власти». Государственно говоря – в этих странах весь политический строй иллюзорен (от слова иллюзия), эфемерен (т. е. имеет «однодневную» длительность) и фиктивен (т. е. является фикцией). Уже в силу одного этого никакая федеративная форма, требующая всегда особой прочности и верности национального правосознания, – здесь неосуществима.

Так, Мексика объявила себя «федерацией» в 1823 году, провозгласив свои 19 провинций и 4 территории «государствами» (фикция!). Начались гражданские войны. Унитаристы победили в 1835 году и провели унитарную конституцию. Последовали переговоры, один за другим. В 1847 году победили федералисты. В 1853 году искали спасения в диктатуре. 1856 централисты у власти. 1857 – федералисты. 1857-1861 гражданская война. 1861 – диктатура нейтралистов. 1863 – ищут спасения в монархии; 1867 – монарх убит. С 1867 года правление централистов перемежается гражданскими войнами. Такова мексиканская псевдофедерация.

Боливия объявила себя «конфедерацией» в 1836, пытаясь присоединить две перуанские провинции; военная неудача сорвала эту попытку. Началась обычная история; писанные конституции срывались военными переворотами и гражданскими войнами. В 50 лет сменились 12 конституций. Диктатор Моралес был убит. Федерации не состоялись.

Венесуэла искала спасения в особом сочетании федеративных и унитарных начал; однако эти конституции не удовлетворяли никого. С 1830 года военные перевороты и беспорядки колебали страну до основания. С 1857 года стало еще хуже: искали спасения в диктатурах и свергали своих диктаторов. В 1864 году была сделана беспочвенная попытка провести федеративный строй. Наконец, в 1881 году 20 провинций, объявленные ранее фиктивными государствами, были превращены просто в автономные провинции, но с горделивым названием «Грандес Естадос». Расцвет страны относится к эпохе диктатур 1870-1892 гг. Такова венесуэльская псевдофедерация.

Колумбия была объявлена в 1811-1814 гг. революционной «конфедерацией», которая была подавлена и отменена испанцами. Конституция 1821 года сменилась в 1824 году диктатурой. Начались междоусобные войны. Федеративная конституция 1853 года была встречена в 1854 году восстанием. В 1858 году новая попытка объявить федерацию вызвала длительную гражданскую войну. Федеративная конституция 1863 года просуществовала, несмотря на гражданские войны, 23 года и за это время обнаружила свою несостоятельность настолько, что в 1886 году страна вернулась к унитарному устройству, в котором территориальные «департаменты» управляются губернаторами.

Коста-Рика является «федерацией» только по имени. История этой страны подобна истории соседних стран.

Чили имеет иную историю. Федеративная конституция была провозглашена в 1828 году, после чего началась ожесточенная гражданская война. Уже к 1830 году консерваторы победили

и создали унитарную конституцию с сильной центральной властью, которая надолго обеспечила порядок в стране и дала чилийцам возможность успешно провести ряд международных войн. Только в 1881 году либералы, уже утратившие к этому времени свой федеративный пафос, впервые пришли к власти и все дальнейшие конфликты в стране не носили катастрофического характера.

Что касается маленькой Доминиканской республики (на острове Гаити), то история этой «федерации», состоящей из пяти крошечных провинций, повествует о бесконечной цепи смут, беспорядков и восстаний.

Созерцая судьбу этих псевдофедераций, приходишь к двум главным выводам: 1. Федеративный строй имеет свои необходимые государственные и духовные предпосылки; 2. Где этих жизненных предпосылок нет, там введение федерации неминуемо вызывает вечные беспорядки, нелепую провинциальную вражду, гражданские войны, государственную слабость и культурную отсталость народа.

Каковы же предпосылки здоровой федерации, и имеются ли они налицо у нас в России?

Каждый народ заслуживает своего правительства

Сколько раз приходилось нам в эмиграции выслушивать эту глупую, легкомысленную и черствую поговорку от иностранцев! Обычно люди произносят ее с важностью и пренебрежением, тоном исторического откровения. «Ведь вот, у нас, на Западе, замечательные народы, и у них вследствие этого культурные и гуманные правительства. А у вас, в России, всегда было такое правительство, которого ваш ничтожный народ заслуживал; вот и теперь: то же самое, только навыворот»…

И, к сожалению, такое трактование России, ее величавой истории и ее современной трагедии – не ограничивается салонной болтовней. Существует еще (и ныне продолжает пополняться) целая литература, которая вдалбливает людям такое понимание России. Есть в Европе и особая издательская традиция: переводить из русской литературы все то, что русское перо создало в порядке самообличения и самобичевания, и замалчивать, не переводить того, что обнаруживает истинный Лик России. Один опытный русский литератор рассказывал нам даже, что когда европейцы перевели ради таких целей «Деревню» Бунина и просили его написать об этой книге, то две влиятельные европейские газеты вернули ему его статью, потому что в ней не было сказано «вот именно из этакой гнусности и состоит вся Россия», а было в ней указано на то, что Бунин вообще понимает в человеке только одну жизнь темного и развратного инстинкта и рисует ее сходными чертами у всех народов.

Ныне европейцы, повинуясь все тем же закулисным директивам, повторяют ту же самую ошибку: они делают все возможное, чтобы не увидать настоящую Россию, чтобы связать ее, смешать ее и отожествить ее с большевиками и чтобы уверить себя, будто русский народ «заслуживает» того угнетающего, уничтожающего и вымаривающего его «правительства», которое его ныне терроризирует.

Примем на миг эту глупую и фальшивую поговорку и продумаем ее до конца.

Что же, спросим мы, голландцы в 1560-1584 гг. «заслуживали» правившей тогда диктатуры кардинала Гранвелы и графа Эгмонда, или они «заслуживали» правления гениального Вильгельма Молчаливого или «инквизиционного» террора герцога Альбы? Стоит ли ставить такие нелепые и мертвые вопросы?

Что же, англичане в 17 веке, с 1625 до 1643 года, «заслуживали» католических казней от Карла Первого, Стюарта, потом до 1649 они «заслуживали» гражданской войны, с 1649 до 1660 они «заслуживали» протестантского террора от Кромвеля, а с 1660 года они «заслуживали» опять католического террора от Карла Второго, Стюарта? Какой же глупец согласится выслушивать такое трактование истории?

Что же «заслуживали» французы в эпоху своей долгой революции, с 1789 года до 1815 года, – королевской власти Людовика XVI, или болтливой Конституции, или свирепого Конвента, или гнусной Директории, или воинственного деспотизма Наполеона, или реставрации Бурбонов?

А немцы, за последние 30 лет, «заслуживали» сначала прусского правления Вильгельма II, потом – социал-демократической республики (1918-1933), потом – Гитлера, а теперь на

востоке Германии – советской власти, а на западе – оккупационной полуанархии? Нельзя ли придумать какие-нибудь менее поверхностные и не столь нелепые историко-политические мерила?

Что же сказать нам о ныне порабощенных коммунистами малых европейских государствах? Скажем ли мы, что наши братья сербы «заслужили» правительство Иосифа Броза и Моисея Пияде? Или, скажем, что чехи и венгры «заслуживают» своих мучителей, румыны «заслужили» свою Анну Рабинзон, а болгары своего убитого Димитрова?

Или мы не произнесем этих бессовестных глупостей?

Да, народ отвечает за свое правительство, если он сам находится «в здравом уме и твердой памяти» и если он его свободно избрал. И несомненно, что поскольку народ органически связан со своим правительством – не в порядке завоевания, вторжения, оккупации, бессовестного политического обмана, антинационального подавления, интернационального засилия и революционного террора, а в порядке мирного, долгого, национального развития, постольку между правосознанием народа и правосознанием правительства возникает органическое взаимодействие и подобие. Вече, свободно избравшее князя или посадника, – отвечало за них. Но у кого же повернется язык сказать, что русский народ отвечал за Бирона, протершегося к власти в порядке низкого угодничества и антинационального подавления? Несомненно, что русский народ должен был бы отвечать за свое постыдное «Учредительное собрание» 1917 года, – если бы… если бы он находился тогда «в здравом уме и твердой памяти»; но можно быть совершенно уверенным, что в здравом состоянии он не выбрал бы такой «конституанты». Исторический факт несомненен: тогда народ был выбит из колеи начальными неудачами великой войны, он был развязан угашением монархической присяги и обезумлен – как революционным правлением февралистов, так и большевистской агитацией.

Но как же мог русский народ «заслужить» того, чтобы его покорили интернациональным обманом и засилием, невиданной в истории тоталитарной системы сыска и террора, революционным завоеванием, вторжением и подавлением? Какие зверские наклонности, какую злодейскую душу, какие, адские пороки он должен был бы иметь для того, чтобы «заслужить» все это? Кем должен быть этот народ, чтобы «заслуживать» такое обхождение, такое унижение, такое управление? Мы поймем эти слова в устах германского нациста, объявившего нас «унтерменшами» и заморившего миллионы наших братьев в плену и на работе, но мы никогда не поймем и не простим подобные слова в устах человека с русской фамилией и с русским пером.

Но именно такова мысль г. Федотова, высказанная им в статье «Народ и власть» («Новый Журнал», кн. 21). Мы уже давно привыкли к тому, что писания этого «профессора» безответственны, двусмысленны и соблазнительны. Он ненавидит «дореволюционную Россию» слепой ненавистью и всегда готов очернить ее вопиющей неправдой. А между тем Россия – вся, какая она была, от века до Государственной Думы, от Нестора до Пушкина, Достоевского и Лескова, от Сергия Преподобного до Веньямина Петроградского и Иоанна Латвийского – была и есть внереволюционная и дореволюционная Россия. И вот суждениям г. Федотова – место не в эмигрантской прессе, а в «Правде» и в «Известиях». Ибо если он иногда и произносит истину, то по методу советской прессы – только для того, чтобы окутать и исказить ее покровом неправды и соблазна.

Русскому человеку, знающему советский строй, непростительно говорить, что русский народ отвечает за свое коммунистическое правительство, а именно: «или за то, что его одобряет, или за то, что его терпит». Пусть г. Федотов поедет туда и там научит русский народ, какие есть способы для того, чтобы «не потерпеть» советское правительство. Но он отлично знает, что таких способов нет, и предпочитает безответственно клеймить тех, которые там поднимали восстание за восстанием, продолжая традицию Белой Армии.

Русскому человеку, претендующему на звание «историка», – непростительно говорить, что «русская этика эгалитарна, коллективистична и тоталитарна»; это невежественный вздор – она всегда была христиански сердечна, сердечно-справедлива и свободолюбива до анархии.

Русскому человеку, считающему себя образованным, непростительно говорить, будто русская «монархия давно прекратила свою просветительную миссию, завещанную Петром»,

будто русская «бюрократия сделала политику делом личной корысти», будто православная «Церковь выбросила социальную этику из своего обихода и умела только защищать власть и богатство». Все это неправда, все это соблазн, все это разложение эмиграции с тыла и пропаганда против России, столь полезная нашим иноземным врагам и коммунистам. И всю эту неправду (и многую другую!) совсем не надо было нагромождать для того, чтобы под конец сказать, что русский народ нуждается в покаянии. Да, конечно, нуждается, не только в покаянии, а в долгом нравственном очищении. Но прежде всех в нем нуждается г. Федотов и ему подобные поносители исторической России.

«Каждый народ заслуживает своего правительства»… Нет, наоборот: каждый народ заслуживает – и морально, и политически лучшего правительства, чем то, которое он имеет, ибо именно лучшее правительство сделает и его самого лучшим. Каждое правительство призвано действовать, руководясь инстинктом самосохранения, присущим его народу; каждое призвано видеть далее своего народа, быть мудрее его и подсказывать ему верные пути жизни.

Пора понять это и не повторять политическую пошлость, подслушанную за границей от врагов и презрителей русского народа.

Жизненные основы федерации

Всякий серьезный и ответственный политик знает, что государственная форма вырастает в жизни народа исторически и органически и что она всегда обусловлена его индивидуальными особенностями: внешними – его размерами, его климатом, его географическими данными, его расовым и племенным Составом и т. д.; и внутренними – его верою, его душевными дарами, его правосознанием, его моралью и т. д. Нет и не может быть конституций, одинаково подходящих разным народам. И когда мы, рассеянные по всему миру, слышим иногда такие «умные» предложения: «Введите вы у себя в России федеративную республику с референдумом!» – то мы всегда спрашиваем себя, по наивности нам это предлагают или из желания повредить России? Что иному народу здорово, то может быть для русского смертью.

Федеративный строй имеет свои основы, вне которых он или останется «на бумаге», или превратится в гибельную «псевдофедерацию» (см. с. 165, 168), разлагая и ослабляя страну и вызывая бесконечные внутренние трения, перевороты, гражданские войны и смуты.

1. Первая основа федеративного строя состоит в наличности двух или нескольких самостоятельно оформленных государств. Где их нет, там о федерации не следует и говорить. Это они договариваются друг с другом о соединении в одно большое политическое «тело». Каждое из них должно быть или совсем самостоятельным, как это было в Германии, или они должны провозгласить свою независимость и начать борьбу за нее, как это было в Швейцарии и в Соединенных Штатах; или же они должны, в качестве колоний, лояльно испросить согласия у своей метрополии, как это было с австралазийскими колониями Англии. Но каждое из них должно быть консолидированной государственной общиной, успешно создавшей у себя власть, единство и правопорядок. Политические амебы, кочевые пустыни, фиктивные «якобы государства», вечно мятущиеся и политически взрывающиеся общины (соответствующие невменяемым сумасшедшим) – не могут федерироваться; это величины бесформенные, безответственные, невменяемые, неспособные ни заключить государственный договор, ни соблюсти его. Заключать с ними договор было бы нелепым делом: они подлежат не федерации, а культурной оккупации и государственному упорядочению. Такова и бывает их историческая судьба.

2. Эти оформленные государства должны быть сравнительно невелики, настолько, чтобы единое, из них вновь возникающее государство имело жизненно-политический смысл. Из известных миру федераций – маленькой Швейцарии было легче всего; большим Соединенным Штатам – труднее всего. Но уже Швейцария упорно отказывается от приема новых «кантонов». Состоится ли вхождение Канады в состав Соединенных Штатов – это очень сомнительно. Общеафриканская федерация была бы сущей нелепостью; так же и общеазиатская. Есть территориальные, этнические и хозяйственные размеры, при которых федеративная форма совсем не «рентируется»: она становится не облегчением порядка, безопасности жизни и хозяйства, а нелепым затруднением. Именно поэтому ни один серьезный и опытный политик

никогда не мог поверить Советии. Будто она осуществляет «федеративный строй». Поэтому и слова «всемирный советский союз» звучат сразу юридической глупостью и политическим обманом. Чем больше территория, чем многочисленнее население, чем разнообразнее составляющие его народы, чем сложнее и крупнее державные задачи – тем труднее осуществить федеративную форму государства, тем выше и крепче должно быть правосознание в стране. И потому есть условия, при которых требование федерации равносильно началу антифедеративного расчленения.

3. Далее, договаривающиеся государства должны реально нуждаться друг в друге – и стратегически, и хозяйственно, и политически; иначе федерация не сложится или не удержится. Федерации вообще не выдумываются и не возникают в силу отвлеченных «идеалов»: они вырастают органически. Но мало взаимной нужды и пользы: нужно, чтобы народы поняли эту нужду, признали эту пользу и захотели этого единения. История знает примеры, где малые государства не могли существовать друг без друга, но признать этого не хотели, объединиться не умели и гибли от гражданских войн (Пелопонесская война) или от завоевания (удельная Русь). Там, где центробежные силы превышают центростремительные и где малые государства неспособны к объединению, там ищут спасения не в федеративной, а в унитарной форме!

От распада далеко не всегда спасает и единство: национальное, языковое, культурное и религиозное. Национальное, языковое и культурное единство облегчило федерацию в Германии, но не спасло ни греков, ни русских. Если же имеется налицо множество национальностей, различных по языку, по крови и по религии, то федеративное объединение их будет почти невероятным. Маленькую Швейцарию (с четырьмя национальностями и языками и со многими религиями) спасло три фактора: исконное свободолюбие, нажим соседей и горы. Но Кавказ не знал федерации, его племена боролись насмерть и сдавались порознь… А история знает множество истребленных народов, не нашедших пути к договорному единению с другими.

4. Есть государственные формы, осуществимые при примитивном, наивном и шатком правосознании. Так, унитарное государство гораздо меньше зависит от уровня народного правосознания, чем федеративное; авторитарное государство гораздо меньше вовлекает граждан в свое строительство, чем демократическое. Но именно поэтому федерация и демократия возможны только там, где в народе воспитано чувство долга, где ему присущи свободная лояльность, верность обязательствам и договорам, чувство собственного достоинства и чести и способность к общинному и государственному самоуправлению. Там, где царит южноамериканское правосознание – демократия становится своей карикатурой, а федерация – или пустым звуком, или началом распада. Союз государств заключается на верность и на века: но не признает ни «свободного выхода», ни измены; он скрепляется клятвой; он ненарушим; он не может состоять из интригующих предателей и подкупных полу предателей; он невозможен между мелкими народами, болеющими политическим тщеславием, манией величия и ненавистью. Такой союз государств будет эфемерным: он или будет заменен унитарной формой, или же погубит всех своих участников и погибнет сам…

5. Наконец, федерация возможна только там, где народу (или народам) присуще искусство соглашения и дар политического компромисса.

Всякая повышенная склонность к разногласию, к влюбленности в свое личное мнение, к упорству «на своем», к тщеславию и самолюбию, к заносчивому властолюбию, к самодурству, к партийности и дроблению – неблагоприятна для федерации. Народу с авторитарным мышлением (германцы) федерация дается гораздо легче, чем народу с анархической мыслью. Чем сильнее душевная, религиозная, хозяйственная и национальная дифференциация (многоразличие в стране), тем безнадежнее обстоит дело с федеративной формой.

Искусство соглашения требует волевой дисциплины и патриотической преданности общему делу. Дар политического компромисса, способность «отодвинуть» несущественное и объединиться на главном, – воспитывается веками. Нет их – и все будет завершаться «драками новгородского веча»: «уличанскими», «кончанскими» и «общими» (или же, соответственно, – гражданскими войнами).

Таковы жизненные основы федерации. О чем же думают зарубежные федералисты из состава эмиграции? О чем угодно, но только не о национально-исторической, духовно самобытной и культурно-творческой России.

Сочувствие и содействие

Всем нам приходится от времени до времени встречаться с русскими людьми, начинающими похваливать советскую жизнь и коммунистические «достижения». Один получил «оттуда» письмо, в котором рассказывается о «новых порядках» и всеобщем «трудовом одушевлении». Другой прочитал вестник московской «патриархии» и «убедился» в свободе советской церкви. Третий слышал чей-нибудь «доклад». Четвертому попались две статьи умершего Бердяева. Пятый склонился под влиянием «аргументов» какого-нибудь советского или полусоветского «духовного» лица и т. д.

Все эти люди производят странное впечатление.

1. Они высказывают свои воззрения особым тоном: не совсем уверенным, не совсем искренним, а как бы «нащупывающим», как если бы они сами себя уговаривали поверить и вот уже начинали верить и только еще оглядываются: не выходит ли уж очень глупо и уж очень лживо.

2. При проверке их источников оказывается обычно, что источники пустячные: кто же «оттуда» пишет правду? Кто же «там» смеет печатать критику или порицание? Доклад обычно оказывается организованным каким-нибудь заведомо двусмысленным обществом. «Духовное» лицо само оказывается соблазнившимся и тайно соблазняющим. Что же касается «убедительных аргументов», то их религиозная, патриотическая, государственная и логическая несостоятельность с начала и до конца не вызывает никаких сомнений даже и у самих «поверивших».

3. Критический момент наступает тогда, когда им задаешь вопрос: «Ну, что же? Значит, все обстоит по-хорошему и вы возвращаетесь?» Тут всегда оказывается, что возвращаться они не очень собираются. Почему? Одни ссылаются на свою «старость». Другие – на то, что их «пожалуй, не примут». Третьи на то, что «они растеряли там всех родных». Четвертые – явно боятся, потому что сами не верят своей болтовне. Интереснее всех те, которые говорят, что «России можно служить и здесь», причем под «Россией» они разумеют советское государство и правительство.

От всех таких людей остается впечатление, что они боятся, страхуются и врут; и сами знают, что врут. Боятся войны, «вторжения» и «расправы» и воображают, что могут застраховаться. Одни, поглупее, думают застраховаться заведомо неискренней, сочувственно-хвалебной болтовней. Другие, поумнее, ищут теперь же незаметных способов быть полезными советскому государству («России»). Ведь «сочувствие» необходимо доказать на деле. Красноречие надо подтвердить поступками. Страховку надо закрепить агентурой. Меньше этого советское «начальство» не разговаривает. Правда, оно не всякого агента щадит, а иного, «особенно заслуженного», но слишком много знающего, обрекает на исчезновение. Но без услуги нет заслуги; и бесполезные люди им не нужны. Сочувствующий должен содействовать.

В чем? Чем? Он должен прежде всего и обязательно – делиться сведениями и знаниями. Как же без этого? Советское государство ведет напряженную, почти непосильную борьбу за мировую власть; оно окружено врагами; оно ведет борьбу везде; в каждом пункте земного шара оно имеет свои задания и свой интерес; ему надо знать все и везде. Тот, кто следит за шпионскими процессами в Соединенных Штатах, знает, что это значит все и везде: готовится всемирный тоталитаризм и каждый человек должен решить, согласен он этому «обновлению мира» активно содействовать или нет. Тут нельзя «сочувствовать» – и ничего не делать. И только глупые могут воображать, будто им удастся «назваться груздем», а «в кузов не лезть».

И напрасно робкие простаки и ловкие страхователи пытаются уверить себя, что они сочувствуют «России», «русскому народу», «новой жизни на родине», «бесклассовому обществу», «трудовому одушевлению», «промышленному строительству» или (что фальшивее и ужаснее всего) «православной патриаршей церкви». Все это словесность, лживая приманка, пропагандные «крючки и петли». Дело идет совсем о другом; дело идет о мировом тоталитаризме, который окончательно поработит и изведет русский народ. Дело идет не о

«победе России над ее врагами», а о гибели русского народа в борьбе за ненужную ему, бессмысленную и богопротивную власть, власть международных коммунистов над человеческой вселенной.

Все остальное неправда. И сочувствователи должны знать – точно и подлинно, чему именно они сочувствуют. Нельзя сочувствовать и коммунистам, и России: кто сочувствует коммунистам, тот предает Россию и русский народ. Кто любит Россию и болеет о своем народе, тот не может становиться покорным и бессовестным агентом «политбюро» или «третьего интернационала». И эта агентура не спасет никого и меньше всего – она спасет его самого; он изведает только последнее унижение, самое горькое из унижений, ибо добровольно принятое, и погибнет в качестве добровольного слуги дьявола – или недоугодившего (наподобие Устрялова), или переугодившего (наподобие Скоблина). Вот та темная пропасть, в которую толкал русскую эмиграцию умерший ныне Бердяев, договорившийся через все свои соблазны – до последнего из худшего.

Фанатики «Общественного договора»

Замечательно, что все расчленители России, чем бы они ни руководились, произносят одно и то же слово, формулируют одну и ту же директиву: Россия должна стать федеративным государством, она должна быть построена на всеобщем добровольном соглашении ее народов и ее граждан. В этом они видят высшее и последнее слово «демократизма», поэтому они и готовы причислить каждого, несогласного с этой директивой, к «реакционерам», «империалистам», сторонникам деспотизма, террора и т. д.

Действительно, есть старое учение (известное издавна, но обычно приписываемое Жан Жаку Руссо), согласно которому всякое государство покоится на «общественном договоре», на договоре всех граждан между собою; такой договор, в действительности наблюдавшийся только в немногих федеративных государствах (см. с. 165, 168, 179) и имевший там совсем иную форму и иное содержание, считается молчаливо – предполагаемым и обязательным повсюду. Политические мыслители пытались не раз на протяжении веков формулировать этот фиктивный (т. е. выдуманный, созданный воображением или, как говорят юристы, «презюмированный», т. е. предположенный в виде условного допущения) договор, согласно которому каждый гражданин добровольно и свободно включается в свое государство и обязуется повиноваться его законам. Пусть, говорят они, такого договора никогда не было, но надо считать его как бы состоявшимся и принципиально оправдывающим существование государства.

И вот это учение имеет своих фанатиков, которые не удовлетворяются «фикцией» и «презумпцией», но желают довести свой народ до фактического осуществления общественного договора. Они не хотят успокоиться до тех пор, пока в их стране государство не будет построено на всеобщей, свободной «оптации». Они добиваются этого повторно и любой ценой. Великая и позорная неудача 1917 года, когда русский народ не пошел по пути федерации, а предался преступности, убийствам, анархии и гражданской войне, что и привело его к многолетнему тоталитарному рабству, – нисколько не смущает их. Они готовы «начинать сказку сначала». Их утопическое государство должно быть построено в виде корпорации ни чем не стесненных «вкладчиков» и стать чем-то вроде потребительской кооперации. Меньше этого максимализма они не способны думать и желать. А того обстоятельства, что государство всегда было и всегда будет учреждением (см. Н.З. с. 84), они не постигнут до самой смерти.

Эта юридическая и историческая слепота должна быть раз навсегда преодолена в России.

В действительности же самая принадлежность гражданина к какому-нибудь государству определяется отнюдь не его свободной «оптацией», а законами самого государства и решением власти, применяющей эти законы. Возьмем любую, самую свободную и демократическую конституцию, и мы тотчас же убедимся, что принцип «добровольного самопричисления» и «нестесненного самоотчисления» не признается в ней. Люди приобретают права и обязанности гражданина при самом своем рождении, когда оптация им решительно не по силам. Государства считаются с тем, от кого ты родился, где ты родился, когда ты родился, а впоследствии с тем, сколько лет ты прожил в стране и как ты вел себя при этом. Каждого из нас

причисляют к гражданам и отчисляют из состава граждан по законам данной страны и нигде одностороннее волеизъявление не решает этого вопроса. Найдите хотя бы одно государство, которое предоставляло бы всем желающим входить в свой состав и выходить из него односторонним заявлением; или еще – такое государство, которое давало бы своим гражданам право по взаимному соглашению «отложиться» от него и присоединиться к другому; или же право учреждать в своих пределах новые государства или государствица. История знает односторонние отказы от гражданства, но они сопровождаются удалением за кордон и создают бесправный статус «беженца» или «эмигранта». История знает и односторонние отпадения городов, общин и целых стран (напр., Ирландия). Но эти акты совершаются вне права и с нарушением лояльности. Это внеправовые деяния, это нарушения, потрясения или прямые восстания; это революционные акты, которые могут повести к усмирениям или гражданским войнам. Но право на односторонний выход из государства или право на отложение и отпадение – не признано нигде; о нем не знает ни одна демократическая конституция.

Но расчленители России, желающие превратить ее в федерацию, призывают именно к таковым внеправовым потрясениям, к отпадениям, к актам «свободной» измены, к революционным состояниям. Они мечтают о том, что после падения большевиков граждане единой России опять провалятся в хаос и всепозволенность, безнаказанно разложат свое государство и осуществят по своему произволу столько «общественных договоров», и учредят, ни с чем не считаясь, столько новых «государствиц», сколько им заблагорассудится, с тем что каждое из этих новообразований будет иметь свое правительство, свою армию, свою монету и свою дипломатию. Им мало тридцатилетней революции: они хотят длить и углублять ее после падения большевиков. После бесконечного неистовства «монтаньяров» (революционеров-централистов-объединителей) они желают еще бесконечного неистовства «жирондистов» (революционеров-децентрализаторов-расчленителей). Именно поэтому они желают, чтобы «российские народности» не считались больше с существованием единого русского народа и государства, а воспользовались послебольшевистской смутой для осуществления всеобщего произвола и распада – на основании ложно понятой доктрины «общественного договора».

Каждому жителю России должно быть предоставлено право определить по своему усмотрению, к какому такому государству ему угодно принадлежать – к России или к какому-нибудь иному: – кто хочет, потянет к Турции, кто к Китаю, кто к Польше, кто к Германии. Иные пусть учредят новые государства – Тунгузию, Чувашию, Черемисию, Украину, Белоруссию, Зырянию, Грузию, Крымию или, подобно тому, как было в 1917 году – Моршанскую Республику, Саранскую Федерацию, Сычевскую Демократию, Чухломской Кантон, Новоржевский Штат, Пошехонскую Советию, Бузулукское Ханство, Иваново-Вознесенскую Социалистическую Олигархию и Минское Прелатство. Фанатики «общественного договора» доселе мечтают, что после революции тоталитарной тирании начнется революция всеобщего развязания, меньшинственной анархии и разложения России во имя ложной доктрины – эпоха погубления «каторжной» Империи (выражение г. Федотова), эпоха завоевания ее окрепшими и хищными иноземцами. Они мечтают превратить Россию во множество политически ничтожных и стратегически бессильных карликов – и тем предать ее на завоевание и порабощение западным и юго-восточным государствам. Достояние России станет, в сущности, «ничьим», а по старому римскому праву «ничья вещь принадлежит первому захватчику»… Но фанатики федерализма идут и на это.

Прочтите об этом у г. Федотова (в книге XVI «Нового Журнала») и учтите то обстоятельство, что ни один сотрудник этого журнала не нашел в себе мужества, чтобы отмежеваться от его формул: напротив, все стали «примыкать», расшаркиваться и полусоглашаться с ним, так как если бы он считался среди них вождем или «политруком»… Вот его подлинные формулы: «Если бы не было никаких сепаратизмов в России, их создали бы искусственно». (Кто создал бы?.. – Ред.) «Раздел России все равно был бы предрешен». (Кем… властной «закулисой»?.. – Ред.) «Россия – обреченная Империя». Ее «народы потребуют реализации своего конституционного права на отделение». И «если даже победит Великороссия и силой удержит при себе народы Империи, ее торжество может быть только временным». «В современном мире нет места Австро-Венгриям» («Новый Журнал», кн. XVI, с. 168).

Не трудно догадаться, из какой среды идет эта программа и кто за ней стоит… Но Россия сама скажет за себя свое последнее слово.

О свободной лояльности.

Когда мы говорим о «лояльности», то мы разумеем согласие и готовность гражданина признавать и блюсти законы своей страны. Английское слово «лоо» означает «закон, право»; согласно этому «лойэл» надо переводить – «верный, честный, законопослушный». И вот, всякий правопорядок, всякий государственный строй покоится на согласии граждан верно и честно блюсти действующие законы: не преувеличивать произвольно свои полномочия, не преуменьшать произвольно свои обязанности и избегать всего запрещенного.

Принудить граждан к этому нельзя. Нет такого режима, который обеспечил бы механическую покорность граждан. Правда, современное нам поколение тоталитаристов-террористов изобрело такие меры, которые отпугивают граждан от всякой открытой непокорности и закрепляют их повиновение страхом, голодом, ссылкой, всяческими унижениями и оскорблениями, пытками и казнями. Но жестоко ошибается тот, кто думает, что этот режим обеспечивает «законопослушность» в стране. Никогда и нигде еще произвол чиновников и партийцев, дерзание «урков», признающих один только «блат», изощренная ловкость отчаявшихся граждан и, главное, внутреннее отвращение всех честных и свободолюбивых людей к «декретам» «своей страны» и к противоестественным и варварским распоряжениям «своей власти» не достигали такого развития и такой силы. Люди повинуются потому, что не сумели преодолеть свой страх; они покоряются – и проклинают; они «подписывают» – и внутренне отрекаются. И ждут только такого стечения обстоятельств, и ищут только тех лазеек, которые дали бы им возможность осуществить свою жизненную потребность в непослушании и свою мечту о «нелегальности».

Напрасно продажные журналисты пишут в Европе о том, что коммунизм «воспитывает» русский народ к законопослушности и дисциплине и укрепляет в России лояльность и правопорядок. В действительности происходит обратное: противоестественный режим, закрепляемый страхом и предательским доносом, разлагает русское правосознание до глубины, подрывает его основы (религиозность, чувство собственного достоинства, честь, совесть и веру в добро), взращивает в людях вкус к «блату» и безразличие к «доброму имени». Никогда еще и нигде страх не воспитывал правосознания и рабский порядок жизни не вел людей к свободному повиновению. Нигде еще и никогда тирания не научала граждан чтить закон и право и не прививала им добровольной лояльности.

А между тем, истинная лояльность свободна и добровольна. Каждый из нас призван к ней, и каждый из нас должен сам, без принуждения и страха – постигнуть ее сущность, признать ее необходимость для родины и ее значение в собственной жизни и добровольно вменить себе свои полномочия, обязанности и запретности, выражаясь юридически, – весь свой «правовой статус». В этом никто, никогда не заменит «меня самого»: ни родители, ни учителя, ни полиция, ни судьи, ни правительство. Этого не вынудят у человека ни тюремщики, ни палачи. Это есть дело духа и свободного духа. Нельзя быть «верным» от страха – такая верность недолговечна: пройдет страх и человек станет предателем. Нельзя быть «честным» по принуждению; и там, где принуждение кончается, из такой «честности» вырастает обман или прямая подлость. Честным, верным, законопослушным можно быть только самому, по личной убежденности, в силу личного решения, по зову личной чести и совести, из чувства собственного достоинства, на основе крепкой веры в Бога. Нет этого – и нет правосознания и лояльности; человек превращается из гражданина в плута, в ловчилу, в авантюриста, в лицемера, в полу предателя; он становится вечным кандидатом в уголовные или в дезертиры и сам утешается поговоркой – «не пойман – не вор». Он не опора правопорядка, а живая брешь в нем. В государственном здании – он «картонный кирпич». В армии – он, по древнему русскому слову, «бегун и хороняка».

Настоящее государство держится не принуждением и не страхом, а свободной лояльностью своих граждан: их верностью долгу; их отвращением к преступности; неподкупностью чиновников; честностью судей; патриотизмом избирателей; государственным смыслом парламентариев; гражданским мужеством писателей и ученых; инициативной

храбростью и дисциплиной солдат. Все это не может быть заменено ничем. Человек есть самодеятельный волевой центр, субъект права, а не объект террора и эксплуатации. Он должен строить себя сам, владеть собою, управлять собою и отвечать за себя. В этом основная сущность всякого права, правопорядка и государственности.

Только при таком понимании нам раскроется смысл идеи «общественного договора». Эта идея имеет в государственной жизни свой строгий предел, а именно: он выговаривает основу человеческого правосознания, а не принцип государственной формы. Каждый из нас призван вести себя как человек, свободно обязавшийся перед своим народом к лояльному соблюдению законов и своего правового «статуса» (т. е. своих полномочий, обязанностей и запретностей). Такого «общественного договора», о котором пишет Ж.Ж. Руссо, никогда не было и не будет; и Руссо сам знает это. Но нечто подобное этому должен пережить каждый человек в глубине своего правосознания, налагая на себя (свободно и добровольно) духовно – волевое самообязательство гражданина.

В основе идеи «общественного договора» лежит верная потребность воззвать к свободному самообязательству и к добровольной лояльности в душе гражданина; ибо без этой лояльности – нет гражданина, а есть одна пустая видимость его; и нет государства, а есть одна иллюзия.

Народы и государства держатся только правосознанием своих граждан и своих правителей. И от воспитания его зависит вся будущность России.

Но сколь же нелепо превращать этот призыв к личному правосознанию в основу государственной формы и признавать только те режимы, которые якобы основаны на «общественном договоре» – как на единообразном историческом событии или как на беспрестанно повторяющейся политической процедуре. Именно так истолковала идею «общественного договора» первая французская революция; именно этим она потрясла и измучила свою страну до основания; именно этот предрассудок она оставила в наследие последующим французским революциям (1830, 1840, 1870), а также, увы, русским доктринерам. Но дело в том, что таких режимов вообще нет, не было и не будет: ибо всякое «учредительное собрание» есть лишь грубая карикатура на «общественный договор» и никакой «референдум» не в состоянии осуществить его. Общественный договор требует, в идее, чтобы голосовали все без исключения и чтобы всеобщее решение было единогласно, ибо только тогда действительно осуществится начало всеобщей добровольности. Добиваться этого – безнадежно, наивно, нелепо и гибельно. Всеобщая добровольность, превращенная в государственную форму, приведет к порядкам прежнего польского сейма, где один несогласный или протестующий голос – срывал всякое решение («не позволям»). Такой порядок существовал в Польше с 1652 года до 1764 года; он «взорвал» 48 сеймов из 55, подорвал польское законодательство и государство и обессилил страну; и даже конституции 1764 и 1791 гг., формально отменившие этот порядок, не сумели преодолеть его в жизни. Ныне на наших глазах введение «единогласия» и право «вето» губит организационную работу Лиги Наций (ООН).

Нелепа претензия гражданина, чтобы ему дали право заключать в пределах своего государства любые «общественные договоры», расчленять свою страну, федерироваться или не федерироваться с кем ему заблагорассудится, останавливать организацию государства и действие закона заявлением своего несогласия, заявлять об одностороннем «выходе» и «вхождении» и т. д. Все это есть путь к анархии и соответствует программе анархизма. Поэтому все это – безгосударственно и противогосударственно, политически бессмысленно и национально гибельно.

Неужели же русские «жирондисты» не разумеют всего этого… Нет, конечно, разумеют. Для чего же они требуют этого, предсказывают это как «неизбежное» и замалчивают гибельность всего этого для России… Потому что они приняли задание расчленить Россию во что бы то ни стало и погасили в себе русскую национальную лояльность.

В поисках справедливости

Сколь бы разрушительны и свирепы ни были проявления русской революции, как бы ни попирала она всякую свободу и всякую справедливость, – мы не должны упускать из виду, что русский народ пошел за большевиками в смутных и беспомощных поисках новой

справедливости. «Старое» – казалось ему несправедливым; «новое» манило его «справедливостью». К этому присоединились, конечно, и не благие побуждения: жадность, мстительность, злоба, честолюбие и т. д.; но за потакание этим страстям русский народ был жестоко, невообразимо наказан сомою революцией. И вот, верно понять революцию значит понять ее не только как наказание злой воли, но и как заблуждение доброй воли. И вывести русский народ из революции сумеет лишь тот, кто вернется к первоначальным поискам справедливости и восстановит эту старую традицию русской души и русской истории.

Русский народ должен быть возвращен к этим поискам. Он должен покаянно осознать выстраданное им заблуждение: свою беду и свою кару и свой грех. Он должен увидеть впереди иные, новые, творческие пути, действительно ведущие к справедливости, пути, указанные христианством, но доселе не найденные и не пройденные человечеством. Он должен понять, что именно дурные страсти подготовили его порабощение, ибо они ожесточили его сердце, разложили его ум, подорвали его государственную волю и обессилили его инстинкт государственного самосохранения. Ожесточившись, он пошел за безбожием, бессовестностью и бесправием, а они только и могли привести его к вящей несправедливости.

Однажды все народы поймут, что социализм и коммунизм вообще ведут не к справедливости, а к новому неравенству и что равенство и справедливость совсем не одно и то же. Ибо дело в следующем.

Люди от природы не равны: они отличаются друг от друга – полом и возрастом; здоровьем, ростом и силою; зрением, вкусом, слухом и обонянием; красотою и привлекательностью; телесными умениями и душевными способностями – сердцем и умом, волею и фантазией, памятью и талантами, добротою и злобой, совестью и бессовестностью, образованностью и необразованностью, честностью, храбростью и опытом. В этом надо убедиться; это надо продумать раз навсегда и до конца.

Но если люди от природы не одинаковы, то как же может справедливость требовать, чтобы с неодинаковыми людьми обходились одинаково… Чтобы им предоставляли равные права и одинаковые творческие возможности… На самом деле справедливость совсем и не требует этого; напротив, она требует, чтобы права и обязанности людей, а также и их творческие возможности предметно соответствовали их природным особенностям, их способностям и делам. Так, именно справедливость требует, чтобы законы ограждали детей, слабых, больных и бедных. Именно справедливость требует, чтобы способным были открыты такие жизненные пути, которые останутся закрытыми для неспособных. («Дорогу честной храбрости, уму и таланту»). Подоходный налог устанавливает справедливое неравенство; напротив, «партийный билет» коммуниста устанавливает несправедливое неравенство.

Уравнивать всех и во всем – несправедливо, глупо и вредно. Но это не значит, что всякое неравенство будет справедливо. Есть несправедливые преимущества (напр., безнаказанность влиятельных чиновников); но есть и справедливые преимущества (напр., трудовые льготы беременным женщинам).

Бывают верные, справедливые неравенства (т. е. преимущества, привилегии, послабления, ограждения), но бывают и неверные. И вот нередко люди, возмущаясь чужими, неверными привилегиями («это несправедливо»), начинают восставать против всяких привилегий вообще и требовать всеобщего равенства. Это требование несправедливо; оно проистекает из ожесточенного и потому ослепшего сердца, а ожесточенное сердце не видит человеческого разнообразия и начинает «приводить всех к одному знаменателю».

Но помимо этого всеобщее уравнение вредно и в жизненном отношении; уравнять всех «наверх» (т. е. сделать всех одинаково образованными, хорошо одетыми, богатыми и здоровыми) невозможно. Всякое преднамеренно быстрое уравнение может двигаться только «вниз», понижая уровень (т. е. делая всех одинаково необразованными, плохо одетыми, бедными или больными). К этому и стремилась коммунистическая революция; чтобы не было капиталистов и «кулаков», она делала всех нищими; чтобы не было профессиональной касты ученых, она наводняла профессорский состав невеждами и болтунами и этим насаждала всероссийское невежество. И так от коммунистического равенства русские люди становились

полубольными, оборванцами, измученными, нищими и невеждами – они все теряли и не выигрывали ничего.

Однако опыт революции выяснил еще и то, что такое уравнение на самом деле просто неосуществимо. Никакие человеческие меры, никакой террор не может сделать людей «одинаковыми» и стереть их природные различия; люди родятся, растут и живут – неравными от природы; а равное обхождение с неравными людьми создает только мучительные для них и нравственно отвратительные несправедливости. Революционное равнение «вниз» ведет к тому, что худшие люди (карьеристы, симулянты, подхалимы, люди беспринципные, бессовестные, продажные, «ловчилы») выдвигаются вперед и вверх, а лучшие люди задыхаются и терпят всяческое гонение (по слову Шмелева: «гнус наверху, как пена, а праведники побиваются камнями»). В результате этого худшие сплачиваются в новый привилегированный слой («партия») и создают новое, обратное неравенство – беспомощность обнищавшего народа перед всемогущим партийным чиновником, политическим доносчиком и палачом.

* * *

Отсюда уже ясно, что справедливость не только не требует уравнения, а наоборот: она требует жизненно верного, предметного неравенства. Надо обходиться с людьми не так, как если бы они были одинаковы от природы, но так, как этого требуют их действительные свойства, качества и дела, – и это будет справедливо. Надо предоставлять хорошим людям (честным, умным, талантливым, бескорыстным) больше прав и творческих возможностей, нежели плохим (бесчестным, глупым, бездарным, жадным), – и это будет справедливо. Надо возлагать на людей различные обязанности и бремена: на сильных, богатых, здоровых – большие, а на слабых, больных, бедных – меньшие, – и это будет справедливо. Если два человека совершат по видимости одно и то же преступление, но один совершит его по злобе, а другой по легкомыслию, то справедливость потребует для них не одинакового, а различного наказания. И так во всем.

Так мы должны осмыслить и русскую историю. Освободить крестьян от крепостного права надо было не потому, что «все люди равны», а потому, что привилегия душевладения была несправедлива, жизненно вредна и для обеих сторон унизительна. Провести аграрную реформу Столыпина надо было именно для того, чтобы освободить крестьян от принудительного, арифметического (душевого) уравнения в общине и развязать их творческие, от природы неравные трудовые силы. Отменить во имя равенства жизненные, предметно обоснованные и потому справедливые привилегии, связанные с образованием, с организованным талантом и опытом, и поставить во главе русского государства и хозяйства невежественных коммунистов и бездарных «выдвиженцев» – могли только ослепшие от классовой ненависти революционеры; и вредоносные последствия этой меры вопиют к небу вот уже тридцать с лишним лет. Только от зависти и ненависти можно требовать вместо справедливости – нового, обратного неравенства и восхвалять его как высшее достижение. «Вот так-то, сударыня, – говорила угольщица маркизе во время одной из французских революций, – теперь все будут равны: я буду ездить в вашей карете, а вы будете торговать углем»… Ибо на самом деле справедливость требует жизненно верного, предметного неравенства: в одном случае привилегии, в другом – лишения прав; в одном случае – наказания, в другом – прощения; в одном случае полновластия, в другом – безоговорочного повиновения. И пока люди не поймут этого, пока они будут настаивать, вслед за французской Декларацией Прав, на всеобщем равенстве, – им не понять и не осуществить справедливости.

Равенство – однообразно. Оно не считается с жизненной сложностью и человеческими различиями. Но именно поэтому оно отвлеченно, формально и мертво. Оно не видит живого человека и не желает его видеть.

Справедливость же многообразна. Она знает, что жизнь бесконечно сложна и что одинаковых людей нет. Именно поэтому она не отвлеченна и не формальна, а конкретна и жизненна. Она всматривается в живого человека, стремится верно увидеть его и предметно обойтись с ним.

Равенство нуждается в формальных правилах и удовлетворяется ими. При этом сторонники равенства воображают, что простое, формальное соблюдение этих правил – ведет к

справедливости. На самом деле последовательное и мертвое законничество всегда ведет к несправедливости («суммум юс – сумма инъюриа»).

Напротив, справедливость невозможно ни найти, ни водворить на основании формальных правил, ибо она требует живого созерцания разнообразной жизни. Поэтому невозможно придумать такие справедливые законы, которые годились бы для всех времен и народов; но невозможно также обеспечить справедливый строй и в какой-нибудь одной стране – силою одних законов. Всякий закон есть отвлеченное правило. Никакой закон не может уловить и предусмотреть всю полноту и все разнообразие жизни. Поэтому он по необходимости условно уравнивает людей, связывая с известными, отвлеченно указываемыми свойствами и делами их (если таковые окажутся в действительности – напр., «мужчина такого-то возраста», «телесно здоровый», «душевно-нормальный»; или «укравший», «ударивший», «убивший», «дезертировавший» и т. д.) известные полномочия обязанности или наказания. Но между законом и живым человеком стоит еще применение закона (административное или судебное), т. е. подведение конкретного жизненного случая под отвлеченное правило. И вот здесь-то и должно развертываться истинное царство справедливости.

Это отнюдь не значит, что условно уравнивающие законы безразличны для справедливости; но от них нельзя требовать слишком много. От законов надо требовать: 1. Чтобы они не устанавливали несправедливых привилегий – послаблений, ограждений, бесправия, угнетения, а также несправедливых уравнений. 2. Чтобы все устанавливаемые ими неравенства заведомо не попирали справедливости. 3. Чтобы они вводили такие способы применения права (в управлении, самоуправлении и суде), которые, с одной стороны, гарантировали бы от произвольного и непредметного применения закона, а с другой стороны, требовали бы от чиновников, научали бы их и представляли бы им возможность вводить повсюду поправки на справедливость.

Ибо справедливость не обеспечивается общими правилами; она требует еще справедливых людей. Она требует не только удовлетворительных законов, но еще живого человеческого искания и творчества. Если в стране нет живого и справедливого правосознания, то ей не помогут никакие и даже самые совершенные законы. Тут нужны не «правила», а верное настроение души – необходима воля к справедливости. А если ее нет, то самые лучшие законы, начертанные мудрецом или гением, будут только прикрывать язвы творимых несправедливостей.

Нам необходимо понять, что справедливость не дается в готовом виде и не водворяется по рецепту, а творчески отыскивается, всенародно выстрадывается и взращивается в жизни. Нет готового справедливого строя, который оставалось бы только ввести («анархия», «социализм», «коммунизм», «кооперация», «фашизм», «корпоратизм» и т. п.). Безнадежны и нелепы все подобные надежды и обещания. Справедливое в одной стране может оказаться несправедливым в другой. Справедливое в одну эпоху может впоследствии превратиться в вопиющую несправедливость.

Справедливость есть великое и вечное всенародное задание, которое неразрешимо «раз навсегда». Это задание подобно самой жизни, которая вечно запутывает свои нити и узлы и вечно требует их нового распутывания. И распутывать эти нити, и развязывать эти узлы – должны не одни законы и не одни правители, а весь народ сообща, в непрерывном творческом искании и напряжении.

О воспитании русского народа к справедливости

Восстановить Россию, заживить раны революции и войны и укрепить величие и великодержавно нашей Родины – можно только исходя из духа справедливости и служа ему. А для этого необходимо прежде всего необманно уверить весь русский народ, что новый, послереволюционный порядок – искренно хочет и практически ищет справедливости; и далее необходимо воспитывать и укреплять в самом народе – волю к справедливости, здоровое христианское правосознание и чувство всенародного, сверхклассового и сверхсословного братства. Как только народ почует дух справедливости – он поверит новой национальной власти и раскроет ей свое сердце. А к этому раскрывающемуся народному сердцу новая власть

должна обращаться с авторитетным обещанием отыскивать справедливость для всех и с требованием того же самого от народа. Новая власть должна провозгласить и осуществить – конец принудительной «уравниловки» и «обезлички»; конец революционного бесправия, беззакония, взяточничества; конец «срезания верхушек», «беднячества», упрощения, снижения, террора против лучших и преуспевающих. Она должна восстановить справедливый ранг и качество; возродить истинный авторитет и, наконец, начать воспитание народа к живой, творческой справедливости.

Воспитывать людей к справедливости нельзя без веры и религии, ибо вера в Бога есть главный и глубочайший источник чувства ранга и воли к качеству. Справедливость есть не что иное, как любовное и художественное вчувствование в живого человека с желанием верно видеть его и верно обходиться с ним. Справедливость есть совестное доброжелательство. Справедливость есть всенародное братство. Справедливость есть живое и чуткое правосознание, которое готово поступиться своим и отстаивать чужое. Справедливость есть чувство меры в размежевании людских притязаний и интересов. Справедливость есть искусство искать и находить «для каждого свое» (формула римского права).

Воспитывать эти способности и настроения в народе – значит вести его к справедливости. И русский народ с его живым нравственным чутьем, с его природным благодушием и с его навеки охристианившейся совестью – сумеет не только оценить справедливость новой власти и довериться ей, но сумеет и раскрыть свою душу для такой системы воспитания. Тогда начнется новая эпоха его истории.

Это новое воспитание должно не только будить в народе волю к справедливости, но и укреплять в нем дух жертвенности, т. е. согласие во имя общего, национально-государственного дела отдавать свое и не добиваться во что бы то ни стало справедливости для себя. Истинная христианская и гражданская доблесть ищет справедливости для других и охотно жертвует «своим» сверх всякой справедливости. И чем сильнее и живее этот дух в народе, тем могущественнее его государство: ибо жертвенность народ есть источник настоящей политической силы.

Замечательно, что люди часто расходятся друг с другом в толковании и понимании «справедливости». Это объясняется не только тем, что все мы вообще судим о вещах и делах «субъективно» и потому не соглашаемся друг с другом, но еще гораздо более и тем, что мы обычно взываем к «справедливости», отстаивая свой собственный интерес и тотчас же забываем о ней, когда обсуждается чужой. Нам все кажется, что справедливость всегда «за нас» и что всякое удовлетворение наших желаний и интересов – «справедливо». И при этом мы не замечаем, что нами владеет в действительности не искание справедливости, а личная корысть, что наша ссылка на справедливость на самом деле ничего не стоит, что мы то и дело выступаем в жизни контрабандистами несправедливости. Тогда оказывается, что людей нельзя ни согласить, ни примирить, что справедливость становится пустым и мертвым словом и что в действительности происходит не искание справедливости, а борьба личных своекорыстий – гражданская война всех против всех. Так бывало и в истории России: люди кривили душой (в старину это называлось «воровали») и, по слову летописи, «несли Русь розно». Так было и в Смутное время (1605-1613). Именно так возникла и большевистская революция (1917). При таком настроении в народе государство существовать не может; центробежные силы одерживают верх над центростремительными; личный интерес становится выше общего; все рассыпается в прах, в песок – и буря событий несет этот песок в пропасть.

Отсюда первое требование: каждый из нас должен научиться отличать вопрос о справедливости от вопроса о личном интересе и не прикрывать свою корысть декламацией о справедливости. «Мои притязания» могут быть и необоснованны; «моя выгода» может противоречить справедливости; «мое право» может и не простираться до пределов моей жадности.

Однако этого недостаточно. Необходимо нечто большее: мы должны научиться не настаивать на наших самых справедливых притязаниях, если этого требует единый и общий интерес родины.

Это второе требование.

Справедливость, как уже установлено, не есть готовая программа мероприятий или готовая система жизни, которую можно немедленно ввести и осуществить. Она отыскивается в непрерывном всенародном творческом созерцании и действии, которое отправляется от исторически данного нагромождения несправедливостей и полунесправедливостей. Это наследие веков, эту исторически запутанную ткань жизненных нитей и узлов – каждый народ вынужден принять как отправной пункт, как исходную основу жизни. Наивно и ребячливо думать, будто от человеческого произвола зависит «немедленно ввести совершенный строй жизни»; будто от земной юдоли до блаженной жизни всего один шаг; будто блаженное «тысячелетнее царство» (отсюда выражение – «хилиастический», тысячелетний), или «золотой век», – может наступить от каких-то правительственных или государственных реформ.

* * *

С давних, древнейших времен людям снится в их ночном сознании мечтательный сон о некоем блаженном «тридесятом Царстве», где царит абсолютная справедливость и полная свобода, где нет ни слабостей, ни страданий, ни болезней, где можно обойтись без труда и лишений, где люди не знают ни греха, ни запрета, ни преступлений, ни наказаний, ни принуждения, ни справедливости. «Там» – все притязания оправданы, все потребности удовлетворены; люди наслаждаются всеобщей справедливостью и всеобщим счастьем.

При этом одни думают, что это есть воспоминание об «утраченном рае», а другие предполагают, что это есть предчувствие «грядущего блаженства». А народная масса мечтает об этом – то в сказках, то в сновидениях, то в бесформенном, молчаливом ожидании и вожделении.

Если это «блаженное царство» видится людям в потустороннем мире и связывается с будущей, загробной жизнью, то взор человечества становится ясным и трезвым для здешней, земной жизни: тогда он видит ее несовершенства и невозможности; он постигает слабость и греховность человеческого существа; он научается духовно ценить труд и лишения, страдания и болезни; он убеждается в необходимости запретов, принуждения и наказания; он начинает мириться с неизбежностью несправедливости в земной жизни. Ибо на самом деле земная жизнь требует от человека работы и терпения, смирения и жертвенности, отречения и уживчивости; здесь – качество родится из страдания и труда; здесь человек должен заплатить за все великое – напряжением и мукою. А покрыть и исцелить все это может только любовь. Именно таков дух Христианства, именно таково христианское правосознание.

Но если люди утрачивают веру в Бога и в будущую жизнь, то они начинают считать здешнюю, посюстороннюю земную жизнь – единственной, всеобщей и ни к чему не обязывающей. Тогда их духовный взор тускнеет, а их земной взгляд становится близоруким и алчным: он уже не видит и не желает видеть несовершенств и невозможностей земной жизни; он прилепляется к своей максималистической химере и начинает галлюцинировать. Тогда «тысячелетний сон» выплывает из бессознательного, завладевает дневным сознанием и начинается эпоха брожений и революций. Душа становится как бы «переутомленной», нетерпеливой, требовательной и ожесточенной. Тогда появляются темпераментные «истолкователи» этого «переутомления» и нетерпения, «пророки» этой требовательности, вожди этого ожесточения. Пишутся «гимны» этой неосуществимой химере (напр., «Капитал» Маркса); слагается «наука» грядущего переворота; сеются утопические идеи; возникают партии «немедленного введения» тысячелетнего царства (социалисты, коммунисты); политика начинает галлюцинировать; слепая воля ожесточается и люди пытаются прорваться к неосуществимому блаженству ценою многой крови.

Какое тягостное пробуждение готовится этим людям и народам! Какое разочарование! Кровавая химера врывается в жизнь, развязывая души, подрывая веру и нравственность, опрокидывая правосознание и разрушая историческое наследие народа… Она нагромождает силы государственного террора и хозяйственной техники, опустошает и порабощает души, пытается создать «нового человека» и все для того, чтобы осуществить новое, обратное неравенство и утопить людей в потоке небывалой несправедливости. Урок поистине жестокий и отрезвляющий… А политика есть дело трезвое и не терпит галлюцинаций. И хозяйство есть дело живого и здорового инстинкта и гибнет от противоестественных выдумок. Справедливость

же есть дело веры, совести и всенародного творческого искания; она неосуществима в порядке уравнительных декретов и мстительного насилия.

И нашему поколению, пережившему и перестрадавшему весь этот трагический опыт, надлежит поставить перед собой вопрос: стоило ли русскому народу отдавать свой исторически накопленный запас свободы и справедливости во имя этого обратного неравенства и этого порабощения? И далее, – другой, более радикальный вопрос: есть ли справедливость столь драгоценное благо в жизни народа, чтобы из-за призрака «новой, полной справедливости» приносить столь безмерные жертвы?.. Что же, человек живет на свете для того, чтобы установить «справедливый строй»? Или справедливый строй ему нужен для того, чтобы развязать и оплодотворить его высшие творческие силы? Что лучше и мудрее: временно терпеть несправедливый порядок во имя Родины или отдавать Родину на поток и разграбление во имя немедленной «прибавочной справедливости»? И кажется мне, что поставить этот вопрос – значит уже ответить на него. По крайней мере, русская история уже ответила на него и вписала свой ответ кровавыми буквами в историю человечества.

Справедливость есть существование и драгоценное начало в жизни народа. Но она не есть ни высшая, ни последняя ценность человеческого духа. Естественно желать своему народу справедливости для того, чтобы открыть свободную дорогу творчеству и качеству – честности, совести, уму, таланту, гению; но неестественно разжигать в своем народе завистливую химеру равенства, для того чтобы «погасить высшие способности» (Достоевский, «Бесы»); и столь же неестественно внушать своему народу, что до водворения «полной справедливости» нельзя ни жить, ни творить культуру (русские революционные партии). Ибо на самом деле вся культура человечества вплоть до наших дней создавалась при отсутствии «полной справедливости»; она создавалась благодаря предметному неравенству людей и притом именно творчеством «высших способностей»…

Человек живет на свете не для того, чтобы быть педантом справедливости, и не для того, чтобы требовать «немедленно» ее «полного» осуществления. Тысячу раз прав тот, кто, пренебрегая выпадающими на его долю несправедливостями, продолжает посильно служить Божьему Делу на земле. И, наоборот, не прав тот, кто прекращает свое служение (а может быть, – и свою жизнь) впредь до восстановления «причитающихся ему» справедливостей.

Для того чтобы народ творчески служил своей родине и своей национальной культуре, ему несомненно нужно и важно искать справедливость. Но так как «полная справедливость» – есть бесконечное задание (не более чем «регулятивная идея»), то все народы творили и будут творить свою духовную культуру – при отсутствии полной справедливости, т. е. в исторически данном нагромождении справедливости, полусправедливости и несправедливости. Мы не должны скрывать этого от нашего народа; напротив, мы должны открыть ему глаза на то, что «полную» справедливость надо самому искать и творить в течение всей своей жизни, а не требовать ее «немедленно» от других и что с этим надо раз навсегда примириться. Мы должны открыть ему глаза на то, что во имя немедленной «прибавочной справедливости» нельзя отдавать свое государство на поток и разграбление; что мы все должны быть готовы временно терпеть несправедливость во имя нашей родины, ибо прежде, чем наслаждаться «справедливой жизнью», надо обеспечить себе хоть какую-нибудь жизнь. Жизнь на земле невозможна без терпения, смирения и отречения. Эти три основы были заповеданы нам Евангелием. Коммунисты восстали против этих традиционных добродетелей как «реакционных» и «выгодных только буржуазии». И что же? Ни один исторический режим не возлагал на своих «подданных» такого бремени изнурительного терпения, вынужденного смирения и унизительного отречения, как коммунистический строй. То, что Евангелие раскрыло нам как добродетель и мудрость, как религиозное служение, – коммунисты возложили на нас в порядке каторжной покорности и притом без меры, без чести, без свободы и без духа – в виде публичной порочности и в форме политического пресмыкательства; и то, что в евангельском учении являлось добровольным самоограничением и в христианском обществе творило духовную культуру, – оказалось в коммунистическом порядке источником всеобщего культурного снижения и разрушения…

Именно поэтому строительство грядущей России должно исходить из следующих основных правил:

1. Справедливость драгоценна и необходима в жизни народа, но она отнюдь не есть высшая ценность жизни и последняя цель государства.

2. Справедливость нельзя смешивать с равенством, а требовать всеобщего уравнения – противоестественно и несправедливо.

3. Важней всего, чтобы правительство и народ искренно хотели справедливости и взаимно верили друг другу в том, что это хотение искренно и жизненно.

4. Надо, чтобы люди не ценили справедливость выше того, чего она стоит, и не задавались задачей «немедленно» добиваться «полной справедливости».

5. Надо воспитывать в народе христианское понимание справедливости, а именно – настойчивое искание ее для других и жертвенную щедрость в перенесении несправедливостей, выпадающих на собственную долю.

6. Надо воспитывать в народе государственно-патриотический дух, готовый во имя единого и общего блага Родины не настаивать на немедленном удовлетворении собственного справедливого интереса.

Только на этом пути восстановим Россию. Только этим укрепим ее.

Федерация в истории России

Чтобы найти для России верный и спасительный путь, русское политическое мышление должно прежде всего освободиться от формализма и доктринерства и стать почвенным, органическим и национально-историческим. Государственный строй не есть пустая и мертвая «форма»: он связан с жизнью народа, с его природою, климатом, с размерами страны, с ее историческими судьбами и – еще глубже – с его характером, с его религиозною верою, с укладом его чувства и воли, с его правосознанием, – словом, с тем, что составляет и определяет его «национальный акт». Государственный строй есть живой порядок, вырастающий из всех этих данных, по-своему выражающий и отражающий их, приспособленный к ним и неотрывный от них. Это не «одежда», которую народ может в любой момент сбросить, чтобы надеть другую; это есть скорее органически-прирожденное ему «строение тела», это его костяк, который несет его мускулы, его органы, его кровообращение и его кожу.

Люди, воображающие, что политический строй есть нечто отвлеченно выдумываемое и произвольно изменяемое, что его можно по усмотрению заимствовать или брать с «чужого плеча», что его стоит только «ввести», и все пойдет как по писаному, обнаруживают сущую политическую слепоту. Они напоминают ту сумасшедшую старушку, которая, живя на курорте, расспрашивала всех подряд, кто чем лечится, и все восклицала: «вам – это – помогает?! может быть, и мне – это – попробовать?!» Ответ ей мог быть один: «да, мне – это – помогает, но вас это может погубить!» Так и в политике… Ибо, поистине, неумно представлять себе государственную форму как самый нелепый из маскарадных костюмов («Бэбэ»), который одинаково можно напялить на мужчину и на женщину, на старого и на молодого, на рослого и на низенького, на толстого и на худого: все они одинаково «омаскарадятся» и «онелепятся»… Ни в медицине, ни в политике – нет всеисцеляющих средств и лекарств. У людей нет всеподходящих одежд. Нет единой, всеустрояющей государственной формы. Нет, и не будет!

Так, например, и перед революцией, и в эмиграции были наивные русские люди, которые непременно требовали для России «английской конституционной монархии»… Что же, если они могут превратить Россию – в небольшой остров с морским климатом и всемирным мореплаванием, с тысячелетним прошлым Великобритании, с английским характером, правосознанием, укладом чувства и воли, с английским темпераментом и уровнем образования, то их политическое требование станет осмысленным. А если они не могут произвести такое превращение, – тогда к чему беспочвенные мечты и праздные разговоры?!..

И так обстоит во всех вопросах политики. Так решается и проблема федеративного строя.

Люди, предлагающие для России федеративный строй на том основании, что он некоторым другим народам «помогает», обязаны прежде всего спросить себя: «а что повествует

об этом история самой России? Имеются ли хоть какие-нибудь данные для того, чтобы уповать на успех в этом деле?»

Внимательно изучая историю России, мы видим, что возможность установить федеративное единение была дана русскому народу четыре раза: 1. в Киевский период, до татарского нашествия (1000-1240); 2. в Суздальско-Московский период, под татарским игом (1240-1480); 3. в эпоху Смуты (1605-1613) и, наконец, 4. в 1917 году в период так называемой «февральской революции».

Установим же исторические факты.

1. В Киевский период в России, еще не разоренной татарами, культурно расцветающей и международно уважаемой, создание единого государства на основе договора облегчалось, по-видимому, тем, что князья состояли в близком кровном родстве друг с другом и числили свои княжества в общем нераздельном «династическом» владении. Казалось бы, что единство Руси, осознанное и выговоренное Владимиром Мономахом, так же как и напор тюркополовцев, длившийся почти два века, должны были бы привести князей к спасительному прочному единению. Однако для этого необходимо было правосознание крепкого и долгого «дыхания», которого на Руси не было. Его не было у князей, растравлявших свое честолюбие и властолюбие началом «родового старшинства» и личной конкуренцией при «передвижении» из города в город. Его не было у княжеских дружинников, нередко переходивших вместе с князьями из удела в удел и вовлекавшихся в их конкуренцию и вражду. Его не было у веча, представлявшего в государстве вообще центробежную силу и менявшего князей по своему настроению. Князья же не верили друг другу, интриговали, вели бесконечные усобицы и наводили на русскую землю то половцев, то поляков. Побуждения зависти, честолюбия и корысти преобладали. Начало договора на Руси было непрочно; русское правосознание толковало обязательства, вытекающие из договора – прекарно («мое слово, хочу дать, хочу назад возьму»). Все договаривались друг с другом на срок (князья в Любече – 1097 г., дружинники с князьями, вече с князем), т. е. впредь до измены, нередко замышляя самую измену в момент «ряда» (соглашения)… Достаточно, например, вспомнить, что князь Василько Ростиславич был оклеветан Давидом Игоревичем, изменнически захвачен Святополком Изяславичем и варварски ослеплен ими при самом возвращении их из Любеча, где все целовали крест на взаимную верность. К этому присоединялось: дробление Руси вместе с размножением рода; распад, свойственный всякому большому равнинному пространству; и то своеобразное славянское «упорство на своем», которое отмечали уже древние византийские писатели. Вот откуда эти мудрые обличения, произносимые стенающим тоном, которые мы находим в «Слове о Полку Игореве» (XII век):

«Усобица князем на поганые погибе: рекоста бо брат брату – се мое, а то мое же – … А князи сами на себе крамолу коваху; а погани сами победами нарищуще на русскую землю»…

Вследствие этого вторгшиеся монголы застали Русь в состоянии разброда и беспомощности. Князья-конкуренты оказались неспособными даже к стратегическому сговору, который мог бы дать в их распоряжение армию до 300000 воинов. Монголы били их порознь; геройство князей и их дружин погибало втуне; и участь России была решена на 250 лет… Федерация не удалась, а до унитарного государства было еще далеко.

Владимир Мономах (умер в 1125) еще надеялся на договорное объединение Руси. Но уже внуки его – Андрей Боголюбский (убит в 1175) и Всеволод Большое Гнездо (умер в 1212) утратили эту надежду. Они – ищут спасения в единодержавии; они ищут не дробления земли на «волости», а расширения своей, единой великокняжеской территории. Их поддерживает в этом простой народ (люди «меньшие», «мизинные») и духовенство, а бояре и промышленное купечество примыкают к партии распада. Таким образом, популярные в народе Мономаховичи впервые выговорили новое политическое слово: договорное начало не по силам Руси, в федерации нет спасения, надо искать спасения в единодержавии (унитарном начале)

* * *

2. В Суздальско-Московский период, под татарами (1240-1480), выяснилось, что князья не уразумели данного им исторического урока и не научились свободному, договорному единению. Они по-прежнему дробили уделы, вели между собой нескончаемые, жестокие

усобицы, доносили друг на друга в Золотую Орду, громили друг друга татарскими силами и обессиливали Русь политически и стратегически. Национальное чувство мельчало, национальное единство угасало, и начало государственной федерации снова проваливалось в России. «В продолжение 234 лет (1228-1462) северная Русь вынесла 90 внутренних усобиц», и «все влиятельное, мыслящее и благонамеренное в русском обществе» научилось ценить единодержавие московского князя (Ключевский, II, 56-57). Это единодержавие слагалось и крепло медленно, но неуклонно: очередь родового старшинства постепенно заменялась очередью прямого сыновства; княжество становилось личным достоянием князя, наследственно-потомственной вотчиной, которую он, как оседлый владелец, завещал своим детям по своему усмотрению; и, наконец, появилось стремление выдвигать удел старшего сына как главный и единодержавный.

Замечательно, что идея государственного единства России по-прежнему выдвигалась родом Мономаховичей. Пра-пра-внук Владимира Мономаха Александр Ярославич Невский служит ей словом, делом и мечом (умер 1263). Сын его, Даниил Александрович Московский, начинает единодержавное собирание Руси от лица Москвы.

Именно на этом пути Россия была спасена от татарского ига, объединена, замирена и возвеличена не федеративной, а унитарной и авторитарной государственностью. Договорное единство вторично не удалось русским. Славянская кровь тянула к индивидуализации; бесконечная равнина поощряла эту тягу; правосознание, питаясь религиозным чувством и неоформленным национальным чувством, обходилось совсем без традиций римского права и строгого волевого воспитания; мелко-государственная ячейка, как всегда и везде, разжигала личное честолюбие и властолюбие, и в результате всего этого биологическая особь настаивала на инстинктивной индивидуализации и не превращалась достаточно в гражданственную и морально дисциплинированную личность. Все эти черты не были преодолены и в дальнейшей истории России; и доныне они представляют главную трудность и опасность русской государственности. Ввиду этого – спасение надо было искать по-прежнему не в федерации, а в унитарной форме, т. е. в авторитетном единодержавии.

3. В Смутное время (1605-1613), когда страна распалась в анархии, подготовленной ломающими реформами Иоанна Грозного, когда грабеж и убийство стали повседневным явлением, когда люди теряли оседлость и работу, а вследствие этого и веру в честный труд, когда по Руси забродили самозванцы числом до пятнадцати, когда русская и польская чернь губила народ и государство, когда люди изворовались и измалодушествовались и площадь живого земледелия сократилась до одной двадцать третьей части прежнего размера – тогда было выдвинуто начало стратегического объединения от периферии, и притом именно северными городами. Однако не для того, чтобы погасить московское единодержавие и заменить его федерацией, а для того чтобы спасать Россию восстановлением авторитарной и унитарной монархии. Судьба первого ополчения, разложившегося от измены казаков, свидетельствовала по-прежнему о великой трудности даже патриотически-стратегического соглашения на Руси. Судьба второго ополчения, встретившегося под Москвой с той же своевольной изменой (ибо часть казаков ушла с Заруцким в Коломну, а другая часть все еще мечтала «всех ратных людей переграбить и от Москвы отженуть»…), свидетельствовала о том же. Русские люди еще раз убедились в том, что федерация им не дается и не дастся, и не надеялись на нее. Все помышляли о новом Царе: одни о Владиславе польском, другие о его отце Сигизмунде, третьи о Филиппе шведском, иные даже о Габсбургах, иные – о «Маринкином воронке», иные же и, притом лучшие, о русском «прирожденном» Государе… Но всем предносилась единая и не федеративная Русь. Итак, на Земском Соборе 1613 года обсуждался не вопрос о способе спасительного единения, а о лице, способном править Россией единодержавно.

4. И снова настало на Руси «смутное время» в 1917 году. Под прикрытием Временного правительства, сводившего государственную власть к «воззваниям» и «уговорам» и упорно избегавшего всяких принудительных мер, в России разразилась анархия – политическая, военная, хозяйственно-организационная и уголовно-преступная. Освобожденный Государем и его Наследником от монархической присяги, поощряемый безвластием Временного

правительства и соблазняемый пропагандой левых партий, народ «понес Русь розно», подготовляя окончательный развал русского государства. Национальная трагедия привела к тому, что трезвые патриотические силы, боровшиеся единомысленно за государственное единство России, были вынуждены удалиться на окраины, чтобы вести борьбу с революционной анархией от периферии к центру; центральная же позиция была захвачена революционной диктатурой, которая и водворила постепенно в стране – «единство», но единство антинациональное и противогосударственное, единство без Родины, вне права, вне свободы, единство террора и рабства, с тем чтобы наименовать эту унитарную тиранию – «федеративным» государством и тем надругаться сразу и над федеративной, и над унитарной формой государственности…

Таким образом, анархия в четвертый раз погубила федеративное начало в истории России.

Надо быть совсем близоруким и политически наивным человеком для того, чтобы воображать, будто эта исторически доказанная тысячелетняя неспособность русского народа к федерации сменилась ныне в результате долгих унижений и глубокой деморализации – искусством строить малые государства, лояльно повиноваться законам, блюсти вечные договоры и преодолевать политические разномыслия во имя общего блага. На самом деле имеются все основания для того, чтобы предвидеть обратное.

(Редакция рекомендует читателям самостоятельно удостовериться в подлинности указанных в этой статье исторических фактов. – Прим. составителей первого издания этой книги – И. С.)

О русском национальном самостоянии

Современные поколения русских людей проходят через трудную историческую школу, которая должна освободить их от всяких политических и национальных иллюзий и открыть им глаза на своеобразие русского народа, на драгоценную самобытность его культуры, на его государственные задания и на его врагов. Довольно слепоты, наивности и легковерия! Тот, кто любит Россию, обязан зорко наблюдать, предметно мыслить и делать выводы. Только тогда ниспосланные нам уроки не пропадут даром.

Живя в дореволюционной России, никто из нас не учитывал, до какой степени организованное общественное мнение Запада настроено против России и против Православной Церкви. Мы посещали Западную Европу, изучали ее культуру, общались с представителями ее науки, ее религии, ее политики и наивно предполагали у них то же самое дружелюбное благодушие в отношении к нам, с которым мы обращаемся к ним; а они наблюдали нас, не понимая нас и оставляя про себя свои мысли и намерения. Мы, конечно, читали у прозорливого и мудрого Н.Я. Данилевского («Россия и Европа», с. 50) эти предупреждающие, точные слова: «Европа не знает (нас), потому что не хочет знать; или, лучше сказать, знает так, как знать хочет, – то есть, как соответствует ее предвзятым мнениям, страстям, гордости, ненависти и презрению» (добавим только еще: и ее властолюбивым намерениям). Мы читали и думали: «Неужели это правда? Но ведь у нас есть союзники в Европе? Ведь Европа считается с голосом русского Правительства и даже заискивает перед Россией! Не все же люди там заражены ненавистью… Да и за что же им нас ненавидеть?!»

Ныне мы обязаны точно ответить себе на все эти вопросы. Данилевский был прав. Западные народы боятся нашего числа, нашего пространства, нашего единства, нашей возрастающей мощи (пока она действительно вырастает), нашего душевно-духовного уклада, нашей веры и церкви, наших намерений, нашего хозяйства и нашей армии. Они боятся нас и для самоуспокоения внушают себе – при помощи газет, книг, проповедей и речей, конфессиональной, дипломатической и военной разведки, закулисных и салонных нашептов, – что русский народ есть народ варварский, тупой, ничтожный, привыкший к рабству и деспотизму, к бесправию и жестокости, что религиозность его состоит из темного суеверия и пустых обрядов; что чиновничество его отличается повальной продажностью; что войну с ним всегда можно выиграть посредством подкупа; что его можно легко вызвать на революцию и заразить реформацией – и тогда расчленить, чтобы подмять, и подмять, чтобы переделать по-

своему, навязав ему свою черствую рассудочность, свою «веру» и свою государственную форму.

Русские эмигранты, любящие Россию и верные ей, не пропадающие по чужим исповеданиям и не служащие в иностранных разведках, обязаны знать все это, следить за той презрительной ненавистью и за вынашиваемыми планами; они не имеют ни оснований, ни права ждать спасения от Запада – ни от «Пилсудского», ни от «Гитлера», ни от Ватикана, ни от «Эйзенхауэра», ни от мировой закулисы. У России нет в мире искренних доброжелателей. Русский народ может надеяться только на Бога и на себя. Русский народ может освободиться только сам: в медленной муке перетерпеть большевисткое иго; привить национальную русскость партийной периферии; укрепить свои духовные силы в катакомбном Православии и медленно, но неуклонно расшатывать советчину, ее бюрократию и ее террористический зажим; и затем – выждать благоприятную мировую конъюнктуру, сбросить гипноз коммунистической дьявольщины и возвратиться на свой исторический путь. А мы, рассеянные повсюду русские патриоты, должны понять это, выговорить это самим себе и, помогая изо всех сил этому внутреннему процессу, готовиться к этому историческому часу, чтобы вовремя поспешить на помощь нашему народу – с твердою верою в Бога, с новыми творческими идеями, с продуманными планами, со всею волевою энергией, которая потребуется тогда от русского человека.

Русский народ освободится и возродится только самостоянием, и каждый из нас (независимо от возраста и поколения) будет ему тем нужнее, чем больше ему удастся соблюсти в эмиграции свою самостоятельность, свой независимый взгляд, свою энергию, свою духовную «непроданность» и «незаложенность». Знаем мы, что есть люди, думающие и действующие иначе, все время пытающиеся «привязать свой челнок к корме большого корабля»: примазаться то к «Пилсудскому», то к «Гитлеру», то к Ватикану, то к мировой закулисе. И, зная это, предупреждаем их: пути их антинациональны, духовно фальшивы и исторически безнадежны. Если их «поддержат», то только на определенном условии: служить не России, а интересам поддерживателя; считаться не с русским национальным благом, а с программою деньгодателя. Им, может быть, и помогут – но не спасать и строить Россию, а действовать в ней по указанию чужого штаба или чужого правительства; иными словами, им помогут приобрести звание иноземных агентов и русских предателей и заслужить навеки презрение русского народа.

Неужели нам надо вспоминать историю этих тридцати лет? Историю о том, как русские белые армии были покинуты французами на юге, англичанами на севере и чехословаками в Сибири; историю о том, как Пилсудский отнесся к Деникину и Врангелю; как барон Мальцан договорился с Советами в Рапалло; как Ллойд-Джордж поспешил начать торговлю с «людоедами», а германский рейхсканцлер Вирт инвестировал капиталы Ватикана в лесной концессии на русском Севере; как в Москве Брокдорф-Ранцау по ночам развлекался с Чичериным музыкой и еще кое-чем; как патер (а потом прелат) Мишель д'Эрбиньи дважды (1926 и 1928) ездил в Москву для заключения «конкордата» с заведомым для него сатаною и, возвращаясь, печатал мерзости о русском народе и о Православной Церкви… Неужели все это и многое, многое другое забыто?

Было бы необычайно интересно прочитать честно написанные воспоминания тех русских патриотов, которые пытались «работать» с Гитлером: встретили ли они понимание «русской проблемы»? сочувствие к страданиям русского народа? согласие освободить и возродить Россию, хотя бы на условиях «вечной германо-русской дружбы»? И еще: когда же им удалось рассмотреть, что их нагло проводят? Когда они догадались, что ни иностранная политика (вообще!), ни война (вообще!) – не ведутся из-за чужих интересов? Когда у каждого из них пришел тот момент, что он, ударив себя кулаком по голове, назвал себя «политическим слепцом, замешавшимся в грязную историю», или еще «наивным оруженосцем у русского национального врага?»..

Мы годами наблюдаем все подобные попытки русских эмигрантов и все вновь и вновь спрашиваем себя: из каких облаков упали эти обыватели на землю? откуда у них эти сентиментальные мечты о «бескорыстии» международной политики и о «мудрости» иностранных штабов? откуда у них эта уверенность, что именно им удастся «уговорить» и

повести за собой такой-то (все равно какой!) сплоченный иностранный центр с его предвзятыми решениями, а не он их разыграет и использует как забеглых полупредателей? Сколько их было, таких затей! Затевали, надеялись, рассчитывали, писали, подавали, «стряпали», шептались и хвастались успехами… И что вышло из всего этого?..

Но были и более «умные»: эти скоро догадывались, что русский патриотизм не обещает успеха, что надо идти на сепаратизм и расчленение России. На наших глазах один такой «деятель» изобрел идею «туранского национального меньшинства, угнетаемого русским деспотизмом и жаждущего принять католическую веру»; и вот ему уже устроили выступление перед членами венгерского парламента, которым он излагал свои «проекты», и он уже получил венгерский орден… А потом? Потом – он умер, а Венгрия подпала сначала Гитлеру, а потом Сталину. А в это время группа эмигрантских сепаратистов шепталась с немцами об «освобождении» (?!). Украины и создавала в Берлине мощный центр сепаратистской и антирусской пропаганды, пока Гитлер не разогнал их за ненадобностью. И тут же, на наших глазах, русские эмигранты вливались в мировую закулису, надеясь привить ей понимание и сочувствие к России, и сходили со сцены: одни, гласно объявив, что наткнулись на требование слепого повиновения и на твердокаменную вражду к национальной России, другие, добровольно исчезая за железным занавесом, третьи, сдавая свои позиции и заканчивая свою жизнь на кладбище.

Шли годы, закончились конвульсии второй мировой войны. И вот опять начались те же попытки «привязать свой челнок к корме большого корабля», заранее солидаризируясь с его курсом и направлением. И опять спрашиваешь себя: что же это такое – все та же ребяческая наивность или гораздо хуже?! Ибо, по существу, никто из иностранцев нисколько не прозрел, ни в чем не передумал, никак не изменил своего отношения к национальной России и не вылечился от своего презрения и властолюбия. И те из нас, которые имеют возможность следить за мировым общественным мнением, с тревогой предвидят в будущем все то же движение по тем же рельсам, ведущим западных политиков в тупик прежних ошибок.

Нет, Россия спасается только самостоянием, и нам всем надо блюсти свою полную духовную независимость!

Партийное строение государства

Казалось бы, что может быть естественнее и драгоценнее в свободном государстве как не свободное образование партий? Свободные граждане ищут себе единомышленников, находят их, организуются и выставляют на выборах своих кандидатов! Ведь это входит в самую сущность демократии!.. Нет этого – и демократия гибнет… Не так ли?

Однако история последних десятилетий показала, что демократия разваливается именно вследствие ее партийного строения. Если образование партий свободно, то кто же может помешать людям организовать партию, требующую для себя монополии? Не предотвратили этого в России; не помешали этому в Италии; не сумели противостать этому в Германии, в Австрии, в Польше, в Латвии, в Эстонии, в Испании и Португалии. А ныне в Югославии, в Венгрии, в Чехии, в Румынии, в Болгарии и в Китае… А разве Англия при социалистическом правительстве запретила у себя англофашизм? А куда тяготеет ход дел в государствах Южной Америки, где партии вот уже полтораста лет заняты гражданской войной и ныне только и думают о том, чтобы удачно воспроизвести европейские «уроки»? Не в самой ли партийной демократии заложены те начала, которые губят ее, открывая двери то правому, то левому тоталитаризму?!..

Мы понимаем, что сторонники партийной свободы охотно замалчивают это вырождение демократии через партийность, эту антидемократическую эпидемию, захватившую современные демократические государства: им все кажется, что это целый ряд «несчастных случаев» или «возмутительных злоупотреблений», о которых «в порядочном обществе» лучше совсем не упоминать, наподобие того, как в доме повешенного не говорят о веревке. Они боятся выговорить, что современные демократии гибнут и разлагаются именно от партийного строения и от доктринерского либерализма. Боятся и не умеют бороться. А мы попытаемся извлечь из уроков истории ответственные выводы.

Партия есть союз граждан, сорганизовавшихся для того, чтобы захватить государственную власть в свои руки. К этому стремятся все партии – и демократические и антидемократические. Различие между ними в том, что демократы считают нужным соблюдать правила …конституции, а антидемократы склонны пренебрегать ими. Среди этих правил есть писанные и неписанные (традиционные, «само собою подразумевающиеся»), соблюдать все – значит «вести честную игру» (по-английски – «фер плей»). Такая игра является, конечно, редким исключением. Так, демагогические обещания, партийное кумовство, непрозрачное или просто темное финансирование, инсинуации против честных людей чужой партии при покрывании собственных безобразий, лишение противников свободного слова в собраниях и все махинации мировой закулисы – никак не составляют «честной» игры, но практикуются более или менее везде в демократических государствах. И вот, демократические партии рвутся к захвату власти позволенными и полупозволенными путями, а антидемократические – позволенными и непозволенными средствами. Первые – с тем чтобы спустя некоторое время возобновить «игру», т. е. борьбу, а вторые – с тем чтобы уничтожить другие партии и оставить власть за собою «навсегда» (что им, конечно, не удастся).

Само собой разумеется, что тоталитарные партии не заслуживают ни малейшего сочувствия: мы вдоволь нагляделись, как и из кого они слагаются и куда они ведут. Однако теперь нам надо «взять под лупу» не только тоталитарные партии, но идею партии как таковую – принцип партийности вообще.

Политическая партия есть всегда часть целого, малая часть всех граждан, и только; и она сама знает это, потому и называет себя «партией» (от латинского слова «парс» – часть). Но посягает она на гораздо большее, на целое, на власть в государстве, на захват ее. Она стремится навязать государству свою частную (партийную) программу всю целиком, вопреки сочувствию и желанию всех остальных граждан, которые или совсем не высказались (25 проц. абсентеизма на выборах!), или же высказались не в ее пользу. В силу одного этого каждая партия представляет из себя меньшинство, навязывающее свою волю большинству. И в силу одного этого всякий демократический строй должен был бы допускать только одни коалиционные правительства, которые и должны были бы находить спасительный компромисс между партиями («частями»), для того чтобы представлять Целое. Но история показывает, что при современном, страстном и распаленном духе партийности – такой сговор достигается лишь с большим трудом: партии не желают друг друга. Таким образом, партийный строй разжигает честолюбие и партийное соревнование и «части» оттесняют друг друга от власти. В лучшем случае из этого возникают вредоносные для государства «качели»: правее, левее, правее, левее – независимо от подлинного государственного дела. Коренник топчется на месте, пристяжные по очереди срывают экипаж в свою ближайшую канаву, кучера нет, или он растерянно бездействует, а едущие пассажиры с тревогой следят за своевольными пристяжными и ждут своей судьбы…

При этом считается, будто победившая партия получила «большинство» голосов на выборах. Какое же это «большинство»? В лучшем случае – большинство поданных голосов, и притом совсем не всегда – абсолютное большинство оных (больше половины), а иногда и относительное большинство (т. е. больше, чем у других партий). Но редко бывает, чтобы в выборах участвовало больше 75% избирателей; а бывает, что число голосовавших падает и до 60, и до 55% всех, имеющих право голоса. Тогда власть может захватить партия, получившая от 38 до 28% всех избирателей, а может быть, и менее того. И это формально-фиктивное «большинство», т. е. заведомое меньшинство, претендует на государственную власть; а в некоторых государствах (Румыния) ему «в виде премии» приписывается на бумаге еще 10-20% голосов («мертвых душ»).

Но если бы даже какая-нибудь партия получила 51-60% голосов всех избирателей, то это «большинство» слагается обычно, даже в самых старых и почтенных демократиях, совсем не из сознательных и убежденных сторонников ее. Статистика выборов давно уже отметила, что дело решается непартийной, колеблющейся, «плавучей» массой, которая не связана с партийной программой, а голосует «по настроению». Так, в Англии – победу всегда дает «полая вода» общественного настроения: то она хлынет направо и завертятся колеса консервативной

мельницы; то – налево и запрыгают жернова все перемалывающего социализма. Не поучительно ли, что, например, в Швейцарии из 100% избирателей – только 14% имеют партийную принадлежность, а 86% голосуют «по настроению». И партийные комитеты во всех странах знают это и потому заводят «рыболовную сеть» как можно дальше и шире, чтобы партийно злоупотребить непартийными голосами.

Так, «большинство» голосов добывается напором («агитацией») и случаем, властолюбием и демагогией; и как часто оно складывается в силу самых нелепых и нелояльных оснований. Одни поверили демагогическим, почти всегда неисполнимым и невыполняемым обещаниям; другие были подкуплены – перед избирательным помещением прямо выдавались чеки (см. исследование Брайса); третьи голосовали сослепу, по недоразумению или от бестолковости; четвертые потому, что предпочитали «меньшее из зол»; пятые были застращены; шестые поддались массовому психозу и т. д.

«Это, – скажут нам, – безразлично: он подал бюллетень за нашу партию, а остальное нас не касается… Мы не можем разбирать, почему он голосовал так, а не иначе: от страха, из-за личной выгоды, по убеждению, вследствие невежества или от глупости. И какое нам дело до его правосознания? Важен бюллетень в урне, а не правосознание голосующего»…

И вот – эти-то бреши в живом правосознании и были подмечены и употреблены во зло тоталитарными партиями: если правосознание голосующего безразлично – то почему же не построить выборы на сплошной глупости, лжи, трусости, продажности и порочной демагогии?..

Но если даже условно «забыть» это все и, сделав глупо-почтительное лицо, согласиться, что такая-то партия «действительно» получила на выборах «боль-шин-ство», то останется еще решить самый глубокий и ответственный вопрос: разве большинство (самое арифметически точное! самое лояльное!) есть действительно критерий государственной доброкачественности? Разве правота, достоинство, полезность, государственность программы – решается количеством? Разве история не знает таких примеров, когда народ голосовал за тиранов, за авантюристов, за тоталитарные партии, за изгнание лучших людей (Аристид), за смертную казнь для праведника (за смертный приговор Сократу было подано 360 голосов из 500)? Конечно, кто-нибудь может стать на ту точку зрения, что «большинство голосов есть мера добра и зла», «пользы и вреда», «здоровья и болезни», «спасения и гибели»; но вряд ли можно будет признать это воззрение самым умным, вдумчивым и глубоким. Мы спросим себя, как русские: не меньшинство ли в стране дало России реформу Петра Великого, освобождение крестьян, земское самоуправление и земельную реформу Столыпина? и не большинством ли голосов было избрано в 1917 году погибельной памяти «Учредительное собрание»?

С нас пока довольно! Партийный принцип переживает в современных государствах великий и глубокий кризис. Он сводит политику к количеству и к условным формальностям. Он пренебрегает живым правосознанием, расщепляет государство и растит в народе дух гражданской войны. Мало того: он подготовляет крушение для взлелеявшей его формальной демократии. Мы не сомневаемся в том, что человечество рано или поздно вынуждено будет искать новых путей и решений; и чем скорее начнется это искание, тем лучше.

Но к этому вопросу нам надо будет еще вернуться.

Неравная борьба

В мире ведется борьба – между мировым коммунистическим центром и всеми остальными, доселе еще не порабощенными им народами и государствами. Эта борьба слагается при неравных условиях и ведется в неравных формах; и именно потому она затягивается и исход ее не поддается еще уверенному предвидению. Русские антикоммунисты поняли это давно, с самого начала, и сделали все возможное, чтобы объяснить это руководящим народам мира. Им упорно не верили; не верили до тех пор, пока не начались «предметные уроки». Тогда заколебались и начали медленно догадываться о том, что происходит в действительности. Догадывались неохотно, отвертывались, шептались, перетолковывали, сомневались и не додумывали до конца. Это относится не только к политикам малого калибра и ума, как деятели «Второго Интернационала», но и к таким крупным умам, как Муссолини и Черчилль; ибо и они не додумывали основных предпосылок нашей эпохи и именно поэтому

срывались: Муссолини – в несвоевременные войны, Черчиль – в гибельные соглашения и уступки (Тегеран, Ялта, Потсдам).

По мере того как предметные уроки «раскрывали» близорукие или спящие глаза и люди «просыпались» к действительности, они упирались в западную политическую традицию и доктрину, поддерживаемую массовой психологией, и становились в тупик. Из этого тупика они не вышли и доселе; многие и доселе не понимают, что в тупике нельзя оставаться; и первый проблеск понимания обнаруживается разве лишь в том, что ныне «собираются» признать новую Испанию, созданную генералом Каудильо Франко.

Но борьба по-прежнему остается неравною – вследствие близорукости, в силу государственной традиции, политической доктрины и массовой психологии. Это неравенство – в пользу коммунистического центра. Он имеет целый ряд преимуществ. Однако это не превосходство ценности или достоинства, ибо таковых у него нет; это преимущество целесообразности в борьбе; это преобладания «стратегические» и «тактические». Еще точнее: это преобладание зоркого над близоруким, беззастенчивого над наивным, гангстера над обывателем.

Установим это по пунктам.

1. Мировой коммунистический центр (Коминтерн во главе со своим тираном) есть организованное, силовое, единство; он ведет борьбу деспотическими приказами, передающимися по всей Вселенной. А это составляет огромное организационное преимущество в борьбе. Его противники, преобладая в числе, в территории и (потенциально) в технике, выступают в виде неорганизованного, разбросанного, несогласованного множества. Здесь возможен только сговор (который не удается) и стратегическое «федерирование» (которое всегда грозит несогласием и распадом). История войн показывает, что такие рыхлые коалиции бывают нередко расколоты и биты по частям.

2. Коминтерн есть диктатура, последовательная и свирепая, с длинною, казнящею рукою (напр., Димитров). Его противники ведут свое дело при помощи заседаний, обсуждений и голосований. Они принципиально дорожат свободной пропагандой, идеею «большинства» и правилами парламентарной демократии. Древние римляне воевали всегда диктаториально. Эйзенхауэр недавно формулировал: «демократия никогда не бывает готова к войне». А эта война ведется уже давно.

3. Итак, злой и напряженной воле Коминтерна противостоит многоволие, а нередко и просто безволие в остальном мире. Многоволие и безволие погубили Китай и грозят Индии. Они обнаруживаются и в других странах Европы и Америки. Они ведут повсюду к колебаниям, к нерешительности, противоборству и вечной готовности пересматривать и перерешать все, кое-как уже решенные вопросы.

4. Злая воля Коминтерна отлично знает, чего она хочет: у нее есть единая, отвратительная, но совершенно определенная программа. Противоположная сторона не умеет противопоставить этой отвратительной программе ничего определенного, что могло бы зажечь надеждою сердца народов, вдохновить интеллигенцию и сплотить политические силы. Здесь все расплывчато, неустойчиво, неопределенно и противоречиво, кроме социалистической программы, которая пытается наскоро предвосхитить и в смягченном виде осуществить все тот же кошмар коммунизма.

5. Коминтерн несет народам открытую проповедь социальной зависти и мести; он поднимает в мире бурю ненависти, взывает к хаосу, разлагает мораль, разжигает все дурные страсти человека, чтобы влить их энергию в свое дело, а затем подмять и поработить душевно разложившиеся в этом кипении массы. Этому противопоставляются, с другой стороны, великие, но психологически побледневшие и поколебленные идеи – любви, мира и социальной, справедливости; идеи, программно никак не воплощенные и на каждом шагу попираемые.

6. Итак, Коминтерн толкает народы по линии наименьшего сопротивления, неистово поощряя разрушение исторически унаследованной духовной культуры. Противники его уговаривают массы стараться идти по линии наибольшего сопротивления: по пути полуутраченной религиозной веры, добровольной дисциплины, для коей не хватает доброй

воли опостылевшего долга и социально не выкристаллизовавшейся свободы. А разрушать гораздо легче, чем, строить.

7. Коминтерн делает ставку на озлобленного бедняка, на ожесточившегося нищего, на неверующего слепца, на честолюбивого предателя, на аморального властолюбца, на салонного фантазера и на всех «попутчиков» (хотя бы самых краткосрочных). Противники его делают ставку на колеблющийся здоровый инстинкт массы; не разлагающееся от войн и от пропаганды правосознание народов; на «порядочного человека», который давно уже не тверд ни в вере, ни в морали, и на, увы, столь редких людей героической убежденности.

8. Коминтерн не дорожит своей международной репутацией; он презирает все начала морали, лояльности и корректности; для него «хороши» все подходящие средства; а изобличения во лжи и преступлении ему безразличны. Страны другого лагеря дорожат своей репутацией и хотят блюсти начала корректности и лояльности. В этой борьбе нет «арбитра» и «дисквалификации», и правительства демократических стран вечно забывают, что они должны быть готовы ко всему, даже к самому неслыханному и невероятному.

9. Коминтерн последователен: ему нужны худшие люди и рабы; поэтому он систематически истребляет лучших и свободолюбивых людей. Противники его обеспечивают свободу и безнаказанность именно худшим людям (коммунистам) на том основании, что те прикрываются «политическим мировоззрением» и принадлежностью к «политической партии».

10. Коминтерн ведет нападение: хищный напор, непрерывное наступление. Противники его ведут слабую и расхлябанную оборону, отступая, негодуя и сдавая позицию за позицией. Рассчитывают ли они на «истощение» нападающего? Или, может быть, на восстание русского народа? Не просчитаются ли?

11. Коминтерн засел в стратегической крепости, территорию которой он все время расширяет то на Западе, то на Дальнем Востоке. «Сила» его в том, что крепость его имеет почти все данные для хозяйственной и аммуниционной автаркии; и еще в том, что вымирание гарнизона ему «не страшно». Оборона его есть, в сущности, активное нападение: вылазка следует за вылазкой, вражеский стан наводняется агентурой и заражается духовною чумою. Противники же его никакой осады, в сущности, не ведут. Они топчутся на пограничной линии, кое-как отбивают вылазки, ловят и высылают назад в крепость вражьих агентов и все грозят «рассердиться». А когда начинают сердиться, то разражаются упреками и обличениями…

12. Коминтерн «невидим» в своей крепости: железный занавес закрывает к нему доступ; террор и зоркая слежка внутри, конспирация вовне закрепляют его «невидимость». Наоборот, страны, враждебные ему, отличаются полной доступностью: их правительства впускают враждебных дипломатов и военных представителей, советских торговых агентов, спортсменов, журналистов и «доверяют» им; они знают, что туземные коммунисты обслуживают этих агентов, печатают об этом статьи и… не мешают. Поэтому эти страны инфильтрированы – от рабочих союзов до радиоговорилен, от фильмовых центров до министерств иностранных дел (срв. сенсационные процессы в Соединенных Штатах). Они живут под коммунистической лупой, в потоках коммунистической пропаганды и дорожат советскими заказами.

13. Коминтерн тонет во мраке. Он окружен угрожающей тайной; его «ученые» и его «парламентарии» молчат как рыбы (и притом, как дохлые рыбы); его пресса построена на конспирации. В странах противоположного лагеря царит болтовня: их парламентарии, ученые и пресса «информируют» Вселенную и разглагольствуют обо всем, о чем необходимо молчать (вплоть до атомных секретов).

14. Коминтерн ведет тайную дипломатию, дипломатию подрыва, раскола, неожиданностей и «совершившихся фактов». Страны противоположного лагеря отрекаются от тайной дипломатии, считая ее проявлением «антидемократическим» и потому зазорным. В кулуары и в газеты выносится все: все политические слухи, сплетни, тайны, до «сора из избы» включительно. Публикуются даже такие соображения: «мы опасаемся, как бы наш миролюбивый жест не был принят за проявление слабости».

15. Коминтерн особенно блюдет свои стратегические тайны. Противоположная сторона все время публикует подробности – о числе своих войск, об их вооружении, о количестве

военных кораблей и бомбовозов, и даже о местонахождении своих укреплений, военных заводов, радарных станций и атомных мастерских.

16. Коминтерн стремится «разделять и повелевать»; для этого он раскачивает восстания в «колониях», чтобы обеспечить себе их изолированность, беззащитность и легкое порабощение. Державы другого лагеря тревожно цепляются за свои отпадающие колонии, пытаются предотвратить их отпадение, делают вынужденные и поздние уступки – и в конце концов сдают их на волю судьбы и Коминтерна.

Таково психологическое, политическое и стратегическое положение этой мировой борьбы. Но это совсем не значит, что мировая победа обеспечена коммунистами.

Техническое преобладание Соединенных Штатов не подлежит сомнению. Коминтерн знает это и старается не доводить дела до новой мировой войны: он желает мировой революции, а не атомных и водородных бомб. А между тем прорыв железного занавеса (1941-1946) и отодвижение его на запад (1946-1950) имели огромное значение: с одной стороны, русский народ, замаринованный в советской лжи, узнал правду о «внешнем мире»; с другой стороны, для «внешнего мира» обнажилась живая трагедия русского народа. События в Греции окончательно разоблачили тактику Коминтерна. События в оккупированных странах Европы подтвердили его политическую программу. Коминтерн «проболтался» на всю Европу и Америку. Удары по азиатским народам (китайцам и корейцам) довершили картину. Предметные уроки приносят пользу: массы медленно прозревают; руководители мировой закулисы объяты тревогой.

Кто хочет «поглотить все» – неминуемо «подавится» и «лопнет». Чем больше захваченная территория, тем тоньше становится слой коммунистической оккупации и агентуры (стратегическая ошибка Гитлера в России!). Время идет, одержимая и вышколенная коммунистическая элита «выматывается», редеет, и сил у нее не хватает. Поэтому время и пространство работают против Коминтерна.

А внутри России идут свои процессы, медленно «перетирающие» головку Коминтерна, давно уже заряженную взаимной ненавистью не на живот, а на смерть. И в русском народе медленно, но неотвратимо зреет национальная реакция на долгие годы страданий и унижений.

Основная задача грядущей России

Нам не надо предвидеть грядущего хода событий. Мы не знаем, когда и в каком порядке будет прекращена коммунистическая революция в России. Но мы знаем и понимаем, в чем будет состоять основная задача русского национального спасения и строительства после революции: она будет состоять в выделении кверху лучших людей, –людей, преданных России, национально чувствующих, государственно мыслящих, волевых, идейно творческих, несущих народу не месть и не распад, а дух освобождения, справедливости и сверхклассового единения. Если отбор этих новых русских людей удастся и совершится быстро, то Россия восстановится и возродится в течение нескольких лет; если же нет – то Россия перейдет из революционных бедствий в долгий период послереволюционной деморализации, всяческого распада и международной зависимости.

Всякое государство организуется и строится своим ведущим слоем, живым отбором своих правящих сил. Всегда и всюду правит меньшинство: в самой полной и последовательной демократии – большинство не правит, а только выделяет свою «элиту» и дает ей общие, направляющие указания. И вот судьбы государств определяются качеством ведущего слоя: успехи государства суть его успехи; политические неудачи и беды и беды народа свидетельствуют о его неудовлетворительности или прямо о его несостоятельности, – может быть о его безволии, безыдейности, близорукости, а может быть, о его порочности и продажности. Такова судьба всех народов: они расплачиваются унижениями и страданиями за недостатки своего ведущего слоя. Однако эти унижения и страдания являются не только тягостными последствиями совершенных ошибок или преступлений; они являются в то же время подготовкой будущего, школой для новой элиты; они длятся лишь до тех пор, пока эта новая национальная элита не окрепнет религиозно, нравственно и государственно. В этом – смысл исторических провалов, подобных русской коммунистической революции: в страданиях рождается и закаляется новый дух, который в дальнейшем поведет страну.

Это зарождение и закаление нового духа происходит ныне в России вот уже тридцать с лишним лет. Оно совершается негласно, в подспудном молчании. Мы можем быть твердо уверены, что русские сердца не разлюбили Россию и не разучились верить, но научились верно видеть зло и злобу, научились ценить свою историю, научились и еще учатся келейной молитве и зрелым волевым решениям. Этот процесс начался еще в первые годы революции, и многие из нас участвовали в нем и наблюдали его. Ныне русскому народу, как еще никогда ни одному другому, дана была в историческом опыте злая государственная власть, – дана была очевидность лжи, пошлости и насилия, жестокости и порабощения. И все это – при длительной неосуществимости протеста, при невозможности достойно ответить на недостойное и возмутительное. Это скопление злого опыта, это нарастание негодования и страха – ставило всякую живую душу перед выбором: или согнуться, приспособиться и примириться с происходящим, стать «ловчилой» и заглушить в себе веру и совесть; или же выработать защитную маску условной «лояльности» и уйти в духовную катакомбу. В этой духовной катакомбе люди научились сосредоточиваться на главном и пренебрегать неглавным в жизни: они научились зажигать незримую врагам лампаду и творить при ее свете новую подспудную культуру; они научились молиться по-новому и любить по-новому и внутренне, беззвучным шепотом, произносить клятвы служения и верности. Они духовно обновлялись.

В первые годы большинство русских людей колебалось между этими двумя возможностями: между духовным разложением и обновлением. Но некоторое, не поддающееся учету меньшинство вступило на этот путь сразу. Возможно, что немногие из них пережили эти мучительные десятилетия, и что немногие доживут до возрождения России. Но они могут быть – уверены в том, что ни одно усилие их, ни один вздох не пропали бесплодно. Задача их состояла в том, чтобы заткать немедленно – во всем этом крушении и вопреки всему этому распаду – ткань новой России и постепенно вовлекать в эту ткань все новых и новых людей. Они могли быть уверены, что данная русскому народу очевидность зла будет непрестанно пополнять их ряды, медленно, но верно увеличивая число обновляющихся. В этом был смысл того исповедничества и мученичества, на которое шли с самого начала лучшие люди России, принимавшие гонение, аресты, суд, ссылку, медленное умирание и расстрел. Они понимали, что они призваны противостать и стоять до конца; что одним своим с виду обреченным и безнадежным «стоянием» они делают главное и необходимое: служат той России, в которую надо верить, которая ныне выстрадывает себе духовную свободу и, не поддаваясь соблазнам, ищет христианского братства и справедливости. Так священномученики строили Православную Церковь, а политические герои – гражданственную природу России *. Они совершили свое дело и достигли многого. И если мы читаем в советских газетах признания, что в высшие учебные заведения «пошла верующая молодежь», что в советской России священники «увлекают наиболее живые умы» и что «нынешние верующие совсем другие люди по сравнению с тем, что представляли они собою в начале революции»; если мы видим, что половина российского населения, несмотря на двадцатилетние гонения, открыто причислила себя по переписи к верующим, – то мы должны воздать должное подвигу русского героического меньшинства. Отсюда пойдет возрождение России, ибо здесь скрыт живой источник нового качества.

* См. предсмертное письмо расстрелянного большевиками Митрополита Петербургского Вениамина (цитировано у Митрополита Анастасия в Сборнике избранных сочинений, 1948, «Похвальное слово новым священномученикам Русской Церкви»). См. также в трудах Протопресвитера Михаила Польского: «Положение Церкви в Советской России» и «Новые мученики российские», (прим. составителей первого издания этой книги – И. С.).

Причины русской революции многосложны и глубоки; о них будут написаны впоследствии целые исследования. Но если перевести их язык духовного качества, то можно сказать следующее.

Россия перед революцией оскудела не духовностью и не добротою, а силою духа и добра. В России было множество хороших и добрых людей; но хорошим людям не хватало характера, а у добрых людей было мало воли и решимости. В России было немало людей чести и честности; но они были рассеяны, не спаяны друг с другом, не организованы. Духовная

культура в России росла и множилась: крепла наука, цвели искусства, намечалось и зрело обновление Церкви. Но не было во всем этом действенной силы, верной идеи, уверенного и зрелого самосознания, собранной силы; не хватало национального воспитания и характера. Было много юношеского брожения и неопределенных соблазнов; недоставало зрелой предметности и энергии в самоутверждении. Этому соответствовало и состояние русского народного хозяйства – бурно росшего, но не нашедшего еще ни зрелых форм, ни организованности, ни настоящего проникновения в толщу естественных богатств. Собственническое крестьянство только начинало крепнуть; промышленная предприимчивость имела перед собою непочатые возможности; помещичье хозяйство еще не изболело своих недугов – экстенсивности и дворянского дилетантизма; рабочие еще не нашли своего национального места и самосознания. Средний слой еще не окреп в своей государственной идее и воле; и зараза сентиментального социализма и непротивленчества еще не была побеждена. Незрелость и рыхлость национального характера соответствовала незрелости и рыхлости народного хозяйства.

Этой своеобразной беспочвенности и рыхлости здоровых сил народа противостоял неизжитый запас больных и разрушительных сил. В крестьянстве бродило еще памятозлобие крепостного права и вековая мечта земельного передела и анархии; аграрная перенаселенность общины дразнила народ безвыходностью и поддерживала иллюзию количественно неисчерпаемого земельного фонда; остатки крестьянского неравноправия и неполноправия довершали это настроение. Брожение рабочего пролетариата питалось и крестьянским недовольством, и классовым положением рабочих, и утопически-революционной пропагандой социализма. Обилие темпераментных национальных меньшинств, руководимых своею честолюбивой полу интеллигенцией, создавало целый кадр центробежно настроенных «деятелей». Эти «деятели», с их радикально-революционными симпатиями, вливались во всероссийский резервуар фрондирующей интеллигенции и неустроенной, вечно недовольной, бродящей полуинтеллигенции; и все это вместе в высшей степени затрудняло качественный отбор государственной элиты. За девятнадцатый век слагалась и крепла больная традиция революционной фронды; считалось, что «порядочный» человек должен быть настроен радикально и непримиримо; он должен порицать и отрицать все, что исходит от Императорского правительства; он должен если не прямо быть социалистом, то «сочувствовать» и закулисно «помогать» социалистическим партиям. Эта традиция в течение целого века работала над изоляцией и компрометированием русского Императорского правительства, предполагая в русском народе выдающиеся демократически-республиканские дарования и выдавая социализм за вернейший критерий демократичности.

Дореволюционная Россия держалась и строилась не этими центробежными силами, а вопреки этим последним. Необходимый отбор ведущего слоя, правящего чиновничества и культурной общественности, совершался, несмотря на все затруднения, несмотря на изолирующую пропаганду и на террор революционных партий.

Идейные и честные люди пополняли кадры русской армии, русского флота и русского чиновничества. Не скудела Академия Генерального Штаба. На исключительной высоте стоял правительствующий Сенат, кассационные решения которого содержат целый клад юридической мудрости и справедливости. Россия имела основания гордиться своим судом, своими финансами, своею наукою, своим искусством и своими театрами. Она имела первоклассную дипломатию, превосходную военную разведку и опытный, преданный своему делу кадр народных учителей. А когда П. А. Столыпин взялся за дело разверстания сельской общины и за переселение, то ему удалось отобрать такой кадр чиновников, о качестве которого не могло быть двух мнений.

Наряду с этим Россия выдвинула драгоценный слой нечиновной общественности; идейных и опытных деятелей земского и городского самоуправления, превосходный кадр врачей национально-русской интуитивной школы, идейную и гуманную адвокатуру, даровитое купечество с традициями и с размахом, кадр энергичных кооператоров и агрономов. Все это строило Россию, постепенно освобождаясь (силою вещей, ходом жизненного дела, реализмом предметных задач) от мечтательного брожения и врастая в механизм государства. Россия

нуждалась больше всего в мире и в завершении столыпинской реформы; она нуждалась меньше всего в революции и в социализме. Судьба судила ей иное: она послала ей неподготовленную и неудачную войну, социалистическую кровавую революцию и планомерное разрушение почти всей ее исторически выстраданной культуры. Вскрылись исторические рубцы и заживающие шрамы, души заболели ненавистью и местью, замутились до самого дна, и поднявшееся социальное дно поглотило свою собственную, русскую национальную элиту.

Разразившаяся коммунистическая революция не только разрушала прежнее государство, прежнее хозяйство и прежнюю культуру в России, но стремилась прежде всего смести прежний ведущий слой и поставить на его место новый.

Первая, отрицательная задача не представляла особых затруднений: сместить, уволить, лишить имущества и жилища, обречь на голод и холод, арестовать, сослать, расстрелять – все это разрушительное дело требовало только решительности и жестокости. Но разрешение положительной задачи – создание нового ведущего слоя – не могло удаться революционерам. Здесь мы наталкиваемся на одно их основных внутренних противоречий революции.

Революция с самого начала обращалась не к лучшим, государственно-зиждительным силам народа, а к разрушительным и разнузданным элементам его. Она привлекла к себе не честных, верных, патриотически настроенных людей, привыкших к дисциплине и ответственности, а безответственных, деморализованных, беспринципных, карьеристов, интернационалистов, грабителей, дезертиров, авантюристов. Это есть просто неоспоримый исторический факт. Ей нужны были люди дурные и жестокие, способные разлагать армию, захватывать чужое имущество, доносить и убивать. Наряду с этим она обращалась к людям невежественным и наивным, которые готовы были верить в немедленное революционно-социалистическое переустройство России.

И вот никакой государственный режим, тем более «творчески обновляющий» режим, не может быть построен такими людьми и на таких порочных основаниях. Привычный нарушитель, сделавший себе из правонарушения политическую профессию, останется правонарушителем и после того, как ему прикажут строить новую жизнь. Революция дала народу «право на бесчестие» (Достоевский), и, соблазнив его этим «правом», она начала свой отбор, делая ставку на «бесчестие». Этим она расшатала народное правосознание, смешала «позволенное» и «запретное», перепутала «мое» и «твое», отменила все правовые межи и подорвала все социальные и культурные сдержки. Какой же «ведущий слой» мог отобраться по этим признакам и в этой атмосфере?

Пришли новые люди – презирающие законность, отрицающие права личности, жаждущие захватного обогащения, лишенные знания, опыта и умений; полуграмотные выдвиженцы, государственно неумелые «нелегальщики» (выражение Ленина), приспособившиеся к коммунистам преступники. Революция узаконила уголовщину и тем самым обрекла себя на неудачу. Революция превратила разбойника в чиновника и заставила свое чиновничество править разбойными приемами. Вследствие этого политика пропиталась преступностью, а преступность огосударствилась.

Шли годы. На этих основах сложилось и окрепло новое коммунистическое чиновничество: запуганное и раболепно-льстивое перед лицом власти; пронырливое, жадное и вороватое в делах службы; произвольное и беспощадное в отношении к подчиненным и к народу; во всем трепещущее, шкурное, пролганное; привыкшее к политическому доносу и отвыкшее от собственного, предметного и ответственного суждения; готовое вести свою страну по приказу сверху – на вымирание и на погибель. И все неудачи революции объясняются не только противоестественностью ее программы и ее планов, но и несостоятельностью отобранного ею слоя.

* * *

Когда крушение коммунистического строя станет совершившимся фактом и настоящая Россия начнет возрождаться, – русский народ увидит себя без ведущего слоя. Конечно, место этого слоя будет временно занято усидевшими и преходящими людьми, но присутствие их не разрешит вопроса. Прежняя, дореволюционная элита распалась, погибла или переоделась; и то, что он нее сохранится, будет лишь скудным, хотя и драгоценным остатком былого

национально-исторического достояния. А революционный отбор Должен будет отчасти совсем отпасть ввиду своей несостоятельности и неисправимости; отчасти же измениться к лучшему как бы на ходу. То, в чем Россия будет нуждаться прежде всего и больше всего, – будет новый ведущий слой.

Эта новая элита, новая русская национальная интеллигенция – должна извлечь все необходимые уроки из всероссийского революционного крушения. Мало того, она должна осмыслить русское Историческое прошлое и извлечь из него заложенный в нем «разум истории». А история учит нас многому.

1. Прежде всего ведущий слой не есть ни замкнутая «каста», ни наследственное или потомственное «сословие». По составу своему он есть нечто живое, подвижное, всегда пополняющееся новыми, способными людьми и всегда готовое освободить себя от неспособных. Это есть старое и здоровое русское воззрение. Его выдвинули еще Иоанн Грозный, осознавший необходимость нового отбора, но трагически исказивший и погубивший его в «опричнине». К этому воззрению вернулся Петр Великий, выдвинувший на первые и не первые места государства новых людей, начиная от Меншикова и Лефорта, Шафирова и Ягужинского и кончая своими, командированными за границу учениками. С тех пор эта традиция дала России Ломоносова и целые плеяды славных ученых; гениального скульптора Федота Шубина и длинный ряд славных художников из народа; ряд блестящих деятелей екатерининской эпохи – Сперанского, Скобелева, Витте, Губонина, Савву Мамонтова, Третьякова, Лавра Корнилова и его сподвижников.

Здесь есть некое общее правило: человека чести и ума, таланта и сердца – не спрашивают о его «предках», ибо он сам есть «предок» для грядущего потомства. Качественный, духовный заряд, присущий человеку, выдвигает его на первые места, независимо от его родословной. Потомственная традиция честности, храбрости и служения есть великая вещь, но она не может сделать глупца – умным, а безвольного человека – призванным организатором жизни. Мы все – от правителя до простого обывателя – должны научиться узнавать людей качественно-духовного заряда и всячески выдвигать их, «раздвигаясь» для них; только так мы сможем верно пополнять нашу национальную элиту во всех областях жизни. Это требование есть не «демократическое», как принято думать, а нравственно-патриотическое и национально-государственное. Только так мы воссоздаем Россию: дорогу честности, уму и таланту!..

2. Принадлежность к ведущему слою – начиная от министра и кончая мировым судьею, начиная от епископа и кончая офицером, начиная от профессора и кончая народным учителем, – есть не привилегия, а несение трудной и ответственной обязанности. Это не есть ни «легкая и веселая жизнь», ни «почивание на лаврах». Темному, необразованному человеку простительно думать, будто «настоящая» работа есть именно телесная, и только телесная, а всякий душевно-духовный труд есть «притворство» и «тунеядство»; но человек духовного или интеллектуального труда не имеет права поддаваться этому воззрению. В свое время ему поддались русские народники; перед ним склонился Л. Н. Толстой, надсмеявшийся над духовным трудом в своей революционно-демагогической сказке «Об Иване-дураке». Призыв Толстого к «опрощению» был не только протестом против излишней роскоши (что было бы естественно), но и отрицанием всякого «не-физического» труда. Это воззрение заразило постепенно широкие круги интеллигенции. «Кающийся барин» не сумел найти меру для своего «покаяния», он не только стал корить себя за недостаточную склонность к братской справедливости, но заразился культурным нигилизмом в вопросах права, государства» собственности, науки и искусства. Этим была в значительной мере подготовлена большевицкая революция с ее уравнительством в вопросах жилища, питания, одежды, образования и имущества: «уравнивать» и «упрощать» – значит снижать уровень и подрывать культуру.

Вести свой народ есть не привилегия, а обязанность лучших людей страны. Эта обязанность требует от человека не только особых природных качеств, подготовки и образования, но и особого рода жизни в смысле досуга, жилища, питания и одежды. Это люди иной душевной и нервной организации, люди духовной сосредоточенности, люди иных потребностей и вкусов, иного жизненного напряжения и ритма. Мыслителю и артисту нужна

тишина. Ученому и судье необходима библиотека. Чиновник должен быть обеспечен и независим от управляемых обывателей и т.д. Если это – «привилегия», то привилегия, вознаграждающая за высший труд и обязывающая к качественному служению. Этой «привилегии» нечего стыдиться; ее надо принимать с достоинством и ответственностью, не позволяя предрассудку и зависти вливать в душу свою отраву.

Ранг в жизни необходим и неизбежен. Он обосновывается качеством и покрывается трудом и ответственностью. Рангу должна соответствовать строгость к себе у того, кто выше, и беззавистная почтительность у того, кто ниже. Только этим верным чувством ранга воссоздадим Россию. Конец зависти! Дорогу качеству и ответственности!

3. Вместе с тем в России должна быть искоренена дурная традиция «кормления», т.е. частного наживания на публичной должности. Государственный чиновник, так же как и служащий земского или городского самоуправления, должен довольствоваться получаемым им окладом (жалованием) и не пополнять его никакими «прибытками» или «поборами» с обслуживаемого им населения. Время, когда государственный центр раздавал должности на «кормление», – время удельно-феодальное и, далее, сословно-крепостное – прошло безвозвратно. Воевода, живущий поборами («земля любит навоз, а воевода принос»); судья, торгующий приговором и презирающий закон («хочу по нем сужу, хочу – на нем сижу»), чиновник взяточник и растратчик («казна – шатущая корова, не доит ее один ленивый») – все эти больные и кривые явления русской истории были в небывалом размере воскрешены русской революцией и должны окончательно угаснуть вместе с нею. Революционная всепродажность; революционная растрата; повальное революционное хищение – объясняются тем изъятием собственности и тем хозяйственно-бюрократическим бедламом, которые осуществлялись самой революцией: люди, ограбленные ею, возвращали себе отнятое всюду, где могли, и не считали такое «самовознаграждение» зазорным. Психологически – это понятно; но по существу – это есть деморализация и расхищение государства.

Публичные должности, от самой малой до самой большой, должны давать человеку удовлетворяющее его вознаграждение и должны переживаться им не как «кормление», а как служение. Человек, не удовлетворяющийся законным жалованием, не имеет права брать соответствующую должность. Человек, взявший публичную должность, не имеет права пользоваться ею для частной наживы. Конец взятке, растрате и всякой продажности!.. Только этим возродим Россию.

4. Далее, одна из основных опасностей ведущего слоя состоит в слишком высокой оценке государственной власти, ее значения и призвания. Государственная власть имеет свои пределы, обозначаемые именно тем, что она есть власть, извне подходящая к человеку, предписывающая и воспрещающая ему независимо от его согласия или несогласия и угрожающая ему наказанием. Это означает, что все творческие состояния души и духа, предполагающие любовь, свободу и добрую волю, не подлежат ведению государственной власти и не могут ею предписываться. Государство не может требовать от граждан веры, молитвы, любви, доброты и убеждений. Оно не смеет регулировать научное, религиозное и художественное творчество. Оно не может предписывать доказательства чувств или воззрений. Оно не должно вторгаться нравственный, семейный и повседневный быт. Оно не должно без крайней надобности стеснять хозяйственную инициативу и хозяйственное творчество людей.

Ведущий слой призван вести, а не гнать, не запугивать, не порабощать людей. Он призван чтить и поощрять свободное творчество ведомого народа. Он не командует (за исключением армии), а организует, и притом лишь в пределах общего и публичного интереса. Вести можно только свободных; погонщики нужны только скоту; надсмотрщики нужны только рабам. Лучший способ вести есть живой пример. Авантюристы, карьеристы и хищники не могут вести свой народ; а если поведут, то приведут только в яму. Государственное водительство имеет свои пределы, которые определяются, во-первых, достоинством и свободой личного духа, во-вторых, самодеятельностью творческого инстинкта человека. Конец террору как системе правления!.. Конец тоталитарному всеведению и всеприсутствию!… России нужна власть, верно блюдущая свою меру.

5. К этому необходимо добавить, что новый русский отбор должен строить Россию не произволом, а правом. Будут законы и правительственные распоряжения. Эти законы должны соблюдаться и исполняться самими чиновниками, ибо чиновник есть первый, кого закон связывает. Представление о том, что этот закон вяжет обывателя и разнуздывает произвол правителя, много раз осужденное в русских народных пословицах, но возрожденное советской революцией, должно отпасть навсегда. Закон связывает всех: и Государя, и министра, и полицейских, и судью, и рядового гражданина. От закона есть только одно «отступление»: по совести, в сторону справедливости, с принятием на себя всей ответственности. Формально-буквенное, педантически-мертвенное применение закона есть не законность, а карикатура на нее. «Крайняя законность» никогда не должна превращаться в «крайнюю несправедливость». Или по русским пословицам: «Не всякий прут по закону гнут»; а «милость творить – с Богом говорить».

Это означает, что всякое применение закона требует беспристрастного жизненного наблюдения (интуиция факта) и беспристрастного решающего усмотрения (интуиция права). Мало закона. Надо видеть живое событие. И далее, надо видеть сквозь закон:

1. Намерение законодателя и 2. Высшую цель права (свобода, мир, справедливость). Поэтому всякое применение закона предполагает в душе применяющего чиновника – живое творческое правосознание (правовое разумение и правовую совесть). И вот в этой сфере не должно быть места никакой корысти, никакой кривизне или, как выражала это русская летопись, – никакому «воровству» и «малодушию»: ни взятке, ни косвенной личной выгоде, ни классовому интересу, ни родству, ни льстивому прислуживанию, ни потачке, ни укрывательству, – словом, ничему тому, от чего стонала дореформенная Россия, с чем так успешно боролся пореформенный (после 1864 г.) правопорядок и что расцвело цветами позора и скандала в эпоху революции.

Грядущей России нужен не произвол, не самодурство и не административная продажность, а правопорядок, утверждаемый живым и неподкупным правосознанием. Правило этого правосознания выражено в старом русском поэтическом присловье:

Чтобы твоим судом другим не сделать лиха,
О деле рассуждай, когда в тебе все тихо,
И то – с молитвою всегда,
Чтоб просветлил тебя Господь… А то беда:
Без умысла невинного придавишь
И после дела не поправишь…

6. Далее, новая русская элита в деле правления должна блюсти и крепить авторитет государственной власти. Невозможно строить правопорядок без этого авторитета. Он пошатнулся еще при Императорском правительстве; он был расшатан и подорван при Временном правительстве; он был опять восстановлен, правда в формах противоправных, свирепых и унизительных, советскою властью. Новый русский отбор призван укоренить авторитет государства на совсем иных, благородных и правовых основаниях: на основе религиозного созерцания и уважения к духовной свободе; на основе братского правосознания и патриотического чувства; на основе достоинства власти, ее силы и всеобщего доверия к ней. Необходимо помнить, что этот авторитет есть всенародное, исторически накапливающееся достояние. Он слагается из поколения в поколение; он живет в душах незримо, но определяюще; он призван служить орудием национального спасения. Революция сначала расшатала, а потом скомпрометировала его кровью, партийно-классовым режимом и тоталитарностью коммунистического строя. И вот борьба за грядущую Россию окажется борьбой за новый авторитет новой национально-русской власти, ибо безавторитетная власть не оборонит и не возродит Россию.

7. Все эти требования и условия будут, однако, несовершенны и неопределяющи, если не будет соблюдено последнее. Новый русский отбор должен быть одушевлен творческой национальной идеей.

Безыдейная интеллигенция не нужна народу и государству и не может вести его… Да и куда она приведет его, сама блуждая в темноте и в неопределенности? Но прежние идеи

русской интеллигенции были ошибочны и сгорели в огне революций и войн. Ни идея «народничества», ни идея «демократии», ни идея «социализма», ни идея «империализма», ни идея «тоталитарности» – ни одна из них не вдохновит новую русскую интеллигенцию и не поведет Россию к добру. Нужна, новая идея – религиозная по истоку и национальная по духовному смыслу. Только такая идея может возродить и воссоздать грядущую Россию.

Русский крестьянин и собственность

Сведения, идущие из России, рисуют нам тот своеобразный хозяйственно-душевный раскол, который переживает русский крестьянин при коммунистическом строе. Все, с чем он имеет дело, делится для него на две неравные половины: «колхозное» и «свое». Колхозное обозначает отнятое, социализированное, коммунистически-чиновничье, и вражеское; это источник вечной опасности, нажима и ограбления; это – «они»; чем хуже, чем не удачнее «у них» все идет, тем лучше. Свое это то, что «осталось», что не пошло в постылый котел, что удалось отстоять или спрятать: здесь стоит обдумывать и промышлять, изворачиваться, не жалеть «горба», работать даже ночью; это «мы», «наше»; здесь важен урожай и порядок; это прокормит.

Уже к концу тридцатых годов приусадебные участки крестьян обрабатывались самым интенсивным образом. За эти годы (1934-1939) крестьяне делали все, чтобы расширить свои дворовые участки всеми правдами и неправдами (вплоть до ночного передвижения заборов) и повысить их урожайность; и в то же время, чтобы обзавестись своим скотом. И компартия, испуганная гибелью скота во время коллективизации (1929-1933), шла навстречу этому стремлению и продавала закрепощенным крестьянам скот с колхозных ферм по невысоким ценам. Понятно, что «своя» скотина была «ухожена», накормлена и множилась, тогда как коммунистически-казенная скотина была, по жалобам самих советских донесений, скверно «ухожена», еле накормлена, не плодилась без всяких причин.

Мы знаем, что к 1939 году, когда сельское хозяйство в России несколько оправилось, когда испуг компартии прошел и Сталину, удачно спровоцировавшему мировую войну, показалось, что деревню можно опять «стричь», советская аграрная политика повернула снова против крестьянина: нажим увеличился, скот перестали «отпускать», изъятие зерна и мяса возросло, расцвет частного сектора был сочтен нежелательным, готовились запасы для войны и армии; и чуть-чуть оперившийся крестьянин почувствовал себя снова под прессом. Затем разразилась война с ее разрушительным отступлением, с немедленной и очень дружно обнаружившейся тягой крестьян к ликвидации колхозов (отнюдь не поощрявшийся немцами) и с карающим восстановлением коммунистического режима после обратной советской оккупации. Война не дала русскому крестьянину ни малейшего освобождения или хотя бы облегчения; она обманула его надежды; и ныне нажим на мужика возобновился полным ходом. И уже на вновь присоединенных территориях (Бессарабия, Буковина, Галиция, Прибалтика) принудительная коллективизация охватила по советским донесениям 75-90% крестьянских дворов.

Нам пишут из Германии, что германские пленные, только что вернувшиеся из Советии, передают в беседах свои впечатления о жизни и настроениях у крестьян. Они дружно отмечают ту поразительную хозяйственную апатию, которая развивается в крестьянстве под влиянием советского нажима: надежда на легальное и оседлое ведение своего хозяйства стала таять и исчезать в деревне. Протекшая крыша не чинится – ни хозяином (нечем чинить!), ни колхозом (какая ему забота?). Покосившиеся хаты (столь часто отмечаемые и в советской литературе) ждут окончательного развала. Горящий двор не заливается, скот из него не выгоняется, крестьяне стоят и смотрят на огонь. Немцы, не пережившие тридцатилетней трагедии русского мужика, не понимают этой психологии. А мы, слушая эти рассказы, вспоминаем состояние русской деревни в Смутное время, после «перебора» Иоанна Грозного… – тогдашнее всенародное шатание, запустение и утрату веры в честный труд и в законное хозяйствование.

Нет ничего более вредного и даже гибельного для страны, для всякой страны, как подрыв этой веры и угасание ее в народе. И не то чтобы крестьянам думалось: «от трудов праведных не наживешь палат каменных»; на каменные палаты расчет вообще невелик и всегда

невелик. Здесь настроение гораздо более глубокое и трагическое. Оно может быть выражено словами: «при таких порядках работать на земле не стоит; надо промышлять иначе». Весь вопрос в том, куда же подаваться? Где и как прокормиться? И вот в советской стране давно уже, с 1929 года, началась тяга в города и в промышленность. В первые годы революции городское население бежало в деревню; прошло десять лет, и оно хлынуло обратно в искусственно раздуваемые города и заводы. Это естественно и закономерно: в социалистическом государстве частная предприимчивость удушается, она становится все менее возможной и прокармливающей; люди оставляют ее и стараются перейти на положение государственных содержанцев – партийцев, чиновников, рабочих, солдат. «Кормить» государство своим горбом становится невыгодно, нестерпимо; надо переходить на положение принудительно-обеспечиваемых и государственно-прокармливаемых: ибо не их них выколачивают, а они сами и для других выколачивают. Согласно этому советские источники сообщают, что за 1948 год число государственных содержанцев в Советии увеличилось на два миллиона, т.е. на 6,5%.

С самого водворения своего в России коммунистическая власть взялась за отучение русского крестьянина (и русского человека вообще) от личной предприимчивости и частной собственности. Марксистская доктрина, согласно которой частный «капитал» экспроприирует и пролетаризирует народную массу, не оправдывалась в России: здесь пролетариат едва достигал 10% населения (тогда как в Англии он составил 77% хозяйственно-взрослого населения, в Бельгии – 73%, В Дании – 71%, в Швейцарии – 66%, в Германии – 61%, во Франции – 48%, и даже в Югославии – 40%). Вследствие этого за дело принялся Коминтерн, т.е. советская власть: она выступила в качестве величайшего государственного капиталиста и стала сознательно, нарочно и планомерно пролетаризировать русский народ. Произошло невиданное в истории: государственная власть стала насаждать нищету, гасить хозяйственную инициативу народа, воспрещать личную самодеятельность, отнимать у народа веру в честный труд и искоренять в нем волю к самовложению в природу и культуру. И мир впервые с отчетливостью увидел, что есть настоящий государственный социализм, – не социализм пустых мечтаний и доктринерских резолюций, а социализм аморальной и свирепой «шигалевщины», пророчески предсказанный в «Бесах» у Достоевского.

Перед русским крестьянином давно уже встал выбор: принять новое государственное «крепостное право» (по сравнению с которым прежнее крепостное право кажется патриархально-добродушной «старинкою») или бежать от него; и если бежать, то в «пролетарии» или в «урки». Самые терпеливые решали оставаться в надежде «словчиться» и «пересидеть». Самые бессовестные и порочные записывались в компартию и начинали куражиться и палачествовать. Самые расчетливые переходили в советскую промышленность. Самые отчаянные уходили в «урки» и в партизаны. Именно этим объясняется повсеместный рост партизанского движения, проявления которого столь ярко и правдиво описаны в седьмой тетради «Возрождения» (1950 г., январь-февраль). Но «уйти» – не значит оторваться душой и волею от тысячелетней любви к земле, от желания стать самостоятельным хозяином, от мечты – переждать злое безвременье, покончить с разбойным правительством и стать опять на свои ноги.

Русский крестьянин знает свою землю и любит ее. Глеб Успенский был прав, когда писал о «власти земли». И то, что ныне переживает русский крестьянин, есть пробуждение в нем настоящего земельного самочувствия и собственнического правосознания. Великая земельная реформа Столыпина как бы измерила у русского крестьянина его «собственническую температуру» и подтвердила сполна: не сентиментальные мечтания аграрно-социалистических демагогов (партии с.-р.), а верный диагноз дальнозоркого реформатора.

К началу этой реформы Россия насчитывала около 12 миллионов крестьянских дворов. Из них 4 миллиона уже вели самостоятельно-собственническое хозяйство, а 8 миллионов томилось в сельской общине с ее переделами и с ее урезанной личной инициативой. Столыпин не отменил земельную общину, а дал крестьянам право «прописаться на свободу», на «отруба» или на «хутора». И вот через 10 лет, к следующей большой сельскохозяйственной переписи (1916), оказалось, что из 8 миллионов дворов – шесть миллионов захотели своей земли и

полной хозяйственной самостоятельности. Они уже получали ее и получили бы ее до конца, если бы революция не изъяла землю из легального оборота, объявив ее сначала «всенародной» (захватный лозунг «вся земля всему народу»), потом «национализованной» и, наконец, «колхозной». Этим революция погасила в России идею законной собственности на землю, а с тем вместе дала отказ всем вековым притязания русского крестьянства.

Школа, которую ныне проходит русский мужик, необычайно сурова и жестока. Он далеко не сразу понял, что такое происходит с землею и чем это кончится. В первые годы он шепотом расспрашивал знакомых горожан о большевиках в кожаных куртках: «барин, откуда эти люди взялись и где ж они допреж того помещались?! И, куда ж теперь все чистые господа подевались?!» Потом он разыскивал в городах своих бывших помещиков и допрашивал их: «Куда девалась земля? у вас ее отняли, а мы ее не получили!» – и не верил, когда ему объясняли, что он получил всю наличную землю и что ее пришлось всего по 1/5 десятины на крестьянскую «душу»… И не веря, все спрашивал: нельзя ли вопреки всем революционным событиям заплатить за землю настоящими деньгами и получить на нее «орленую бумагу» (т.е. законную купчую крепость)?!..

А потом, в эпоху коллективизации, разоренный многолетними «продналогами», потеряв внезапно всю свою «купчую» и «некупчую» землю, со всем своим двором, осунувшийся в лице и поседевший за одну ночь, – он прозревал слишком поздно и шептал про себя бессильные слова. Именно к этой эпохе (1929-1931) относятся эти страшные речи русских крестьян о социалистах и большевиках, которые нам передавал живой свидетель и собеседник.

Мы можем быть твердо уверены, что этой школы русский крестьянин не забудет до тех пор, пока будет существовать русский народ; и дело русской интеллигенции будет, между прочим, состоять в том, чтобы осмыслить и увековечить этот гибельный опыт.

Думается, что после крушения коммунизма – русским социалистам лучше совсем не показываться в России или же проглотить язык и забыть всю свою терминологию. А, впрочем, к тому времени русский социалист, может быть, и впрямь станет чем-то, вроде допотопного существа…

Горек хлеб на чужбине

В нашу эпоху для каждого русского изгнанника начинается долгое время всяческого «сиротства» и унижения. Он чувствует себя извергнутым своею родною страною, – пусть безвинно, пусть за правое дело, пусть даже в виде некой «почетной ссылки», но жизнь его фактически как бы ломается пополам и утрачивает свой органический и главный смысл. Нельзя больше жить среди своих, единым национальным дыханием, строительством и служением; нельзя больше чувствовать, думать и говорить «мы русские здесь сообща», ибо наш народ остался там, а здесь мы с чужими, которые «по-нашему» не понимают, а нас самих еле терпят и вечно в чем-то подозревают.

Эмиграция есть что-то вроде преждевременной «отставки» – твоя работа больше не нужна; что-то вроде незаслуженного «разжалованья» – вся служба твоя как бы забыта, все заслуги твои больше не весят, все права, признававшиеся за тобою, угасли. Ты – социально «гол»; в публично-правовом отношении, ты почти нуль. Ты – ненужный, забеглый иностранец, не допускаемый к своей обычной работе, в которой ты, может быть, настоящий и заслуженный мастер; ты – существо нежелательное, которому в любой момент могут отказать «в праве пребывания», с тем чтобы выслать тебя или выдать (на муку и смерть); ты – «ничей гражданин», беззащитный и почти бесправный. По новейшей терминологии международного оборота, ты – «безместная» и «неуместная» «особь» (дисплэсед перс), которую, конечно, надо куда-нибудь «прибрать» и как-нибудь «использовать», предварительно подвергнуть унизительно-всестороннему (телесному и душевному) обследованию; но до полноправной человеческой личности тебе далеко…

Все это отнюдь не преувеличение. Все это жестокая, горькая, незабываемая правда. И иностранцы могут быть уверены, что все это есть достояние истории – и русской, и всемирной.

Кто поверит теперь, что до первой мировой войны русский человек, путешествуя из страны в страну, имел паспорт, но не нуждался ни в нем, ни в визах? Люди свободно «перемещались», не становясь ни «безместными», ни «неуместными»… А теперь? Паспорт есть для русского одно из главных жизненных затруднений, вечная опасность, сущая беда и серьезная статья «в бюджете».

Как не вспомнить, что в те времена революционеры, родом из России, – гнездились, где хотели, стряпали заговоры и покушения, устраивали не спросясь съезды, пользовались правом на работу и свободно готовили революционное порабощение и неслыханные в истории унижения всей Европе. А ныне на тех домах, где они готовили своим хозяевам злейшее предательство, прибиты почетно-памятные доски…

Итак, сказанное нами о нашем нынешнем бесправии отнюдь не преувеличение. Возьмем доказательства из жизни квалифицированной эмиграции, подчас с мировым именем.

Вот всемирно известный русский композитор и пианист лишен права концентрировать в том государстве, где он проводит лето в собственном имении.

Вот русский профессор-хирург в течение двадцати лет не имеет права практики в той стране, где его «нелегальные» операции и запрещенные диагнозы вызывают сенсации и преклонение – и в университетах, и в судебных разбирательствах. Иностранцы лечатся у него, оперируются, вылечиваются – и не разрешают ему работать…

Вот русский гуманитарный ученый, приехав в страну, где его имя общеизвестно, и желая прочесть несколько публичных лекций, подает прошение и неделями ждет ответа: оказывается, его решение передано на усмотрение трех факультетов со ссылкой на то, что-де «может быть ученые прочтут не хуже его»; а факультеты саботируют этот запрос насмерть…

Вот другой ученый живет в другой стране десять лет без права на труд и на какой бы то ни было заработок – и кормится «негритянской», дисквалифицирующей и жалко оплачиваемой работой, но подоходный налог с него не забывают взыскивать…

Мы знаем сотни случаев, что русские офицеры и полные генералы работают шоферами; их джентльменская корректность славится среди публики и в муниципальном правлении; их ставят в пример «своим» грубиянам – и не находят лучшего применения для их драгоценных сил…

Другие русские офицеры ткут шарфы, набивают папиросы, моют автомобили, сапожничают, шьют дамские сумки, берут полулегально места ночных портье, создают мастерские, работают разносчиками, – вечно неуверенные, не потянут ли их завтра к допросу и расспросу и не наложат ли «запрет»…

И если таково положение квалифицированных эмигрантов, то что сказать о русских людях, не успевших получить никакого особого «звания» или «умения»? Каково их правовое положение, какие у них возможности, какое у них прибежище, какая у них судьба?!..

Сколько раз у нас сжималось сердце и кровь бросалась в голову, когда мы слушали рассказы русских «невозвращенцев» об их жизни в послевоенных лагерях Германии; об этих кровавых выдачах, принудительных погрузках и массовых самоубийствах! А эти анкеты и допросы… Эти каверзные подходы, пытающиеся навязать допрашиваемому что-нибудь «компрометирующее» его в прошлом!.. И кто они сами, эти «допрашивающие» сыщики?.. А эти сцены в очередях перед контрольными бюро!… А этот возрастный и мускульный отбор «наемников», подобного которому человечество не запомнит с самых невольнических рынков Рима и Африки!..

Горек хлеб на чужбине. Горек и унизителен. Для всех ли? О нет, не для всех; для русских в особенности. Почему? Не потому ли, что подозревают нас в тайном большевизме или нацизме? Нет, совсем не потому. Ибо и то, и другое – легко скрыть и погасить посредством обманного приспособления ко вкусам и интересам контролирующих, чему имеются сотни примеров; и еще – не потому, ибо визовым и трудовым унижениям подвергаются и заведомые антибольшевики и антигитлеровцы. Здесь причины более глубокие и более духовные; и мы можем быть уверены, что свободный и беспристрастный историк раскроет их однажды до конца (см. «Н.З.», с. 58, 157, 199).

И не будем вспоминать о том, как Императорская Россия в свое время принимала иностранцев, – беглецов и иммигрантов, – устраивая их у себя и открывая перед ними все поле труда и весь рынок русской торговли. Ибо Россия другим странам «пример не в подражание». Россия имела «особую стать». О ней писал когда-то русский путешественник, тверской купец Афанасий Никитин, посетивший в 1460 годах Персию и Индию и оставивший свой дневник: «Написание Офонаса тферитина купца, что был в Индии четыре года, а ходил, сказывают, с Васильем Паниным». Он писал тогда: «А русскую землю Бог да сохранит. Боже сохрани! На этом свете нет страны подобной ей»…

Горек хлеб на чужбине! Но мы твердо знаем, ради чего приемлем и терпим эту горечь. Мы помним наше призвание и продолжаем борьбу за нашу Родину.

Чего мы ожидаем от наших пастырей?

В России началась великая борьба за религиозное очищение и обновление. Надо предвидеть, что это будет борьба большого напряжения и долгого дыхания. Русский человек должен вернуть себе цельную веру, в которой сердце и разум, созерцание и воля – сольются в единый поток такой силы, что на него отзовется и самый инстинкт; тогда будут найдены новые творческие идеи и создастся новая христианская культура. От христианского пастырства нам надо ждать совета и помощи в этом деле. И православное духовенство найдет в себе духовную силу, мудрость и искренность для этого подвига.

Чего же мы, православные христиане, желаем от наших пастырей? С какими запросами мы идем к ним? Чем они могут заслужить нашу любовь и наше доверие?

Не буду говорить о богословском образовании и о подготовке к духовному пастырству, прозорливому и бережному в личном общении. Само собою разумеется, что духовным лицам надлежит знать Писание, и Предание, и все учение Церкви – лучше нас и разуметь все это глубже нас, чтобы помогать нам в часы сомнения и в поисках разумения. Они должны владеть душевно-духовным искусством пастыря, глубокочувствием и ясным взором духовника, проницательно разумеющего индивидуальную человеческую душу и способного указать ей в трудную минуту жизни верный путь. Эти познания необходимы, это искусство драгоценно; здесь не может быть двух мнений. Но мне кажется, что мы ожидаем от них большего; что для нас важнее всего – истинный и живой евангельский дух, тот дух, который свидетельствует нам о Христовой благодати. Я разумею: молитвенную силу, любящее сердце и свободную, живую христианскую совесть…

Что может дать человеку богословское наставление, проистекающее из отвлеченного, сухого, логически умствующего рассудка, не созерцающего сердцем Христа Спасителя и не помогающего нам увидеть Его? Какое значение имеет абстрактная «экзегеза» или дедуктивный аргумент в созерцательных и молитвенных пространствах живой религиозности? Могут ли они дать религиозную очевидность душе, ищущей Божьего света и огня, чающей живого Бога? Сколько раз, слушая за границей беседы и проповеди инославного духовенства, мы думали о том, как богато оно книжною образованностью и как скупо оно в дарах сердца и духа! Как чуждо это русской православной душе!

Поистине, нет лучшего религиозного научения, нет более действительного проповеднического служения, как сила и искренность личной молитвы. Ибо вера крепнет и распространяется не от логических аргументов, и не от усилий понуждающей воли, и не от повторения слов и формул, но от живого восприятия Бога, от молитвенного огня, от очищения, подъема и просветления сердец, от живого созерцания, от реального восприятия Благодати. Я полагаю, что многое зависит от способности священника искренно и беззаветно молиться сердцем, ибо если он способен к этому и если он молится так в своем уединении, то церковная его молитва будет зажигать, очищать и просветлять сердца его прихожан. Это пламя одинокой молитвы будет гореть и в его церковном богослужении, и в его проповеди, и в его жизненных делах. И мы, его прихожане, сразу почувствуем сердцем, что «Сам Дух» молится в нем «воздыханиями неизреченными» (Римл. viii, 26) и что эти воздыхания передаются и нам по неизреченным путям.

Пастырь, коему присуща эта искренность и сила молитвы, является как бы «неопалимой купиной» в своем приходе: прихожане его, иногда сами того не замечая и не разумея,

становятся соучастниками его молитвы; им передается теплота его веры; они приобщаются его духовному полету. Его поучения воспринимаются по-особому: не только умом, но и сердцем, живою совестью и честною волею. Его беседы несомы творческим духовным опытом; они проникнуты живым христианским созерцанием; они идут из сердца и воспринимаются всею душою. И уже простая встреча с ним испытывается как утешение и безмолвное ободрение.

А в основе этого лежит некий религиозный закон, согласно которому глубина веры растет и крепнет в молитве, ибо молитва есть благодатное вознесение души к Богу, озаряющее, очищающее и удостоверяющее. Вот почему пастырь должен быть живым источником и живою школою молитвы.

Второе, что мы желаем найти в нем, – это живое любящее сердце. Ведь лучшее христианское благовествование и утешение проистекает из доброты и сердечного понимания. Пока человеческое чувство сохнет и глохнет в умственно-отвлеченных богословских построениях, пока ум холодно рассуждает и выносит приговоры, враждует в прениях и каменеет в ненависти, – до тех пор человеку остается недоступным все откровение Господа Христа. Бессердечные люди не постигают в Евангелии самого главного; а поняв, не живут, им и не осуществляют его. Черствая жадность делает человека слепым и глухим. «Реки воды живой» (Иоан.vii, 38) текут только для любящих людей, ибо любовь отверзает человеку зрение и слух, – и для Христова откровения, и для жизни и страдания других людей.

Если священник имеет эту любовь, то она чувствуется и в его церковной молитве, слышится и в его проповеди, обнаруживается ив его делах. Кто беседует с ним или помогает ему, у того возникает особое ощущение: он чувствует, что воспринял от своего духовника нечто драгоценное, жизненно важное и ободряющее, что он испытал свет и теплоту духовного огня, что он почувствовал живую доброту, что он приблизился к тому, что разумел Христос, когда говорил о любви. Ибо живое сердце имеет запас доброты для всех: утешение для горюющего, помощь для нуждающегося, совет для беспомощного, ласковое слово для всякого, добрую улыбку для цветов и для птичек. И простое обхождение с таким человеком становится незаметно живою школою сердечного участия, любовного такта, христианской мудрости. И все это прекрасно и благодатно, ибо истинный духовник есть носитель христианского духа, духа любви и сердечного созерцания.

И вот третье, чего мы ищем и ждем от нашего пастыря, – это свободная и творческая христианская совесть. Эта совесть должна жить в нем как самостоятельная и независимая сила, как критериальная мера добра и зла, мера, по которой мы могли бы проверять, выправлять и крепить нашу собственную совесть. Там, где мы подчас беспомощно сомневаемся и колеблемся, он, как мастер совести, должен видеть ясно и глубоко; где мы блуждаем и заблуждаемся, он должен знать и указывать прямую дорогу; где мы вопрошаем, он должен иметь ответ. Он должен поддерживать нас в искушениях и соблазнах; он должен быть нашей опорой в колебании и изнеможении. Он должен сразу прозревать, где есть нечестность, неискренность, измена; но при этом – хранить справедливость в суде и осуждении. Ибо совестный христианин не преувеличивает – ни в утверждении, ни в отрицании; его суждение исходит из предметно-видящего смирения, но произносится с мужеством и силою, ибо не он произносит его, а предметный огонь в нем. Нам нужен искренний и откровенный исповедник, ничем и ни в чем неподкупный, не алчный, бесстрашный пред сильными и свободный от властолюбия; нам нужен живой очаг христианской совести с чистым пламенем и кротким светом.

Мы же сами должны обеспечить ему независимую и достойную жизнь: мы должны раз навсегда отрешить требу от мзды, чтобы погасить и в нас самих и в нашем пастыре идею о том, будто молитва «покупается» и благодать «продается», чтобы не было торговли о святыне; чтобы пастырь мог молиться свободно, не помышляя о «прибытке», а прихожанин мог обращаться к нему за помощью, не учитывая своих средств и расходов. Благодать и деньги инородны друг другу; недостойно мерить Божие дело монетою; невозможно унижать своего пастыря нуждою и поборами. Дело церкви есть дело духа, любви и совести, дело молитвы и созерцания; и прихожане должны снять со своего пастыря заботу о земном, обеспечивая ему необходимое и достойное.

Я думаю, что все, высказанное здесь, относится не только к православным общинам и пастырям, но и к священнослужителям всех христианских, а может быть, в последнем, глубочайшем измерении, – и не только христианских исповеданий. Во всяком случае – всюду, где веет истинный дух Христа, прихожане будут счастливы иметь в своем пастыре живой источник молитвы, любви и христианской совести; ибо сии три основы составляют драгоценнейшую и сильнейшую скрепу христианской церкви вообще. Мне не кажется при этом, что высказанные мною ожидания слишком высоки и трудны в осуществлении, ибо дело священника, пастыря и духовника не есть обычная профессия, сходная с другими, но требует особого призвания и особых даров. Эти дары даны не всякому, но кому они не даны, тот не должен посягать на это звание. Здесь дело не столько в «знании» и «умении», сколько во «вдохновении»; не столько в обрядовой словесности, сколько в живой полноте чувства; не в отбытии «требы», а в духе ее совершения. Пастырь, не знающий об этих требованиях и не укрепивший в них своего сердца, – на чем утвердит он свою веру и молитву, как поведет он своих прихожан к Богу, чем наполнит он свой храм, как укрепит он свой приход?.. Спрашиваю и не нахожу ответа…

Это главное. Это самое существенное в вопросе о грядущем религиозном устроении России.

Когда Россия была республикой?

С древнейших, летописных времен и до самой февральской революции – никогда: ни в Киевский период; ни в Суздальско-Московский период; ни в Смутное время; ни тем более в Императорскую эпоху русской истории.

1. Вече. Летописи сохранили нам множество свидетельств о том, что во многих, если не во всех, городах русского расселения жители этих городов сходились на вечевые собрания; и русская историческая наука давно уже признала и оценила вече как начало городового самоуправления. Участвовать в этих собраниях могли все свободные граждане, не состоящие ни под отеческой властью, ни в наемной или кабальной зависимости; это участие было личное, без представительства; оно было правом, а не обязанностью и не сопровождалось перекличкою. На вече могли присутствовать: князь, духовенство, посадник, тысяцкий, бояре, купцы и меньшие люди – черные смерды и даже «худые мужики». Вече созывалось по мере надобности, иногда самим князем, иногда посадником, иногда по инициативе частной группы горожан – колоколом или бирючами. Веча были общие, кончанские («конец» города) и пригородные; явно открытые и оппозиционно-тайные («по дворам»). Созывающий давал тему для обсуждения. Голосов не подсчитывали: искали единогласия: «еже быти и стати за един». Если единогласие не давалось сразу, то дрались до тех пор, пока оно не устанавливалось (это испытывалось, как своего рода «поле» или «суд Божий»), ибо несогласное, но побитое меньшинство подчинялось. Протоколов не велось – ни решениям, ни побоям.

Компетенция вечевого собрания была обширна и неопределенна. Оно избирало князя и устанавливало с ним договорное соглашение («ряд»): оно выбирало князя иногда без оговоренного срока, иногда пожизненно, иногда и потомственно. После «ряда» князь и вече «целовали крест» друг другу. Это крестоцелование не обеспечивало верность народа, который по недовольству князем восставал и изгонял его. Суд и управление принадлежали князю, иногда и его заместителю (посаднику), однако вече вмешивалось нередко и в суд, и в управление. Войну князь мог объявить и от себя и тогда вел ее набранным войском и за свой счет; но войну могло объявить и вече – и тогда город поднимал свое ополчение под начальством князя и тысяцкого. Бывало так, что князь скажет на вече гневную, обличительную речь, покинет свое княжество и уедет; бывало и так, что вече призывало его снова.

Однако бывало часто еще и так, что князь садился править не по выбору веча, а вследствие назначения от великого князя или вследствие победы и завоевания города. Выбирались же князья из состава единой правящей династии, соблюдавшей, независимо от веча, свою очередь родового старшинства и решавшей вопрос «удела» то взаимным соглашением, то взаимной усобицей. А так как «город без князя» был явлением краткосрочным и преходящим, лишенным суда, управления и дружины, то надо признать, что государственный строй Древней Руси сочетал в себе черты республиканские с чертами монархическими.

Беспристрастный историк определит древнерусский «город» как монархию, ограниченную непосредственным народоправством.

С начала XII века в Новгороде при таком смешанном государственном строе постепенно стала намечаться тенденция к ограничению княжеской власти. Посадник назначался уже не князем, а вечем (с 1125 года); князь уже не давал без посадника ни грамот, ни волостей, ни суда и не увольнял никого без суда и вины; его финансовое положение регулировалось все теснее и строже; он утратил право «выводить людей» (на поселение в другие волости) и приобретать недвижимую собственность в Новогородской земле и т. п. Словом, князь превращался из князя в пришлого «гастролера», в полубесправного «кормленного» (т. е. наемного) чиновника, который больше «титуловался», чем правил и командовал. Понятно, что князья стали неохотно идти на зов Новгорода, а наиболее даровитые и энергичные или не шли совсем, или уходили по примеру Мстислава Удалого. Тогда Новгород оставался при посаднике и тысяцком, а князем его оказывался то Тверской князь, то Владимирский, то Московский, а то даже и Казимир Литовский. Но именно эта республиканская тенденция и погубила самостоятельность Новгорода.

Огромная территория новгородского севера требовала сильной власти, а между тем власть «Господина Великого Новгорода» слабела от внутреннего расслоения на классы, от партийных распрей и интриг. Нужна была ратная сила (и против запада, и против «своих» непокорных – то инородцев, то устюжан, то жителей двинской земли), а военная мощь новгородцев падала. Вечевой порядок, справлявшийся с делами одного города, не справлялся со сложным торговым хозяйством великого севера, с конкуренцией других русских княжеств и с осложнениями, вечно грозившими от Литвы, от Ливонского Ордена и от шведов. Вечевая громада не могла постигнуть органической связи Новгорода с остальной Россией: она искала своей «вольности» и думала «самоутверждаться» на свой риск и страх. Россия, как единый народ и единое государство, могла спасаться от напора других народов только монархическим единением, а не вечевыми интригами и драками, да еще в северо-западном «бастионе» страны. Присоединение Новгорода к Московскому царству было органической необходимостью; нельзя было ждать, чтобы новгородцы добровольно отдались Ливонскому Ордену, наподобие Пскова в 1240 году (партия пораженцев-предателей!), или шведам, или полякам… А ведущие слои Новгорода не обнаруживали ни национального достоинства, ни государственной мудрости Александра Ярославича Невского, ни политической дальнозоркости московских князей. Так республиканствующее вече новгородских сепаратистов было обречено и погибло (1478, при Иоанне III), тогда как во многих русских городах (кроме Пскова) мы долго еще находим городские вечевые собрания, даже и в Смутное время (XVII век).

2. Смута. Напрасно мы стали бы искать республиканских настроений в эпоху великой Смуты. «Междуцарствие» не имело никакого отношения к «республике». Пересекалась династия Мономаха; надо было выбирать другую. Выбрали Бориса Годунова, и родовитые бояре («княжата») стали немедленно интриговать против него, сами «подыскиваясь на царство» и мечтая о троне. С. Ф. Платонов решительно склонен к мысли о том, что Дмитрий Самозванец был «пущен» именно интригующим боярством и «подхвачен» поляками и иезуитами. В России Самозванец опирался (помимо этих национальных врагов России) на монархические и анархические настроения масс, которые и создали ему успех. На третий день после его падения (19 мая 1606 г.) был уже провозглашен новый царь – Василий Шуйский. В ответ на это «вольное казачество» выдвинуло целое множество мелких самозванцев (числом до 15: «Петра Федоровича», «Августа князя Ивана», «Лаврентия», «Федора», «Клементия», «Савелия», «Симеона», «Василия», «Ерошку», «Гаврилку», «Мартынку» и других), – а польские интервенты предпочли своего, крупного, Тушинского Вора. Ясно, что за отсутствием законного Государя люди разделились: одни стояли за полузаконного Шуйского, другие выдвигали поддельных, самозванцев, авантюристов, от которых ждали классовых подачек и угождений.

Так шло до самого конца Смуты: все искали Царя. Одни – в Польше (кто хотел Владислава, кто Сигизмунда), другие в Швеции, третьи помышляли даже о Габсбургах; иные хотели Тушинского Вора, а потом «Маринкина воренка», о коем Патриарх Гермоген писал, что он «нам отнюдь не надобен»… И самая «Семибоярщина», засевшая в Кремле с поляками, имела

от москвичей прямое поручение «Государя на Московское государство выбрати», для чего она и сносилась через Жолкевского с королевичем Владиславом: так что в Москве правила тогда не то польская диктатура с недоизбранным, отсутствующим иноземным Царем, не то боярская олигархия, все только избиравшая иноземца в русские Цари. Но республики не было и следа.

3. Не только республиканская «форма», но и республиканская «идея» отсутствуют в России в XVII и XVIII веке. Ни один из дворцовых переворотов, которые имели место в 1682 г. (регенство в Софии), в 1689 г. (единодержавие Петра), в 1725 г. (воцарение Екатерины I), в 1730 г. (воцарение Анны Иоанновны), в 1740 г. (правление Анны Леопольдовны), в 1741 г. (воцарение Елизаветы Петровны), в 1761 г. (воцарение Екатерины II) и в 1801 г. (воцарение Александра I), – ни один из этих переворотов не имел республиканского характера. О республике не помышляли и заговорщики, убившие Императора Павла Петровича. Идея диктаториальной республики появляется лишь у Пестеля и исчезает после его казни в подполье русского интеллигентского мечтания; эта идея была занесена в Россию бурей французской революции и рассудочным «просвещением» XVIII века с его верою в отвлеченное доктринерство.

4. Что касается русских народных масс, то у них на протяжении всей русской истории заметны два тяготения: государственно-строительное, с верою в монархию, с доверием к Царю и с готовностью самоотверженно служить национальному делу; и государственно-разрушительное, с мечтою об анархии или, по крайней мере, о «необременительной власти», с жаждою имущественного погрома и захвата и с «верою» во всяческую нелояльность (традиция «удалых добрых молодцев»). Это второе тяготение к анархии четыре раза разгоралось в России всенародным пожаром: в Смуту, при Разине, при Пугачеве и при Ленине. Но оно не исчезало бесследно и в промежуточные времена, обнаруживаясь в целом ряде больных явлений русского правосознания. Постепенно тяга к анархии передалась и русской интеллигенции (Бакунин, Л. Толстой, Кропоткин). «Широки натуры русские: нашей правды идеал – не влезает в формы узкие юридических начал». К анархии были склонны (обычно сами того не замечая) и русские либералы.

Но во всем этом не было исторически ни республиканства, ни республиканской традиции. А потому не было и республики – до самого 1917 года. Республикой подарил Россию именно «февраль», и последствия этого «подарка» русский народ не расхлебывал еще и поныне.

Россия есть живой организм

Когда нам ставят вопрос, как это могло случиться, что русский народ в эпоху второй отечественной войны (1914-1917) предпочел имущественный передел национальному спасению, мы отвечаем: это случилось потому, что русское простонародье, а также и радикально-интеллигентское правосознание не было на высоте тех национально-державных задач, которые были возложены на него Богом и судьбою. Русский человек видел только ближайшее; политическое мышление его было узко и мелко; он думал, что личный и классовый интерес составляют «главное» в жизни; он не разумел своей величавой истории; он не был приучен к государственному самоуправлению; он был нетверд в вопросах веры и чести… И прежде всего он не чувствовал своим инстинктом национального самосохранения, что Россия есть единый живой организм.

И с этого нам надо теперь начинать. Это нам надо уяснить себе и укрепить в наших детях. Россия есть организм природы и духа – и горе тому, кто ее расчленяет! Горе – не от нас: мы не мстители и не зовем к мести. Наказание придет само… Горе придет от неизбежных и страшных последствий этой слепой и нелепой затеи, от ее хозяйственных, стратегических, государственных и национально-духовных последствий. Не добром помянут наши потомки этих честолюбцев, этих сепаратистов и врагов России и ее духа… И – не только наши потомки: вспомнят и другие народы единую Россию, испытав на себе последствия ее преднамеренного расчленения; вспомнят ее так, как уже вспоминал ее в 1932 году дальнозоркий итальянский историк Гуилельмо Ферреро (см. «Н.З.», с. 99).

Итак, Россия есть единый живой организм. Глупо и невежественно сводить ее исторический рост к «скопидомству Мономаховичей», к «империализму Царей», к честолюбию ее аристократии или к рабской и грабительской мстительности развращенного русского простонародья (как до этого договорился в своей недавно вышедшей книге недообрусевший швед Александр фон Шельтинг; его книга есть сущий образец презрения к русскому народу и ненависти к Православию)…

Тот, кто с открытым сердцем и честным разумением будет читать «скрижали» русской истории, тот поймет этот рост русского государства совсем иначе. Надо установить и выговорить раз навсегда, что всякий другой народ, будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, хотя ни один из этих других народов, наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения, ни такой братской терпимости, какие были проявлены на протяжении тысячелетнего развития русским народом. Ход русской истории слагался не по произволу русских Государей, русского правящего класса или тем более русского простонародья, а в силу объективных факторов, с которыми каждый народ вынужден считаться. Слагаясь и возрастая в таком порядке, Россия превратилась не в механическую сумму территорий и народностей, как это натверживают иностранцам русские перебежчики, а в органическое единство.

1. Это единство было прежде всего географически предписано и навязано нам землею. С первых же веков своего существования русский народ оказался на отовсюду открытой и лишь условно делимой равнине. Ограждающих рубежей не было; был издревле великий «проходной двор», через который валили «переселяющиеся» народы, – с востока и юго-востока на запад… Возникая и слагаясь, Россия не могла опереться ни на какие естественные границы. Надо было или гибнуть под вечными набегами то мелких, то крупных хищных племен, или давать им отпор, замирять равнину оружием и осваивать ее. Это длилось веками; и только враги России могут изображать это дело так, будто агрессия шла со стороны самого русского народа, тогда как «бедные» печенеги, половцы, хазары, татары (ордынские, казанские и крымские), черемисы, чуваши, черкесы и кабардинцы – «стонали под гнетом русского империализма» и «боролись за свою свободу»…

Россия была издревле организмом, вечно вынужденным к самообороне.

2. Издревле же Россия была географическим организмом больших рек и удаленных морей. Среднерусская возвышенность есть ее живой центр: сначала «волоки», потом каналы должны были связать далекие моря друг с другом, соединить Европу с Азией, Запад с Востоком, Север с Югом. Россия не могла и не должна была стать путевой, торговой и культурной баррикадой; ее мировое призвание было прежде всего – творчески-посредническое между народами и культурами, а не замыкающееся и не разлучающее… Россия не должна была превращаться, подобно Западной Европе, в «коечно-каморочную» систему мелких государствиц с их заставами, таможнями и вечными войнами. Она должна была сначала побороть своих внутренних «Соловьев-Разбойников» (подвиг Ильи Муромца!) и «Змеев Горынычей» (подвиг Ивана Царевича!), залегавших добрым людям пути и пересекавших все дороги, – с тем чтобы потом стать великим и вседоступным культурным простором.

А этот простор не может жить одними верховьями рек, не владея их выводящими в море низовьями. Вот почему всякий народ на месте русского вынужден был бы повести борьбу за устья Волги, Дона, Днепра, Днестра, Западной Двины, Наровы, Волхова, Невы, Свири, Кеми, Онеги, Северной Двины и Печоры. Хозяйственный массив суши всегда задыхался без моря. Заприте французам устье Сены, Лауры или Роны… Перегородите германцам низовья Эльбы, Одера, лишите австрийцев Дуная – и увидите, к чему это поведет. А разве их «массив суши» может сравниться с русским массивом? Вот почему пресловутый план Густава Адольфа: запереть Россию в ее безвыходном лесостепном территориальном и континентальном блоке и превратить ее в объект общеевропейской эксплуатации, в пассивный рынок для европейской жадности – свидетельствовал не о государственной «мудрости» или «дальновидности» этого предприимчивого короля, но о его полной неосведомленности в восточных делах и о его узкопровинциальном горизонте, ибо он не видел ничего дальше своей Балтики и не постигал

из-за собственного «губернского империализма», что Европа есть лишь небольшой полуостров великого азиатского материка…

Нациям, которые захотят впредь загородить России выход к морям, надлежит помнить, что здесь дело идет совсем не о том, чтобы «уловить поступь современности», как выражаются теперь заносчивые сепаратисты русской равнины, и поскорее «расчлениться», а о том, чтобы верно увидеть проблему континентального размера и не становиться поперек дороги мировому развитию. Неумно и недальновидно вызывать грядущую Россию на новую борьбу за «двери ее собственного дома», ибо борьба эта начнется неизбежно и будет сурово-беспощадна.

3. Отстаивая свою национальность, Россия боролась за свою веру и религию. Этим Россия, как духовный организм, служила не только всем православным народам и не только всем народам европо-азиатского территориального массива, но и всем народам мира. Ибо Православная вера есть особое, самостоятельное и великое слово в истории и в системе Христианства. Православие сохранило в себе и бережно растило то, что утратили все другие западные исповедания и что наложило свою печать на все ответвления Христианства, магометанства, иудейства и язычества в России. Всякий внимательный наблюдатель знает, что лютеране в России и реформаты в России, англикане в России и магометане в России разнятся от своих иностранных соисповедников по укладу души и религиозности, удаляясь от своих первообразцов и приближаясь незаметно для себя к Православию… А католичество кончило тем, что открыто выработало и выдвинуло межеумочно-подражательную форму исповедания: «католичество восточного обряда», – форму, по видимости, првославно-свободно-молитвенную, но по существу католически-лукаво-неискреннюю, стимулирующую в обрядах не воспринятый и даже не постигнутый Дух Православия…

И при всем том Православная Церковь никогда не обращала иноверных в свою веру мечом или страхом, открыто осуждая это и запрещая уже в ранние века своего распространения. Она не уподоблялась ни католикам (особенно при Карле и Каролингах во Франции в эпоху Варфоломеевской ночи и религиозных войн, при Альбе в Нидерландах и всюду, насколько у них хватало сил, например в Прибалтике), ни англиканам (например, при Генрихе VIII, в период английской революции и междоусобных войн).

В религии, как и во всей культуре, русский организм творил и дарил, но не искоренял, не отсекал и не насиловал…

* * *

4. Духовный организм России создал далее свой особый язык, свою литературу и свое искусство. На этот язык, как на родной, отзываются все славяне мира. Но помимо своих особливых и великих языковых достоинств он оказался тем духовным орудием, которое передало начатки Христианства, правосознания, искусства и науки – всем малым народам нашего территориального массива.

Живя и творя на своем языке, русский народ, как надлежит большому культурному народу, щедро делился своими дарами со своими замиренными и присоединенными бывшими соседями, вчувствовался в их жизнь, вслушивался в их самобытность, учился у них, воспевал их в своей поэзии, перенимал их искусство, их песни, их танцы и их одежды и простосердечно и искренно считал их своими братьями; но никогда не гнал их, не стремился денационализировать их (по германскому обычаю!) и не преследовал их. Мало того, нередко он впервые слагал для них буквенные знаки и переводил им на их язык Евангелие (срв., например, труды И. А. Яковлева в деле создания чувашской письменности и одухотворения их языка).

Жизненно-культурное значение русского языка быстро обнаружилось после революции и отделения от России западных окраин. К сожалению, немногие знают, что все железнодорожное сообщение между Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей и Бессарабией могло наладиться и происходило до самой второй мировой войны – на русском языке, ибо малые народы взаимно не знали, не признавали и не хотели признавать соседних языков, а по-русски говорили и думали все… Немногие знают также, как судьи прибалтийских государств вплоть до сенаторов, изучавшие русское право на русском языке, готовясь к «слушанию» сколько-нибудь сложного дела, обращались к русскому праву и к образцовым произведениям замечательных русских юристов (от Таганцева до Тютрюмова!), по ним искали права и правды

для своих соплеменников и затем подбирали новые слова на своих языках, чтобы передать и закрепить рецепированное русское право.

Что же касается русского искусства, то о его всенародном и мировом значении нет нужды распространяться.

И вот, в силу того что на протяжении российского пространства и в длительности веков не оказалось народа, равного по талантливости, по вере и по культуре русскому народу или соперничающего с ним (в языке, в организации, в творческой самобытности, в жизненной энергии и в политической дальновидности), – русский народ оказался естественно ведущим и правящим народом, «культуртрегером», народом защитником, а не угнетателем. Всякий талант, всякий творческий человек любой нации, врастая в Россию, пролагал себе путь вверх и находил себе государственное и всенародное признание, – от евреев Шафирова, Левитана, Антокольского и братьев Рубинштейнов, до армян Лорис-Меликова, Делянова и Джаншиева; от немцев барона Дельвига, Гильфердинга и отца Климента Зедерхольма, до литовцев Ягужинского, Балтрушайтиса и Чурляниса; от грузина Чавчавадзе до карачайского князя Крым-Шохмалова и до текинца Лавра Корнилова. Кто преследовал в России после замирения – казанских и касимовских татар? Мордву? Зырян? Лопарей? Армян? Черкесов? Туркмен? Имеретин? Узбеков? Таджиков? Сартов? Кого из них не видели стены российских университетов – сдающими экзамены, кому из них мешали по-своему веровать, одеваться, богатеть и блюсти свое обычное право?.. Однажды полный и беспристрастный словарь деятелей русской имперской культуры вскроет это общенациональное братство, это всенациональное сотрудничество российских народов в русской культуре.

5. Далее, Россия есть великий и единый хозяйственный организм.

Все ее части или территории связаны друг с другом взаимным хозяйственным обменом или «питанием» – отличительной признак всякого организма. Хлебородный юг европейской России нужен не малороссам только, а всей стране вплоть до далекого севера. Лесообильный север с его невысыхающей влагой и незамерзающими выходами в Балтийском море и в океан – необходим всем народам России вплоть до среднеазиатских. Нелепо думать, будто кавказские народы, уцепившись за нефть и марганец, процветут во славу Англии или Германии, предавая им Россию. Ребячливо мечтать о том, будто «Донецкая Всевеликая Республика» – «не даст» на север ни угля, ни железа. Или будто «высокие послы» Мордовии, Черемисии и Чувашии, отрезав Великороссию от Волги и Каспия, добьются от Лиги Наций вооруженного похода на Москву для подавления ее «всеволжского империализма»… Сколько во всех подобных замыслах политического дилетанства и доктринерства, того самого, которое погубило «февралистов» и которым они доселе гордятся!..

Хозяйственное взаимопитание российских стран и народов будет рано или поздно органически восстановлено; и если рано, то в мирное процветание всех народов Империи; а если поздно, то в результате многих лишений, после ряда войн и ценою многой крови. Рабочая сила, сырье, готовые товары и единая валюта – или будут свободно циркулировать от «линии Керзона» до Владивостока и от Баку до Мурманска, и тогда народы российского пространства будут блюсти свою независимость и экономически процветать; или же Россия покроется внутренними рубежами и таможнями, и сорок бессильных и беспомощных государствиц будут бедствовать на сорока монетных системах, ломать себе голову над сорока рабочими вопросами, вести друг с другом таможенные и иные войны и сидеть без необходимого сырья и вывоза. Ибо Россия есть единый хозяйственный организм.

6. Само собою разумеется, что этим органическое единство России только очерчено. Однажды оно будет раскрыто с подобающим вниманием и установлено с полной доказательной силой.

Мы приведем здесь только еще одно поучительное доказательство.

Выдающийся русский антрополог нашего времени, пользующийся мировым признанием, профессор А. А. Башмаков, устанавливает замечательный процесс расового синтеза, осуществившегося в истории России и включившего в себя все основные народности ее истории и территории. В результате этого процесса получилось некое величавое органическое «единообразие в различии».

Именно в этом единообразии при различии, пишет Башмаков, «лежит ключ к русской загадке, которая сочетает эти два противоположные начала в единое устойчивое и умеряющее соотношение; в нем резюмируется вся история этих десяти веков, разрешивших между Эвксинским Понтом и пятидесятой параллелью ту проблему, которую другие расы тщетно пытались разрешить и которая состояла в творческом закреплении человеческих волн; вечно обновлявшихся и вечно распадавшихся».

«Этот русский успех там, где сто других различных рас потерпело неудачу, должен непременно иметь антропологический эквивалент, формулу, резюмирующую… выражение этой исторической мощи, которая привела к успеху после тысячи лет приспособления славянской расы».

«Вот эта формула. Русский народ, славянский по своему языку, смешанный по крови и по множественной наследственности, роднящей его со всеми расами, сменявшими друг друга до него на русской равнине, – представляет собою в настоящее время некую однородность, ярко выраженную в черепоизмерительных данных и весьма ограниченную в объеме уклонений от центрального и среднего типа представляемой им расы. В противоположность тому, что все воображают, – русская однородность есть самая установившаяся и самая ярко выраженная во всей Европе»…

Американские антропологи исчислили, что вариации в строении черепа у населения России не превышают 5 пунктов на сто, тогда как французское население варьирует в пределах 9 пунктов, а итальянское – в пределах 14 пунктов, причем средний череповой тип чисто русского населения занимает почти середину между неруссифицированными народами Империи. Напрасно также говорить о «татаризации» русского народа. На самом деле в истории происходило обратное, т. е. руссификация иноплеменных народов, ибо иноплеменники на протяжении веков «умыкали» русских женщин, которые рожали им полурусских детей, а русские, строго придерживавшиеся национальной близости, не брали себе жен из иноплеменниц (чужой веры! чужого языка! чужого нрава!); напуганные татарским игом, они держались своего и соблюдали этим свое органически-центральное чистокровие. Весь этот вековой процесс «создал в русском типе пункт сосредоточения всех творческих сил, присущих народам его территории». (См. труд А.А. Башмакова, вышедший на французском языке в 1937 году в Париже «Пятьдесят веков этнической эволюции вокруг Черного моря»).

Итак, Россия есть единый живой организм: географический, стратегический, религиозный, языковый, культурный, правовой и государственный, хозяйственный и антропологический. Этому организму несомненно предстоит выработать новую государственную организацию. Но расчленение его поведет к длительному хаосу, ко всеобщему распаду и разорению, а затем – к новому собиранию русских территорий и российских народов в новое единство. Тогда уже история будет решать вопрос о том, кто из малых народов уцелеет вообще в этом новом собирании Руси. Надо молить Бога, чтобы водворилось как можно скорее братское единение между народами России.

Большевизм, как соблазн и гибель

От редакции: Отдавая в печать следующие четыре стадии «Большевизм как соблазн и гибель» (i, ii) и «Возникновение и преодоление большевизма в России» (I, II), – редакция просит читателей-единомышленников не пожалеть времени и вникнуть в смысл этих статей. Только таким способом каждый из наших читателей сам найдет достойный ответ на недостойные выходки, появившиеся недавно в эмигрантской печати и направленные против редакции «Наших задач». Отвечать же на эти выходки непосредственно редакция не считает возможным.

* amp;nbsp amp;nbsp * amp;nbsp amp;nbsp *

Когда мы помышляем о грядущей России, то мы должны прежде всего поставить перед собой основной вопрос: на чем мы будем строить грядущую Россию – на личности или на обезличении человека. Этим определяется и предрешается многое, основное, может быть, – все. И казалось бы, что история России, и особенно история ее последних тридцати лет, должна была бы предрешить наш ответ.

История России переломилась на наших глазах революционной трагедией. Эта трагедия возникла из несоответствия между усиленной индивидуализацией инстинкта и отставшей индивидуализацией духа в русской народной массе. Большевизм с самого начала сделал ставку на первую и через это захватил власть; а в дальнейшем коммунизм подавил и первую и вторую и на этом утвердил свою власть. Историческое же движение России ведет к признанию инстинктивной индивидуализации, но под условием насыщения и освящения ее – индивидуализацией духовной; и на этом должна быть утверждена русская национальная власть и грядущая Россия.

Эта мысль требует, конечно, разъяснения и подтверждения. Говоря об «индивидуализации инстинкта», я имею в виду следующее. От Бога и от природы человеку дано жить на земле в виде душевно замкнутой («чужая душа потемки») и телесно самостоятельной особи. Такая особь всегда и всюду, во все времена и у всех народов была и будет живым самостоятельным организмом, инстинктивно строящим себя и свою жизнь. Этот инстинкт таинственно и бессознательно зиждет человека: его здоровье, его питание, его обмен веществ, его тепловое и двигательное равновесие, его трудовую силу, его размножение и все его жизненные отправления и умения. Несомненно, что в этом инстинкте есть и родовой примитив, безличный или доличный, растворяясь в котором человек как бы утрачивает свои личные, отличительные хотения и особенности и становится существом, стадно мыслящим, стадно страстным и стадно действующим. Этот родовой слой инстинкта, вероятно, владел нашими доисторическими предками – всецело: человек был элементарным по (уровню своей жизни, скудным в своих жизненных содержаниях, первобытно-страстным в своих чувствах, наивным в мышлении и непосредственно-бессознательным по способу внутреннего бытия; и вследствие этого люди душевно мало отличались друг от друга и находили свою настоящую силу именно в стадной совместности. По сравнению с этим первобытным укладом души – индивидуализированный человек есть существо высшей ступени: он имеет более сложную душу, более богатые жизненные содержания, он не растворяется в своих страстях, он менее наивен и менее бессознателен по способу своей жизни; он утверждает свою самостоятельность, сознает себя отдельным от других и не похожим на них; он сам несет свое жизненное одиночество и находит свою настоящую силу именно в развитии и утверждении своей особливости. Он уже не стадное существо, а индивидуальное. Его инстинкт требует самостоятельности в жизни и творчестве. Родовой примитив инстинкта не отмирает в нем, но лишь отходит на задний план; мало того, периодический возврат к родовому примитиву бывает и нужен, и полезен, и спасителен (напр., во время народных бедствий, национальных войн, государственного распада и т. д.). И тем не менее – индивидуализированный человек выходит из потока первобытности. Образно говоря, он как бы уже не земляная масса, а особый камень; не древесина, а отдельное дерево; не лава, а самостоятельно горящий огонь. И то, в чем он нуждается, есть, во-первых, – жизненное (бытовое, хозяйственное и правовое) осуществление этой самостоятельности вовне, а во-вторых, – духовное насыщение и освящение ее изнутри.

Исторически дело обычно обстоит так, что оба эти процесса (внешнего осуществления и внутреннего освящения) идут параллельно, содействуя друг другу и воспитывая отдельных людей и целые народы.

Но это бывает не всегда. Возможно, что инстинктивная индивидуализация опередит духовную; и тогда наступают опасности и трудности в построении и устроении жизни. Но возможно и то, что духовная индивидуализация опередит инстинктивную; и тогда наступают иные трудности и опасности в приятии и утверждении жизни.

Индивидуализация инстинкта есть явление неизбежное, соответствующее законам человеческой природы и творчески драгоценное: нельзя и не подобает человеку пребывать в родовом всесмешении и недифференцированности, он должен найти себя в своем инстинкте, утвердить себя и начать самостоятельно творить свою жизнь. Этим он создает в душе своей как бы почву для своего духа или как бы жилище для своей личности, или как бы корабль для своего жизненного мореплавания. Индивидуализированный, инстинкт хочет «быть о себе»: иметь свои мнения и вкусы, самостоятельно искать в жизни точку для приложения своей силы,

самостоятельно любить, строиться и работать, самостоятельно владеть вещами, приобретать и богатеть, утверждать свои права и отстаивать их. И все это естественно и необходимо.

Но если индивидуализированный инстинкт остается без духовного руководства, то все желания, способности и права оказываются соблазнами и опасностями: «свои» мнения оказываются вздорными, а вкусы – дурными; «своя» сила изживается в драке и нападении; самостоятельная «любовь» становится развратом; строительство и работа сводятся к минимуму; приобретение заменяется разбоем; право заменяется произволом. Люди оказываются нестыдящимися себялюбцами и жадными грабителями.

* * *

Индивидуализированный инстинкт нуждается в духовном руководстве. Это духовное руководство может исходить из недр примитивной, недифференцированной духовности (напр., из первобытной наивной религиозности массы; из наследственно и традиционно поддерживаемого правового обычая; из бессознательной преданности и верности королю или хозяину и т. д.). Но оно может исходить и от индивидуализированного духа (напр., от лично прочувствованной веры в Бога; от личного чувства совести, чести и долга; от лично воспитанного и утвержденного правосознания; от республиканской или монархической убежденности; от любви к своей родине и своему народу и т. д.).

Примитивная духовность есть великая и заслуженная историческая сила, и заслуги ее в истории человеческой культуры чрезвычайны.

Но как показывает история, она не всегда бывает способна дать человеку определяющее руководство: индивидуализировавшийся инстинкт, именно в силу своей индивидуализации, – постепенно отрывается от примитивной, родовой духовности, и если не находит себе обуздания, воспитания и руководства в личной духовности, то впадает во все соблазны, не справляется со всеми соблазнами и предается разнузданию. Инстинктивная индивидуализация требует – духовной: не просто – «какой-нибудь обуздывающей и принуждающей силы» и не только «иррационального духовного авторитета», а именно личной духовности, т. е. самостоятельно держащейся в человеке веры, совести, чести, верности, любви, патриотизма и национального чувства.

Духу подобает личная форма. Личной духовности подобает самостояние. Человек должен быть центром самообладания и самоуправления – духовным характером, нравственной личностью, субъектом права. Тогда личный дух может править личным инстинктом, а личный инстинкт – строить жизнь организма; а родовая духовность и родовой инстинкт остаются тайным резервуаром сил, – как бы «матерью-сырой землей», припадание к которой дарует человеку древний опыт и новую силу.

Этот процесс духовной индивидуализации отнюдь не следует представлять себе как торжество «сознания», «рассудка», «рационализма» или материалистически и механически окрашенного «просвещения». «Дух» и «мысль» не одно и то же: так, например, вера есть начало духовное, но совсем не рассудочное; точно также совесть и художественный вкус духовны, но не умственны. Согласно этому индивидуализация совсем не ведет к отказу от веры, любви, созерцания и всех бессознательных даров человека; а личное начало совсем не увенчивается рассудочностью, безверием, материализмом и нигилизмом.

Индивидуализируясь, дух не оскудевает, а расцветает. Все великие писатели, художники, музыканты, ученые, политики, полководцы, герои имели индивидуализированный дух, – но плоских, рассудочных, умствующих кропателей, поверхностных рационалистов среди них не найти. Самостояние не то же самое, что висение в отвлеченной пустоте. Стать личным духом значит самому узреть Бога и Исповедать Его, но не значит погасить в себе духовное видение и стать беспочвенным нигилистом. Человек совсем не стоит перед такой дилеммой: или преданность примитивной, родовой духовности – или самостоятельный нигилизм. Есть третий исход, верный, главный, спасительный: личная духовность, не порывающая с древним, родовым, духовным опытом, но придающая ему индивидуальную творчески свободную форму.

Итак, личный инстинкт нуждается в личной духовности; и индивидуализация инстинкта должна идти рука об руку с индивидуализацией духа.

Если индивидуализация духа опережает индивидуализацию инстинкта, то человек склоняется к отвержению инстинкта вообще: он видит в нем начало тьмы, страсти, греха и зла; он воспринимает его, как начало родового хаоса, всесмешения и окаянного неистовства. Тогда у человека возникнет потребность отвергнуть не только всю жизнь инстинкта, но и вообще всю земную форму жизни, весь «мир», который кажется ему или созданным Богом, или же, хотя он и создан Богом, но все-таки «лежит во зле»: человеку остается только заживо уйти от мира и ждать смерти. Отсюда учения буддизма, платонизма, крайней аскетики и скопчества. Отсюда, например, требование известного христианского богослова Афинагора (второй век по Р.Х.): «презирай мир и помышляй о смерти».

Если же индивидуализация инстинкта опережает индивидуализацию духа, то перед человеком встает опасность отвергнуть дух вообще. Пока индивидуализированный инстинкт сдерживается первобытной родовой духовностью, эта опасность не становится определяющей и роковой. Человек не предается разнузданию потому, что его держит некий гипноз примитивной духовности – как бы лежащее на нем массовое заклятие веры, верности и лояльности; некоторое духовно верное и обоснованное «недерзание», которое, однако, остается лично в его душе не утвержденным в порядке свободного, автономного, т. е. самозаконного вменения самому себе, и постольку – лишенным почвы. И наряду с этим недерзанием его инстинкт удерживается еще, может быть, смутно бессознательным, но опять-таки лично не укрепленным, не превращенным в твердыню характера настроением доброты, совестливости, порядочности, чести и национальной гордости.

Но стоит этому заклятию и настроению поколебаться под воздействием соблазнов и страданий, стоит первобытной духовности замутиться и обессилить – и выступает обнаженная сила индивидуального инстинкта, не сдерживаемого никакой лично-духовной силой, не поддающегося ни личному чувству чести, ни удержам долга и дисциплины, ни устою личного духовного характера. Человек человеку становится волком. Начинается война всех против всех – «кулачное право», поножовщина, гражданская резня, революция, большевизм.

Отвергая инстинкт, его индивидуальную форму и мир как соблазн – нельзя создать на земле христианскую культуру, ибо она невозможна вопреки законам природы.

Но не имея личной духовности и утрачивая родовую духовность, тоже нельзя создать на земле христианскую культуру, ибо она невозможна только вопреки законам духа.

Христианская культура возможна только в скрещении, сочетании, взаимопроникновении законов природы и законов духа. В силу законов природы человек индивидуален и самостоятелен – он есть творческий организм. В силу законов духа человек духовен и социален – он есть творческая личность. И вот человек, как природный организм, должен стать духовную личностью; а духовная личность должна принять законы природного организма (начиная от личной семьи и кончая частной собственностью). Этим и определяются пути грядущей России.

Возникновение и преодоление большевизма в России.

Трагедия русской революции стала возможною вследствие того, что индивидуализация инстинкта в России опередила индивидуализацию духа, а исторические события и испытания требовали иного. Мировая война 1914-1918 гг. потребовала от русского народа чрезвычайных напряжений и жертв, а главное, несоблазненности и несоблазняемости частным прибытком: нужна была воля к победе, а не имущественному переделу; необходимо было государственное чувство и великодержавное понимание, а не классовая зависть и ненависть, не мстительное памятозлобие, подземно тлевшее еще от эпохи крепостного права. События снова поставили русский народ на распутье, как уже не раз бывало в его истории. И было опять два пути, две возможности: или, по слову летописи, «грозно и честно нести дело» России, или же начать «Русь нести розно». Русский народ не выдержал искушения, не справился с соблазном и пошел по второму пути, подсказанному большевиками. Индивидуализированный инстинкт восстал против духа, не внял его призывам, отверг его заветы и предпочел (как говорили тогда) «похабный мир» и всенародный имущественный передел.

Все дальнейшее было этим предопределено. Массы доверились тем, кто их подвел по второму пути. А те, которые зазвали их на этот путь, никогда и не помышляли о России с творческим патриотизмом и никогда не ценили личного начала (ни в инстинкте, ни в духе).

Готовился великий обман: массы помышляли о частном прибытке, о частной собственности, об избавлении от непонятного им исторически-государственного «пресса» и о смутно воображаемой «народной власти»; а коммунисты готовили и дали массам – отмену частной собственности, хозяйственное разорение, исторически невиданный и неслыханный (тоталитарно-террористический) зажим государственного пресса и новую антинациональную и противонародную, привилегированную «элиту» («компартия»).

В результате этого русский человек, начавший революцию в качестве инстинктивно-индивидуализированного бунтовщика*, заканчивает ее в качестве инстинктивно и духовно-коллективизированного раба. Большевизм был только соблазном; настоящим замыслом был коммунизм. Надо было взбунтовать русского гражданина, чтобы превратить его в крепостного пролетария. Надо было сделать ставку на разнуздание индивидуального инстинкта, – чтобы захватить власть, чтобы в дальнейшем раздавить всякую индивидуализацию – как инстинктивную, так и духовную – чтобы подорвать и искоренить (по возможности) всякую духовность, – как личную, так и примитивно-коллективную, чтобы коллективизировать инстинкт, оторвать его от духа и закрепить эту коллективизацию нищетою, голодом и страхом. Коммунистическая партия может быть уподоблена свирепому «ордену» (в смысле орденской организации), но только рабовладельческому ордену, без Бога, чести и совести; а режим, созданный ею, подобен огромной рабовладельческой колонии, построенной на искоренении лично-инициативного (инстинкт!) и лично-творческого (дух!) начала и на попытке превратить человека из одухотворенного организма в духовно-опустошенный, но покорный механизм.

* В самый разгар гражданской войны сибирские крестьяне так и выговаривали: «Мы большевики, но не коммунисты»… Таково же было и движение Махно.

Такова трагедия русской революции. Чем же объяснить ее? Как она стала исторически возможною?

Русскому народу всегда была присуща тяга к индивидуализации, склонность человека «быть о себе», стоять на своих ногах, самому строить свою жизнь, иметь свое мнение и расширять предел своей личной власти над вещами.

Еще византийские источники, описывая славян, отмечают не только их храбрость и выносливость, их семейственность и целомудрие, их ласковость и гостеприимство, но и в особенности их свободолюбие, их отвращение ко всякому игу, их склонность расходиться друг с другом во мнении и обнаруживать взаимную страстную неуступчивость (Маврикий, Прокопий, XI век по Р.Х.). В этой характеристике верно подмечено центробежное тяготение славянского характера. Это тяготение не исчезает и в дальнейшей истории России и служит в ней немалую положительную службу. Способность славянина к самостоятельности, личной ответственной инициативе обнаруживается и в истории сербской борьбы против турок за независимость («четничество»). В своей дезорганизующей форме оно выступает в польском «либерум вето», т. е. в праве каждого члена сейма сорвать своим единоличным несогласием всякий по большинству голосов принимаемый закон (1652-1764).

Наряду со славянским элементом надо отметить далее значение равнинного пространства в истории русской индивидуализации. Открытое и обильное пространство облегчает людям обособление и расселение: нет необходимости «уживаться друг с другом» во что бы то ни стало, ибо организационное приспособление друг к другу заменяется расхождением в разные стороны. Теснота жизни и густота населения приучает людей к организующей сплоченности; и обратно.

К этим факторам славянства, равнинного пространства и редкой населенности надо прибавить еще влияние азиатского кочевничества. Кочевничество имеет способность распылять людей; с оседлого участка нелегко уйти, а имущество скотовода и открытая степь сами зовут к уходу и обособлению. Если же азиатский кочевник становился воинственным, то от его неистового грабительского напора страдали все окрестные страны (Чингис-Хан). Таким образом, Азия дала русскому народу мучительный и заразительный урок противообщественности, ограбления и порабощения: она вдохнула ему в душу склонность разнуздывать инстинкт и богатеть не от творческого труда, а от нещадного нажима на соседа – от смуты и погрома.

Под влиянием этих и других факторов сложилась русская индивидульность во всем ее отрицательном и положительном значении. Следы и проявления ее идут через всю русскую историю.

Так, в эпоху уделов каждый княжич получал особый «удел», что вело к бесчисленным несогласиям и усобицам и обессилело Россию перед лицом вторгающихся монголов. Свободного соглашения интересов русские люди искали на вечевых собраниях, и если не находили его, то решали дело побоищем. Тяга к самостоятельности и обособлению вызвала к жизни и новгородское «ушкуйничество», которое повело к колонизации Новгородом севера России. На том же пути возникло и наше казачество: это были беглые свободолюбцы, люди вольной инициативы, предприимчивые индивидуалисты, предпочитавшие анархически-грабительскую авнтюру – покорному, тягловому домоседству. Русская колонизация шла целыми столетиями не в порядке правительственных мероприятий, а в процессе вольного разбегания народа, искавшего «где лучше» и бежавшего от государственного зажима; потому русские казачьи «войска» и разместились по окраинам России.

* * *

Вся история России есть борьба между центростремительным, созидающим тяготением и центробежным, разлагающим: между жертвенной, дисциплинирующей государственностью и индивидуализирующимся, анархическим инстинктом. Центробежная тяга в известном смысле тоже служила государству, заселяя окраины, отстаивая их от вторжений и постепенно поддаваясь государственно-воспитывающему влиянию Москвы. Напряжения и успехи государственного духа, которым строилась историческая Россия, постепенно укрощали и замирали порывы анархического инстинкта; и тогда буйный авантюризм или вытеснялся в душах, или уходил на окраины государства, но и в том и другом случае он не угасал, а тлел подпочвенно наподобие горящего торфяного болота. И когда давление центра возрастало (Иоанн Грозный, закрепление сословий при Алексее Михайловиче, государственное напряжение при Петре, усиление крепостного права при Екатерине, напряжение великой войны 1914-1917 гг.), то подземное тление вспыхивало пожаром и грозило распадом России (Смута 1607-1613, бунт Разина 1667-1668, бунты стрельцов 1682, 1689, 1697; бунт Пугачева 1773-1774, большевисткая революция). Русское правительство как бы укрепляло и приводило в движение национально-государственный мускул; но перенапряжение этого мускула отзывалось восстаниями центробежного инстинкта.

Однако было бы нелепо думать, что историческая Россия строилась больше всего принуждением, страхом и казнью. Государство вообще держится инстинктом национального самосохранения и правосознанием граждан, их полусознанной лояльностью, их чувством долга, их патриотизмом. А в исторической России (xiii-xix век) административный аппарат был технически слаб и беспомощен и совершенно не мог проработать силою принуждения огромную пространственную толщу нашей страны. Историческая Россия строилась верою и национальным инстинктом, государственным чувством и правосознанием, а также тяжкими уроками завоевания и порабощения со стороны иноплеменников (татары, шведы, немцы, поляки, турки). Нажим врагов на незащищенную естественными рубежами Россию заставлял русский народ осознавать свою самобытность, укрепиться духом, центростремительно сплотиться, чтобы затем центробежно раздвинуться и отстоять свой новые рубежи.

Этот процесс постепенно превратил Россию в великую державу и потребовал от русского гражданина великодержавного разумения и воления. Индивидуализированный инстинкт должен был увенчаться индивидуализированной духовностью, т. е. лично окрепшею верою, личным характером, личным правосознанием, личным разумением государственных необходимостей и задач России. В критический час истории этого не оказалось, и наступила трагедия – разложение фронта и большевистская революция со всеми ее последствиями.

Это не значит, что личная духовность совсем отсутствовала в России. Но в массах она была не укреплена, не воспитана и не организована, а в смысле государственного разумения и навыка совершенно слаба.

Личная духовность в России всегда имела свободное дыхание в области веры, ибо Православие (в отличие от протестантизма, утратившего веру в личное бессмертие человека)

всегда утверждало лично бессмертную и лично ответственную душу и (в отличие от католицизма, строящего свою веру на воле, дисциплине и гетерономии) всегда культивировало тайну личного восприятия Бога, личного созерцания святыни и личного, автономного совестного делания Россия не знала инквизиционной системы и системы истребления еретиков: православно верующий был по самой идее своей призван к религиозному самостоянию и личному строительству своей веры – и если это осуществлялось недостаточно (и со стороны верующих, и со стороны церкви), то идея православия и задание его от этого не менялись.

Далее, личная духовность в России строила семью, воспитывала детей и вынашивала тот глубокий и чуткий совестный акт, который так характерен для русского человека. Она вынашивала и выносила русское искусство, начиная от православной иконописи и кончая русской музыкой наших дней. Она создала русскую науку.

Она нашла себе особое выражение в русской армии, где военная организация и личная доблесть солдата шли рука об руку; где Суворов, идя по стопам Петра Великого, выдвинул идею солдата как религиозно верующей и несущей духовное служение личности, где воинская инициатива и импровизация ценились всегда по заслугам.

Личная духовность в России проявлялась и в местном, сословном и церковном самоуправлении, история которого начинается с xii века, в создании артелей и кооперации, в культурном (музыкальном, театральном и школьном) организаторстве, в хозяйственном творчестве русского крестьянина, купечества и дворянства.

Но, может быть, она нигде не выразилась так самобытно и совершенно, как в русском национальном хоровом пении. В отличие от ряда других народов, заменяющих хоровое пение рубленым речитативом или совместным ревом в унисон, русский национальный хор, никем не обученный, как бы «от природы», без подготовки исполняет песню во много голосов, по слуху, верно, причем каждый голос гармонически ведет свою мелодическую линию, свободно варьируя подголоски и двигаясь в самобытных тональностях, доселе не определенных музыкальными теоретиками. Русский поющий хор есть истинное чудо природы и культуры, в котором индивидуализированный инстинкт свободно находит себе индивидуальную и верную духовную форму и свободно слагается в социальную симфонию. Этим и предначертываются пути грядущей России.

Все это можно выразить так: индивидуализация инстинкта дана русскому человеку, а индивидуализация духа является его исторической задачей; русский человек имеет душу внутренне свободную, даровитую, темпераментную, легкую и певучую, а духовная дисциплина и духовный характер должны быть еще выработаны в русской народной массе.

Русская душа не может пребывать в рабстве – ни у своих собственных страстей, ни у коммунистов. Она не должна довольствоваться индивидуализацией своего инстинкта; она призвана найти для него духовно верную, личную форму. Русскому человеку предстоит сделаться из «особи» – личностью, из соблазняемого «шатуна» – характером, из «тяглеца» и «бунтовщика» – свободным и лояльным гражданином. Тогда Россия окончательно превратится из песчаного вихря – в художественное здание несокрушимой прочности. Она станет поющим хором, и хаос не будет ей страшен.

Этим определяется и настоящее и грядущее нашей страны.

Коммунистическая революция есть в действительности глубокая историческая реакция: попытка вернуться к доисторической первобытной коллективности, к недифференцированному состоянию души и общества. И в то же время это есть некоторый радикальный и поучительный опыт, доказывающий разрушительность и жизненную нелепость этого замысла. Нельзя «взять назад» индивидуализацию инстинкта и «отменить» всякую духовность в жизни народа, как попытались сделать коммунисты. Личное начало должно было быть утверждено и признано. И Россия возвратит себе все «взятое назад» и «отмененное». Этим и определится ее будущее.

Только этим путем, т.е. воспитанием русского человека к духовности и свободе, воспитанием в нем личности, самостоятельного характера и достоинства, можно преодолеть и все тягостное наследие тоталитарного строя и все опасности «национал-большевизма». Изображать же этот путь духовности, личной свободы и творческой самостоятельности, как призыв к национал-большевизму можно, только утратив и смысл и совесть.

1 мая 1950 г.

О политической кривде

Прошло пять лет после окончания второй мировой войны, а основная задача русской национальной эмиграции – тактическое единение в борьбе с большевиками – осталась неразрешенной. Мало того, она кажется сейчас менее чем когда-либо разрешима; о ней перестают даже говорить и писать.

Мы имеем при этом в виду не программное единение, которое никогда не имело широких перспектив, но лишь тактическое, т. е. чтобы врозь идти и вместе быть. Программно-политическое разномыслие было всегда очень велико в русской эмиграции, и надежды на единение не было здесь никакой. Ибо в самом деле, как договориться фанатическому социалисту с человеком, жизненно изведавшим противоестественность социализма, его безобразную несправедливость и его деспотический гнет? Какая «общая программа» может быть у расчленителя России, публично поносящего свою родину, – и у верного сына единой Российской Империи? Как согласить доктринера-республиканца с исторически трезвым и идейно убежденным монархистом? Дело явно безнадежное…

Но можно было бы и должно было бы – врозь идти и вместе быть!..

Это тоже не удалось и не состоялось, да и в будущем не осуществится. Почему? Потому, что у верхнего слоя эмиграции честолюбие преобладает над любовью к родине, и потому, что в ее политических нравах и делах слишком много кривды. И о том, и о другом нам, единомышленникам, надо говорить друг с другом открыто и честно.

Когда после окончания второй мировой войны была провозглашена необходимость тактического единения в эмиграции, то на этот призыв отозвался с видимым сочувствием целый ряд организаций: «Да-да, единение желательно и целесообразно, и притом – все эмигрантское!» Но как только стал вопрос о путях и способах этого единения, так вместо делового разговора о координации сил («Отбросим разногласия! Сосредоточимся на едином и общем отрицании врага! Учтем и объединим наши силы!»), вместо этого последовали с разных сторон совершенно неделовые попытки провозгласить себя ведущим центром, дезавуировать «соперников» и предоставить остальным «примыкать» и «подчиняться». Ожил старый и вредный лозунг: «Мы ведем! подминайтесь под нас!» И тотчас же началась страстная борьба за «дирижерскую палочку»… Пошла суетня. Началось ожесточение. Люди стали наговаривать друг другу и друг про друга самые неприятные «комплименты». Каждая такая организация вообразила себя всеэмигрантской и стала добывать себе соответственные расходные средства. Но деньги в руках у иностранцев, и они их даром не дают. Тогда стали подминаться под иностранцев, чтобы подмять под себя своих. Иностранцы же, бывают разные: штатские и военные; партийные и правительственные; националисты и интернационалисты; открытые и закулисные; политические и конфессиональные. Добывающие оказались конкурентами и стали друг друга порочить перед деньгодателями. От этого ожесточение еще усилилось. Никто не хотел признать малые пределы своих сил и своего влияния – и вложить эти малые силы в живое дело. «Предводители» стремились не бороться, а фигурировать – и увлекали на этот путь своих ближайших единомышленников. А мы, «остальные», с грустью следили за этим политическим «грюндерством» в пустоте и за этой склокой, не предвидя от этого ни малейшего добра. Ибо еще Крылов указывал, что не следует людям «топорщиться», «пыхтеть и надуваться»…

Оговоримся, однако: это относится вовсе не ко всем зарубежным русским организациям и касается, главным образом, не «рядовых» членов, среди которых и было и сейчас есть множество драгоценных людей, а только «фигурирующих дирижеров» эмигрантской политики.

И вот те, которым удавалось получить иностранную субсидию, начинали смотреть из рук своих «деньгодателей»: запретят «жертвователи» единую Россию – и начинает газетка нести бессвязицу о пользе расчленения; запретят «субсидирующие» всякую «острую» постановку вопросов – и все сведется к «информации» и беллетристике. Ибо по нынешнему времени финансируемый редактор редактирует не по совести, а по указке издателя, предпочитая печатать хоть что-нибудь, но все-таки фигурировать в качестве редактора.

И в результате всего этого русская эмиграция разделилась – и программно, и тактически, и международно, и закулисно, и всячески. Какое уж там «единение»!

Разделилась – и занялась взаимным опорочением. И при том так: чем более организация партийна и чем честолюбивее ее вожаки, тем менее они считаются с основами литературной совести и политической чести, тем более кривды они вносят в свою борьбу. Наблюдая весь этот процесс объективно и со стороны, мы могли бы свести эту политическую кривду к следующим «правилам» или «манерам».

* * *

1. Главное это «мы», «наша партия», «наши успехи». Все, что «нам» полезно, должно быть осуществлено, «прикрыто» и оправдано.

2. Те, кто не с «нами», – разделяются на две категории. Одни – «пока еще» не с нами; их нужно (по выражению Лескова) «злее» пропагандировать и внушать им, что все спасение у «нас». Другие – «уже» не с «нами»: за ними надо наблюдать, их надо или замалчивать, или же «поедом есть». Главное в том, чтобы они не придумали чего-нибудь умнее, вернее или «увлекательнее» «нашего».

3. Кто вступает в «нашу» партию, тому дается «амнистия» за все его прошлое: «большевистское», «национал-социалистическое», возвращенческое, двуличное и всякое иное. Он объявляется «морально чистым», «честным идеалистом», «верным» и заслуживающим всякого доверия. Мы должны делать вид, будто он и есть то самое, чем он себя только заново (может быть, в тринадцатый раз!) объявил. Поклонись «нам» – и тебе все простится.

4. Кто критикует «нашу партию» за ее прошлое или настоящее, против того позволено все. Всякая дисквалификация; всякое издевательство; всякая инсинуация; всякая передержка в цитатах; всякое оклеветание; полная изоляция; а в случае целесообразности – всякий донос в учреждение, дающее визу, право «пребывания», транспорт в далекие земли или паек.

5. По отношению к людям «непартийным» – практикуется «визитация с распросами»; иногда после телефонного предупреждения, а иногда и без оного, чтобы взять «укрывающегося» неподготовленного «тепленьким». В беседе визитер изображает из себя человека добродушного, болтливого и весьма «близкого» к предполагаемым воззрениям испытуемого. Он незаметно наводит его на щекотливые темы, выспрашивает, «уточняет» и регистрирует про себя все «важное» и затем сообщает (правду или клевету) в свой партийный центр «на его усмотрение». Во всяком случае, он готовит материал для доноса – как «своим», так и иностранцам. Невольно спрашиваешь себя: «А может быть, и еще кому-нибудь?»

6. При этом все духовные и культурные критерии – уступают место политическим. Ведутся личные «досье», в коих все занесено: не был ли когда-нибудь на «неподходящей» панихиде? не написал ли когда-нибудь «несоответствующего» фельетона? не получал ли в качестве «Дипи» каких-нибудь посылок от другой партии? не выразился ли (все равно, письменно или устно!) о ком-нибудь из «наших» и если он не желает верить в «наши» лозунги, то что же он «про себя» думает? и не склонен ли он к слишком «самостоятельному» образу мыслей, к «своевольным» поступкам, к литературному правдолюбию, решительно «для нас» неудобному?..

Оказывается, что нет ни духовного достоинства, ни художественного таланта, ни научных заслуг, ни военной доблести, которые могли бы избежать этой мнимой, но вредительской «дисквалификации». Мы знаем ряд конкретных примеров, когда перворазрядные русские ученые пожизненно преподавали в глухой провинции; когда лучшим русским художникам, которыми Россия гордится, упорно отказывали в визе по ложному доносу из эмигрантской среды; когда все русские музыканты десятилетиями замалчивались в эмигрантской печати и т. д., и т. д.

7. Замечательно, что эти нравы и манеры особенно процветают не в правом, а в левом секторе эмиграции. Захватив «влиятельные» позиции, обеспечив себе финансирование и сомкнув свои ряды, этот сектор исповедует на словах «свободу», а в действительности вводит в эмиграции особого рода «тоталитарный режим», – разумеется, в пределах своих, пока еще не-государственных, сил. Он намечает повсюду своих «выдвиженцев» и «задвиженцев»; он «отлучает», «бойкотирует», «замалчивает», поносит, дисквалифицирует темными намеками и

загадочно, многозначительно «грозит»… Когда ему нужно, он пытается дискредитировать своими статьями и резолюциями честнейших людей или, наоборот, выдает «свидетельство о благонадежности» людям слишком «многосторонним». И от этого в эмиграции вырастают стены «тоталитарного» зажима и разделения.

8. Замечательно, что именно этот сектор, примыкая к заклятым врагам национально-исторической России, делает все возможное, чтобы помочь им в поношении и унижении нашей родины; чтобы внушить иностранцам органическое и преемственное тождество – дореволюционной России и современной Советии. Он выкапывает из революционной литературы прошлого настоящие «перлы» поношения и вдвигает их повсюду в своих газетах и журнальчиках жирным шрифтом. Особенно гнусный материал эти писатели добывают у Герцена. Вот пример: «Мы не можем привыкнуть к этой страшной, кровавой, безобразной, бесчеловечной, наглой на язык России, к этой литературе фискалов, к этим мясникам в генеральских эполетах, к этим квартальным на университетских кафедрах. Ненависть, отвращение поселяет к себе эта Россия. От нее горишь тем разлагающим, отравляющим стыдом, который чувствует любящий сын, встречая пьяную мать свою, кутящую в публичном доме» (А. Герцен). Или еще: «Кто из нас не желал вырваться навсегда из этой тюрьмы, занимающей четвертую часть земного шара, из этой чудовищной империи, где всякий околоточный надзиратель – верховный владыка, а верховный владыка – коронованный околоточный надзиратель?» (А. Герцен). См. «Бюллетень лиги борьбы за народную свободу» «Грядущая Россия» № 24 от 16.IV.1950.

9. И вся эта аффектированная, фальшивая декламация относится Герценом и его идейными потомками не к тоталитарно-социалистическому строю наших дней, а к национально-исторической, императорской России, к России Петра Великого, Ломоносова, Суворова, Сперанского, Пушкина, Достоевского, Александра Освободителя, Милютина, к русской армии, к русской национальной государственности, к русской Академии. И для чего приводится эта устаревшая ложь? Для того чтобы установить новую ложь: чтобы смешать Императорскую Россию с советским псевдогосударством и залить нашу родину публично клеветою.

И никто из этих «писателей» и «политиков» не думает о том, что этой пропаганде место в советской прессе и что Герцен, если бы прочел теперь эти выдержки, сам казнил бы себя от горя и стыда намыленной веревкою.

Что же делать русской национальной эмиграции со всей этой системой политической кривды, нарождающегося тоталитаризма и лжи?

Прежде всего открыто называть вещи своими именами и никак не поддаваться этому духу и этой политике: не искать у них или «по расчету» – никаких «заручек»; и отнюдь не заводить всей этой тоталитарной «механики» у себя. Кто встречается с этими людьми, тот должен пытаться указать им на сущность их тактики и на неминуемые последствия их поведения.

Затем надо оставить идею всеэмигрантского тактического единения и объединяться только единомышленникам с единомышленниками. В конце двадцатых годов генерал Евгений Карлович Миллер сказал умное и крылатое слово: «Есть прекрасный способ перессорить всю эмиграцию: надо попытаться всю ее объединить»… Это слово подтвердилось и ныне, в сороковых годах. Партии, мечтающие о захвате власти в грядущей России, относятся друг к другу подозрительно и ненавистно. И чем меньше у какой-нибудь партии государственной традиции, политических шансов и дара к власти, чем острее у нее чувство «теперь или никогда», – тем менее она способна к объединению с другими. Такие партии не надо тревожить зазываниями; надо их предоставить их собственной судьбе.

Объединяться и смыкать ряды надо по единомыслию, всячески уклоняясь от нелояльных элементов, имеющих «поручение» всюду проникать и все проваливать. Не надо никого уговаривать; нет шансов переубедить кого-либо. Надо делать живое и честное дело борьбы; увидев, что оно ведется, к нему сами примкнут все живые и честные…

А нам надо, как и прежде, помогать словом и делом всем, ведущим настоящую борьбу за настоящую Россию, отнюдь не смущаясь ни недостатком денег, ни «малочисленностью» группировки, ни угрозами врага, ни интригами и доносами полуврагов.

Один в поле – и тот воин.

Верность России

Когда в 1917 году Государь потерял доверие к верности ему русских людей, поверил тем, которые внушали ему, будто его водительство составляет главное препятствие на пути к победе, и отрекся от престола, – он завещал русским людям блюсти верность России. Но уже в течение первых месяцев «нового строя» выяснилось с очевидностью, что русским народом овладевает соблазн безволия и бесчестия и что блюсти верность России в революционно-республиканской форме он не сумеет: ясно было, что новое правительство растрачивает государственную власть, что армия разлагается, что верные и опытные люди увольняются и что влияние интернационалистов разливается по стране гибельным ядом; ясно было, что все будет оплевано, продано и предано.

Тогда верное инициативное меньшинство стало под знамя, на котором было начертано: «Верность России до конца», и начало борьбу с массовым большевизмом и с коммунистическим интернационалом, засевшим в центре страны. Надо было отрезвить ослепшую массу сопротивлением ей и спасти Россию от предстоявших ей бесконечных казней, позора, муки и национального вымирания; надо было сделать все, чтобы не состоялось погубления России, длящееся ныне уже более тридцати лет.

Избавить нашу родину от всего этого не удалось, но события показали с несомненностью, что Белая Армия была права. И борьба ее будет впоследствии по справедливости оценена и русским народом и исторической наукой.

С тех пор прошли долгие годы, а знамя это не свернуто и доныне. Простые, но великие слова «верность России до конца» будут звучать призывом до тех пор, пока на них не отзовется весь русский народ; а когда он отзовется на них, наступит эпоха его освобождения и возрождения. Не ранее этого.

Мало того, этот призыв никогда и нигде не утратит своей силы и своего глубокого смысла – для русского сердца. Где бы ни жил русский человек и сколь бы тягостны ни были условия его существования, он всегда отзовется на него; а если не отзовется, то это будет означать, что он перестает (или, может быть, уже перестал) быть русским.

Те, кто пошли с самого начала за этим зовом, никогда не сомневались в нем и всегда приветствовали всякого, кто откликался на него – где бы то ни было, и в какой бы то ни было форме, прежде или после, в самой России или в эмиграции. Все, кто блюдут верность России, связаны друг с другом живым братством, соотечеством, национальной честью и личным достоинством, – независимо от того, принадлежат ли они ко второй или третьей эмиграции, «беглецы ли они или военнопленные», «Ди-пи» Уно, или извергнутые сим «заведением» русские одиночки; независимо от своей жизненной профессии и от своего прошлого жизненного опыта; проходили ли они через тюрьмы, через коллективизацию и концлагеря или не проходили, получили ли они советское образование, или прежнее российское, или иностранное; независимо от своей расы, крови и национальности. Все, кто огнем своего сердца говорят: «Я – русский» и «я буду верен России до конца!» все – дети нашей единой родины, все братья между собой. И мы вряд ли ошибемся, если признаем, что время работает на Россию: ибо от террора и унижения, от мук и лишений люди прозревают и образумливаются: инстинкт личного самосохранения углубляется в них до общенациональной и общегосударственной глубины; а без этого невозможно оздоровление и возрождение.

Верность России можно нарушить и утратить на разных путях и в различных формах.

И первая форма есть отчуждение и забвение.

Спросим себя и друг друга; – верны ли России те, кто забывают ее язык? Нам приходилось встречать в зарубежье русских людей, которые кое-как «ломают» язык своей новой страны и оседлости, а по-русски или совсем не говорят (забыли! разучились! или же произносят еле-еле несколько искаженных слов… Дьякона называют «дьякором», вместо

дьячок – говорят «дьячорт», и даже свою домашнюю Жучку, вспоминают под именем «Жуковки»… А уж дети их – не произносят по-русски ни слова.

И еще спросим: верны ли России те, в ком угасает ее живой дух и ее культура? Нам приходилось встречать в эмиграции людей, которые помнят два-три петербургских вида, свой домик в Тамбове или Твери или вид с Жигулей на Волгу. Но они не знают, кто был Владимир Мономах, что сделал для России Жуковский, в чем заслуги Сперанского и Столыпина и в чем своеобразие русской песни, русской живописи и русской музыки… Они не читают по-русски и не берегут русскую книгу. Россия для них – прошлое, отжившее, полузабытый сон, перевернутая страница…

Все это – еще не отречение и не измена, а только утрата, забвение и отчуждение. Это беда денационализации.

Отречение приходит через интернационализацию.

Спросим же себя: блюдем ли мы верность России, вступая в интернациональные организации и обязуясь подчиняться их указаниям? Могу ли я, вступая во Второй (Социалистический), или в Третий (Коммунистический), или же в Четвертый (Троцкистский) Интернационал, блюсти свое независимое русское служение? Принимая на себя «антропософские» или иностранно-фашистские обязательства, что оставляю я для своей родной страны? Нам приходилось встречать в эмиграции людей, которые, спасаясь от трудных условий жизни, становились анабаптистами или католиками и начинали нести о России и о Православии такую зазорную ложь, что русское сердце замирало от стыда и негодования… Это была уже не «беда забвения», а дело сущего отречения. Это был уже прямой уход от России и переход к ее недругам.

Но есть и худшее – это прямая измена. Спросим только себя: добровольно и не за страх принимая на себя подданство враждебной державы, что сохраняю я для своего отечества? Верность? Подготовляя расчленение России и разделение ее территории между соседями, имею ли я право и основание считать себя русским? И если – нет, то кем же я становлюсь? Не иностранцем ли, извлекающим выгоду из своей былой русскости?

Допросим же сами себя – о себе – по всем этим пунктам и предоставим будущим русским национальным правителям и историкам – решить этот вопрос применительно к другим.

Что сулит миру расчленение России?

1. Беседуя с иностранцами о России, каждый верный русский патриот должен разъяснять им, что Россия есть не случайное нагромождение территорий и племен и не искусственно слаженный «механизм» областей, но живой, исторически выросший и культурно оправдавшийся ОРГАНИЗМ, не подлежащий произвольному расчленению. Этот организм (см. стр. 232, 235) есть географическое единство, части которого связаны хозяйственным взаимопитанием; этот организм есть духовное, языковое и культурное единство, исторически связавшее русский народ с его национально-младшими братьями – духовным взаимопитанием; он есть государственное и стратегическое единство, доказавшее миру свою волю и свою способность к самообороне; он есть сущий оплот европейски-азиатского, а потому и вселенского мира и равновесия (см. «Н.З.» 45 и 46). Расчленение его явилось бы невиданной еще в истории политической авантюрой, гибельные последствия которой человечество понесло бы на долгие времена.

Расчленение организма на составные части нигде не давало и никогда не даст ни оздоровления, ни творческого равновесия, ни мира. Напротив, оно всегда было и будет болезненным распадом, процессом разложения, брожения, гниения и всеобщего заражения. И в нашу эпоху в этот процесс будет втянута вся вселенная. Территория России закипит бесконечными распрями, столкновениями и гражданскими войнами, которые будут постоянно перерастать в мировые столкновения. Это перерастание будет совершенно неотвратимым в силу одного того, что державы всего мира (европейская, азиатская и американские) будут вкладывать свои деньги, свои торговые интересы и свои стратегические расчеты в нововозникшие малые государства; они будут соперничать друг с другом, добиваться преобладания и «опорных пунктов»; мало того, – выступят империалистические соседи,

которые будут покушаться на прямое или скрытое «аннексирование» неустроенных и незащищенных новообразований (Германия двинется на Украину и Прибалтику, Англия покусится на Кавказ и на Среднюю Азию, Япония на дальневосточные берега и т. д.). Россия превратится в гигантские «Балканы», в вечный источник войн, в великий рассадник смут. Она станет мировым бродилом, в которое будут вливаться социальные и моральные отбросы всех стран («инфильтранты», «оккупанты», «агитаторы», «разведчики», революционные спекулянты и «миссионеры»); все уголовные, политические и конфессиональные авантюристы вселенной. Расчленная Россия станет неизлечимою язвою мира.

2. Установим сразу же, что подготовляемое международною закулисою расчленение России не имеет за себя ни малейших оснований, никаких духовных или реально политических соображений, кроме революционной демагогии, нелепого страха перед единой Россией и застарелой вражды к русской монархии и к Восточному Православию. Мы знаем, что западные народы не разумеют и не терпят русского своеобразия. Они испытывают единое русское государство, как плотину для их торгового, языкового и завоевательного распространения. Они собираются разделить всеединый российский «веник» на прутики, переломать эти прутики поодиночке и разжечь ими меркнущий огонь своей цивилизации. Им надо расчленить Россию, чтобы провести ее через западное уравнение и развязание и тем погубить ее: план ненависти и властолюбия.

3. Напрасно они ссылаются при этом на великий принцип «свободы»: «национальная свобода» требует-де «политической самостоятельности»… Никогда и нигде племенное деление народов не совпадало с государственным. Вся история дает тому живые и убедительные доказательства. Всегда были малые народы и племена, неспособные к государственному самостоянию: проследите тысячелетнюю историю армян, народа темпераментного и культурно-самобытного, но не государственного; и далее, спросите: где самостоятельные государства фламандцев (4,2 млн в Бельгии, 1 млн в Голландии), или валлонов (4 млн)? почему не суверенны уэльские кимры и шотландские гэлы (0,6 млн)? где государства кроатов (3000000), словенцев (1260000), словаков (2,4 млн), вендов (65000)? французских басков (170000), испанских басков (450000), цыган (до 5 млн), швейцарских лодинов (45000), испанских католонцев (6 млн.), испанских галлегосов (2,2 млн), курдов (свыше 2 млн) и многого множества других азиатских, африканских, австралийских и американских племен?

Итак, племенные «швы» Европы и других материков совершенно не совпадают с государственными границами. Многие малые племена только тем и спаслись в истории, что примыкали к более крупносильным народам, государственным и толерантным: отделить эти малые племена значило бы – или передать их новым завоевателям и тем окончательно повредить их самобытную культурную жизнь, или погубить их совсем, что было бы духовно разрушительно, хозяйственно разорительно и государственно нелепо. Вспомним историю древней римской империи – это множество народов, «включенных», получивших права римского гражданства, самобытных и огражденных от варваров. А современная Великобританская Империя? И вот именно таково же культуртрегерское задание единой России.

Ни история, ни современное правосознание не знают такого правила: «сколько племен, столько государств». Это есть новоизобретенная, нелепая и гибельная доктрина; и ныне она выдвигается именно для того, чтобы расчленить единую Россию и погубить ее самобытную духовную культуру.

* * *

4. Далее, пусть не говорят нам о том, что «национальные меньшинства» России стояли под гнетом русского большинства и его государей. Это вздорная и ложная фантазия. Императорская Россия никогда не денационализировала свои малые народы, – в отличие хотя бы от германцев в Западной Европе.

Дайте себе труд заглянуть в историческую карту Европы эпохи Карла Великого и первых Каролингов (768-843 по Р.Х.). Вы увидите, что почти от самой Дании, по Эльбе и за Эльбой (славянская «Лаба»!), через Эрфурт к Регенсбургу и по Дунаю – сидели славянские племена: ободриты, лютичи, линоньг, гевелы, редарии, укры, поморяне, сорбы и много других.

Где они все? Что от них осталось? Они подверглись завоеванию, искоренению или полной денационализации со стороны германцев. Тактика завоевателя была такова: после военной победы в стан германцев вызывался ведущий слой побежденного народа; эта аристократия вырезывалась на месте; затем обезглавленный народ подвергался принудительному крещению в католицизм, несогласные убивались тысячами; оставшиеся принудительно и безропотно германизировались. «Обезглавление» побежденного народа есть старый общегерманский прием, который был позднее применен и к чехам, а в наши дни опять к чехам, полякам и русским (для чего и внедрены были в Россию большевики с их террором).

Видано ли, слыхано ли что-нибудь подобное в истории России? Никогда и нигде! Сколько малых племен Россия получила в истории, столько она и соблюла. Она выделяла, правда, верхние слои присоединенных племен, но лишь для того, чтобы включить их в свой имперский верхний слой. Ни принудительным крещением, ни искоренением, ни всеуравнивающим обрусением она никогда не занималась. Насильственная денационализация и коммунистическая уравниловка появились только при большевиках.

И вот доказательство: население Германии, поглотившей столько племен, доведено посредством беспощадной денационализации до всегерманской однородности, а в России общие переписи установили сначала свыше ста, а потом до ста шестидесяти различных языковых племен; и до тридцати различных исповеданий. И господа расчленители забывают, что племенной состав для затеваемого ими политического расчленения соблюла именно Императорская Россия.

Вспомним хотя бы историю немецких колонистов в России. Подверглись ли они за 150 лет – денационализации? Они переселились на Волгу и в южную Россию во второй половине 18 века и позже (1765-1809) – в числе 40-50 тысяч. К началу 20 века это был богатейший слой российского крестьянства, числом около 1200000 человек. Все соблюли свой язык, свои исповедания, свои обычаи. И когда, доведенные экспроприацией большевиков до отчаяния, они хлынули назад в Германию, то немцы с изумлением услышали в их устах исконные – голштинские, вюртембергские и иные диалекты. Все сообщения о принудительной руссификации были этим опровергнуты и посрамлены.

Но политическая пропаганда не останавливается и перед явной ложью.

Большевикам не удалось отвести каждому племени его особую территорию потому, что все племена России разбросаны и рассеяны, кровно смешаны и географически перемешаны друг с другом.

Политически обособляясь, каждое племя претендует, конечно, на течение «своих» рек и каналов, на плодородную почву, на подземные богатства, на удобные пастбища, на выгодные торговые пути и на стратегические оборонительные границы, не говоря уже о главном «массиве» своего племени, как бы малочислен ни был этот «массив». И вот если мы отвлечемся от малых и рассеяных племен, как-то: вотяки, пермяки, зыряне, воргулы, остяки, черемисы, мордва, чуваши, ижора, талышинцы, крызцы, долгане, чуванцы, алеуты, лаки, табасарцы, удины и др. – и взглянем только в национальную гущу Кавказа и Средней Азии, то мы увидим следующее.

Расселение более крупных и значительных племен в России таково, что каждое отдельное «государствице» должно было отдать свои «меньшинства» соседям и включить в свой состав обильные чужие «меньшинства». Так обстояло в начале революции в Средней Азии с узбеками, таджиками, киргиз-кайсаками и туркменами: здесь попытки политического размежевания вызвали только ожесточенное соперничество, ненависть и неповиновение. Так же обстояло и на Кавказе. Застарелая национальная вражда между азербайджанскими татарами и армянами требовала строгого территориального раздела, а этот раздел оказался совершенно неосуществимым: обнаружились большие территориальные узлы со смешанным населением и только присутствие советских войск предотвращало взаимную резню. Подобные же больные узлы образовались при размежевании Грузии и Армении уже в силу одного того, что в Тифлисе, главном городе Грузии, армяне составляли почти половину населения, и притом наиболее зажиточную половину.

Понятно, что большевики, желавшие под видом «национальной самостоятельности» – изолировать, денационализировать и интернационализировать российские племена, разрешали все эти задачи диктаториальным произволом, за которым скрывались партийно-марксистские соображения, и силою красноармейского оружия.

Так, национально-территориальное размежевание народов было делом искони безнадежным.

* * *

6. Ко всему сказанному надо добавить, что целый ряд российских племен живет доныне в состоянии духовной и государственно-политической малокультурности: среди них есть такие, что пребывают религиозно в самом примитивном шаманстве; вся «культура» сводится у многих к кустарным ремеслам; кочевничество далеко еще не изжито; не имея ни естественных границ своей территории, ни главных городов, ни своих письменных знаков, ни своей средней и высшей школы, ни своей национальной интеллигенции, ни национального самосознания, ни государственного правосознания, они (как это было известно русскому Императорскому Правительству и как это подтвердилось при большевиках) неспособны к самой элементарной политической жизни, не говоря уже о разрешении сложных задач судопроизводства, народного представительства, техники, дипломатии и стратегии. В руках большевиков они оказались политическими «куклами», надетыми на «пальцы» большевистской диктатуры: двигались эти пальцы, и несчастные «куклы» шевелились, кланялись, покорно разводили руками и лепетали партийно-марксистские пошлости. Демагогия и обман, экспроприация и террор, разрушение религии и быта – выдавались за «национальный расцвет» российских меньшинств, а на западе находились глупцы и продажные корреспонденты, которые воспевали это «освобождение народов».

Неизбежен вопрос: после отчленения этих племен от России – кто завладеет ими? Какая иностранная держава будет разыгрывать их и тянуть из них жизненные соки?..

7. С тех пор протекли десятилетия большевистского произвола, голода и террора. С тех пор пронесся ураган второй мировой войны и была проведена послевоенная «национальная чистка». Вот уже 33 года, как большевики убивают или вымаривают голодом непокорные слои населения и перебрасывают людей всех российских племен и наций массами в концлагеря, в новые города и на фабрики. Вторая мировая война сдвинула с места всю западную половину Европейской России, уводя одних (украинцев, немецких колонистов, евреев) на восток к Уралу и за Урал, а других на запад, в качестве пленных «остарбайтеров» или беженцев (в том числе добровольно ушли в Германию целою массою калмыки). Немцы заняли тогда русскую территорию с населением около 85 миллионов людей, массами расстреливали заложников и истребили около полутора миллионов евреев. Этот режим расстрелов и передвижений продолжался затем при большевиках после обратного занятия ими отвоеванных у них территорий. Потом начались расправы с национальными меньшинствами: надо считать почти погубленными – немцев-колонистов, крымских татар, карачаев, чеченцев и ингушей; а ныне расправа продолжается в Эстонии, Латвии и Литве. Представители УНРА исчислили погибших жителей Белоруссии в 2,2 миллиона, а на Украине – в 7-9 миллионов. Помимо этого нам достоверно известно, что выбывающее население Украины, Белоруссии и Прибалтики пополняется населением из центральных губерний, с иными национальными традициями и тяготениями.

Все это означает, что процесс вымирания, национальной перетасовки и племенного смешения достиг в России за время революции небывалых размеров. Целые племена исчезли совсем или сведены к ничтожеству; целые губернии и области очнутся после революции с новым составом населения; целые уезды окажутся запустевшими. Все прежние планы и расчеты господ расчленителей окажутся беспочвенными и несостоятельными. Если же советская революция закончится третьей мировой войной, то в племенном и территориальном составе русского населения произойдут такие изменения, после которых сама идея национально-политического расчленения России может оказаться совершенно нежизненной химерой, планом не только изменническим, но просто глупым и неосуществимым.

8. И тем не менее мы должны быть готовы к тому, что расчленители России попытаются провести свой враждебный и нелепый опыт даже и в послебольшевистском хаосе, обманно выдавая его за высшее торжество «свободы», «демократии» и «федерализма»: российским народам и племенам на погибель, авантюристам, жаждущим политической карьеры, на «процветание», врагам России на торжество. Мы должны быть готовы к этому, во-первых, потому, что германская пропаганда вложила слишком много денег и усилий в украинский (а может быть, и не только в украинский) сепаратизм; во-вторых, потому, что психоз мнимой «демократии» и мнимого «федерализма» охватил широкие круги пореволюционных честолюбцев и карьеристов; в-третьих, потому, что мировая закулиса, решившая расчленить Россию, отступит от своего решения только тогда, когда ее планы потерпят полное крушение.

* * *

9. И вот когда после падения большевиков мировая пропаганда бросит во всероссийский хаос лозунг: «Народы бывшей России расчленяйтесь!» – то откроются две возможности: или внутри России встанет русская национальная диктатура, которая возьмет в свои крепкие руки «бразды правления», погасит этот гибельный лозунг и поведет Россию к единству, пресекая все и всякие сепаратистские движения в стране; или же такая диктатура не сложится, и в стране начнется непредставимый хаос передвижений, возвращений, отмщении, погромов, развала транспорта, безработицы, голода, холода и безвластия (см. «Н.З.», 11).

Тогда Россия будет охвачена анархией и выдаст себя с головой своим национальным, военным, политическим и вероисповедным врагам. В ней сложится тот водоворот погромов и смуты, тот «Мальстрем нечисти», на который мы указали в пункте 1; тогда отдельные части ее начнут искать спасения в «бытии о себе», т. е. в расчленении.

Само собой разумеется, что этим состоянием анархии захотят воспользоваться все наши «добрые люди»; начнутся всевозможные военные вмешательства под предлогом «самоограждения», «замирения», «водворения порядка» и т. д. Вспомним 1917-1919 гг., когда только ленивый не брал плохо лежащее русское добро; когда Англия топила союзнорусские корабли под предлогом, что они стали «революционно опасными», а Германия захватила Украину и докатилась до Дона и Волги. И вот «добрые соседи» снова пустят в ход все виды интервенции: дипломатическую угрозу, военную оккупацию, захват сырья, присвоение «концессий», расхищение военных запасов, одиночный, партийный и массовый подкуп, организацию наемных сепаратистских банд (под названием «национально-федеративных армий»), создание марионеточных правительств, разжигание и углубление гражданских войн по китайскому образцу. А новая Лига Наций попытается установить «новый порядок» посредством заочных (Парижских, Берлинских или Женевских) резолюций, направленных на подавление и расчленение национальной России.

Допустим на момент, что все эти «свободолюбивые и демократические» усилия временно увенчаются успехом и Россия будет расчленена. Что же даст этот опыт российским народам и соседним державам?

10. При самом скромном подсчете – до двадцати отдельных «государств», не имеющих ни бесспорной территории, ни авторитетных правительств, ни законов, ни суда, ни армий, ни бесспорно национального населения. До двадцати пустых названий. Но природа не терпит пустоты. И в эти образовавшиеся политические ямы, в эти водовороты сепаратистской анархии хлынет человеческая порочность: во-первых, вышколенные революцией авантюристы под новыми фамилиями; во-вторых, наймиты соседних держав (из русской эмиграции); в третьих, иностранные искатели приключений, кондотьеры, спекулянты и «миссионеры» (перечитайте «Бориса Годунова» Пушкина и исторические хроники Шекспира). Все это будет заинтересовано в затягивании хаоса, в противорусской агитации и пропаганде в политической и религиозной коррупции.

Медленно, десятилетиями будут слагаться новые, отпавшие или отчлененные государства. Каждое поведет с каждым соседним длительную борьбу за территорию и за население, что будет равносильно бесконечным гражданским войнам в пределах России.

Будут появляться все новые жадные, жестокие и бессовестные «псевдогенералы», добывать себе «субсидии» за границей и начинать новую резню. Двадцать государств будут

содержать 20 министерств (20x10, по меньшей мере, 200 министров), двадцать парламентов (20x200, минимум 4000 парламентариев), двадцать армий, двадцать штабов, двадцать военных промышленностей, двадцать разведок и контрразведок, двадцать полиций, двадцать таможенных и запретительных систем и двадцать всемирно разбросанных дипломатических и консульских представительств. Двадцать расстроенных бюджетных и монетных единиц потребуют бесчисленных валютных займов; займы будут даваться «державами» под гарантии «демократического», «концессионного», «торгово-промышленного» и «военного» рода. Новые государства окажутся через несколько лет сателлитами соседних держав, иностранными колониями или «протекторатами». Известная нам из истории федеративная неспособность русского населения и столь же исторически доказанная тяга его к «самостоятельному фигурированию» (см. «Н.З.», с. 194) – довершат дело: о федерации никто и не вспомнит, а взаимное ожесточение российских соседей заставит их предпочитать иноземное рабство всерусскому единению.

11. Чтобы наглядно вообразить Россию в состоянии этого длительного безумия, достаточно представить себе судьбу «Самостийности Украины».

Этому «государству» придется прежде всего создать новую оборонительную линию от Овруча до Курска и далее через Харьков на Бахмут и Мариуполь. Соответственно должны будут «ощетиниться» фронтом против Украины и Великороссия и Донское Войско. Оба соседних государства будут знать, что Украина опирается на Германию и является ее сателлитом и что в случае новой войны между Германией и Россией немецкое наступление пойдет с самого начала от Курска на Москву, от Харькова на Волгу и от Бахмута и Мариуполя на Кавказ. Это будет новая стратегическая ситуация, в которой пункты максимального доныне продвижения германцев окажутся их исходными пунктами.

Нетрудно представить себе и то, как к этой новой стратегической ситуации отнесутся – Польша, Франция, Англия и Соединенные Штаты; они быстро сообразят, что признать Самостийную Украину значит отдать ее германцам (т. е. признать первую и вторую мировые войны проигранными!) и снабдить их не только южнорусским хлебом, углем и железом, но и уступить им Кавказ, Волгу и Урал.

На этом может начаться отрезвление Западной Европы от «федеративного» угара и от общерусского расчленения.

* * *

12. Из всего этого явствует, что план расчленения России имеет свой предел в реальных интересах России и всего человечества. Доколе ведутся отвлеченные разговоры, доколе политические доктринеры выдвигают «соблазнительные» лозунги, делают ставку на русских изменников и забывают империалистическую похоть предприимчивых соседей; доколе они считают Россию конченною и похороненною, а потому беззащитною, – дело ее расчленения может представляться решенным и легким. Но однажды великие державы реализуют в воображении неизбежные последствия этого расчленения и однажды Россия очнется и заговорит; тогда решенное окажется проблематичным и легкое трудным.

Россия, как добыча, брошенная на расхищение, есть величина, которую никто не осилит, на которой все перессорятся, которая вызовет к жизни неимоверные и неприемлемые опасности для всего человечества. Мировое хозяйство, и без того выведенное из равновесия утратой здорового производства России, увидит себя перед закреплением этого бесплодия на десятки лет. Мировое равновесие, и без того ставшее шатким, как никогда, окажется обреченным на новые невиданные испытания. Расчленение России не даст ничего далёким державам и невероятно укрепит ближайших соседей – империалистов. Трудно придумать меру, более выгодную для Германии, как именно провозглашение русской «псевдофедерации»: это значило бы «списать со счета» первую мировую войну, весь междувоенный период (1918-1939) и всю вторую мировую войну – и открыть Германии путь к мировой гегемонии. Самостийная Украина только и может быть «трамплином», ведущим немцев к мировому водительству.

Именно Германия, восприняв старую мечту Густава Адольфа, силится отбросить Россию до «Московской эпохи». При этом она, рассматривая русский народ как предназначенный для нее исторический «навоз», совершенно неспособна понять, что Россия не погибнет от

расчленения, но начнет воспроизведение всего хода своей истории заново: она, как великий «организм», снова примется собирать свои «члены», продвигаться по рекам к морям, к горам, к углю, к хлебу, к нефти, к урану.

Легкомысленно и неумно поступают враги России, «впрыскивая» российским племенам политически безумную идею расчленения. Эта идея расчленения европейских держав была однажды выдвинута на Версальском конгрессе (1918). Тогда она была принята и осуществлена. И что же? В Европе появился ряд небольших и в самоотставании слабосильных государств: Эстония, Латвия и Литва; многоземельная, но неудобозащитимая Польша; стратегически безнадежная, ибо всюду удобопроломимая и внутренне разъединенная Чехословакия; маленькая и разоруженная Австрия; урезанная, обиженная и обессиленная Венгрия; до смешного раздувшаяся и стратегически ничего не стоящая Румыния; и не по-прежнему обширная, но по-новому оскорбленная, мечтающая о реванше Германия. С тех пор прошло тридцать лет, и когда мы теперь оглядываемся на ход событий, то невольно спрашиваем себя: может быть, версальские политики хотели приготовить для воинственной Германии обильную и незащищенную добычу – от Нарвы до Варны и от Брегенца до Барановичей? Ведь они превратили всю эту европейскую область в какой-то «детский сад» и оставили этих беззащитных «красных шапочек» наедине с голодным и обозленным волком… Были ли они столь наивны, что надеялись на французскую «гувернантку», которая «воспитает» волка? Или они недооценили жизненную энергию и горделивые замыслы немцев? Или они думали, что Россия по-прежнему спасет европейское равновесие, ибо воображали и уверяли себя, что Советское государство и есть Россия? Что ни вопрос, то нелепость…

Трудно теперь сказать, о чем именно эти господа тогда думали и о чем не думали. Ясно только, что приготовленное ими расчленение Европы, заключенной между германским и советским империализмом, было величайшей глупостью двадцатого века. К сожалению, эта глупость их ничему не научила и рецепт расчленения опять извлечен из дипломатических портфелей.

Но для нас поучительно, что европейские политики заговорили одновременно – о паневропейском объединении и о всероссийском расчленении! Мы давно прислушиваемся к этим голосам. Еще в двадцатых годах в Праге видные социалисты-революционеры публично проболтались об этом замысле, избегая слова «Россия» и заменяя его описательным выражением «страны, расположенные к востоку от линии Керзона». Мы тогда же отметили эту многообещающую и, в сущности, изменническую терминологию и сделали соответствующий вывод: мировая закулиса хоронит единую национальную Россию…

Не умно это. Не дальновидно. Торопливо в ненависти и безнадежно на века. Россия не человеческая пыль и не хаос. Она есть прежде всего великий народ, не промотавший своих сил и не отчаявшийся в своем призвании. Этот народ изголодался по свободному порядку, по мирному труду, по собственности и по национальной культуре. Не хороните же его преждевременно! Придет исторический час, он восстанет из мнимого гроба и потребует назад свои права!

Осаждающая крепость

История войн знает бесчисленное множество примеров осажденной крепости. История знает все разновидности – от «шперфорта» до бесконечной Китайской стены; от «засеки» до укрепленного лагеря; от береговой батареи до новопрусского фронта и «линии Мажино». Но все это укрепления, служащие обороне, даже и тогда, когда они приспособлены для активной обороны или когда входят в качестве «опорных пунктов» в систему завоевания. Все это крепости, готовые к осаде и сопротивлению. Ныне история подарила нам невиданный образец – осаждающей крепости. Таково советское коммунистическое государство.

Само собою разумеется, что это «крепость» особого рода. Статистические сводки исчисляли длину русскональной границы (до обеих мировых войн!) приблизительно в 70000 километров (50000 км морской границы и 20000 км сухопутной). С тех пор граница Советии растянулась весьма значительно – и в Европе, и особенно в Азии; так что помышлять об ее фортификационном укреплении невозможно и нелепо. И тем не менее это есть особое «стратегическое тело», изолированное отовсюду и всецело посвященное военным целям. Но

задача его не оборонительная, а завоевательная. Линия, изолирующая его, имеет не фортификационный характер, а политически-террористический («железный занавес») и держаться она может только при двух условиях: свирепополицейского насыщения границы и постоянного военного насыщения ее тыла, т. е. самой страны.

Руководители коммунистической революции с самого начала понимали, что советская страна есть революционная крепость, стратегически весьма труднооборонимая; что серьезная интервенция буржуазных государств может смести эту революционную крепость целиком; что коммунисты смогут продержаться только при неутомимом революционном активизме, ослабляющем врагов и заражающем их той же революционной болезнью (так и говорили вслух, и писали о «бактериях революции», явно вспоминая знаменитый пример снятия осады вследствие заражения осаждающего войска чумой). Однако «революционную крепость» решительно никто не мог и не думал осаждать: для этого не было ни политической, ни стратегической конъюнктуры и панические вопли от времени до времени, издававшиеся коммунистами, свидетельствовали только о том, что они сами боятся и стараются запугать свою партию. Преступление и страх перед наказанием всегда служили им заговорщическою спайкою.

У того, кто провел годы под советским террором и кто изучал стенограммы и резолюции коммунистических съездов (Коминтерна, Партий и Советов), не может быть никаких сомнений в том, что коммунистическая верхушка действительно боялась интервенционной войны. Это были не пустые слова: волна террора в стране поднималась каждый раз, как только возникали трения с одной из великих держав и начиналась паника на верхах. Засевшие в революционной крепости боялись «осады» потому, что сами изо всех сил готовились к разложению и завоеванию «буржуазного мира». Они не скрывали своих планов и мер, напротив, излагали их подробно и публиковали на всех языках. Объявляли во всеуслышание от Коминтерна – и потому сами боялись; объявляли от лица «комцентра» – и категорически отрицали от лица Советской власти. Для международных масс – надо было объявлять и провозглашать; в разговорах с наивно корректными иностранными дипломатами – можно было развязно отрицать все, да еще с «негодованием». Расчет был такой: никто не поверит грабителю, объявляющему, по какой лестнице и в какое окно он полезет; настоящий фальшивомонетчик не рассказывает вслух, где у него лаборатория и печатный станок; а кто сам рассказывает, к тому серьезно не относятся… даже и не слушают его…

А вдруг прислушаются? Примут всерьез? Затревожатся? Сговорятся? Решат ликвидировать? На этот случай пропаганда принимает все меры к тому, чтобы парализовать мобилизацию у врагов, разложить их армию и начать гражданскую войну в мобилизующейся стране. В резолюциях Коминтерна все это подробно рассказано. Но во что большевики никогда не верили, это в то, что буржуазный мир будет так «глуп» или так «труслив», что даже и не попытается организовать серьезную интервенцию и ликвидировать их зловещее гнездо.

Шли долгие годы, интервенция не начиналась, и коммунистические верхи по-прежнему считали себя революционной крепостью, стратегически угрожаемой и революционно угрожающей. Первое – не соответствовало действительности: никто на них не нападал; на Польшу (1921) они напали сами; Германия была военно бессильна под давлением Версаля; а другие державы и не думали о войне. Второе соответствовало действительности: революционная крепость вела неутомимую и разветвленную «осаду» всех остальных держав. Это была осада внутренняя, цепкая, «бактериологическая»; осада термитов, подготовлявшая осаду саранчи; осада соблазном, обманной иллюзией, моральным разложением, массовым гипнозом, конспиративной организацией, вызывающими вспышками. Но о военно-стратегической грозе со стороны большевиков долгое время не могло быть и речи. С одной стороны, советская армия отнюдь не была на высоте. С другой стороны – с востока и с запада имелись две стратегически опытные и грозные силы, с которыми невозможно было тягаться.

Советская армия отнюдь не была на высоте. Во-первых, потому что коммунисты считали ее при всех условиях опасной носительницей национального чувства и национальной чести и потому не доверяли ей: это было не «их» орудие, не «их» дух, не «их» традиция, не «их» способ борьбы. «Их» способ борьбы – тайный, не явный; их мотив – не честь, а бесчестье;

их двигатель – не свободный всенародный подъем, а классово-полицейский зажим. Национальный полководец (даже Жуков, тем более Ватутин!) был бы им опасен. Поэтому они не верили в национальную армию, а работали над отбором коммунистических янычар. Но эти янычары отбирались с трудом; откормленные и развращенные, они нужны были для внутреннего террора; их не хватало бы на большую войну, да и откармливались они совсем не для «полей сражений», а в качестве охранного корпуса; словом, надо было вводить в армию классового врага (крестьян!)… И потому мировая революция всегда считалась у коммунистов более верным и безопасным путем к победе, чем мировая война. Вряд ли мы ошибемся, если скажем, что так обстоит и ныне.

Во-вторых, советская армия не была на высоте потому, что психологические опасения коммунистов соответствовали действительности: военное дело имеет свои законы, свои формы и традиции, которые не уживаются с коммунистическими воззрениями и приемами. Дух армии – не революционный, а консервативный, не международный, а национально-патриотический; не трусливого доноса, а храброй прямоты; не партийного карьеризма, а качественного отбора; не закулисной «директивы», а стратегической целесообразности; не бесчестной интриги, а честного ранга. Угашение этого военного духа в армии неминуемо снижает ее боеспособность. Отсюда неизбежное внутреннее расхождение между партией и ее полицией, с одной стороны, – и здоровым духом армии, с другой. Отсюда вечные трения, «чистки», пытки, массовые казни и неизбежное истребление лучших офицеров и солдат. Отсюда то отсутствие боевой воли в советской армии, которое весь мир наблюдал в финской войне (1939-1940) и в первые месяцы германской войны (1941).

В-третьих, Красная Армия не была на высоте вследствие советской бесхозяйственности (дороги, снабжение и т. д.), отсутствия настоящей военной промышленности и технического образования в стране.

В силу всех этих причин Красная Армия долгое время не была угрозой остальному миру.

С другой стороны, этот остальной мир имел в своем составе две крупные военные и воинственные державы – Германию и Японию, которые в самом существе своем были антикоммунистичны, владели техникой организации, мобилизации и командования и являлись близкими соседями революционной крепости. Вечно «вычищаемая» и тем унижаемая и качественно снижаемая Красная Армия не была страшна миру, пока в середине Европы существовала германская армия, а на Дальнем Востоке процветала военная Япония. И вот политическим фантазерам стало казаться, что обе эти державы должны «понять» свое стратегическое значение и мировое назначение, – не в смысле «интервенции», а в смысле чумного кордона; эти фантазеры выдвигали даже идею «тройственного союза»: национальной Германии, национальной России и национальной Японии. Но история знает очень мало гениальных людей с мировым горизонтом, а в наше время «демократии», когда люди выкарабкиваются всеми политическими неправдами на поверхность, надеяться на это не приходится: люди помышляют о личной карьере и «фигурировании», думают мелко и плоско, живут с маленьким горизонтом (в пространстве и во времени), боятся ответственности и губят, за что ни возьмутся.

* * *

Надо признать, что некоммунистическое человечество обнаружило в понимании Третьего Интернационала и его планов – чрезвычайную медленность, легкомыслие и провинциализм. Все думали только о себе и не разумели всеобщей антикоммунистической солидарности; не хотели верить в мировую– опасность: ни в упорную и изворотливую энергию коммунистов, ни в серьезность их намерений, ни в свою собственную социальную шаткость и удобозаразимость, ни в опасность новых больших войн. Не понимали, что на мировую арену выходит планомерно разжигаемая революционная толпа, лишенная идей и жаждущая прибытка, утрачивающая религию и нашедшая себе свирепых вожаков. Тут и там попытались прикрыть язвы демократии демагогическим фашизмом и решили, что конъюнктура версальского «мира» благоприятствует новым завоеваниям. Так было в Италии, потом в Германии и, наконец, в Японии. Рванули – и сорвались. Италия попыталась превратиться в европейски-африканскую империю и потеряла все; Япония мечтала о монополии на Дальнем

Востоке, включая Маньчжурию и Австралию – и была укрощена; Германия решила осуществить свой давнишний план завоевания славянского, и особенно русского пространства, и рухнула в ничтожество (поучительно сравнить Германию 1913 года с Германией 1946 года – после второго поражения!). Западные демократии поднялись, разбили горе-завоевателей и вернули к жизни раздавленную ими Европу. Но какой ценой? Ценой щедрых, но гибельных уступок коммунистам в Тегеране, в Ялте и в Потсдаме, уступок, выговоренных закулисным шепотом; ценой всей Восточной Европы, Маньчжурии с ее стратегическим значением в Азии и с ее богатствами и, наконец, огромного Китая; ценой стратегического уничтожения Германии и Японии; ценой страшного ослабления Франции, Италии и Англии; ценой чрезвычайного усиления и возвышения осаждающей крепости. После второй мировой войны положение в Европе радикально изменилось: Европа ничем не грозит этой крепости – ни «интервенцией», ни «осадой», ни экономическим бойкотом, ни даже серьезным отпором, а осаждающая крепость приобрела хозяйственную автаркию (самосильность) и военное преобладание, доселе еще невиданные. Чтобы измерить это положение дел, достаточно мысленно устранить Соединенные Штаты из мирового равновесия и понять, что инициатива перешла в руки советских коммунистов – не только революционно, как было раньше, но и стратегически.

Впрочем, отнюдь не следует переоценивать военную силу и стратегические возможности советской страны. Последствия второй мировой войны отозвались на русском народе ужасно: и в смысле убыли здорового мужского населения (см. «Н.З.», с. 115), и в смысле уровня жизни (жилище, питание, одежда), и в смысле хозяйственных разрушений, и в смысле душевной подавленности. Далее, на войне погиб значительный кадр вышколенных, опытных коммунистов, без которых дальнейшая мировая экспансия вообще невозможна. Доверие коммунистических «верхов» к лояльности Красной Армии, уже проявившей в двух войнах свое настроение и ныне рассмотревшей Европу и уровень ее жизни, – поколеблено, как еще никогда. Отвращение русского народа к завоевательным войнам удостоверено окончательно. Расширение территории несет с собою новые и великие трудности: советская «крепость» далеко еще не «освоила» ни Восточную Европу, ни Китай – и освоение это потребует много времени и сил. Коммунистическое движение в Европе отнюдь не обретается на той высоте, которая желанна «Коминформу». Атомбомбное преобладание все еще за Америкой, а отдавать советские базы в России и тридцатилетнюю работу над русским пространством за нелояльную и сопротивляющуюся Европу было бы неумно и невыгодно (см. «Н.З.», с. 66, 68).

И тем не менее – как революционная, так и стратегическая инициатива – в руках у коммунистов: у осаждающей крепости развязаны руки и она может наступать там и так, как и где сочтет нужным. И тот, кто знает активность большевиков, не может сомневаться в том, что эти «козыри» будут разыграны. Когда, с успехом ли и притом с прочным ли и верным ли успехом, – это другой вопрос… Но коммунистическая головка будет ломиться к мировой власти всеми, и притом самыми «непозволительными» и неожиданными, средствами, пока не наступит полный паралич…

Первое ее «наступление» было революционно-дипломатическое: недалекий и грубый человек и неумелый дипломат. Молотов, невежничал и скандалил повсюду до тех пор, пока не провалился и не был убран; этому соответствовали революционно-забастовочные выступления в Европе, которые тоже прошли под знаком скандала и провала. Все это было напористо, но вряд ли умно и искусно. Следующее «наступление» было «партизанское» против замученной Греции – оно было остановлено сопротивлением держав и полуотпадением Тито. Последовал нажим на Берлин, сорванный американской энергией и техникой. Все это были угрозы и как бы «предупреждения»: коммунисты, невыдержанные и егозливые в своем активизме, считали необходимым тормошить Европу и Америку – и вредили этим себе. Звонок их «будильника» раздавался то тут, то там, но антикоммунистический мир «почивал на лаврах» и только отмахивался от назойливого «полусоюзника». Демократии устали, хотели насладиться «просперитетом», а политики известных кругов и двусмысленных намерений – так «убедительно» внушали повсюду из года в год, что «восточный союзник» ищет только «справедливости», «прогресса», и «лояльной дружбы»…

Тогда последовало наступление в Китае, инсценированное в виде «гражданской войны». Эта инсценировка удалась коммунистам. Напрасно Чанкайши разъяснял мировую опасность происходящего и взывал к международной солидарности… Реальная помощь, которой требовали для него осведомленные и дальнозоркие американские политики, не была ему оказана и Формоза стала его убежищем.

Как только коммунисты овладели Китаем, картина сложилась совершенно недвусмысленная: все хозяйство страны и четыреста миллионов новых рабов перешло под власть тоталитарного коммунизма, увеличивая экономический и человеческий потенциал осаждающей крепости; а Соединенные Штаты почувствовали, что место мирного и добрососедского Китая занято их смертельным врагом, что ошибка непоправима и что все бремя сопротивления врагу в Азии ложится на американцев. Ныне коммунистическая крепость имеет дело с Соединенными Штатами – повсюду, а Соединенные Штаты, как главный полководец некоммунистического мира, должны считаться с «вылазками» этой крепости на протяжении всей ее пограничной линии – как в Европе, так и в Азии.

Только выговорив это, мы можем дать верную оценку событиям в Корее.

1. Корейская война совсем не есть война «северных корейцев» с «южными корейцами»; это только поверхностная видимость для газетных репортеров. На самом деле это есть война «осаждающей крепости» с остальным некоммунистическим человечеством и потому прежде всего с Соединенными Штатами. За «северными корейцами» стоит советская китайская армия, покорная советскому Политбюро, руководимая красноармейским штабом и контролируемая коммунистической полицией.

2. Эта вылазка была шагом провокационным и ловким; она соответствует старым традициям советчины. Когда-то, еще в первые годы революции, в «самостоятельной» Грузии вдруг вспыхнула «гражданская война», быстро закончившаяся победой коммунистов. До того между Грузией и Советией был заключен договор о лояльном блюдении границ. Договор был с виду «выполняем», но только красноармейцев переодели в грузинские костюмы и эти «псевдогрузины» овладели страной. С тех пор этот прием стратегического переодевания не был забыт. И ныне в Корее наступление ведет миллионная армия Мао-Цзе-Дуна, руководимая красноармейскими инструкторами; она воюет с демократическими южнокорейцами и с небольшими частями наспех двинутых американских войск. Никакого «воинского позора» в их отступлении нет. Коммунисты получили на Дальнем Востоке весь маньчжурский арсенал Японии и готовились пять лет; американцы вынуждены импровизировать кое-что и кое-как.

3. Это предприятие было задумано как беспроигрышное. Расчет был таков. Если Соединенные Штаты не вмешиваются, то их «престиж», так же как и престиж Уно, будет сорван; в Азии будет создан прецедент непротивления, и судьба Индокитая, Индии, Афганистана и Персии будет решена. Если же Соединенные Штаты вмешиваются, то им будет навязана колониальная война на отдаленнейшем театре. Эту войну можно будет затягивать годами (таковы все колониальные войны!); она будет выматывать, утомлять и разорять американцев и всех их союзников; она будет для них бесцельна в смысле перспективы и результатов, но будет переживаться всеми, как дело «военного престижа»; она будет вестись не русскими войсками, которые останутся в Европе нетронутыми, а китайскими. Вот какие распоряжения Сталин давал так долго загостившемуся в красной Москве «победоносному» Мао-Цзе-Дуну.

4. Америка, своевременно не хотевшая помочь национальному Китаю (Маршалл не советовал, Трумен колебался, Ачесон противился, закулиса нашептывала…), – ныне обречена за это на бесконечную войну с коммунистическим Китаем, который стал орудием «освобождения» европейских колоний и пустынных стран в Азии (Тибет, Формоза, Индокитай, Сиам, Бирма, Малака, Индия)? (…) Чем больше аффектации будет вложено при этом в идею «престижа», тем выгоднее для коммунистов. Их план состоит в том, чтобы завлечь и вымотать американцев вылазками на Дальнем Востоке (по способу Балды: «обгони-ка сперва моего брата!…»), стравить их с руководимым Китаем, утомить их и разбросать их силы до Европы и в то же время включить в состав своей крепости всю Азию (около 1200000000 рабов). А на глухом азиатском направлении до сердцевины России добраться нельзя. Если же Соединенные

Штаты поймут эту диверсионную тактику, увидят весь план, потеряют терпение, захотят начать главный бой (т. е. третью мировую войну) и двинутся из Европы, то это будет означать, что «интервенция началась» и что «на мирную и лояльную советскую страну совершено давно задуманное коварное нападение»: тогда русский народ опять будет иметь повод оборонять свою родину, себя и вместе с собою коммунистов (новая «отечественная» война), а «мировой пролетариат» будет призван на защиту коминтерна-коминформа против «буржуазных агрессоров». А к этому времени, может быть, поспеют и советские атомбомбы.

5. Но если бы Корея прошла безнаказанно, такую вылазку захотели бы повторить и в Европе? Пустить восточных немцев на западных… Или «уговорить» западных немцев, чтобы они предпочли государственное единство под коммунистами – разделению Германии на две части… Или поднять так называемую «гражданскую войну» в Югославии… Все это – не доводя дело до мировой войны и до атомных бомб, сводя дело к местным «гражданским войнам» и «революциям», не давая разрушить «осаждающую крепость» с воздуха…

Таков был замысел, в котором большевики рисковали преждевременной и опасной для них мировой войной и делали главную ставку – на отдаленность дальневосточного фронта и на спячку держав.

Здесь они явно просчитались. Пробуждение спящих последовало слишком рано, быстро и чуть ли не повсеместно. Будили-будили, дразнили-дразнили да и добудились. Последовало возвращение «товарища Малика» в Совете Безопасности и попытка променять «корейские победы» на признание Красного Китая. Сорвалось и это. Нервная война достигла высшей, еще небывалой остроты. Но теперь, если бы им и удалось затянуть и замять корейскую вылазку или если бы они даже расширили или разбросали ее, то после нее мировая стратегическая и политическая конъюнктура будет для них гораздо менее благоприятной, чем это было дотоле.

Тем временем корейская война развивается по внутренним законам стратегии, напор продолжается, Мао-Цзе-Дун бросает в бой все новые силы, коммуникационные преимущества приносят свои плоды, а в центре Азии «вычищается» Тибет.

Означает ли это, что развязка в Европе может начаться «с часу на час»?… Мы этого не думаем. Сначала Азия.

О «Наших задачах»

Среди откликов на наш бюллетень, дошедших до редакции, были единичные указания на то, что статьи, помещаемые в нем, написаны слишком сжато и трудно и быстро утомляют при чтении. Редакция считает необходимым отозваться на этот отклик.

Мы переживаем мировой кризис, невиданный в истории человечества. Потрясена вся духовная культура до основания; замутились самые источники ее; все, чем люди живы, поставлено под сомнение и угрозу. Сейчас нет «простых» и «легких» вопросов, допускающих легкое и простое трактование. Время безответственной публицистики (если ее когда-нибудь можно было терпеть!) давно прошло: каждое слово наше, каждое суждение требует совестной политической и научной ответственности, обоснования, честного углубления. Дело, которому мы служим, еще гораздо сложнее, труднее и глубже, чем удается изложить на двух страничках, а увеличить размеры нашего бюллетеня не в наших возможностях. Мы не дети и не салонная публика и не имеем права требовать друг от друга популярной болтовни. Уровень бульварной прессы, тон развязного словопрения и политического фельетона исключен для нас: на этом уровне можно только сеять соблазн и замешательство, разложение и ненависть. Но излагать и обосновывать белую идею на этом уровне и таким тоном – невозможно, а она живая и глубокая – на века.

Мы должны вырабатывать – каждый самостоятельно, для себя и про себя, мыслью своего сердца – те убеждения, на которых следует строить грядущую Россию. Когда-то один французский писатель назвал такие убеждения «la moelle du lion» («мозг львиных костей»). Россия сокрушилась потому, что в русском народе, а особенно в русской интеллигенции, – этой «духовной квинтэссенции» оказалось мало. Возрождение России требует от нас именно таких лично-самостоятельных, религиозно-укорененных, волевых убеждений. Их нельзя взять у другого, их можно выработать только самому. Это не развлечение, это духовный труд; естественно, что он утомляет. Здесь надо думать не о какой-то новой «доктрине», которую кто-

то «высидит» и предложит другим в готовом виде, и не о популярных «лозунгах», которые «набросает» развязный и безответственный публицист. Эти убеждения надо самому выносить. И повод для этого, как бы «отправную точку» стремится дать редакция «Наших Задач». Здесь важны не формулы наших статей, а созерцания и решения в душах наших читателей. И для этого надо находить по крайней мере раз в неделю час для сосредоточенного чтения и своеличного размышления, заряжающего сердцем, ум и волю.

«Сжато»… – но у нас и без того минимум объема; нет места для популярного водолея.

«Трудно»… – но предметы наши еще несравненно труднее и сложнее того, что удается выделить и показать.

«Быстро утомляет»… – но утомление от духовной сосредоточенности настигает всех нас; оно драгоценно и плодотворно; и не следует жалеть о нем.

Здесь нужно не просто «читать»; надо мобилизовать духовный опыт, опыт жизни, сердца и поступков, наблюдений, негодования и воли. И не только личный опыт, но и наш русский национальный опыт, исторический и особенно современный (за последние тридцать лет). Нам, русским, возложено на глаза, по Евангельскому слову, некое целительное «брение». Нам давно пора промыть глаза и прозреть и научиться новой постановке старых вопросов и их новому разрешению. Это дается не без труда. Но легко даются вообще только дурные и соблазнительные ответы.

Редакция же со своей стороны всегда озабочена тем, чтобы, не упрощая сложное и не искажая предмета, добиться полной ясности мысли и изложения.

31 августа 1950 г.

Идея ранга

Современное человечество утратило чувство верного ранга. Поэтому оно перестало верить в идею ранга вообще, поколебало ее, расшатало и попыталось погасить ее совсем: объявить всякий ранг мнимым, произвольным, не заслуживающим ни признания, ни уважения… «Все в жизни условно и относительно; кому что нравится и выгодно, то и хорошо; кто силен, кто умеет импонировать и принуждать, тот и выше; а остальное – человеческие выдумки, с которыми давно пора покончить»… Так обстоит во всех вопросах ранга: в политике, в искусстве, в науке, в религии и церкви – везде. И в этом состоит самая сущность революции – в сознательном, вызывающем попрании всякого ранга, в осмеянии самой идеи ранга; а все остальное является естественным и неизбежным последствием этого.

На этом сокрушалась тридцать лет тому назад наша Россия. И только позже, слишком поздно, русские люди стали понимать, что здоровое чувство ранга враги подрывали в них для того, чтобы все фальсифицировать; чтобы выдвинуть худших, чтобы вознести бессовестных и бесчестных, чтобы создать новый социальный отбор бесчестия, раболепства и насилия, а когда русские люди стали это понимать, то увидели себя в ярме; увидели себя перед выбором: или участвовать в раболепстве и бесчестии – или погибать в лишениях и унижениях. Ранг был не просто «отменен»: он был украден, злоупотреблен, фальсифицирован и заменен новым «атирангом».

И вот среди современного человечества есть два различных миросозерцания: ранговое и эгалитарное. Они стоят в борьбе друг с другом – на всем протяжении земли и во всех областях культуры. Досмотрим в этом все до конца.

1. Люди равенства (эгалитаристы) не любят и не терпят превосходства: они отвертываются от него, стараются его не замечать; они всегда готовы подвергнуть его сомнению, закритиковать, осмеять, «задвинуть» его интригою или клеветою или, еще хуже, фальсифицировать его, выдвигая рекламою «своих» – обычно бездарных, тупых, криводушных, двусмысленных разлагателей, но… покорных. «Мы не терпим никакого превосходства, – говорили мне дословно умные республиканцы одного из демократических государств: всякому выдающемуся человеку мы сумеем затруднить и испортить жизнь, чтобы он не заносился; но если он, несмотря на это, что-нибудь достигнет, то мы, пожалуй, поставим ему посмертный памятник»… «У нас в школе, рассказывает профессор из другого демократического государства, – планомерно заваливают учеников необъятными фактическими сведениями и гасят у них в душах все, что связано с творческим воображением: добиваются равенства,

трафаретного сходства и убивают индивидуальность». Слушая такие признания, я молча поучаюсь и вспоминаю Петра Верховенского (в «Бесах» Достоевского). «Не надо высших способностей! Высшие способности всегда захватывали власть и были деспотами… их изгоняют или казнят. Цицерону отрезывается язык, Копернику выкалывают глаза, Шекспир побивается каменьями… Рабы должны быть равны… Мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство»…

Так, люди равенства считают всякий духовный ранг – произвольной выдумкой, посяганием или узурпацией: таков был дух первой французской революции, объявившей, что «люди родятся равными», и обратившейся в виде доказательства к гильотине. Согласно такому воззрению – в людях существенно сходное и одинаковое, так как различное, особенное, своеобразное (тем более превосходное) – несущественно. Одна советская коммунистка так и требовала во всеуслышание: «Все должны делать только то, что все могут делать» (долой высшие способности!).

Это воззрение, исторически говоря, родится из семейных и социальных несправедливостей, из обиды, зависти «подполья» (описанного у Достоевского), безбожия и духовной слепоты; оно питается отвлеченным мышлением, отвертывается от всякого несходства и презирает всякое превосходство. Оно выражает себя в «общеутвердительных» суждениях («все одинаковы, все равны, всем всего поровну!») и в «общеотрицательных» суждениях («никто не смеет быть лучше, выше, богаче; никому не предоставлять никаких преимуществ» и т. д.). Это воззрение безответственно, заносчиво, материалистично, завистливо, мстительно, безбожно, революционно и социалистично. Оно не считается с природой, вечно производящей бесконечное разнообразие и потому оно противоестественно. Оно не считается и с духом, берегущим каждого человека как единственного в своем роде и драгоценного в своем своеобразии «сына Божия» и потому оно противодуховно. Политически это воззрение «верует» во всеобщее равное голосование, в арифметический подсчет голосов, в «народный суверенитет» и тяготеет к республике.

2. Люди, признающие значение ранга (сторонники духа и справедливости, индивидуалисты), не верят ни в естественное равенство, ни в искусственное и насильственное уравнение. Они считают, что все люди, сколько их ни есть, родятся неодинаковыми, своеобразными и самобытными и затем, по мере своего развития и совершенствования, делаются все более самобытными и своеобразными. В этом не только нет никакой беды или опасности, но, напротив, это естественно-нормально и духовно желательно. Но так как люди от природы различны и своеобразны, то справедливость требует, чтобы к ним и относились неодинаково, т. е. соответственно с их свойствами, качествами, знаниями и делами. Ибо справедливость не только не предписывает равенство, но, напротив, она состоит в предметном неравенстве, водворяемом всюду, где возможно (см. «Н.З.», с. 185, 189).

Итак, люди рангового воззрения видят естественную неодинаковость ближних, ценят их духовное своеобразие и удостоверяются на каждом шагу наблюдением, умом и сердцем, что равенства в действительности нет, что оно только выдумывается ограниченными и завистливыми людьми и что введение его было бы несправедливо и насильственно. И если они замечают где-нибудь «сходство», то они сохраняют уверенность в том, что за этим видимым и поверхностным подобием – скрывается сущая и драгоценная неодинаковость. Живая сущность людей не в том, что их уподобляет, а именно в том, что делает их единственными в своем роде и незаменимыми.

Ранговое воззрение родится, исторически говоря, из естественного отцовства-материнства, а духовное – из религиозного благоговения. Оно питается внимательным наблюдением природы, чуткою совестью, чувством справедливости, живою, индивидуализирующей любовью и молитвенным созерцанием совершенства Божия. Оно выражается в осторожных и вдумчивых «частных» суждениях – то положительных (например, «люди редко похожи друг на друга», «некоторые люди завистливы», «этот человек умнее других», а «этот честнее многих»; «мне радостно преклониться перед ее добротою» или «перед его храбростью» и т. д.; отсюда культ героев!); то отрицательных (например, «многие люди не терпят чужого превосходства», «есть люди, неспособные к политическому голосованию»,

«многие демагоги совсем не думают о социальной справедливости» и т. д.). Это воззрение движимо чувством ответственности и справедливости; оно способно к трезвому смирению и умеет радоваться чужому качеству; оно духовно, склонно к традиции и консервативности; оно естественно, органично, лояльно и религиозно. Политически оно стремится к отбору лучших людей – будь то назначением или голосованием – и тяготеет к монархии.

* * *

Итак, люди от природы неравны; и в этом не «беда», а дар Божий. Нам надо только верно узнавать этот дар и верно с ним обходиться. Верно – т. е. соответственно, справедливо. «Звезда от звезды разнствует во славе» (1 Кор. 15, 41); и так же человек от человека отличается здоровьем, силой, способностями, нравственным качеством, умственной проницательностью, энергией, духовным созерцанием и очевидностью. Слепо – не видеть этого; нелепо – отрицать это; вредно – пренебрегать этим. Больной не годится в солдаты – он только обременит собою госпитали. Слабый не может носить кули и копать землю – это его быстро погубит. Нелепо делать талантливого скрипача столяром, даровитого математика – матросом, гениального поэта – столоначальником, способного торговца – поваром, лесовода по призванию – механиком. Но столь же нелепо или прямо пагубно – делать разбойника чиновником, давать предателям и жуликам право голоса, вводить шпионов в министерство иностранных дел, назначать фальшивомонетчика министром, возводить труса в маршалы или партийного интригана в кардиналы. Откуда известно, что каждый глупец способен разбираться в государственных делах? Как можно назначать безвольного пролазу – полководцем (Базэн)? Может ли человек с горизонтом тред-юниониста управлять империей (Мак-Дональд)? Почему не сажают слепого за микроскоп? Годится ли безбожный неуч в священники? Каких детей воспитает развратная гувернантка? К каким политическим выборам способен продажный, застращенный, изолгавшийся народ?

Итак, в идее «ранга» есть две стороны: во-первых, имеется в виду присущее человеку качество – это его действительный ранг; во-вторых, имеются в виду его полномочия, права и обязанности, которые признаются за ним со стороны общества или государства, – это его социальный ранг. Понятно, что эти два ранга могут расходиться. Мудрый праведник может не иметь никакого социального ранга; злой глупец может пролезть в министры, генералы и президенты. Честный человек может быть нищим, заведомый плут – может быть директором банковского консорциума. Ранг духовного превосходства (праведность, гений, талант, познания, храбрость, сила характера, умение-понимание, политическая дальнозоркость) и ранг человеческого полномочия (сан, чин, власть, авторитет) могут не соответствовать друг другу. Ибо, с одной стороны, люди при выделении лучших подслеповаты, беспечны и безответственны, подкупны и коварны; с другой стороны, честолюбцы, властолюбцы и стяжатели энергичны, напористы и часто готовы пользоваться любыми средствами. Но истинный социальный авторитет возникает из соединения обоих рангов. И когда это соединение удается, тогда идея ранга справляет свой духовный праздник: перед нами великий император (Петр I), победоносный полководец (А.В. Суворов), праведный Епископ (Феофан Затворник), прозорливый ученый (Д.И. Менделеев), замечательный организатор (С.И. Мамонтов), социальный воспитатель (Н.И. Пирогов), общепризнанный гениальный поэт (А.С. Пушкин), композитор (А.П. Бородин), живописец (И.К. Айвазовский). Тогда ранг духовного качества и ранг человеческого признания совпадают и национальная культура цветет.

Но оба эти ранга могут и не совпасть. Если это исключение, то оно всеми ощущается, как больное место: лучшие люди говорят о нем, протестуют, негодуют, стараются исправить дело; худшие отвертываются или, наоборот, стараются использовать эту болячку в свою пользу (например, развратный временщик). Если же эти явления оказываются обиходными или преобладающими, то это означает, что такому народу в данную эпоху отбор лучших не удается, что весь режим несостоятелен, что «честность и талант» – не имеют дороги в жизни и что предстоят социальные потрясения. Таковы, например, черствые и развратные родители, порочное духовенство, продажное чиновничество; дурной король, глупый и невежественный профессор, тупой и злой учитель; засилие бездарных «артистов», черствое и жестокое офицерство, судьи без правосознания, парламентарии без чувства ответственности, полиция,

лишенная гражданского мужества, и т. д. Такое массовое явление больного и мнимого ранга разочаровывает всех, родит в душах подполье и революционность и отбрасывает людей в химеру равенства… При этом элементарная справедливость заставляет нас признать и выговорить, что предреволюционная Россия такого разложения не знала. Разгоревшаяся в ней химера равенства имеет совсем иные причины, таковы: политическая наивность народа, антиранговые настроения русской интеллигенции, переходная эпоха в хозяйстве, разрастание полуобразованного слоя, военные неудачи и, как последний толчок, – внезапное угашение монархического ранга и присяги, спровоцированное известными политическими кругами.

Никакая общественная организация невозможна без ранга. Государство с неудачным ранговым отбором – слабо, не устойчиво, может быть прямо обречено. От больного и фальсифицированного ранга гибнет все: семья, школа, академия, церковь, армия, государство, корабль, хозяйственное предприятие. Все дело в том, чтобы узнавать подлинно лучших (людей естественного ранга) и выдвигать их, возлагая на них необходимые полномочия и обязанности (социальный ранг). Бывает так, что это достигается лучше всего назначением, напр., в церкви, в армии, в школе, в хозяйстве, нередко и в государстве. Но бывает и так, что это осуществляется лучше всего выборами, напр., в академии, в культурных обществах, в жизни прихода и в местном самоуправлении; иногда и в государственных делах. Но в этом нет единого масштаба для всех времен и народов; то, что хорошо в одной стране, может погубить другую; здесь нет и не может быть политической «панацеи» (всеисцеляющего средства). Назначение имеет свои соблазны и ошибки; выборы имеют свои опасности и соблазны. И может быть, недалеко то время, когда будет практиковаться новый способ отбора, сочетающийся выборы с назначением и преодолевающий недостатки того и другого.

1. Выборы. Чем больше в народе зависти и партийности, тем хуже будут его выборы. Чем ниже его уровень образования, тем бессмысленнее будет вся выборная процедура. Чем сильнее разыгралось в народе честолюбие, тем не удачнее будет его отбор. Чем влиятельнее в его жизни тайные (религиозные или политические) общества, тем скорее ранг будет фальсифицирован и извращен.

2. Назначение. Чем сильнее в стране кастовый дух, тем не удачнее будут проходить все назначения (протекция, непотизм, лесть). Продажность (коррупция) может прямо скомпрометировать весь назначающий порядок. Слабо развитое чувство ответственности и отсутствие контроля могут прямо погубить государство, строящееся назначением.

На самом деле надо добиваться того, чтобы социальный ранг соответствовал духовному рангу человека; чтобы назначенный был для народа своим и любимым; и чтобы избранный мыслил не о партийной, не о классовой, не о провинциальной и не о личной пользе, а о всенародно-государственной. Тогда вопрос ранга будет верно разрешен.

Но так как явления «больного ранга» всегда и везде возможны, то в действительной жизни необходимо блюдение двух правил:

1. Необходима общая уверенность, что и назначающие и выбирающие действительно ищут лучших людей и стараются сообразовать бремя даваемых полномочий с духовно-естественным рангом выдвигаемых людей («лучших людей вперед!»). Всякое отступление от этого правила отзовется на государстве вредоносно.

2. Необходима общая готовность – лояльно нести возможную ошибку в ранге и не раздувать случайное явление «больного ранга» в общественный или национальный скандал неповиновения. Несимпатичному, неопытному, неумелому, безвольному, бездарному начальнику надо помогать – во имя чести, во имя совести, во имя патриотизма, во имя всенародного и государственного дела, а не интриговать против него, не вредительствовать, не изолировать его, не подкапываться под него. Этому учат идея ранга и монархическое правосознание, побуждающее верно служить не только великому Государю.

Замечательно, что в России идея ранга исторически держалась главным образом на религиозном основании и на патриотическом чувстве. Вот почему присяга («целование креста») имела в России такое значение. Вот почему народ тысячу лет верил в праведную волю Государя, в его сердечную заботу о всем народе без изъятия и в его искание справедливости для

всех. Ранг в России держался верою и любовью и постольку вызывал в душах искреннюю и самоотверженную лояльность.

Именно поэтому Россия никогда не знала республиканского строя.

О русском национализме

Когда мы смотрим вперед и вдаль и видим грядущую Россию, то мы видим ее как национальное государство, ограждающее и обслуживающее русскую национальную культуру. После длительного революционного перерыва, после мучительного коммунистически интернационального провала – Россия вернется к свободному самоутверждению и самостоянию, найдет свой здравый инстинкт самосохранения, примирит его к своим духовным самочувствием и начнет новый период своего исторического расцвета.

Тридцать лет терпит русский народ унижения, и, кажется, нет им конца и края. Тридцать лет попирают темные и преступные люди его очаги и алтари, запрещают ему молиться, избивают его лучших людей – самых верующих, самых стойких, самых храбрых и национально преданных, – подавляют его свободу, искажают его духовный лик, проматывают его достояние, разоряют его хозяйство, разлагают его государство, отучают его от свободного труда и свободного вдохновения… Тридцать лет обходятся с ним так, как если бы он был лишен национального достоинства, национального духа и национального инстинкта. Эти годы насилия и стыда не пройдут даром: нельзя народному организму «запретить здоровье», – он прорвется к нему любой ценой; нельзя погасить в народе чувство собственного духовного достоинства, – эти попытки только пробудят его к новому осознанию и новой силе. То, что переживает сейчас русский народ, – есть строгий и долгий ученический искус, живая школа душевного очищения, смирения и трезвения. Первое пробуждение, может быть, будет страстным, неумеренным и даже ожесточенным; но дальнейшее принесет нам новый русский национализм с его истинной силой и в его истинной мере. Этот национализм мы и должны ныне выговорить и оформить.

В противоположность всякому интернационализму, – как сентиментальному, так и свирепому; – в противовес всякой денационализации, бытовой и политической – мы утверждаем русский национализм, инстинктивный и духовный, исповедуем его и возводим его к Богу.

Мы приветствуем его возрождение. Мы радуемся его духовности и его своеобразию. И мы считаем драгоценным, чтобы русские люди не связывали себя никакими интернационалистическими «симпатиями» или «обязательствами».

Каждый народ имеет национальный инстинкт, данный ему от природы (а это значит – и от Бога), и дары Духа, изливаемые в него от Творца всяческих. И у каждого народа инстинкт и дух живут по-своему и создают драгоценное своеобразие. Этим русским своеобразием мы должны дорожить, беречь его, жить в нем и творить из него: оно дано нам было искони, в зачатке, а раскрытие его было задано нам на протяжении всей нашей истории. Раскрывая его, осуществляя его, мы исполняем наше историческое предназначение, отречься от которого мы не имеем ни права, ни желания. Ибо всякое национальное своеобразие по-своему являет Дух Божий и по-своему славит Господа.

Каждый народ по-своему вступает в брак, рождает, болеет и умирает; по-своему лечится, трудится, хозяйствует и отдыхает; по-своему горюет, плачет, сердится и отчаивается; по-своему улыбается, шутит, смеется и радуется; по-своему ходит и пляшет; по-своему поет и творит музыку; по-своему говорит, декламирует, острит и ораторствует; по-своему наблюдает, созерцает и творит живопись; по-своему исследует, познает, рассуждает и доказывает; по-своему нищенствует, благотворит и гостеприимствует; по-своему строит дома и храмы; по-своему молится и геройствует… Он по-своему возносится духом и кается. По-своему организуется. У каждого народа свое особое чувство права и справедливости, иной характер, иная дисциплина, иное представление о нравственном идеале, иной семейный уклад, иная церковность, иная политическая мечта, иной государственный инстинкт. Словом, у каждого народа иной, особый душевный уклад и духовно-творческий акт.

Так обстоит от природы и от истории. Так обстоит в инстинкте и в духе. Так нам всем дано от Бога. И это хорошо. Это прекрасно. Различны травы и цветы в поле. Различны деревья

и облака. Богат и прекрасен сад Божий; обилен формами, блещет красками и видами, сияет и радует многообразием…

Все хочет петь и славить Бога:
Заря, и ландыш, и ковыль,
И лес, и поле, и дорога,
И ветром зыблемая пыль.
Федор Сологуб

И в этом все вещи, и все люди, и все народы – правы. И каждому народу подобает – и быть, и красоваться, и Бога славить по-своему. И в самом этом многообразии и многогласии уже поет и возносится хвала Творцу; и надо быть духовно слепым и глухим, чтобы не постигать этого.

Вот почему мысль погасить это многообразие хвалений, упразднить это богатство исторического сада Божия, свести все к мертвому подобию и однообразию, к равенству песка, к безразличию после уже просиявшего в мире различия может родиться только в духовно мертвой, больной душе. Эта плоская и пошлая химера, эта всеразрушительная, противокультурная и безбожная затея есть порождение рассудочной души, злой и завистливой, – все равно, стремится ли эта химера воинственно подмять все народы под один народ (химера германского национал-социализма) или растворить все национальные культуры в бесцветности и безвидности всесмешения (химера советского коммунизма). Во всяком случае, эта уродливая химера, в которой крайний национализм сходится с крайним интернационализмом, – нерусского происхождения, как, впрочем, и весь нигилизм, и нехристианского происхождения, как, впрочем, и весь эгалитаризм.

Христианство принесло миру идею личной, бессмертной души, самостоятельной по своему дару, по своей ответственности и по своему призванию, особливой в своих грехах и подвигах и самодеятельной в созерцании, любви и молитве, – т. е. идею метафизического своеобразия человека. И поэтому идея метафизического своеобразия народа есть лишь верное и последовательное развитие христианского понимания; Христос один во вселенной. Он не для иудеев только и не для эллинов только, а благовестие Его идет и к эллинам и к иудеям; но это означает, что признаны и призваны все народы, каждый на своем месте, со своим языком и со своими дарами (срв. Деян. 2. 1-42, I. Кор, 1-31).

Преподобный Серафим Саровский высказал однажды воззрение, что Бог печется о каждом человеке так, как если бы он был у Него единственным. Это сказано о личном человеке. Что же надлежит думать об индивидуальном народе, – что он Богом осужден, отвергнут и обречен? Каждую лилию Господь одевает в особливые и прекрасные ризы, каждую птицу небесную питает и кормит и волосы, падающие с головы человека, сосчитывает, а своеобразие народной жизни, от Него данное и заданное, творческую хвалу живой нации, к Нему восходящую, – отвергает?!..

Всей своей историей, всей культурой, всем трудом и пением своим каждый народ служит Богу, как умеет; и те народы, которые служат Ему творчески и вдохновенно, становятся великими и духовно ведущими народами в истории.

И вот, национализм есть уверенное и сильное чувство, что мой народ тоже получил дары Духа Святого, что он приял их своим и инстинктивным чувствилищем и творчески претворил их по-своему, что сила его обильна и призвана к дальнейшим творческим свершениям и что поэтому народу моему подобает культурное «самостояние» как «залог величия» (Пушкин) и как независимость государственного бытия.

Поэтому национализм проявляется прежде всего в инстинкте национального самосохранения, и этот инстинкт есть состояние верное и оправданное. Не следует стыдиться его, гасить или глушить его; надо осмысливать его перед лицом Божиим, духовно обосновывать и облагораживать его проявления. Этот инстинкт должен не дремать в душе народа, но бодрствовать. Он живет совсем не «по ту сторону добра и зла», напротив, он подчинен законам добра и духа. Он должен иметь свои проявления в любви, жертвенности, храбрости и мудрости;

он должен иметь свои празднества, свои радости, свои печали и свои моления. Из него должно родиться национальное единение, во всей его инстинктивной «пчелиности» и «муравьиности». Он должен гореть в национальной культуре и в творчестве национального гения.

* * *

Что такое есть национализм?

Национализм есть любовь к историческому облику и творческому акту своего народа во всем его своеобразии. Национализм есть вера в инстинктивную и духовную силу своего народа, вера в его духовное призвание. Национализм есть воля к тому, чтобы мой народ творчески и свободно цвел в Божием саду. Национализм есть созерцание своего народа перед лицом Божиим, созерцание его души, его недостатков, его талантов, его исторической проблематики, его опасностей и его соблазнов. Национализм есть система поступков, вытекающих из этой любви, из этой веры, из этой воли и из этого созерцания.

Вот почему национальное чувство есть духовный огонь, ведущий человека к служению и жертвам, а народ – к духовному расцвету. Это есть некий восторг (любимое выражение Суворова!) от созерцания своего народа в плане Божием и в дарах Его Благодати. Это есть благодарение Богу за эти дары, но в то же время и скорбь о своем народе и стыд за него, если он оказывается не на высоте этих даров. В национальном чувстве скрыт источник достоинства, которое Карамзин обозначил когда-то как «народную гордость» и источник единения, которое спасло Россию во все трудные часы ее истории, и источник государственного правосознания, связующего «всех нас» в живое государственное единство.

Национализм испытывает, исповедует и отстаивает жизнь своего народа как драгоценную духовную самосиянность. Он принимает дары и создания своего народа как свою собственную духовную почву, как отправной пункт своего собственного творчества. И он прав в этом. Ибо творческий акт не изобретается каждым человеком для себя, но выстрадывается и вынашивается целым народом на протяжении веков. Душевный уклад труда и быта и духовный уклад любви и созерцания, молитвы и познания, при всем его личном своеобразии имеет еще и национальную природу, национальную однородность и национальное своеобразие. Согласно общему социально-психологическому закону, подобие единит людей, общение усиливает это подобие и радость быть понятым раскрывает души и углубляет общение. Вот почему национальный творческий акт роднит людей между собой и пробуждает в них желание раскрыться, высказаться, отдать «свое заветное» и найти отклик в других. Творческий человек творит всегда от лица своего народа и обращается прежде всего и больше всего к своему народу. Народность есть как бы климат души и почва духа; а национализм есть верная, естественная тяга к своему климату и к своей почве.

Не случайно русская сердечность и простота обхождения всегда сжимались и страдали от черствости, чопорности и искусственной натянутости Запада. Не случайно и то, что русская созерцательность и искренность никогда не ценились европейским рассудком и американской деловитостью. С каким трудом европеец улавливает особенности нашего правосознания – его неформальность, его свободу от мертвого законничества, его живую тягу к живой справедливости и в то же время его наивную недисциплинированность в бытовых основах и его тягу к анархии. С каким трудом прислушивается он к нашей музыке – к ее естественно льющейся и не исчерпывающейся мелодии, к ее дерзновенным ритмам, к ни на что не похожим тональностям и гармониям русской народной песни… Как чужда ему наша не рассудочная, созерцательная наука… А русская живопись, – чудеснейшая и значительнейшая, наряду с итальянской, – доселе еще «не открыта» и не признана снобирующим европейцем… Все прекрасное, что было доселе создано русским народом, исходило из его национального духовного акта и представлялось чуждым Западу.

А между тем создать нечто прекрасное, совершенное для всех народов – может только тот, кто утвердился в творческом акте своего народа. «Мировой гений» есть всегда и прежде всего – «национальный гений», и всякая попытка создать нечто великое из денационализированной или «интернациональной» души дает в лучшем случае только мнимую, «экранную знаменитость». Истинное величие всегда почвенно. Подлинный гений всегда национален, и он знает это сам о себе.

И если пророки не принимаются в своем отечестве, то не потому, что они творят из какого-то «сверхнационального» акта, а потому, что они углубляют творческий акт своего народа до того уровня, до той глубины, которая еще не доступна их единоплеменным современникам. Пророк и гений – национальное своего поколения в высшем и лучшем значении этого слова. Пребывая в своеобразии своего народа, они осуществляют национальный акт классической глубины и зрелости и тем показывают своему народу его подлинную силу, его призвание и грядущие пути.

Итак, национализм есть здоровое и оправданное настроение души. То, что национализм любит и чему он служит, – в самом деле достойно любви, борьбы и жертв. И грядущая Россия будет национальной Россией.

Опасности и задания русского национализма

Все то, что я высказал в оправдание и обоснование национализма, заставляет меня договорить и признать, что есть больные и извращенные формы национального чувства и национальной политики. Эти извращенные формы могут быть сведены к двум главным типам: в первом случае национальное чувство прилепляется к неглавному в жизни и культуре своего народа; во втором случае оно превращает утверждение своей культуры в отрицание чужой. Сочетание и сплетение этих ошибок может порождать самые различные виды больного национализма.

Первая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста прикрепляются не к духу и не к духовной культуре его народа, а к внешним проявлениям народной жизни – к хозяйству, к политической мощи, к размерам государственной территории и к завоевательным успехам своего народа. Главное – жизнь духа – не ценится и не бережется, оставаясь совсем в пренебрежении или являясь средством для неглавного, т. е. превращаясь в орудие хозяйства, политики или завоеваний. Согласно этому есть государства, националисты которых удовлетворяются успехами своего народного хозяйства (экономизм), или мощью и блеском своей государственной организации (этатизм), или же завоеваниями своей армии (империализм). Тогда национализм отрывается от главного, от смысла и цели народной жизни, – и становится чисто инстинктивным настроением, подвергаясь всем опасностям обнаженного инстинкта: жадности, безмерной гордыне, ожесточению и свирепости. Он опьяняется всеми земными соблазнами и может извратиться до конца.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, своим прирожденным религиозным смыслом; во-вторых, Православием, которое сообщило нам, по слову Пушкина, «особенный национальный характер» и внушило нам идею «святой Руси». «Святая Русь» не есть «нравственно праведная» или «совершенная в своей добродетели» Россия: это есть правоверная Россия, признающая свою веру главным делом и отличительной особенностью своего земного естества. В течение веков Православие считалось отличительной чертой русскости – в борьбе с татарами, латинянами и другими иноверцами; в течение веков русский народ осмысливал свое бытие не хозяйством, не государством и не войнами, а верою и ее содержанием; и русские войны велись в ограждение нашей духовной и вероисповедной самобытности и свободы. Так было издревле – до конца 19 века включительно. Поэтому русское национальное самосознание не впадало в соблазны экономизма, этатизма и империализма, и русскому народу никогда не казалось, что главное дело его – это успех его хозяйства, его государственной власти и его оружия.

Вторая ошибка состоит в том, что чувство и воля националиста, вместо того чтобы идти в глубину своего духовного достояния, уходят в отвращение и презрение ко всему иноземному. Суждение: «мое национальное бытие оправдано перед лицом Божиим», превращается, вопреки всем законам жизни и логики, в нелепое утверждение: «национальное бытие других народов не имеет перед моим лицом никаких оправданий»… Так как если бы одобрение одного цветка давало основание осуждать все остальные, или – любовь к своей матери заставляла ненавидеть и презирать всех других матерей. Эта ошибка имеет, впрочем, совсем не логическую природу, а

психологическую и духовную: тут и наивная исключительность примитивной натуры, и этнически врожденное самодовольство, и жадность, и похоть власти, и узость провинциального горизонта, и отсутствие юмора, и, конечно, неодухотворенность национального инстинкта. Народы с таким национализмом очень легко впадают в манию величия и в своеобразное завоевательное буйство, как бы ни называть его – шовинизмом, империализмом или как-нибудь иначе.

От этой ошибки русский народ был огражден, во-первых, присущею ему простодушною скромностью и природным юмором; во-вторых, многоплеменным составом России и, в-третьих, делом Петра Великого, научившего нас строгому суду над собою и прививщего нам готовность учиться у других народов.

Так, русскому народу несвойственно закрывать себе глаза на свои несовершенства, слабости и пороки; напротив, его скорее тянет к мнительно-покаянному преувеличению своих грехов. А природный юмор его никогда не позволял ему возомнить себя первым и водительным народом мира. В течение всей его истории он вынужден был обходиться с другими племенами, говорившими на непонятных ему языках, отстаивавшими свою веру и свой быт, а иногда наносившими ему тяжелые поражения. Наша история вела нас от варягов и греков к половцам и татарам; от хазар и волжских болгар через финские племена к шведам, немцам, литовцам и полякам. Татары, наложившие на нас свое долгое иго, показались нам «нехристями» и «погаными» [*], но они почтили нашу церковь, и вражда наша к ним не превратилась в презрение. Воевавшие с нами иноверцы, немые для нас по языку («немцы») и неприемлемые церковью («еретики»), побеждались нами отнюдь не легко, и, нанося нам поражения, заставляли нас задумываться над их преимуществами. Русский национализм проходил – и во внутреннем замирении своей страны и во внешних войнах – суровую школу уважения к врагам: и Петр Великий, умевший «поднимать заздравный кубок» «за учителей своих», – проявлял в этом исконную русскую черту – уважения к врагу и смирения в победе.

[*] Запах лошадиного пота, поглощаемого сырого мяса и кочевнической грязи, исходивший от татар, вызывал у славян сущее отвращение.

Правда, в допетровском национализме имелись черты, которые могли привести к развитию национальной гордыни и повредить России в целом. Именно в русском народе сложилось и крепло иррациональное самочувствие, согласно которому русский народ, наставляемый святой, соборной и апостольской церковью и водимый своими благоверными царями, хранит единственную правую веру, определяя ею свое сознание и свой быт: это есть некое национальное стояние в правде, от которого невозможно ни отступить, ни что-либо уступить, так что перенимать у других нам ничего нельзя, смешиваться с другими грешно и изменяться нам не в чем. Ни у басурман, ни у еретиков нам не следует учиться, ибо от ложной веры может произойти только ложная наука и ложное умение.

Это воззрение к 17 веку формулировалось так: «Богомерзок пред Богом всякий, кто любит геометрию: а се душевные грехи – учиться астрономии и еллинским книгам»… И еще: «Если спросят тебя, знаешь ли философию, отвечай: еллинских борзостей не текох, риторских астрономов не читах, с мудрыми философами не бывах, философию ниже очима видех, учуся книгам благодатного закона»…

Русское правительственное самознание давно уже не соответствовало этому народному самочувствию. Со второй половины 15 века, если не ранее, в особенности же после того, как обрушились от самодельной неумелой стройки стены почти довершенного Успенского Собора в Москве (1474 год), с легкой руки Иоанна Третьего, русское правительство приглашает из-за границы архитекторов, врачей и всяких технических искусников: «еретическая наука» уже гостит и служит, но еще не насаждается и не перенимается. Борис Годунов мечтал основать в Москве не то академию, не то университет; Лжедмитрий думал водворить здесь иезуитскую высшую школу. Необходимость учиться светской «еретической» науке становилась все более очевидной, но консерватизм и провинциализм церковно-национального самочувствия и самомнения санкционировали неподвижность быта и сознания. Духовная инерция народа стала опасною…

* * *

Петру Великому пришлось вломиться в это самочувствие и заставить русских людей учиться необходимому. Он понял, что народ, отставший в цивилизации, в технике и знаниях, – будет завоеван и порабощен и не отстоит себя и свою правую веру. Он понял, что необходимо отличить главное и священное от неглавного, несвященного, земного – от техники, хозяйства и внешнего быта; что надо вернуть земное земле; что вера Христова не узаконивает отсталых форм хозяйства, быта и государственности. Он постиг необходимость дать русскому сознанию свободу светского, исследовательского взирания на мир, с тем чтобы сила русской веры установила в дальнейшем новый синтез между Православным Христианством, с одной стороны, и светской цивилизацией и культурой – с другой стороны. Петр Великий понял, что русский народ преувеличил компетенцию своего исторически сложившегося, но еще не раскрывшего всю свою силу религиозного акта и что он недооценил творческую силу христианства: Православие не может санкционировать такой уклад сознания, такой строй и быт, которые погубят народную самостоятельность и предадут врагам и веру, и церковь. Он извлек урок из татарского ига и из войн с немцами, шведами и поляками: запад бил нас нашею отсталостью, а мы считали, что наша отсталость есть нечто правоверное, православное и священно-обязательное. Он был уверен, что Православие не может и не должно делать себе догмат из необразованности и из форм внешнего быта, что сильная и живая вера проработает и осмыслит и облагородит новые формы сознания, быта и хозяйства. Христианство не может и не должно быть источником обскурантизма и национальной слабости.

И вот небесное и земное разделились в русском самочувствии. Вместе с тем национальное отделилось от вероисповедно-церковного. Русское самочувствие проснулось, и началась эпоха русского национального самосознания, не законченная и доныне.

Старообрядцы не приняли этого раздела и стали верными хранителями русского православно-национального самочувствия во всей его неприкосновенности, наивности и притязательности. Это было трогательно и даже полезно; не потому, что старообрядчество в церковном отношении – право, а потому, что оно веками, в душевной целостности и с нравственной ревностью блюло верность первоначальной форме русского религиозного и русско-национального самочувствия. Верность бывает трогательна и полезна даже и в обрядовых мелочах, ибо в них воплощаются глубина и искренность религиозного чувства.

А между тем России, русскому духу и русскому национализму предстоял новый путь. Надо было различить в культурном творчестве – церковное и религиозное, и далее – церковное и национальное; открыть себе доступ к светской цивилизации и светской культуре и внести религиозно-православный дух, Иоанновский дух любви и свободы, в свое светское национальное самосознание, в свою новую национально-светскую культуру и национально-светскую цивилизацию. Эта задача не разрешена нами еще и поныне; и разрешением ее будет занята грядущая Россия.

1. Церковь и религиозность не одно и то же, ибо Церковь можно уподобить солнцу, а религиозность – всюду рассеиваемым солнечным лучам. Церковь есть зиждительница, хранительница, живое средоточие религии и веры. Но церковь не есть «все во всем», она не поглощает нации, государства, науки, искусства, хозяйства, семьи и быта, – не может поглотить их и не должна пытаться сделать это. Церковь не есть начало тоталитарное и всевластное. Православию чужд «теоретический» (т. е., строго говоря, экклезиастический) идеал; православная Церковь молится, учит, святит, благодатствует, вдохновляет, исповедует и, если надо, обличает, – но она не властвует, не регламентирует жизни, не карает светскими наказаниями и не берет на себя ответственности за светские дела, грехи, ошибки и неудачи (в политике, в хозяйстве, в науке и во всей культуре народа). Ее авторитет есть авторитет откровения и любви; он свободен и основан на качестве ее веры, ее молитвы, ее учения и ее дел. Церковь ведет духом, молитвой и качеством, но не всепоглощением, как это пытались осуществить Савонаролла во Франции, иезуиты в Парагвае и Кальвин в Женеве. Она излучает живую религиозность, которая должна свободно проникать в жизнь и во все жизненные дела народа. Религиозному духу – везде место, где живет и творит человек, во всяком светском деле; в искусстве и науке, в государстве и торговле, в семье и на пашне. Он очищает и осмысливает все чувства человека и в том числе и национальное чувство; а национальное чувство,

религиозно облагороженное и осмысленное, – незримо и ненарочито проникает все человеческое творчество.

Так, Церковь не может и не должна вооружать армию, организовывать полицию, разведку и дипломатию, строить государственный бюджет, руководить академическими исследованиями, заведовать концертами и театрами и т. д.; но изучаемый ею религиозный дух может и должен облагораживать и очищать всю эту светскую деятельность людей. Живая религиозность должна светить и греть там, куда Церковь открыто не вмешивается или откуда она прямо устраняет себя.

2. Церковь, как единение единоверующих, сверхнациональна, ибо объемлет и единоверующих другой нации; но в пределах единой нации «поместная» церковная организация получает неизбежно национальные черты. К Православной Церкви принадлежат не только русские, но и румыны, и греки, и сербы, и болгары; и тем не менее русское Православие (как церковь и как обряд, и как дух) имеет своеобразные черты русскости. Итак, церковное и национальное не одно и то же.

Нация, как единение людей с единым национальным актом и культурою, не определяется принадлежностью к единой церкви, но включает в себя людей разной веры, и разных исповеданий, и разных церквей. И тем не менее русский национальный акт и дух был взращен в лоне Православия и исторически определился его духом, на что и указывал Пушкин. К этому русскому национальному акту более или менее приобщились почти все народы России самых различных вер и исповеданий:

И гордый внук славян, и финн,
и ныне дикий Тунгус, и друг степей калмык.
Пушкин

И все они, сами того не зная, таинственно приобщились к дарам русского Православия, сокровенно заложенным в русском национальном акте. Русский национализм распространил скрытые в нем лучи русского Православия по всей России. Но из этого уже ясно, что национальное и церковное не одно и то же.

Это отличие – церковного от религиозного и церковного от национального – Россия осознавала на протяжении двух веков после Петра. За эти два века Россия вынашивала свой светский национализм, зачатый в Православной церкви и проникнутый христианским Иоанновским духом любви, созерцания и свободы; она вынашивала его и в то же время вносила его во все области светской культуры: в зародившуюся с тех пор русскую светскую науку и литературу; в возникшее и быстро созревшее до мировой значительности светское русское искусство; в новый светский уклад права, правосознания, правопорядка и государственности; в новый уклад русской светской жизни и нравственности; в новый уклад русского частного и общественного хозяйства.

Православная Церковь отнюдь не была чужда всему этому. Она оставалась как бы матерью выросших детей, ушедших на свободу жизненно-религиозного дела и труда, но не ушедших духом из ее света и Духа. Она оставалась матерью-хранительницей молитвы и любви, советницей и обличительницей, лоном очищения, покаяния и умудрения, – вечной матерью, приемлющей новорожденного и молящейся за почившего. Это ее дух – освободил крестьян, создал суд скорый, правый и милостливый, создал русское земство и русскую школу; это ее дух – взрастил и укрепил русскую национальную совесть и жертвенность; это ее дух – повинил и укрепил русскую мечту о совершенстве; это ее дух – внес во всю русскую культуру силу сердечного созерцания, вдохновил русскую поэзию, живопись, музыку и архитектуру и создал пироговскую традицию в русской медицине… Но всего не исчислишь.

И тем не менее, то, что создавалось в России в 18 и 19 веках – было именно светскою национальною культурою. России было дано великое задание – выработать русско-национальный творческий акт, верный историческим корням славянства и религиозному духу русского Православия, – «имперский» акт такой глубины, ширины и гибкости, чтобы все народы России могли найти в нем свое родовое лоно, свое оплодотворение и водительное научение; создать из этого акта новую, русско-национальную, светски свободную культуру

(знания, искусства, нравственности, семьи, права, государства и хозяйства) – все это в духе восточного, Иоанновского христианства (любви, созерцания и свободы); и наконец, узреть и выговорить русскую национальную идею, ведущую Россию через пространства истории.

Это задание – долгое и претрудное, разрешимое только в веках – вдохновением и молитвою, самовоспитанием и неотступным трудом. За два века русский народ только приступил к его разрешению, и то, что им совершено, свидетельствует не только о величии этого задания и не только о чрезвычайной, исторически, этнически и пространственно обусловленной сложности его, но и о тех силах и дарах, которые даны ему для этого от Провидения. Это дело было начато с чрезвычайным успехом, прервано политической смутой и коммунистической революцией и осталось ныне незавершенным. Чтобы завершить это дело, понадобятся еще века свободного творческого расцвета, и нет сомнения, что Россия возобновит его после окончания революции.

И вот русский национализм есть не что иное, как любовь к этому исторически сложившемуся духовному облику и акту русского народа; он есть вера в это наше призвание и в данные нам силы; он есть воля к нашему расцвету; он есть созерцание нашей истории; нашего исторического задания и наших путей, ведущих к этой цели; он есть бодрая и неутомимая работа, посвященная этому самобытному величию грядущей России. Он утверждает свое и творит новое, но отнюдь не отрицает и не презирает чужое. И Дух его есть дух Иоанновского христианства, христианства любви, созерцания и свободы, а не дух ненависти, зависти и завоевания. Так определяется идея русского национализма.

О формальной демократии

Есть два различных понимания государства и политики: механическое и органическое. Механическое – отстаивает человеческую инстинктивную особь и ее частные интересы; оно измеряет жизнь количественно и формально. Органическое исходит от человеческого духа и восходит к национальному единству и его общим интересам; оно качественно и ищет духовных корней и решений. Которое же из этих понимании желательно и спасительно для грядущей России?

Рассмотрим сначала механическое воззрение.

Оно видит в человеке прежде инстинктивную особь, имеющую свои «желания» и «потребности»: каждый желает меньше работать, больше наслаждаться и развлекаться; плодиться и наживать; иметь свои безответственные мнения и беспрепятственно высказывать их; подыскивать себе где угодно единомышленников и объединяться с ними; ни от кого не зависеть и иметь как можно больше влияния и власти. Ведь люди родятся «равными», и потому каждому из них должны быть предоставлены одинаковые права для отстаивания своих «желаний» и «потребностей»: это «неприкосновенные права свободы», которые «не терпят ограничений». Поэтому каждая человеческая особь должна иметь в государственных делах равное право голоса. Сколько людей, столько равных голосов. Что кому нравится, то пусть каждый беспрепятственно и отстаивает. Единомышленники всех стран пусть свободно объединяются; поданные голоса пусть подсчитываются; большинство голосов будет все решать. «Тогда пойдет все гладко и станет все на место»…

Что же касается качества всех этих «желаний», планов и затей у всех этих «единомышленников», а особенно мотивов и намерений всех этих «голосователей», – то до них никому не может быть дела: все это ограждается неприкосновенною «свободою», ненарушимым «равенством» и «тайною» голосования. Каждый гражданин, как таковой, заранее считается разумным, просвещенным, благонамеренным и лояльным, неподкупным и «почтенным»; каждому дается возможность обнаружить все свои «доблести» и прикрыть словами о «публичном благе» все свои замыслы и затеи. Пока не пойман – он не вор; пока не взят с поличным – он требует к себе всеобщего уважения. Кто еще не попался на месте преступления (напр., предательства, иностранного шпионажа, вражеской агентуры, подготовки заговора, взятки, растраты, подлога, шулерства, торговли девушками, выделки фальшивых документов или монет – тот считается политическим «джентльменом» независимо от своей профессии и полноправным гражданином («про его художества все знают, да не докажешь»). Главное, «свобода», «равенство» и «счет голосов». Государство есть механическое равновесие

частных (личных и партийных) вожделений; государство строится как компромисс центробежных сил, как лицедейство политических актеров. И политика должна двигаться «по равнодействующей» (по параллелограмму сил!) взаимного недоверия и состязающихся интриг…

К сожалению, это воззрение (насколько я знаю) нигде не высказано в такой откровенно отчетливой форме. Оно и не является доктриной; это лишь молчаливый политический «догмат», укоренившийся в мире и выдаваемый за само собою разумеющуюся «сущность демократии»: все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть ради собственных интересов, прикрываемых общею пользою.

Такое формальное и количественное понимание государства ставит его судьбу в зависимость от того, как и чем заполняется та содержательная пустота и то безразлично-беспризорное качество, которые предоставляются людям формальною «свободою». Государство и правительство суть лишь «зеркало» или «арифметическая сумма» того, что делается в душе и в правосознании человеческой массы. Там вечно что-то само собою варится в этом непроглядном и в то же неприкосновенном котле: всякое вмешательство запрещается как «давление»; всякое ограничение или воздействие клеймится как «стеснение свободы». Каждому гражданину обеспечивается право на кривые и лукавые политические пути, на нелояльные или предательские замыслы, на продажу своего голоса, на гнусные мотивы голосования, на подпольные заговоры, на незаметную измену, на тайное «двойное подданство» – на все те низости, которые бывают людям столь выгодно и столь часто их соблазняют. Гражданину дается неограниченное право тайного самособлазна и совращения других, а также незаметной самопродажи; ему обеспечивается свобода неискреннего, лживого, коварного, инсинуирующего слова и двусмысленного, расчетливого замалчивания правды; ему дается свобода «верить» лжецам и негодяям или даже притворяться поверившим (корыстно симулировать такое-то или противоположное политическое настроение). И для свободного выражения всех этих духовных соблазнов ему дается «избирательный бюллетень». «Мотивы голосования» должны быть свободны; образование партий – не терпит стеснений; ограничивать политическую пропаганду – значит «проявлять насилие»; судить и осуждать за «политические воззрения» нельзя: это значило бы покушаться на «сердцеведение» и «преследовать за образ мыслей» (по-немецки «гезиннунгс юстиц»). Свобода мнений должна быть полною; государственные чиновники не смеют покушаться на нее и урезывать ее. И самое глупое, самое вредное, гибельное и гнусное «мнение» – «неприкосновенно» уже в силу одного того, что нашелся вредный глупец или предатель, который его провозгласил, укрываясь за его «неприкосновенность». А возможно ли заставить его мнить свое мнение пассивно? Как помешать ему проводить его мнение в жизнь – шепотом, тихой сапою, тайным сговором, подпольной организацией, незаметным накоплением складов «оружия»?… Свобода слова, союзов и оружия только выражает и осуществляет свободу мнений…

Это означает, что формально количественное понимание государства открывает двери настежь всем политическим авантюрам, переворотам и революциям, что мы и наблюдаем из года в год, напр., в Южной Америке. И поистине, негодяи всего мира были бы совершенными глупцами, если бы они не заметили и не использовали эту великолепную возможность захвата власти. Правда, американские «гангстеры» недодумывались до этого и «озорничали» вне политики, и сицилийские «маффиатори» тоже довольствуются частным прибытком. Но додуматься было не так уж трудно. Природа не терпит пустоты; и по мере того как благородные побуждения (религиозные, нравственные, патриотические, духовные) слабели и вывертывались в человеческих душах, в образовавшиеся пустоты формальной свободы неизбежно должны были хлынуть нелепые, злые, порочные и жадные замыслы, подсказывавшиеся демагогами-тоталитаристами слева и справа.

Итак, формальная свобода включает в себя свободу тайного предательства и явного погубления. Механическое и арифметическое состязание частных вожделений с самого начала готовило в душах возможность слепого ожесточения и гражданской войны. Пока центробежные

силы соглашались умерить свои требования и найти компромисс – государство могло балансировать над пропастью; но восстали «пророки» классовой борьбы и приблизили момент гражданской войны. Что может им противопоставить формально механическое понимание государства? Уговоры «главноуговаривающих»? Рыдания о гибнущей свободе? Или идеи сентиментальной «гуманности», забытой совести, отвергнутой чести? Но это значило бы – «вмешаться» и тем самым отречься от формальной свободы и от механического понимания политики! Это значило бы утратить веру в политическую арифметику и впасть в сущую «демократическую ересь»!.. Ибо формальная демократия не позволяет сомневаться в благонамеренности «свободного» гражданина… Еще Жан-Жак Руссо учил, что человек от природы разумен и добр и что единственно, чего ему не хватает, это свободы. Надо только не мешать ему свободно извлекать из своего доброприродного сердца – руководительную «общую волю», мудрую, неошибающуюся, спасительную… Только не мешайте… – а уж он из-вле-чет!..

Люди уверовали в это два века тому назад. Уверовали французские энциклопедисты и революционеры, а за ними – анархисты, либералы и сторонники «формальной демократии» во всем мире. Уверовали до такой степени, что даже забыли о своей вере и о ее опасностях: решили, что это и есть «сама несомненная истина» и что она требует в политике – благоговения перед свободой, почтительного формализма и честного подсчета голосов. И вот два века этой практики поставили современных политиков перед величайшим политическим землетрясением мировой истории…

Что же им делать? Урезывать формальную свободу? Отказаться от механики частных вожделений? Отменить голосовую арифметику? Но это значило бы усомниться в «священных» догматах современной демократии! Кто дерзнет на это? Кто сам себя дезавуирует? И что же тогда противопоставить тоталитаристам слева и справа?

Но если здесь – тупик, то что же тогда? Неужели соглашаться на уродства и зверства тоталитарного режима?! Невозможно!..

Об органическом понимании государства и демократии.

Тот, кто хочет верно понять сущность государства, политики и демократии, – должен с самого начала отказаться от искусственных выдумок и ложных доктрин. Так, напр., это есть вздорная выдумка, будто все люди «разумны», «добропорядочны» и «лояльны»; жизнь свидетельствует об обратном, и надо быть совсем слепым, чтобы этого не видеть, или совсем пролганным, чтобы лицемерно отрицать это. Точно так же это есть ложная доктрина, будто право голоса можно предоставлять людям независимо от их внутренних свойств и качеств; скажем совсем точно – независимо от их правосознания. Это есть величайшее заблуждение, будто государственный интерес состоит из суммы частных интересов и будто на состязании и на компромиссе центробежных сил можно построить здоровое государство. Это есть слепой предрассудок, будто миллион ложный мнений можно «спрессовать» в одну «истину»; или будто «честно» сосчитанные «свободные» голоса способны указать истинное благо народа и государства: ибо надо не только «честно» считать, но считать-то надо именно честные и разумные голоса, а не партийные бюллетени.

Итак, жизнь государства слагается не арифметически, а органически. Самые люди, участвующие в этой жизни, суть не отвлеченные «граждане» с пустыми «бюллетенями» в руках, но живые личности телесно-душевно-духовные организмы; они не просто нуждаются в свободе и требуют ее, но они должны быть достойны ее. Избирательный бюллетень может подать всякий; но ответственно справляться с бременем государственного суждения и действия – может далеко не всякий. Человек участвует в жизни своего государства – как живой организм, который сам становится живым органом государственного организма; он участвует в жизни своего государства всем: телесным трудом, ношением оружия, воинскими лишениями, напряжениями и страданиями; своею лояльною волею, верностью сердца, чувством долга, исполнением законов, всем своим (частным и публичным) правосознанием. Он строит государство инстинктивной и духовной преданностью, семейной жизнью, уплатою налогов, службою и торговлею, культурным творчеством и даже славою своего личного имени.

И совсем не в том смысле, что государство, как некий тоталитарный Левиафан есть «все во всем», все поглощает и всех порабощает; но в том смысле, что «ткань государственного

бытия» слагается из органической жизни всех его граждан. Каждое индивидуальное злодейство совершается «в ткани» государства, вредит ему и разрушает его живое естество; и каждое доброе, благородное и культурное деяние гражданина совершается в ткани государства, строит и укрепляет его жизнь. Государство не есть какая-то отвлеченность, носящаяся над гражданами; или какой-то «я-вас-всех давишь» вроде сказочного медведя, который садится на жителей домика и передавливает всех. Государство находится не «там где-то», вне нас (правительство, полиция, армия, налоговое ведомство, чиновничий аппарат); нет, оно живет в нас, в виде нас самих, ибо мы, живые человеческие личности, мы есть его «части», или «члены», или «органы». Это участие несводимо к внешним делам и к внешнему «порядку»; оно включает и нашу внутреннюю жизнь. Но это «включение» состоит не в том, что «мы ничего не смеем», а «государство все смеет»; что мы – рабы, а государство рабовладелец; что гражданин должен жить по принципу «чего изволите?». Совсем нет. Тоталитарное извращение есть явление сразу больное, нелепое и преступное. В государство включаются (строят его, укрепляют его, колеблют его, совершенствуют его или, наоборот, разрушают его) – все свободные, частноинициативные, духовно-творческие, внутренние настроения и внешние деяния граждан. Продумаем это на живых примерах.

Так, инициативная жертвенность граждан может поддержать армию, выиграть войну и спасти государство (северно-русские города и нижегородцы в Смутное время). Паника населения во время войны, наводнения, землетрясения, эпидемии – может принести государству непоправимый вред. Политическая клевета, подрывающая доверие к законному Государю, отрывает от него сердца граждан, изолирует его и разрушает государство (по правилу: «поражу пастыря и рассеются овцы»). В стране, где граждане переживают воинскую повинность как честь, как право, как доблестное служение – мобилизация протекает совсем иначе, чем там, где люди «пальцы режут, зубы рвут, в службу царскую нейдут». Чиновник, честно блюдущий «казенную копейку», строит свое государство; чиновник, бормочущий себе под нос «казна – шатущая корова, только ленивый ее не доит», – есть враг своей страны и своего государства.

Тот день, в который патриотическая верность угаснет в сердцах, будет роковым для государства (февраль-октябрь 1917 г.). Политический организм имеет прежде всего душевно-духовную природу: народ, потерявший чувство духовного достоинства, лишенный ответственности и государственного смысла, отрекшийся от чести и честности – неизбежно предаст и погубит свое государство. Недаром сказано: мудрое слово «мир» управляется из детской, ибо воспитание гражданина начинается именно с детской, чтобы продолжиться в школе и завершиться в академии. Гражданин неотрывен от своего духа и своего правосознания: духовно разложившийся человек подаст на выборах позорный и погибельный бюллетень; человек с деморализованным правосознанием будет вредить своему государству на каждом шагу – неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, мелкими правонарушениями и дерзкими преступлениями, взяткой и растратой, избирательной коррупцией и шпионажем. Это не гражданин, а предатель, продажный раб, ходячее криводушие, недопойманный вор. К какому голосованию он способен? Кого он может «избрать» и куда его самого можно выбрать? Что понимает он в делах государства? Недаром сказано мудрое слово: «Город держится десятью праведниками»…

Государственное дело совсем не есть «сумма» всех частных претензий, или компромисс личных вожделений, или равновесие «классовых» интересов. Все эти вожделения и интересы – близоруки: они не смотрят ни в государственную ширь, ни в историческую даль. Каждый стяжатель промышляет о «своем» и не понимает, что настоящий гражданин мыслит об общем. Государственное же дело начинается именно там, где живет общее, т. е. такое, что всем важно и всех объединяет; что или сразу у всех будет, или чего сразу у всех не будет; и если – не будет, то все развалится и упразднится, и все рассыплется, как песок.

Такова совместная и общая безопасность жизни; такова национальная армия; такова честная полиция; таков правый суд; таково верное и мудрое правительство; такова государственная дипломатия; таковы школы, дороги, флот, академии, музей, больницы, санитарная служба, правопорядок, всяческое внешнее благоустройство и ограждение личных

прав. Если это есть «частное вожделение» – то чье же? Если это классовый интерес, то какого же класса? Никакого. Кому же это нужно и полезно? Всем, ибо это общее; в нем все «суть едино». И пока каждый помышляет о себе и вожделеет для себя, он не подумает об этом и не создаст этого. И постольку он не Гражданин, а стяжатель и хапуга; и голосование его по делам государственным будет сплошь трагикомическим недоразумением («Учредительное собрание» 1917 года!).

Государство состоит из народа и ведется правительством; и правительство призвано жить для народа и черпать из него свои живые силы, а народ должен знать и понимать это и отдавать свои силы общему делу. Верное участие народа в жизни государства дает этому последнему его силу. В этом выражается демократическая сила истинной государственности. Слово «демос» означает народ; слово «кратос» выражает силу, власть. Настоящее государство «демократично» в том смысле, что, оно черпает из народа свои лучшие силы и привлекает его к верному участию в своем строительстве. Это означает, что должен происходить постоянный отбор этих лучших сил и что народ должен уметь верно строить свое государство.

Не следует думать, будто самый способ этого отбора лучших сил раз навсегда найден и будто этот способ применим во всех странах и у всех народов. На самом деле каждый народ в каждую эпоху своей жизни может и должен находить тот способ, который наиболее подходящ и целесообразен именно для него. Всякое механическое заимствование и подражание может дать здесь только сомнительные или прямо гибельные итоги.

Если же этот качественный отбор не происходит или не удается, то правят неспособные или просто порочные элементы и начинается развал государства. А если народ неспособен верно строить свое государство, – в силу политического бессмыслия, или в силу частного стяжательства, или в силу безволия, или же в силу морального разложения, – то государство или погибнет, или же начинает строиться по типу «учреждения» или «опеки» (см. «Н.З.», с. 84).

Отсюда необходимо сделать вывод: то механическое, количественное и формальное понимание государства, которое осуществляется в западных демократиях, не есть ни единственно возможное, ни верное. Напротив, оно таит в себе величайшие опасности; оно не блюдет органическую природу государства; оно отрывает публичное право человека от его качества и способности; оно не единит граждан в Общем, а утрясает в компромисс их своекорыстные голоса. Поэтому такая форма государственности и демократии не обещает России ничего доброго и не подлежит ни заимствованию, ни воспроизведению.

России нужно иное, новое, качественное и зиждительное.

О православии и католичестве

Значение Православия в русской истории и культуре духовно определяющее. Для того чтобы понять это и убедиться в этом, не надо быть самому православным; достаточно знать русскую историю и иметь духовную зоркость. Достаточно признать, что тысячелетняя история России творится людьми христианской веры; что Россия слагалась, крепла и развертывала свою духовную культуру именно в христианстве и что христианство она восприняла, исповедовала, созерцала и вводила в жизнь именно в акте Православия. Именно это было постигнуто и выговорено гением Пушкина. Вот его подлинные слова:

«Великий духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В этой священной стихии исчез и обновился мир». «Греческое вероисповедание, отдельное от всех прочих, дает нам особенный национальный характер». «Россия никогда ничего не имела общего с остальною Европою»… «история ее требует другой мысли, другой формулы»…

И вот ныне, когда наши поколения переживают великий государственный, хозяйственный, моральный и духовно-творческий провал в истории России и когда мы повсюду видим ее недругов (религиозных и политических), подготовляющих поход на ее самобытность и целость, – мы должны твердо и точно выговорить: дорожим ли мы нашей русской самобытностью и готовы ли мы ее отстаивать? И далее: в чем эта самобытность, каковы ее основы и каковы те покушения на нее, которые мы должны предвидеть?

Самобытность русского народа выражается в его особливом и своеобразном духовном акте. Под «актом» надо разуметь внутренний строй и уклад человека: его способ чувствовать, созерцать, думать, желать и действовать (см. «Н.З.», с. 279 – «О русском национализме»).

Каждый из русских, попав за границу, имел, да имеет и ныне, полную возможность убедиться на опыте в том, что другие народы имеют иной, отличный от нас бытовой и духовный уклад; мы испытываем это на каждом шагу и с трудом привыкаем к этому; иногда видим их превосходство, иногда остро чувствуем их неудовлетворенность, но всегда испытываем их инородность и начинаем томиться и тосковать по «родине». Это объясняется самобытностью нашего бытового и духовного уклада; или, выражаясь кратчайшим словом, у нас иной акт.

Русский национальный акт сложился под влиянием четырех великих факторов: природы (континентальность, равнина, климат, почва), славянской души, особливой веры и исторического развития (государственность, войны, территориальные размеры, многонациональность, хозяйство, образование, техника, культура). Невозможно осветить все это сразу: Об этом есть книги, – то драгоценные (Гоголь Н., «В чем же, наконец, существо русской поэзии»; Данилевский Н., «Россия и Европа»; Забелин И., «История русской жизни»; Достоевский Ф., «Дневник писателя»; Ключевский В., «Очерки и речи»), то мертворожденные (Чаадаев П., «Философские письма»; Милюков П., «Очерки по истории русской культуры»). В понимании и толковании этих факторов и самого русского творческого акта – важно оставаться предметным и справедливым, не превращаясь ни в фанатического «славянофила», ни в слепого для России «западника». И это особенно важно в том основном вопросе, который мы здесь ставим – о Православии и Католичестве.

Среди недругов России, не приемлющих всю ее культуру и осуждающих всю ее историю, совершенно особое место занимают римские католики. Они исходят из того, что в мире есть «благо» и «истина» только там, где «ведет» католическая церковь и где люди беспрекословно признают авторитет римского епископа. Все остальное идет (так они понимают) по неправильному пути, пребывает во тьме или ереси и должно быть рано или поздно обращено в их веру. Это составляет не только «директиву» католицизма, но и само собою разумеющуюся основу или предпосылку всех его доктрин, книг, оценок, организаций, решений и действий. Не-католическое в мире – должно исчезнуть: или в результате пропаганды и обращения, или же погублением Божиим.

Сколько раз за последние годы католические прелаты принимались объяснять мне лично, что «Господь выметает железною метлою православный восток для того, чтобы воцарилась единая католическая церковь»… Сколько раз я содрогался от того ожесточения, которым дышали их речи и сверкали их глаза. И внимая этим речам, я начинал понимать, как мог прелат Мишель д'Эрбиньи, заведующий восточно-католическою пропагандою, дважды (в 1926 и в 1928 гг.) ездить в Москву, чтобы налаживать унию с «обновленческой церковью» и соответственно «конкордат» с большевиками, и как мог он, возвращаясь оттуда, перепечатывать без оговорок гнусные статьи коммунистов, именующие мученическую православную патриаршую Церковь (дословно) «сифилитической» и «развратной»… И я понял тогда же, что «конкордат» Ватикана с Третьим Интернационалом не осуществился доселе – не потому, что Ватикан «отверг» и «осудил» такое соглашение, а потому, что его не захотели сами коммунисты. Я понял разгром православных соборов, церквей и приходов в Польше, творившийся католиками в тридцатых годах текущего века… Я понял, наконец, в чем истинный смысл католических «молитв о спасении России»: как первоначальной, краткой, так и той, которая была составлена в 1926 году папою Бенедиктом XV и за чтение которой у них даруется (по объявлению) «триста дней индульгенции»…

И ныне, когда мы видим, как Ватикан годами снаряжается в поход на Россию, проводя массовую скупку русской религиозной литературы, православных икон и целых иконостасов, массовую подготовку католического духовенства к симуляции православного богослужения на русском языке («католичество восточного обряда»), пристальное изучение православной мысли и души ради доказательства их исторической несостоятельности, – мы все, русские люди, должны поставить перед собой вопрос о том, в чем же отличие Православия от Католицизма, и постараться ответить себе на этот вопрос со всею объективностью, прямотою и исторической верностью.

* * *

Это есть отличие догматическое, церковно-организационное, обрядовое, миссионерское, политическое, нравственное и актовое. Последнее отличие есть жизненно-первоначальное: оно дает ключ к пониманию всех остальных.

Догматическое отличие известно каждому православному: во-первых, вопреки постановлениям Второго Вселенского Собора (Константинопольского, 381 г.) и Третьего Вселенского Собора (Ефесского, 431 г., Правило 7) католики ввели в 8-й член Символа Веры добавление об исхождении Духа Святого не только от Отца, но и от Сына («филиокве»); во-вторых, в xix веке к этому присоединился новый католический догмат о том, что Дева Мария была зачата непорочною («дэ иммакулата концепционэ»); в-третьих, в 1870 году был установлен новый догмат о непогрешимости римского папы в делах церкви и вероучения («экс катэдра»); в-четвертых, в 1950 году был установлен еще один догмат о посмертном телесном вознесении Девы Марии. Эти догматы не признаны Православной Церковью. Таковы важнейшие догматические отличия.

Церковно-организационное отличие состоит в том, что католики признают римского первосвященника главою церкви и заместителем Христа на земле, тогда как Православные признают единого главу Церкви – Иисуса Христа и считают единственно правильным, чтобы Церковь строилась вселенским и поместными соборами. Православие не признает также светскую власть за епископами и не чтит католические орденские организации (в особенности иезуитов). Это важнейшие отличия.

Обрядовые отличия суть следующие: Православие не признает богослужения на латинском языке; оно блюдет литургии, составленные Василием Великим и Иоанном Златоустом, и не признает западных образцов; оно соблюдает завещанное Спасителем причащение под видом хлеба и вина и отвергает введенное католиками для мирян «причащение» одними «освященными облатками»; оно признает иконы, но не допускает скульптурных изображений в храмах; оно возводит исповедь к незримо присутствующему Христу и отрицает исповедальню как орган земной власти в руках священника. Православие создало совсем иную культуру церковного пения, молитвословия и звона; у него иное облачение; у него иное знамение креста; иное устроение алтаря; оно знает коленопреклонение, но отвергает католическое «приседание»; оно не знает дребезжащего звонка во время совершительных молитв и многого другого. Таковы важнейшие обрядовые отличия.

Миссионерские отличия суть следующие: Православие признает свободу исповедания и отвергает весь дух инквизиции; истребление еретиков, пытки, костры и принудительное крещение (Карл Великий). Оно блюдет при обращении чистоту религиозного созерцания и его свободу от всяких посторонних мотивов, особенно от застращивания, политического расчета и материальной помощи («благотворительность»); оно не считает, что земная помощь брату во Христе доказывает «правоверие» благотворителя. Оно, по слову Григория Богослова, ищет «не победить, а приобрести братьев» по вере. Оно не ищет власти на земле любою ценою. Таковы важнейшие миссионерские отличия.

Политические отличия таковы: Православная церковь никогда не притязала ни на светское господство, ни на борьбу за государственную власть в виде политической партии. Исконное русско-православное разрешение вопроса таково: церковь и государство имеют особые и различные задания, но помогают друг другу в борьбе за благо; государство правит, но не повелевает Церкви и не занимается принудительным миссионерством; Церковь организует свое дело свободно и самостоятельно, соблюдает светскую лояльность, но судит обо всем своим христианским мерилом и подает благие советы, а может быть, и обличения властителям и благое научение мирянам (вспомним Филиппа Митрополита и Патриарха Тихона). Ее оружие – не меч, не партийная политика и не орденская интрига, а совесть, наставление, обличение и отлучение. Византийские и послепетровские уклонения от этого порядка – были явлениями нездоровыми.

Католицизм, напротив, ищет всегда и во всем и всеми путями – власти (светской, клерикальной, имущественной и личносуггестивной).

Нравственное отличие таково: Православие взывает к свободному человеческому сердцу. Католицизм – взывает к слепопокорной воле. Православие ищет пробудить в человеке

живую, творческую любовь и христианскую совесть. Католицизм требует от человека повиновения и соблюдения предписания (законничество). Православие спрашивает о самом лучшем и зовет к евангельскому совершенству. Католицизм спрашивает о «предписанном», «запрещенном», «позволенном», «простительном» и «непростительном». Православие идет в глубь души, ищет искренней веры и искренней доброты. Католицизм дисциплинирует внешнего человека, ищет наружного благочестия и удовлетворяется формальной видимостью доброделания.

И все это теснейше связано с первоначальным и глубочайшим актовым отличием, которое необходимо продумать до конца и притом раз навсегда.

* * *

Исповедание отличается от исповедания по своему основному религиозному акту и его строению. Важно не только то, во что ты веруешь, но еще и то, чем, т. е. какими силами души, осуществляется твоя вера. С тех пор как Христос Спаситель утвердил веру на живой любви (Матф. 23, 37, Марк. 12, 30-33, Луки 10, 27, срв. I Иоанна 4, 7-8, 16), мы знаем, где искать веру и как найти ее. Это есть самое важное для понимания не только своей веры, но и особенно чужой веры и всей истории религии. Именно так мы должны понять и Православие и Католичество.

Есть религии, которые родятся из страха и питаются страхом; так, африканские негры в своей массе прежде всего боятся – темноты и ночи, злых духов, колдовства, смерти. В борьбе с этим страхом и в эксплуатации его у других и слагается их религия.

Есть религии, которые родятся из вожделения и питаются эротикой, принимаемой за «вдохновение»; такова религия Диониса-Вакха; таков «шиваизм левой руки» в Индии; таково русское хлыстовство.

Есть религии, живущие фантазией и воображением; их сторонники довольствуются мифическими легендами и химерами, поэзией, жертвоприношениями и обрядами, пренебрегая любовью, волей и мыслью. Таков индийский браманизм.

Буддизм был создан, как религия жизнеотвержения и аскезы. Конфуцианство возникло как религия исторически выстраданной и искренно прочувствованной моральной доктрины. Религиозный акт Египта был посвящен преодолению смерти. Иудейская религия искала прежде всего национального самоутверждения на земле, выдвигая генотеизм (бог национальной исключительности!) и моральное законничество. Греки создали религию семейного очага и зримой красоты. Римляне – религию магического обряда. А христиане?

Православие и Католичество одинаково возводят свою веру ко Христу, Сыну Божию, и к евангельскому благовествованию. И тем не менее их религиозные акты не только различны, но и несовместимы по своей противоположности. Именно этим определяются и все те отличия, которые я указал в предшествующей статье (с. 279).

Первичное и основное пробуждение веры для православного – есть движение сердца, созерцающей любви, которая видит Сына Божия во всей Его благости, во всем Его совершенстве и духовной силе, преклоняется и приемлет Его как сущую правду Божию, как свое главное жизненное сокровище. При свете этого совершенства православный познает свою греховность, укрепляет и очищает им свою совесть и вступает на путь покаяния и очищения.

Напротив, у католика «вера» пробуждается от волевого решения: довериться такому-то (католически-церковному) авторитету, подчиниться и покориться ему и заставить себя принять все, что этот авторитет решит и предпишет, включая и вопрос добра и зла, греха и его допустимости.

Почему у православного душа оживает от свободного умиления, от доброты, от сердечной радости – и тогда зацветает верою и соответственными ей добровольными делами. Здесь благовестие Христа вызывает искреннюю любовь к Богу, а свободная любовь пробуждает в душе христианскую волю и совесть.

Напротив, католик постоянными усилиями воли понуждает себя к той вере, которую ему предписывает его авторитет.

Однако в действительности воле подчинены всецело – только внешние телодвижения; в гораздо меньшей степени – ей подчинена сознательная мысль; еще меньше – жизнь воображения и повседневных чувствований (эмоций и аффектов). Ни любовь, ни вера, ни

совесть воле не подчинены и могут совсем не отозваться на ее «понуждения». Можно – принудить себя к стоянию и поклонам, но невозможно вынудить у себя благоговение, молитву, любовь и благодарение. Только внешнее «благочестие» повинуется воле, а оно и есть не более чем внешняя видимость или же просто притворство. Можно принудить себя к имущественному «пожертвованию»; но дар любви, сострадания, милосердия – невынудим ни волею, ни авторитетом. За любовью, как земною, так и духовную, – мысль и воображение следуют сами собой, естественно и охотно; но воля может биться над ними всю жизнь и не подчинить их своему давлению. Из раскрытого и любящего сердца – совесть, как голос Божий, заговорит самостоятельно и властно. Но дисциплина воли не ведет к совести; а покорность внешнему авторитету заглушает личную совесть окончательно.

Так развертывается эта противоположность и непримиримость двух исповеданий; и нам, русским людям, необходимо продумать ее до конца.

Тот, кто строит религию на воле и на покорности авторитету, тот неизбежно должен будет ограничить веру умственным и словесным «признанием», оставляя сердце холодным и черствым, заменяя живую любовь – законничеством и дисциплиною, а христианскую доброту – «похвальными», но мертвыми делами. И самая молитва превратится у него в бездушные слова и неискренние телодвижения. Тот, кто знает религию древнеязыческого Рима, тот сразу узнает во всем этом его традицию. Именно эти черты католической религиозности всегда испытывались русской душой как чуждые, странные, искусственно-натянутые и неискренние. И когда мы слышим от православных людей, что в католическом богослужении есть внешняя торжественность, доводимая иногда до грандиозности и «красивости», но нет искренности и тепла, нет смирения и горения, нет сущей молитвы, а потому и духовной красоты, – то мы знаем, где искать объяснения этому.

* * *

Эта противоположность двух исповеданий обнаруживается во всем. Так, первая задача православного миссионера – дать людям Св. Евангелие и богослужение на их языке и в полном тексте; католики держатся латинского языка, непонятного большинству народов, и воспрещают верующим самостоятельное чтение Библии. Православная душа ищет непосредственного приближения ко Христу во всем, от внутренней одинокой молитвы до приобщения Св. Тайн. Католик смеет думать и чувствовать о Христе только то, что ему позволит авторитетный посредник, стоящий между ним и Богом; и в самом приобщении он остается лишенным и умалишенным, не приемля пресуществленного Вина и получая вместо пресуществленного Хлеба – некую замещающую его «облатку».

Далее, если вера зависит от воли и решения, то, очевидно, неверующий не верит потому, что не хочет веровать, а еретик еретичествует потому, что решил веровать по-своему; и «ведьма» служит дьяволу потому, что она одержима злою волею. Естественно, что они все преступники против Закона Божия и что их надо карать. Отсюда Инквизиция и все те жестокие дела, которыми насыщена средневековая история католической Европы: крестовые походы против еретиков, костры, пытки, истребление целых городов (напр., города Штединг в Германии в 1234 г.); в 1568 г. все жители Нидерландов, кроме названных поименно, были приговорены к смерти, как еретики. В Испании Инквизиция исчезла окончательно лишь в 1834 году. Обоснование этих казней понятно: неверующий есть нежелающий веровать, он злодей и преступник перед лицом Божиим, его ждет геенна; и вот лучше кратковременный огонь земного костра, чем вечный огонь ада. Естественно, что люди, вынудившие веру волею сами у себя, – пытаются вынудить ее и у других и видят в неверии или инаковерии – не заблуждение, не несчастие, не ослепление, не скудость духовную, а злую волю.

Напротив, православный священник следует Ап. Павлу (II. Кор. 1, 24) не стремиться «брать власть над чужою волею», но «споспешествовать радости» в сердцах людей и твердо помнить завет Христа о «плевелах», не подлежащих преждевременному выпалыванию (Матф. 13. 25-36). Он признает руководительную мудрость Афанасия Великого и Григория Богослова: «То, что совершается силою против желания, – не только вынуждено, несвободно и не славно, но просто даже и не состоялось» (Слово 2. 15). Отсюда и указание Митрополита Макария, данное им в 1555 году первому казанскому архиепископу Гурию: «Всякими обычаи, как

возможно, приучать ему татар к себе и приводить их любовию на крещение, а страхом их ко крещению никак не приводити». Православная Церковь искони веровала в свободу веры, в ее независимость от земных интересов и расчетов, в ее сердечную искренность. Отсюда и слова Кирилла Иерусалимского: «Симон волхв в купели тело омочи водою, но сердца не просвети духом, и сниде, и изыде телом, а душею не спогребеся и не возста».

Далее, воля земного человека ищет власти. И Церковь, строющая веру на воле, – непременно будет искать власти. Так было у магометан; так обстоит у католиков на протяжении всей их истории. Они всегда искали в мире власти, так, как если бы Царство Божие было от мира сего, – всякой власти: самостоятельной светской власти для папы и кардиналов, а также власти над королями и императорами (вспомним средние века); власти над душами и особенно над волею своих последователей (исповедальня как орудие); партийной власти в современном «демократическом» государстве; тайной орденской власти, тоталитарно-культурной надо всем и во всех делах (иезуиты). Они считают власть – орудием к водворению Царства Божия на земле. А эта идея всегда была чужда и Евангельскому учению, и Православной Церкви.

Власть на земле требует ловкости, компромисса, лукавства, притворства, лжи, обмана, интриги и предательства, а часто и преступления. Отсюда учение о том, что цель разрешает средства. Напрасно противники излагают это учение иезуитов так, как будто цель «оправдывает» или «освящает» дурные средства; этим они только облегчают иезуитам возражения и опровержения. Тут речь совсем не о «праведности» или «святости», а или о церковном разрешении, о позволенности или же о моральной «доброкачественности». Именно в этой связи виднейшие отцы иезуиты, как-то: Эскобар-а-Мендоза, Сот, Толет, Васкоц, Лессий, Санкец и некоторые другие – утверждают, что «поступки делаются хорошими или дурными в зависимости от хорошей или дурной цели». Однако цель человека известна только ему одному, она есть дело личное, потайное и легко поддающееся симуляции. С этим тесно связано католическое учение о допустимости и даже негреховности лжи и обмана: надо только произносимые слова истолковать про себя «иначе», или воспользоваться двусмысленным выражением, или молча ограничить объем сказанного, или промолчать о правде – тогда ложь не ложь, и обман не обман, и ложная присяга на суде не грешна (об этом см. у иезуитов Лемкуля, Суареца, Бузенбаума, Лаймана, Санкеца, Алагоны, Лессия, Эскобара и других).

Но у иезуитов есть и другое учение, окончательно развязывающее их ордену и их церковным деятелям руки. Это учение о дурных делах, совершаемых якобы «По повелению Божию». Так, у иезуита Петра Алагоны (также и у Бузенбаума) читаем: «По повелению Божию можно убивать невинного, красть, развратничать, ибо Он есть Господин жизни и смерти и потому должно исполнить Его повеление». Само собой разумеется, что о наличности такого чудовищного и невозможного «повеления» Божия решает католический церковный авторитет, повиновение коему составляет самую сущность католической веры (все эти данные заимствуем из книги И.А. Ильина «О сопротивлении злу силою», где указаны аутентические источники).

Тот, кто, продумав эти черты католицизма, обратится к Православной Церкви, тот увидит и поймет раз и навсегда, что самые глубокие традиции обоих исповеданий противоположны и несовместимы. Мало того, он поймет еще и то, что вся русская культура слагалась, крепла и расцветала в духе Православия – и стала такою, какова она была в начале xx века, прежде всего потому, что она не была католическою. Русский человек верил и верит любовью, молится сердцем, свободно читает Евангелие; и авторитет Церкви помогает ему в его свободе и научает его свободе, раскрывая ему духовное око, а не пугая его земными казнями во «избежание» потусторонних. Русская благотворительность и «нищелюбие» русских Царей – шли всегда от сердца и доброты. Русское искусство все целиком выросло из свободного сердечного созерцания: и парение русской поэзии, и мечты русской прозы, и глубина русской живописи и искренний лиризм русской музыки, и выразительность русской скульптуры, и одухотворенность русской архитектуры, и прочувствованность русского театра. Дух христианской любви проник ив русскую медицину, с ее духом служения, бескорыстия, интуитивно-целостного диагноза, индивидуализации пациента, братского отношения к страдающему; и в русскую юриспруденцию с ее исканием справедливости; и в русскую

математику с ее предметной созерцательностью. Он создал в русской историографии традиции Соловьева, Ключевского и Забелина. Он создал в русской армии – традицию Суворова, а в русской школе традицию Ушинского и Пирогова. Надо увидеть сердцем ту глубокую связь, которая соединяет русскоправославных Святых и Старцев с укладом русской, простонародной и образованной души. Весь русский быт – иной и особенный, потому что славянская душа укрепила свое сердце в заветах Православия. И самые русские инославные исповедания (за исключением католицизма) восприняли в себя лучи этой свободы, простоты, сердечности и искренности.

Вспомним еще, что наше Белое движение со всей его государственной верностью, с его патриотическим горением и жертвенностью поднялось из свободных и верных сердец и ими держится и доныне. Живая совесть, искренняя молитва и личное «добровольчество» принадлежит к лучшим дарам Православия, и замещать эти дары традициями католицизма нам нет ни малейшего основания.

Отсюда и наше отношение к «католицизму восточного обряда», подготовляемого ныне в Ватикане и во многих католических монастырях. Самою идею – подчинить душу русского народа посредством притворной имитации его богослужения и водворить католицизм в России этой обманной операцией – мы переживаем как религиозно фальшивую, безбожную и безнравственную. Так на войне корабли плавают под чужим флагом. Так провозится через границу контрабанда. Так, в «Гамлете» Шекспира – брат вливает в ухо своему брату-королю смертельный яд во время его сна. И если бы кто-нибудь нуждался в доказательстве того, что есть католицизм и какими способами он захватывает власть на земле, то это последнее предприятие делает все иные доказательства излишними.

Мы были правы

Наша судьба, судьба русских людей двадцатого века, – беспримерна по своей тягости. Впервые в истории мобилизовались такие силы зла; впервые изобретены приемы такого террора, компрометирующего самое здоровое начало государственности; впервые создан заговор такого интернационального охвата, такого подрыва, такой злодейской меткости, такой неисчерпаемой одержимости. Все это импонирует людям духовно-слабым, людям «карьеры во что бы то ни стало», людям жадным и порочным; и доселе еще мы видим и среди иностранцев, и среди русских людей единичные и групповые «оползни». Иногда даже кажется, как будто из самой земли встает некий черный туман соблазна, одурманивающий людей, застилающий в них начала чести, совести и верности. И обычно бывает так, что люди опоминаются и отрезвляются только тогда и там, где их накрывает тоталитарное рабство; и тогда они с ужасом убеждаются, что время упущено, что остается или покоряться рабству, или идти на смерть в бесплодных протестах.

Нам, понявшим эту опасность мирового разложения и порабощения тридцать три года назад и сделавшим за это время все возможное для ее разъяснения, преодоления и предотвращения, бывает подчас несказанно больно и горько на душе. Больно за родину, за нашу чудесную и славную Россию, столько вынесшую в истории, преодолевшую столько трудностей и опасностей и создавшую единственную в своем роде национальную культуру – целое богатство религиозной святости, личных характеров и подвигов, целый поток глубокомыслия, глубокочувствия и прекрасного искусства, и все это из особого национально-духовного акта. Горько за русских людей, или порабощенных и (что всего ужаснее!) постепенно приобретающих привычку к рабству и тирании, или же рассеянных по чужим землям и народам на положении бесправных, подозреваемых, еле терпимых чужестранцев. Больно и горько, и стыдно за наше гнилое время и за недостаток людей с духовным хребтом и характером; и тревожно за поколения, разучающиеся любить и веровать.

Чтобы бодро и действенно выносить весь этот поток горя и унижения, мы должны твердо верить в нашу духовную правоту и в грядущее возрождение России. Мы имели долгие годы и бесчисленное множество оснований и поводов для того, чтобы пересмотреть нашу основную линию – линию верности национальной России и отвержения тоталитарного коммунизма. И каждое углубление мысли, каждое событие, по-новому освещавшее окружающие нас сумерки, каждое новое крушение нового государства удостоверяло нас в том,

что линия наша была верна от самого начала. И ныне каждый новый час истории приносит нам и всему миру новые доказательства нашей исконной правоты и новые сообщения о прозревающих и вот уже прозревших людях.

Мы были правы, поднимаясь за родину и отдавая за нее все свое, ибо люди без родины становятся исторической пылью, блеклой осенней листвой, гонимой с места на место и втаптываемой чужеземцами в грязь. Мы были правы, отстаивая нашу религиозную веру, ибо у безбожных и отреченных людей разлагается самая сердцевина их духа и совести, высыхает и деморализуется их наука, развращается их искусство, разлагается их семья, выдыхается их культура. Мы были правы, обороняя нашу свободу, ибо вот, в тоталитарных государствах человек теряет свою личность и независимость, он становится рабом государства, застращенным льстецом, покорным подголоском, лишенным собственных убеждений. Мы были правы и тогда, когда не ждали никакого спасения для России от республиканской формы: ибо на наших глазах февральская республика быстро развалила Россию и армию, скомпрометировала и растратила государственную власть, разнуздала вожделения и развалилась от первого внутреннего толчка, которому не умела и не хотела противопоставить ничего; а октябрьская республика быстро выродилась в самую ужасную тиранию, которую когда-либо видела человеческая история. Мы были правы, последовательно отвергая социализм и коммунизм, ибо вот всюду, где проводится такой режим, люди начинают догадываться, что у них не просто отнято имущество, но что у них экспроприирована творческая инициатива труда и заработка, что этот режим противоестествен, насильствен и неизбежно тоталитарен; люди начинают прозревать, что частная собственность присуща человеку так, как его собственное тело, и необходима ему как основа его трудовой самостоятельности.

Мы были правы, когда увидели в революции не спасение, а смертельную опасность; когда не приняли тех соблазнов бесчестия, которым тогда уступили столь многие; когда отказались от непротивления и приспособления… И особенно мы были правы тем, что не потеряли веру в духовные силы нашего народа и в его грядущее возрождение. Оно придет, оно начнется, ибо оно и теперь уже готовится в глубине народной души; и в тех русских людях, которые, оставаясь на родине, сумели сохранить верность ей и веру в нее; и в тех, которые выпивают до дна всю унизительность своих компромиссов и накапливают в сердце патриотический гнев; и в тех, которые своими гнусными делами протирают насквозь, до дыры, до предпогибельного, сатанинского провала злодейское начало, заложенное в терроре, в коммунистической пошлости и в тоталитарной лжи.

Медленно, зреет обновление. Это созревание состоит в том, что колеблющиеся и отпавшие возвращаются на нашу стезю, – на путь патриотизма, свободы, верности и национальной государственности, с тем чтобы мы могли найти в них своих братьев. Не знаем, когда пробьет этот час, но знаем, что он пробьет, и что это будет праздник нашего всенародного оправдания.

Таковы два великих утешения, укрепляющие нашу стойкость и дающие нам великую бодрость: это великое благо жизни – сознавать свою правоту; это великая отрада – уверенно ждать того часа, когда Россия воспрянет, освободится и возобновит свой величавый исторический ход.

О публичной дипломатии и стратегии

Кто сколько-нибудь следит за иностранной прессой, тот, наверное, замечает, как откровенны западные европейцы и американцы в вопросах дипломатии и стратегии. Политики и военные одинаково считают возможным подробно и во всеуслышание рассказывать о своей армии, о ее численности, ее составе и ее размещении; называется число кораблей и обозначается их мощность; вычисляется количество воздушных аппаратов в прошлом, в настоящем и будущем; рассказывается о танках, у какой державы сколько, а у какой и совсем нет. Парламентарии не отстают от них в словоохотливости, а больше всех стараются журналисты, особенно в сообщениях с фронта и при расспросах в так называемых «интервью» и «конференциях». Задают ответственным лицам самые безответственные, а то и просто провокационные вопросы; добиваются ответов и немедленно публикуют их во всеуслышание, на радость противнику и на облегчение его разведке. Если строятся новые военные заводы

(самые важные! самые таинственные!), то уже непременно объявят, где они будут расположены и когда будут готовы. Если усиливаются вооружения, то сообщат в речах и газетах, что «через год в армии всего – будет в четыре с половиной раза больше». Если хотят защищать Европу, то обнародуют, что раньше чем через три года достаточных для этого сил не будет; и добавочно сообщат, какие французские гавани будут служить коммуникационными базами и какое значение во всем этом будут иметь Испания, Югославия и Турция.

Читаешь и изумляешься. Вникаешь и не веришь глазам. Зачем это делается? Для демократического контроля? Но ведь самый архидемократический контроль может вестись закрыто и конфиденциально!.. Не веришь своим министрам, поставь над ними и за ними зорких парламентских контролеров, которым веришь безусловно… Может быть, это делается для того, чтобы напугать противника? Но какой же испуг, когда непрерывно сообщается о собственной несостоятельности… Или для того, чтобы обмануть противника; он поверит, что у нас ничего нет, а вдруг окажется, что «все есть»… Но, во-первых, так делают, когда хотят его вызвать на объявление войны; а кто же этого теперь хочет?!.. А во-вторых, такой образ действий предполагает участие всех военных, парламентариев и особенно журналистов в грандиозном «обманном заговоре»; сговорились и обманывают, да еще как… «глазом не моргнут», «комар носу не подточит», так ловко… Последнее предположение мы предоставим наивным людям.

Эта откровенность в ведении государственных дел (и притом – дел самого острого, судьбоносного значения!) является, по-видимому, симптомом замечательной общей доверчивости. Тот, кто следит за мировой прессой, постоянно спрашивает себя: как возможно, что к самым стратегически важнейшим изысканиям, к самым конфиденциальным работам министерств иностранных дел – допускаются все эти Алжер Хиссы, Фуксы, Гольды, Жулье-Кюри и другие? Откуда это предположение, что «всякий человек – джентльмен», что все салонно-обходительные люди – честнейшие ребята, что всякий натурализовавшийся в стране бродяга – никак не может быть предателем и шпионом? Объяснений нет. Остается только констатировать факт, столь часто отмеченный русской честной эмиграцией: политические бактерии имеют свои таинственные ходы, которыми они пробираются повсюду, особенно в министерства иностранных дел; а политические лейкоциты («белые»), с правдивостью и неподкупностью которых должны считаться и друзья, и враги, – не имеют этих «водосточных» ходов, гнушаются ими и остаются дезавуированными, подверженными всякой инсинуации и клевете. Западные народы верят кривым и не верят прямым, – и притом себе в сущую опасность и в сущий вред. И когда они опомнятся и начнут учиться не доверять ловким бродягам, то эти же ловкие бродяги, уже вцепившиеся в их организации наподобие клещей, научат их, в порядке диверсий, не доверять прямым и посадить «к разбору и сортировке» людей – новых проходимцев. Так было, напр., уже с германцами, где в министерстве Розенберга – личным составом «будущей» германской администрации в России заведовал один балтиец, известный агент НКВД, выкупленный Розенбергом «по родству» из концентрационного лагеря гестапо…

С публичной дипломатией и стратегией мы уже имели дело в России. Когда в 1917 году началась революция, то из левого лагеря, приблизительно от Керенского до Ленина, раздались самые резкие, «обличительно-разоблачительные» протесты против тайной дипломатии и тайной стратегии. Казалось, корень бедствий и неудач был найден: демократические массы не имели возможности контролировать дипломатию и стратегию императорской России; стоит им только взяться за дело – и все пойдет иначе; стоит только извлечь на свет и начать публично обсуждать и решать вопросы о державных сношениях, соглашениях и проблемах русского государства, а также о целях, средствах и способах ведения войны – и все будет спасено. Волна этого противогосударственного психоза захватила и трезвого, но глубоко бестактного Милюкова, и он поспешил выступить в момент всероссийского крушения с гласным требованием «проливов»…

Грустно и постыдно вспомнить тот бедлам, который начался тогда в совдепах и на фронте. Мы с гневом и ужасом следили за этим сознательным и вызывающим попранием всех аксиом дипломатии и стратегии, кончая солдатским голосованием наступления на фронтовых митингах. Вывод напрашивался сам собой: дилетанты дорвались до власти; агенты врага провоцируют их на непоправимые и гибельные поступки; февральская интеллигенция губит

войну и Россию; мы катимся в пропасть… Опасения и предчувствия наши оправдались… Какие уж уроки мы должны извлечь из всего этого?

* * *

Никакое государство, – ни авторитарное, ни демократическое, ни монархию, ни республику, – нельзя строить на всеобщем, братолюбиво-сентиментальном доверии. Такое доверие уместно только в сердце праведного пустынножителя; уже в монастырском быту оно неуместно.

Это совсем не значит, что в политике, дипломатии и стратегии надо «всем не доверять». Но для доверия необходимо иметь серьезные основания. Доверяющий несет ответственность за свое доверие: ибо он доверяет не только себя и свою жизнь (подобно отшельнику), а дело своего народа и государства. Здесь прежде чем «отрезать», надо семь раз «примерить» и проверить, чтобы самому не оказаться по недосмотру – причастным измене и предательству.

Мера доверия различна: в политике – в дипломатии – и в стратегии; но во всех трех сферах она строго обусловлена и ограничена.

Политика отнюдь не состоит в говорении речей: это лишь поверхностная видимость ее; это иллюзия наивных людей; это ее «полая вода». Настоящая, серьезная и глубокая политика состоит в молчании и действовании. Надо молча готовить дело и говорить лишь в ту меру, в какую слова необходимы и насыщены волевым молчанием и подготовкою дела. Последние годы русской государственности выдвинули два противоположные облика политического «оратора»: дивное красноречие П. А. Столыпина, насыщенное молчаливою мыслью и волевым действованием, и аффектированное пусторечие Керенского, с его позой, фразой, безмыслием и безволием.

Серьезный политик должен научиться молчать: надо говорить только необходимое и не вредящее. Надо понять, что в политике все преждевременно высказанное может стать неосуществимым именно потому, что оно было высказано, и притом преждевременно. Семьдесят семь политических противников, узнав о твоем замысле, бросятся тебе наперерез и воздвигнут семьдесят семь препятствий, – по общему правилу парламентаризма: «я не дам тебе сделать это, потому что я сам хочу выдвинуться»… И сто семьдесят семь болтунов подхватят твой план, исказят его, разгласят всякий вздор, посеют недоразумения, вызовут смуту и возбудят против тебя вихрь того «общественного мнения», которое несет пыль и подымает мусор к небу…

Настоящая политика есть школа волевого молчания и решительного действования. К этому волевому молчанию, к этой страстной решительности советский террор воспитывает русский народ против своей собственной воли.

Еще несравненно большее значение имеет молчание в дипломатии и стратегии. Разговорчивый дипломат и экспансивный стратег подобны человеку, который, играя в карты, держит их лицом к противнику, а крапом к себе; или тому, который, начиная шахматную партию, отвинчивает у себя свою, данную от природы, тайномыслящую голову и привинчивает себе стеклянную, насквозь прозрачную башку. О Святославе рассказывают, будто он, собираясь в поход на соседей, посылал сказать им «иду на вы»; наивная легенда… трогательное полурыцарство… устаревшая манера оборонять свой народ.

Дипломат и стратег связаны прежде всего блюдением тайны, полной тайны, – такой, что даже самая наличность тайны должна быть скрыта за легкой и естественной, добродушной любезностью. Ибо если кто ведет себя «таинственно» и явно что-то скрывает, то он пробуждает этим в окружающих любопытство; а уж любопытные таковы: пронюхав тайну, они не успокаиваются до тех пор, пока не дознаются, в чем она… Дипломату и стратегу нужна простота и видимая «откровенность» при полной замкнутости: произносимые ими слова должны быть внутренне крепко отцежены, профильтрованы и в деловом отношении взвешены и скупы. На целый ряд вопросов они должны отвечать уклончиво, неуязвимо. Если же спрашивающий назойлив и явно добивается того, чего ему знать на следует, то надо просто пресекать его спрашивание; иногда полезно бывает указать ему при всех на то, что он задает провокационные вопросы…

Государственное дело нельзя строить вне блюдения профессиональной тайны. Кто к этому неспособен, тот не заслуживает своих должностных полномочий. Государственная власть должна быть сильна; слабая государственная власть не может властвовать, – ни блюсти законы, ни ограждать свободу, ни пресекать преступления, ни поддерживать порядок. Ее сила должна импонировать. Болтливые люди не импонируют. Ее сила должна излучать авторитет: уговаривающий сам срывает свою авторитетность, ибо в самую сущность государственной власти входит ее право и ее обязанность настаивать на своих законных велениях, независимо от согласия уговариваемых. Полезно объяснять людям законы и распоряжения, но гибельно превращать законы в необязательные советы, а распоряжения в «покорнейшие просьбы». Сила власти требует очень часто неожиданности и решительности в действии, а неожиданность невозможна без соблюдения тайны.

И так обстоит всюду: во внутреннем управлении, в дипломатии и в стратегии. Напрасно стали бы толковать эти аксиомы власти в том смысле, что они будто бы запрещают всякое свободное и доброе общение власти с гражданами, а также всякое подготовительное обсуждение, всякий совет, всякое возражение… Напрасно стали бы толковать все эти указания, как оправдание тоталитаризма… Категорически отвергая все виды тоталитаризма, мы настаиваем на авторитарности всякой государственной власти как таковой, включая и демократическую, и республиканскую власть. Всякое правительство обязано решать, действовать и нести ответственность за содеянное: оно есть волевой центр государственной жизни; забывать об этом непозволительно; уклоняться от этого преступно; угашать это волевое начало в государстве гибельно.

И всякому, кто вдумается в сущность и природу государственной власти, станет ясно, что ей необходимо предоставлять право и обязанность блюсти тайну в делах, требующих этой тайны. А таковы прежде всего дипломатия и стратегия.

О сильной власти

Россия, как национально-политическое явление, была создана сильной государственной властью, которая, однако, никогда (даже при Иоанне Грозном!) не покушалась на тоталитарное ведение жизни, культуры и хозяйства. Так было в прошлом. Так будет и впредь. И нам, русским патриотам, надлежит помнить это и, не ослепляясь безобразиями коммунистически-тоталитарной диктатуры, явившей миру не сильную власть, а насильственно-произвольное попирание жизни, самостоятельности и свободы, крепить нашу национально-государственную власть – в ее конституционном строении, в ее государственном направлении, в ее волевой энергии, в ее блюдении права и свободы, в ее политическом искусстве и особенно в ее всенародных духовных корнях.

Строго говоря, самое выражение «сильная власть» должно бы считаться странным и излишним: ведь власть сама по себе есть общественно выделенная и организованная сила – в этом ее сущность и назначение; она есть живое средоточие уполномоченной и могущественной воли, которую все признают, уважая ее, подчиняясь ей и исполняя ее требования и законы. Что же означает выражение: «сильная власть»?.. «Сильная сила»? Не плеоназм ли это? Однако исторически и политически это выражение полно глубокого и сложного смысла.

В истории народов государственная власть нередко преувеличивала свое призвание и свою сферу действия; она направляла свою энергию к неверным целям, попирала свои правовые формы и злоупотребляла своею мощью. Это вызывало протест и борьбу. Но борьба эта, движимая страстями, – открытым честным возмущением и прикровенным личным честолюбием, – не только стремилась умерить преувеличения, исправить заблуждения, прекратить бесправие и злоупотребления исторической власти, но расшатывала и ослабляла самую власть. Борьба за «новую», «лучшую» государственность вела к подрыву самой государственной организации. Создавали не просто «лучшую власть», а слабую власть, бессильную, беспомощную, раздробленную. Опасаясь злоупотребления властью, обессиливали самую власть, а вместе с тем подрывали и внутренний порядок и внешнюю обороноспособность государства. Придумывали такие формы власти, которые затрудняли и волевую концентрацию, и принятие решений, и проведение их в жизнь. Вводили в

государственное устройство всевозможные «поправки», не замечая того, что эти поправки подтачивают действие власти, но не обеспечивают ни от безвластия, ни от ошибочных целей, ни от злоупотреблений… Так, ввели состязание государственных органов друг с другом (глава государства, министерство, верхняя палата и нижняя палата); ввели многоголовый сговор и взаимную борьбу многих партий; полномочия главы государства ограничили избираемостью его и срочностью и тем поставили его под контроль и увеличили медлительность в течении дел; стали выделять к власти людей слабых, безвольных, незначительных, зависимых от политической кулисы; конституционно закрепили недоверие народа к власти, – и не заметили, что всем этим создали сущее государственное безвластие и безволие. Замесили современное государство на дрожжах взаимного недоверия, классовой борьбы, тайных соглашений и закулисных интриг, – и не сообразили, что все это соответствует идеям анархизма, а не идее здоровой государственности. Боролись с бесправием и произволом преувеличенной власти – и были в этом правы; но пришли к бесправию от растраченной власти, к распаду, к всеобщей политической интриге всех против всех, к тайновластию всевозможных интернационалов, к «перманентной революции», к гражданской войне, к анархии… И что всего поучительнее, что этому ослаблению государственной власти исторически соответствовало не сужение государственных задач, не сокращение их объема и размаха, а возложение на государственную власть новых непосильных ей задач: началось притязание на великодержавие, на колониальное водительство, на мировое преобладание, и даже на социалистическое регулирование хозяйства… Всего противоречивее и даже комичнее оказалась позиция социалистов: «последовательные демократы», сто лет делавшие все, чтобы расшатать и ослабить государственную власть, они все время носились с планом реорганизации всей жизни, предполагавшим монопольно– и тоталитарно-сильную государственную власть… И когда такая уродливая и болезненная власть, которая им была необходима, оказалась предвосхищенной у них большевиками, тогда обида их оказалась пожизненной и неисчерпаемой…

Есть государства, которые могут существовать при сравнительно слабой власти. Но и в их истории может пробить час, который потребует единства, волевой энергии, доверия, повелительности, быстроты, сильных людей и ответственных решений. И тогда все будет зависеть от их способности быстро и успешно перестроить свой порядок, свой ритм и свой привычный отбор людей…

Бывают исторические условия, при которых государство может плести ткань своей жизни, не имея сильной власти. Вот эти условия (перечисляю их с оговоркой – «при прочих равных условиях»).

1. Малый размер государства. Чем меньше государство по территории, тем легче ему обойтись без сильной власти. Пространство требует, чтобы излучения власти пронизывали, прорабатывали его; оно поглощает и ослабляет их действие. Чем большая территория подчинена единой власти, тем сильнее, тем авторитетнее должна быть эта власть, тем более она должна импонировать гражданам. Поэтому, территориальные размеры России (перед революцией – 22,4 млн. кв. км) требуют сильной власти. Достаточно сообразить, что территория Швейцарии составляет одну десятую часть Кавказа (вместе с Закавказьем); что территория европейской Франции составляла одну сорокчетвертую тогдашней России; что Россия по пространству впятеро больше Китая, почти втрое больше Соединенных Штатов и вчетверо больше всех (нерусских) государств Европы, вместе взятых. Сможет ли слабая власть пронизать своими организующими и упорядочивающими лучами такое пространство?

2. Малочисленность населения. Чем меньше население государства, тем легче ему обойтись без сильной власти. Наоборот, чем больше людей входит в государство, тем труднее создается политическое единодушие и единоволение, – особенно на путях сговора (будь то «непосредственный» или «представительный» сговор). Голос слабой власти всегда утонет в шуме «сговаривающихся» миллионов. Поэтому численность русского населения требует для России сильной власти. Население коренной России (160-170 млн) численно почти соответствует населению всей Северной Америки и значительно превосходит все население Африки. При слабой плотности расселения (в дореволюционной России 29 человек на кв. км в европейской России и 2,3 чел. на кв. км в азиатской России) русский народ всегда склонен к

состоянию полуанархии и лишь с большим трудом приучается к правопорядку. Чего же достигнет в России слабая власть?.. Февральская революция это показала наглядно.

3. Обилие средств сообщения. Чем легче людям сноситься друг с другом в пределах единого государства, – передвижением (железные и шоссейные дороги, автомобили, пароходы, аэропланы), устно (телефон, радио) и письменно (почта, телеграф), – тем более страна оказывается спаянной общением, бытом и хозяйством; тем легче может справиться со своей задачей слабая власть; и обратно. Средства сообщения в России, пребывали ранее и пребывают и ныне на низком уровне. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить Россию и Германию. В России километр железнодорожных линий приходиться на 262 км площади, а в Германии на 7 кв. км; в России 1 автомобиль обслуживает в среднем 850 жителей, а в Германии 54 жителя; в России одним телефонным аппаратом пользуются (вернее – не пользуются!) в среднем 295 человек, а в Германии 22 человека. Всего эти данные относятся ко времени до второй мировой войны и основываются на, как всегда, пропагандных, подсчетах советской статистики; в действительности все обстоит, вероятно, еще хуже. И тем не менее эти данные достаточно показательны. И вот Российская власть должна быть тем сильнее, чем труднее ей прорабатывать человеческую разъединенность страны.

4. Слабая дифференциация страны. Чем меньше в стране национальных, языковых, религиозных, бытовых, климатических и хозяйственных различий, тем легче управлять государством, тем удовлетворительнее справится со своей задачей слабая власть; и обратно. Маленькая приморская Португалия (величиной с нашу самую малую – Черноморскую губернию) с ее 7 миллионами единоплеменных, единоверных жителей, говорящих на одном языке и не затронутых ни климатической, ни хозяйственной дифференциацией, – и та создала свою сильную власть и внутренне замирилась. Уже в соседней Испании слабая власть обычно ведет к распаду и гражданской войне. Что же сказать о России?.. Число ее национальностей и языковых групп доходит до 170. Число ее религий и исповеданий до 30. Климат знает все колебания от вечной ночи до полуденной пустыни. Ее природа требует от нас органического и хозяйственного приспособления – и к тундре, и к солончаку, и к винограду, и к полярному мху, и к тайге, и к горам, и к океану. Кровь и язык, вера и быт, хозяйственный уклад и культурный уровень – дифференцированы в России в высочайшей степени. Государственное единство возможно здесь только при наличности сильной и мудрой власти.

5. Свобода от великодержавных задач. Чем проще национальная, культурная, хозяйственная и международная проблематика страны, тем легче ее государственные задания, тем уместнее во главе ее слабая власть. И обратно: только сильная власть справится с великодержавными задачами страны. Спаять внутренне множество в органическое единство; поднять культурный уровень народных масс; вызвать к жизни хозяйственный расцвет большого народа; установить трудовое равновесие и возможно большее хозяйственное самопитание (автаркию) страны; найти верное торговое взаимодействие с соседями и ввести страну в меновой и дипломатический организм мирового общения – все это требует сильной власти, независимой от партийного прилива и отлива, не опасающейся «сроков», не трепещущей перед новыми выборами, прозорливо ведущей свою линию из десятилетия к десятилетию. Именно так создавалась Россия. Удельно-вечевая власть была слаба и могла противостоять монголам. Московская власть не собрала бы Русь, если бы не окрепла. Россия нуждалась в Иване Васильевиче Третьем, чтобы покончить с татарами, Иоанн iv подготовил Смуту не только опричниной и свирепым правлением, но больше всего – подрывом царского авторитета, т. е. ослаблением власти. Россия нуждалась в Петре Великом, чтобы осознать и развернуть свое великодержавие. Дворцовые перевороты восемнадцатого века (1725, 1730, 1740, 1741, 1801 и 1825) расшатывали и ослабляли Российскую государственную власть и готовили России, по плану декабристов, в начале xix века дворянскую республику с освобожденным без земли, т. е. пролетаризованным и подготовленным к новой пугачевщине крестьянством. Только сильная, эмансипированная от заговорщических партий, сверхсословная и сверхклассовая власть могла дать России великие реформы шестидесятых годов. Так и в будущем: слабая власть не поведет Россию, а развалит и погубит ее.

* * *

6. Высокий уровень народного правосознания. Чем выше уровень народного правосознания, тем легче слабая власть справится со своей задачей; и обратно. Правосознание есть умение уважать право и закон, добровольно исполнять свои государственные обязанности и частные обязательства, строить свою жизнь, не совершая преступлений; в основе его лежит чувство собственного духовного достоинства, внутренняя дисциплина воли, взаимное уважение и доверие граждан друг к другу, граждан к власти и власти к гражданам. Чем сильнее и глубже правосознание в народе, тем легче править им, тем менее опасна слабая власть; и обратно. Русское правосознание имеет тяжелое историческое наследие: удельные раздоры, татарское иго, смуту, кочевой и разбойничий юго-восток, восстания Разина и Пугачева, дворцовые перевороты, революционные движения 19 и 20 веков, правление большевиков. Все это наростало на тот особый уклад души, который можно охарактеризовать, как равнинную недисциплинированность, как славянский индивидуализм и славянскую тягу к анархии, как естественную темпераментность, как дыхание Азии. Все это, вместе взятое, выработало в русском народе такое правосознание, которому импонирует только сильная власть («строгое начальство», по выражению Шмелева). Слабая власть всегда вызывала и долго еще будет вызывать в России чувство вседозволенности и общественный распад.

7. Отсутствие военной угрозы. Чем замиреннее границы государства, чем менее грозят народу войны и нападения, тем легче справится слабая власть со своей задачей; и обратно. Слабая власть вообще неспособна вести войну, ибо война требует воли, дисциплины, подготовки, концентрации и сверхсильных напряжений. Именно поэтому римская республика назначала на время войны (а также и внутренних затруднений) – диктатора, осуществляющего единую, сильную и концентрированную власть. Обычный расчлененный и сложный аппарат государственной власти должен без труда упрощаться, сосредоточиваться и приобретать некую элементарную динамичность в трудные и опасные периоды: и чем легче происходит этот процесс упрощения и сосредоточения, тем боеспособнее угрожаемое войною государство. История России была такова, что в первый период своей жизни (1055-1462) она имела в среднем один год войны на один год мира (данные С.М. Соловьева), а во второй период своей жизни (вплоть до двадцатого века) она имела в среднем два года войны на один год мира (данные ген. Н.Н. Сухотина). Нам не дано предвидеть будущего, но мы не имеем никаких оснований считать, что русские границы замирены, что государственное достояние России закреплено в международном отношении и что нам не грозят новые оборонительные войны. По-видимому, дело обстоит как раз обратно и сильная власть будет необходима России, как, может быть, еще никогда…

Все законы общественной жизни могут быть выражены так: чем труднее народу дается государственное объединение и чем необходимее оно в данный период его истории, – тем сильнее должна быть его государственная власть. Слабая власть есть своего рода «роскошь», которую может себе позволить только народ, находящийся в исключительно благоприятных условиях; не тот народ, которого все еще тянет в анархию, т. е. к безвластному замешательству, а тот народ, которому маловластие или безвластие уже не грозит замешательством; не тот народ, внешнее расстояние и державные задания которого намного опередили силу и гибкость его правосознания, а тот народ, который духовно дорос до своих численно-пространственных размеров, который идейно, технически и организационно справился с бременем своих государственных задач. Народ, не могущий позволить себе этой роскоши, не должен и посягать на нее, ибо это посягание будет жизненно-беспочвенным и опасным и непременно приведет к образованию утопических партий и к гибельным попыткам с их стороны.

Силою равнинного пространства, силою национального темперамента, силою славянского индивидуализма и слабостью своей общественной дисциплины – русский народ поставлен в условия, требующие не слабого, а сильного государственного центра. На протяжении своей истории он не раз обнаруживал, и ныне, в революции, вновь обнаружил, тягу к безвластному замешательству, к страстному разрушительному кипению, к хаотическому имущественному переделу, к противогосударственному распаду. Русский человек способен блюсти порядок и строить государство; он способен держать образцовую дисциплину, жертвенно служить и умирать за родину. Но эта способность его проявляется и приносит плоды

не тогда, когда она предоставлена самой себе, а тогда, когда она вызывается к жизни, закрепляется и ведется импонирующим ему, сильным и достойным государственным авторитетом.

Именно поэтому России необходима сильная власть. И она будет ее иметь.

Однако идея «сильной власти» совсем не так проста и общепонятна, как это многим кажется. Она должна быть верно и глубоко продумана. Она окружена соблазнами. Она может неверно истолковываться, противоправно строиться и дурно применяться в жизни. Здесь необходима большая предусмотрительность и ясность в определениях. Здесь преувеличения столь же вредны и опасны, как преуменьшения…

Принципиально говоря, государственная власть имеет вполне определенное и ограниченное призвание. Она совсем не «все может» и совсем не призвана «всем распоряжаться». Напротив, – все то, что требует свободного дыхания, добровольного самоопределения со стороны человека, его творческой инициативы, – не подлежит произволению и властному распоряжению государственной власти. Человек не машина, а живой организм. Дух человека живет не по приказу и творит не по принуждению. Заменить хозяйственно-трудовую инициативу человеческого инстинкта – нельзя ничем; предписывать человеческому духу любовь, веру, молитву, совестные движения души, чувство достоинства и чести, способы научного исследования и художественного созерцания – противоестественно и нелепо. К добродетели и верности можно призывать; их преимущества можно показывать и разъяснять; злые деяния можно воспрещать и наказывать. Но «Царство Божие» и духовная культура – не вызываются к жизни государственным повелением. Это не означает, что государственной власти совсем «нечего делать», но дело ее здесь ограничено, оно сводится к правовому обеспечению свободы, к препятствованию всем злым и соблазнительным начинаниям, к организации народного просвещения и к выделению людей благой воли.

Это означает, что сильная власть совсем не то же самое, что «тоталитарная власть».

У нас в России она существует под видом коммунизма вот уже 33 года и нам, русскому народу, она принесла только разорение, горе и унижение. Поэтому, благоденствие России и русского народа требует упразднения тоталитарной власти.

Сильная власть грядущей России должна быть сильна в своих верных пределах. Она совсем не призвана посягать на необъятное и неосуществимое. Забывая свои пределы и подминая под себя всю свободную, творческую жизнь граждан, она стала бы неизбежно надрываться и компрометировать себя. Она вынуждена была бы претендовать на всеведение, всепредвидение и всемогущество и не смогла бы оправдать свою претензию. Никакая судорожная суетливость, никакая грозная требовательность не спасла бы ее. Ей пришлось бы прибегнуть к террору и системе доносов, и это только повредило бы ей: она стала бы, наподобие советской власти, ненавистной всему народу и свободная лояльность не водворилась бы в России. Излучения власти не смогли бы пронизать правовую жизнь народа. Никакие жестокие и дурные средства не помогли бы разрешить объективно не разрешимую задачу – и оказалось бы, что новая власть подрывает себя так, как подрывала себя власть коммунистическая.

Сила власти определяется совсем не размером ее посяганий и не готовностью ее прибегать к любым и даже дурным средствам. Сила власти совсем не сводится к тому, что она готова истощать народное терпение и растрачивать народное уважение и доверие.

В чем же состоит сила государственной власти?

* * *

Сила власти есть прежде всего ее духовно-государственный авторитет, ее уважаемость, ее признаваемое достоинство, ее способность импонировать гражданам. Поставить себе неосуществимую задачу не значит проявить силу; растрачивать свой авторитет не значит быть сильным. Сила власти проявляется не в крике, не в суете, не в претенциозности, не в похвальбе и не в терроре. Истинная сила власти состоит в ее способности звать, не грозя, и встречать верный отклик в народе. Ибо власть есть прежде всего и больше всего – дух и воля, т. е. достоинство и правота наверху, которые отвечает свободная лояльность снизу. Чем меньшее напряжение нужно сверху и чем больший отклик оно вызывает внизу, тем сильнее власть.

Принуждение бывает необходимо; но оно есть лишь техническое подспорье или условно-временная замена истинной силы. Государственная власть есть прежде всего – явление внутреннего мира, а потом только внешнего. Власть сильна не штыком и не казнью. Штык нужен тогда, когда власть недостаточно авторитетна; казнь говорит о недостаточной лояльности снизу. Власть сильна своим достоинством, своею правотою, своею волею и ответом народа (т. е. блюдением закона, доверием, уважением и готовностью творчески вливаться в начинания власти).

Эту основную природу свою, – духовную и волевую, – власть должна помнить, беречь и укреплять. В ее распоряжении всегда остается аппарат принуждения, – т. е. возможность поддерживать свои веления внешней силой. Но внешняя сила никогда не заменит внутреннюю, – ни ее достоинства, ни правоты, ни ее духовного импонирования. Пугачевский бунт свидетельствовал о том, что духовный авторитет русской государственной власти вновь (после Петра!) поколебался; что народный «идеал царя» не воплощался петербургским троном того времени… Лучшие люди той эпохи понимали это:

А. И. Бибиков, которому Императрица поручила усмирение пугачевского бунта, писал фон Визину: «Не Пугачев важен, важно общее негодование!!» Исторически дело обстояло так, что лояльность русского простонародья пыталась поставить трону свои условия. Бунт, конечно, надо было подавить. Но штык Михельсона и казни графа Панина не разрешали вопроса: надо было принять «корректуру» народного правосознания и творческими реформами восстановить истинную силу императорской власти. Ибо государство держится не штыком, а духом; не террором, а авторитетом власти; не угрозами и наказаниями, а свободною лояльностью народа.

Поэтому, говоря о сильной власти в грядущей России, я разумею прежде всего и больше всего – ее духовный авторитет. Этот духовный авторитет предполагает наличность целого ряда условий.

Так, прежде всего, необходима та особая национальная вдохновенность власти, которая должна излучаться из нее; народ должен уверенно чувствовать, что это есть наша, русская, национальная власть, преданная историческому делу, верная, неподкупная, блюдущая и строящая; без этой уверенности не будет ни доверия, ни уважения, ни готовности «аккумулировать» и служить. Сильная власть есть национально-убедительная власть.

Далее, в России необходимо религиозное доверие народа к власти: власть инославная, иноверная или безверная всегда будет пользоваться в России скудным, урезанным, сомнительным авторитетом. Власть, оторванная от Бога, не может знать, что полагается «по Божьи»; она будет чужда верующему сердцу, а потому вообще не привлечет к себе сердец. Сильная власть есть религиозно-убедительная власть.

Далее, духовный авторитет власти будет тем больше, чем независимее будет эта власть. Зависимая власть не будет пользоваться ни уважением, ни доверием. Человек, который сам не стоит и не идет, не сможет и вести: за ним не пойдут. Всякая зависимость будет подрывать авторитет власти: зависимость от иностранных войск, от своей армии, от каких-либо международных явных или тайных организаций, от партий, от капитала, от всяких ультимативных «нажимов» и т. д. Даже зависимость от церкви была бы нежелательна и противоречила бы древней, русскоправославной традиции. Русская государственная власть может определяться только верою, совестью, честью и российским всенародным благом. Это должна быть автономная и предметно-убедительная власть.

Наконец, эта власть должна быть в государственных делах волевым центром страны. Безволие и слабоволие не импонирует русскому человеку. Сам не имея зрелого волевого характера, русский человек требует воли от своего правителя. Он предпочитает окрик, строгость, твердость – уговариванию, «дискуссиям» и колебаниям; он предпочитает даже самоуправство – волевому ничтожеству. Ему необходима императивная убедительность власти.

Таковы основные условия внутренней силы власти. Им должна соответствовать ее внешняя форма. Отчетливо вычертить эту форму можно было бы только в виде конституционного проекта с подробным объяснительным комментарием. Здесь можно установить только основы грядущего государственного устройства России, и то лишь вкратце. Вот эти основы.

1. Сильная власть грядущей России должна быть не внеправовая и не сверхправовая, а оформленная правом и служащая по праву, при помощи права – всенародному правопорядку. России нужна власть не произвольная, не тираническая, не безграничная. Она должна иметь свои законные пределы, свои полномочия, обязанности и запретности, – во всех своих инстанциях и проявлениях. Это относится и к органу верховной власти, как бы он ни назывался и кем бы ни был представлен. Русский народ должен осознать себя как правовое единство, как Субъект Права, состоящий из множества субъектов права, как живую Всероссийскую Личность, которую строит и ведет сильная правовая власть.

2. Итак, русское государство будет субъектом права, юридическим лицом. А юридическое лицо организуется или по образцу корпорации, или по образцу учреждения (см. «Н.З.», с. 84).

Корпорация строится снизу вверх равноправными членами: это есть осуществленное самоуправление. Каждый участник ее есть полномочный член целого, решающий о своем участии в корпорации, о ее целях и задачах, о ее уставе и правлении. Правовая жизнь корпорации строится через тех, кого она объемлет и обслуживает. Так, последовательная демократия пытается построить государство по принципу строгой корпорации, сводя принцип «учреждения» к минимуму.

Учреждение строится сверху вниз учредителем и группою назначенных им лиц: это есть осуществленное попечение о людях. Цель и задачи учреждения устанавливаются с самого начала учредителем; они определяются уставом; уставом же определяется структура учреждения и способы его действия. Одни люди ведут учреждение и в этом состоит их служба; другие люди пользуются благами этого учреждения, но полномочными членами его не являются. Правовая жизнь и деятельность учреждения строится не теми, кого она обслуживает (напр., школа, больница). Так, абсолютная монархия пытается построить государство по принципу строгого учреждения.

В действительной жизни государство никогда не бывает ни последовательной корпорацией, ни последовательным учреждением. Государство всегда строится – не только сверху вниз, но и снизу вверх. Оно всегда осуществляет властное попечение и всегда имеет сферы народного самоуправления. Понятно, что государство, нуждающееся в сильной власти, будет более склоняться к форме учреждения, а государство, удовлетворяющееся слабой властью, будет более походить на корпорацию.

В грядущей России необходимо будет найти верное, жизненно целесообразное, для русского правосознания подходящее сочетание из учреждения и корпорации. Участие русского гражданина в строительстве русского государства будет драгоценно, жизненно, необходимо; но оно не должно будет ослаблять силу государственной власти. Это участие не должно колебать и разлагать ее единства, авторитета и ее силы. Составитель будущей русской конституции должен понять и запомнить, что все установления, правила и обычаи демократического строя, которые усиливают центробежные силы в политике или ослабляют центростремительные тяготения народной жизни, – должны быть специально для России обезврежены и заменены иными, закрепляющими национальное единение. Здесь потребуется творчество новых государственных форм: нового избирательного права, новых партийных принципов, новых форм контроля, единения и водительства. Русский гражданин должен присутствовать своею лояльною волею и своим уважающим признанием во всех делах своего государства, – даже и там, где он не участвует в делах формальным голосованием. Форма «общественного договора» неосуществима в России: всенародный сговор с арифметическим подсчетом голосов быстро развалит русское государство. Но именно поэтому «общественный договор» должен стать живой, всепокрывающей, непоколебимой предпосылкой русского правосознания.

Задача нового государственного устройства России состоит в том, чтобы найти такую форму, при которой дух братской корпорации насытит форму попечительно-ведущего учреждения, – при обеспеченном и непрерывном отборе качественно лучших людей к власти. Это учреждение должно быть несомо тем корпоративным духом, который оно само питает и насаждает, приучая народ к самоуправлению, но не рабствуя корпоративной схеме и доктрине.

Новая конституция России должна совместить преимущества авторитарного строя с преимуществами демократии, устраняя опасности первого и недостатки второй.

3. Государственный строй новой России должен быть по форме унитарным, а по духу федеративным. Единство державы и центральной власти не может зависеть от согласия многих отдельных самостоятельных государств (областных или национальных); это развалит Россию. Но единая и сильная центральная власть должна выделить сферы областной и национальной самостоятельности и насытить всенародное единение духом братской солидарности.

4. Сильная власть отнюдь не должна привести в России к формам централизации и бюрократизма. Русское государство должно быть единым, но дифференцированным. Оно должно иметь сильный центр, децентрализующий все, что возможно децентрализовать без опасности для единства России. Центральное управление не сможет обойтись без назначаемого чиновничества, но надо будет найти новые формы для выдвижения снизу людей талантливых и достойных назначения. И в то же время бюрократии центра должно соответствовать широкое – местное, сословное и профессиональное самоуправление. Россия должна иметь сильный центр, формально авторитарный, но по существу и по духу – народный и всенародный.

5. Все государственные дела должны быть разделены на две категории: центрально-всероссийские, верховные, и местно-автономные, низовые. К первым должны принадлежать все дела общегосударственные, единые для всех, субстанциальные для России, как великой державы. Ко вторым – все остальные. Делами первой категории должен выдать сильный, авторитарный центр (отнюдь не исключающий народного представительства и питаемый свободным всенародно-корпоративным духом). Делами второй категории должны ведать органы самоуправления, работающие в согласии с децентрализованными, местными органами центра (что обеспечит им органическую поддержку центральной власти). Должна быть найдена такая форма государственного устройства, при которой низовая сила будет вовлекаться в работу авторитарного центра, а авторитарный центр будет иметь возможность влить свою оздоровляющую силу в то низовое место, которое потребует этого своею слабостью или своим расстройством.

В этом органическом единении важнее всего, чтобы сильная власть верно соблюдала меру своего проявления: все, что может делаться не центрально, должно совершаться автономно; сила центра не должна подавлять автономное творчество людей и корпорации; но в час необходимости свободные люди и автономные корпорации должны получать опору и оздоровление из сильного центра. Тогда сильная власть окажется примиримою со свободною самодеятельностью народа.

6. Что касается верховного органа власти (Глава государства) в грядущей России, то необходимо помнить следующее. Коллективное (не единоличное) строение этого органа ослабит его политическую силу: при прочих равных условиях единоличный глава государства представляет более сильную волевую власть, нежели совокупный орган. Точно так же – избираемый Глава в полномочиях своих срочный (или тем более – краткосрочный), сменяемый (или тем более – легко сменяемый), зависимый от других пресекающих или авторитетно контролирующих органов, лишенный самостоятельной инициативы, – явит власть слабую. По общему правилу, он создает на ответственейшем месте государства – центр безволия, интриг и замешательства.

Таковы общие основы, на которых может и должно покоиться государственное устройство грядущей России. Современные поколения русских людей сумеют найти соответствующие формы государственного бытия, творчески новые и национально спасительные.

О русской идее

Если нашему поколению выпало на долю жить в наиболее трудную и опасную эпоху русской истории, то это не может и не должно колебать наше разумение, нашу волю и наше служение России. Борьба Русского народа за свободу и достойную жизнь на земле – продолжается. И ныне нам более чем когда-либо подобает верить в Россию, видеть ее духовную силу и своеобразие и выговаривать за нее, от ее лица и для ее будущих поколений ее творческую идею.

Эту творческую идею нам не у кого и не для чего заимствовать: она может быть только русскою, национальною. Она должна выражать русское историческое своеобразие и в то же время – русское историческое призвание. Эта идея формулирует то, что русскому народу уже присуще, что составляет его благую силу, в чем он прав перед лицом Божиим и самобытен среди всех других народов. И в то же время эта идея указывает нам нашу историческую задачу и наш духовный путь; это то, что мы должны беречь и растить в себе, воспитывать в наших детях и в грядущих поколениях и довести до настоящей чистоты и полноты бытия во всем: в нашей культуре и в нашем быту, в наших душах и в нашей вере, в наших учреждениях и законах. Русская идея есть нечто живое, простое и творческое. Россия жила ею во все свои вдохновенные часы, во все свои благие дни, во всех своих великих людях. Об этой идее мы можем сказать: так было, и когда так бывало, что осуществлялось прекрасное; и так будет, и чем полнее и сильнее, это будет осуществляться, тем будет лучше…

В чем же сущность этой идеи?

Русская идея есть идея сердца. Идея созерцающего сердца. Сердца, созерцающего свободно и предметно и передающего свое видение воле для действия и мысли для осознания и слова. Вот главный источник русской веры и русской культуры. Вот главная сила России и русской самобытности. Вот путь нашего возрождения и обновления. Вот то, что другие народы смутно чувствуют в русском духе, и когда верно узнают это, то преклоняются и начинают любить и чтить Россию. А пока не умеют или не хотят узнать, отвертываются, судят о России свысока и говорят о ней слова неправды, зависти и вражды.

1. Итак, русская идея есть идея сердца.

Она утверждает, что главное в жизни есть любовь, и что именно любовью строится совместная жизнь на земле, ибо из любви родится вера и вся культура духа. Эту идею русско-славянская душа, издревле и органически предрасположенная к чувству, сочувствию и доброте, восприняла исторически от христианства: она отозвалась сердцем на Божие благовестие, на главную заповедь Божию, и уверовала, что «Бог есть Любовь». Русское православие есть христианство не столько от Павла, сколько от Иоанна, Иакова и Петра. Оно воспринимает Бога не воображением, которому нужны страхи и чудеса для того, чтобы испугаться и преклониться перед «силою» (первобытные религии); не жадною и властною земною волею, которая в лучшем случае догматически принимает моральное правило, повинуется закону и сама требует повиновения от других (иудаизм и католицизм), не мыслью, которая ищет понимания и толкования и затем склонна отвергать то, что ей кажется непонятным (протестантство). Русское православие воспринимает Бога любовью, воссылает Ему молитву любви и обращается с любовью к миру и к людям. Этот дух определил собою акт православной веры, православное богослужение, наши церковные песнопения и церковную архитектуру. Русский народ принял христианство не от меча, не по расчету, не страхом и не умственностью, а чувством, добротою, совестью и сердечным созерцанием. Когда русский человек верует, то он верует не волею и не умом, а огнем сердца. Когда его вера созерцает, то она не предается соблазнительным галлюцинациям, а стремится увидеть подлинное совершенство. Когда его вера желает, то она желает не власти над вселенною (под предлогом своего правоверия), а совершенного качества. В этом корень русской идеи. В этом ее творческая сила на века.

И все это не идеализация и не миф, а живая сила русской души и русской истории. О доброте, ласковости и гостеприимстве, а также и о свободолюбии русских славян свидетельствуют единогласно древние источники – и византийские, и арабские. Русская народная сказка вся проникнута певучим добродушием. Русская песня есть прямое излияние сердечного чувства во всех его видоизменениях. Русский танец есть импровизация, проистекающая из переполненного чувства. Первые исторические русские князья суть герои сердца и совести (Владимир, Ярослав, Мономах). Первый русский святой (Феодосии) – есть явление сущей доброты. Духом сердечного и совестного созерцания проникнуты русские летописи и наставительные сочинения. Этот дух живет в русской поэзии и литературе, в русской живописи и в русской музыке. История русского правосознания свидетельствует о постепенном проникновении его этим духом, духом братского сочувствия и

индивидуализирующей справедливости. А русская медицинская школа есть его прямое порождение (диагностические интуиции живой страдающей личности).

Итак, любовь есть основная духовно-творческая сила русской души. Без любви русский человек есть неудавшееся существо. Цивилизующие суррогаты любви (долг, дисциплина, формальная лояльность, гипноз внешней законопослушности) – сами по себе ему мало свойственны. Без любви – он или лениво прозябает, или склоняется ко вседозволенности. Ни во что не веруя, русский человек становится пустым существом без идеала и без цели. Ум и воля русского человека приводятся в духовно-творческое движение именно любовью и верою.

2. И при всем том, первое проявление русской любви и русской веры есть живое созерцание.

Созерцанию нас учило прежде всего наше равнинное пространство, наша природа с ее далями и облаками, с ее реками, лесами, грозами и метелями. Отсюда наше неутолимое взирание, наша мечтательность, наша созерцающая «лень» (Пушкин), за которой скрывается сила творческого воображения. Русскому созерцанию давалась красота, пленявшая сердце, и эта красота вносилась во все – от ткани и кружева до жилищных и крепостных строений. От этого души становились нежнее, утонченнее и глубже; созерцание вносилось и во внутреннюю культуру – в веру, в молитву, в искусство, в науку и в философию. Русскому человеку присуща потребность увидеть любимое вживе и въяве и потом выразить увиденное – поступком, песней, рисунком или словом. Вот почему в основе всей русской культуры лежит живая очевидность сердца, а русское искусство всегда было – чувственным изображением нечувственно узренных обстояний. Именно эта живая очевидность сердца лежит и в основе русского исторического монархизма. Россия росла и выросла в форме монархии не потому, что русский человек тяготел к зависимости или к политическому рабству, как думают многие на западе, но потому, что государство в его понимании должно быть художественно и религиозно воплощено в едином лице, – живом, созерцаемом, беззаветно любимом и всенародно «созидаемом» и укрепляемом этой всеобщей любовью.

3. Но сердце и созерцание дышат свободно. Они требуют свободы, и творчество их без нее угасает. Сердцу нельзя приказывать любить, его можно только зажечь любовью. Созерцанию нельзя предписать, что ему надо видеть и что оно должно творить. Дух человека есть бытие личное, органическое и самодеятельное: он любит и творит сам, согласно своим внутренним необходимостям. Этому соответствовало исконное славянское свободолюбие и русско-славянская приверженность к национально-религиозному своеобразию. Этому соответствовала и православная концепция Христианства: не формальная, не законническая, не морализирующая» но освобождающая человека к живой любви и к живому совестному созерцанию. Этому соответствовала и древняя русская (и церковная, и государственная) терпимость ко всякому иноверию и ко всякой иноплеменности, открывшая России пути к имперскому (не «империалистическому») пониманию своих задач (см. замечательную статью проф. Розова: «Христианская свобода и Древняя Русь» в № 10 ежегодника «День русской славы», 1940, Белград).

Русскому человеку свобода присуща как бы от природы. Она выражается в той органической естественности и простоте, в той импровизаторской легкости и непринужденности, которая отличает восточного славянина от западных народов вообще и даже от некоторых западных славян. Эта внутренняя свобода чувствуется у нас во всем: в медлительной плавности и певучести русской речи, в русской походке и жестикуляции, в русской одежде и пляске, в русской пище и в русском быту. Русский мир жил и рос в пространственных просторах и сам тяготел к просторной нестесненности. Природная темпераментность души влекла русского человека к прямодушию и открытости (Святославово «иду на вы»…), превращала его страстность в искренность и возводила эту искренность к исповедничеству и мученичеству…

Еще при первом вторжении татар русский человек предпочитал смерть рабству и умел бороться до последнего. Таким он оставался и на протяжении всей своей истории. И не случайно, что за войну 1914-1917 гг. из 1400000 русских пленных в Германии 260000 человек (18,5%) пытались вбежать из плена. «Такого процента попыток не дала ни одна нация» (Н.Н.

Головин). И если мы, учитывая это органическое свободолюбие русского народа, окинем мысленным взором его историю с ее бесконечными войнами и длительным закрепощением, то мы должны будем не возмутиться сравнительно редкими (хотя и жестокими) русскими бунтами, а преклониться перед той силою государственного инстинкта, духовной лояльности и христианского терпения, которую русский народ обнаруживал на протяжении всей своей истории.

* * *

Итак, русская идея есть идея свободно созерцающего сердца. Однако это созерцание призвано быть не только свободным, но и предметным. Ибо свобода, принципиально говоря, дается человеку не для саморазнуздания, а для органически-творческого самооформления, не для беспредметного блуждания и произволения, а для самостоятельного нахождения предмета и пребывания в нем. Только так возникает и зреет духовная культура. Именно в этом она и состоит.

Вся жизнь русского народа могла бы быть выражена и изображена так: свободно созерцающее сердце искало и находило свой верный и достойный Предмет. По-своему находило его сердце юродивого, по-своему – сердце странника и паломника; по-своему предавалось религиозному предметовидению русское отшельничество и старчество; по-своему держалось за священные традиции Православия русское старообрядчество; по-своему, совершенно по-особому вынашивала свои славные традиции русская армия; по-своему же несло тягловое служение русское крестьянство и по-своему же вынашивало русское боярство традиции русской православной государственности; по-своему утверждали свое предметное видение те русские праведники, которыми держалась русская земля, и облики коих художественно показал Н.С. Лесков. Вся история русских войн есть история самоотверженного предметного служения Богу, Царю и отечеству; а, напр., русское казачество сначала искало свободы, а потом уже научилось предметному государственному патриотизму. Россия всегда строилась духом свободы и предметности и всегда шаталась и распадалась, как только этот дух ослабевал, – как только свобода извращалась в произвол и посягание, в самодурство и насилие, как только созерцающее сердце русского человека прилеплялось к беспредметным или противопредметным содержаниям…

Такова русская идея: свободно и предметно созерцающая любовь и определяющаяся этим жизнь и культура. Там, где русский человек жил и творил из этого акта, – он духовно осуществлял свое национальное своеобразие и производил свои лучшие создания во всем: в праве и в государстве, в одинокой молитве и в общественной организации, в искусстве и в науке, в хозяйстве и в семейном быту, в церковном алтаре и на царском престоле. Божий дары – история и природа – сделали русского человека именно таким. В этом нет его заслуги, но этим определяется его драгоценная самобытность в сонме других народов. Этим определяется и задача русского народа: быть таким со всей возможной полнотой и творческой силой, блюсти свою духовную природу, не соблазняться чужими укладами, не искажать своего духовного лица искусственно пересаживаемыми чертами и творить свою жизнь и культуру именно этим духовным актом.

Исходя из русского уклада души, нам следует помнить одно и заботиться об одном: как бы нам наполнить данное нам свободное и любовное созерцание настоящим предметным содержанием; как бы нам верно воспринять и выразить Божественное – по-своему; как бы нам петь Божьи песни и растить на наших полях Божьи цветы… Мы призваны не заимствовать у других народов, а творить свое по-своему; но так, чтобы это наше и по-нашему созданное было на самом деле верно и прекрасно, т. е. предметно.

Итак, мы не призваны заимствовать духовную культуру у других народов или подражать им. Мы призваны творить свое и по-своему: русское по-русски.

У других народов был издревле другой характер и другой творческий уклад: свой особый – у иудеев, свой особый – у греков, особливый у римлян, иной у германцев, иной у галлов, иной у англичан. У них другая вера, другая «кровь в жилах», другая наследственность, другая природа, другая история. У них свои достоинства и свои недостатки. Кто из нас захочет заимствовать их недостатки? Никто. А достоинства нам даны и заданы наши собственные. И

когда мы сумеем преодолеть свои национальные недостатки, – совестью, молитвою, трудом и воспитанием, – тогда наши достоинства расцветут так, что о чужих никто из нас не захочет и помышлять.

Так, например, все попытки заимствовать у католиков их волевую и умственную культуру – были бы для нас безнадежны. Их культура выросла исторически из преобладания воли над сердцем, анализа над созерцанием, рассудка во всей его практической трезвости над совестью, власти и принуждения над свободою. Как же мы могли бы заимствовать у них эту культуру, если у нас соотношение этих сил является обратным? Ведь нам пришлось бы погасить в себе силы сердца, созерцания, совести и свободы или, во всяком случае, отказаться от их преобладания. И неужели есть наивные люди, воображающие, что мы могли бы достигнуть этого, заглушив в себе славянство, искоренив в себе вековечное воздействие нашей природы и истории, подавив в себе наше органическое свободолюбие, извергнув из себя естественную православность души и непосредственную – искренность духа? И для чего? Для того чтобы искусственно привить себе чуждый нам дух иудаизма, пропитывающий католическую культуру, и далее – дух римского права, дух умственного и волевого формализма и, наконец, дух мировой власти, столь характерный для католиков?.. А в сущности говоря, для того чтобы отказаться от собственной, исторически и религиозно заданной нам культуры духа, воли и ума: ибо нам не предстоит в будущем пребывать исключительно в жизни сердца, созерцания и свободы и обходиться без воли, без мысли, без жизненной формы, без дисциплины и без организации. Напротив, нам предстоит вырастить из свободного сердечного созерцания – свою особую, новую русскую культуру воли, мысли и организации. Россия не есть пустое вместилище, в которое можно механически, по произволу, вложить все что угодно, не считаясь с законами ее духовного организма. Россия есть живая духовная система со своими историческими дарами и заданиями. Мало того, – за нею стоит некий божественный исторический замысел, от которого мы не смеем отказаться и от которого нам и не удалось бы отречься, если бы мы даже того и захотели… И все это выговаривается русской идеей.

Эта русская идея созерцающей любви и свободной предметности – сама по себе не судит и не осуждает инородные культуры. Она только не предпочитает их и не вменяет их себе в закон. Каждый народ творит то, что он может, исходя из того, что ему дано. Но плох тот народ, который не видит того, что дано именно ему, и потому ходит побираться под чужими окнами. Россия имеет свои духовно-исторические дары и призвана творить свою особую духовную культуру: культуру сердца, созерцания, свободы и предметности: Нет единой общеобязательной «западной культуры», перед которой все остальное – «темнота» или «варварство». Запад нам не указ и не тюрьма. Его культура не есть идеал совершенства. Строение его духовного акта (или, вернее, – его духовных актов), может быть, и соответствует его способностям и его потребностям, но нашим силам, нашим заданиям, нашему историческому призванию и душевному укладу оно не соответствует и не удовлетворяет. И нам незачем гнаться за ним и делать себе из него образец. У запада свои заблуждения, недуги, слабости и опасности. Нам нет спасения в западничестве. У нас свои пути и свои задачи. И в этом – смысл русской идеи.

Однако это не гордость и не самопревознесение. Ибо, желая идти своими путями, мы отнюдь не утверждаем, будто мы ушли на этих путях очень далеко или будто мы всех опередили. Подобно этому мы совсем не утверждаем, будто все, что в России происходит и создаётся, – совершенно, будто русский характер не имеет своих недостатков, будто наша культура свободна от заблуждений, опасностей, недугов и соблазнов. В действительности мы утверждаем иное: хороши мы в данный момент нашей истории или плохи, мы призваны и обязаны идти своим путем, – очищать свое сердце, укреплять свое созерцание, осуществлять свою свободу и воспитывать себя к предметности. Как бы ни были велики наши исторические несчастья и крушения, мы призваны самостоятельно быть, а не ползать перед другими; творить, а не заимствовать; обращаться к Богу, а не подражать соседям; искать русского видения, русских содержаний и русской формы, а не ходить «в кусочки», собирая на мнимую бедность. Мы западу не ученики и не учителя. Мы ученики Бога и учителя себе самим. Перед нами задача: творить русскую самобытную духовную культуру – из русского сердца, русским

созерцанием, в русской свободе, раскрывая русскую предметность. И в этом – смысл русской идеи.

Эту национальную задачу нашу мы должны верно понять, не искажая ее и не преувеличивая. Мы должны, заботиться не об оригинальности нашей, а о предметности нашей души и нашей культуры; оригинальность же «приложится» сама, расцветая непреднамеренно и непосредственно. Дело совсем не в том, чтобы быть ни на кого не похожим; требование «будь как никто» неверно, нелепо и не осуществимо. Чтобы расти и цвести, не надо коситься на других, стараясь ни в чем не подражать им и ничему не учиться у них. Нам надо не отталкиваться от других народов, а уходить в собственную глубину и восходить из нее к Богу; надо не оригинальничать, а добиваться Божьей правды; надо не предаваться восточнославянской мании величия, а искать русскою душою предметного служения. И в этом смысл русской идеи.

Вот почему так важно представить себе наше национальное призвание со всей возможной живостью и конкретностью. Если русская духовная культура исходит из сердца, созерцания, свободы и совести, то это отнюдь не означает, что она «отрицает» волю, мысль, форму и организацию. Самобытность русского народа совсем не в том, чтобы пребывать в безволии и безмыслии, наслаждаться бесформенностью и прозябать в хаосе; но в том, чтобы выращивать вторичные силы русской культуры (волю, мысль, форму и организацию) из ее первичных сил (из сердца, из созерцания, из свободы и совести). Самобытность русской души и русской культуры выражается именно в этом распределении ее сил на первичные и вторичные: первичные силы определяют и ведут, а вторичные вырастают из них и приемлют от них свой закон. Так уже было в истории России. И это было верно и прекрасно. Так должно быть и впредь, но еще лучше, полнее и совершеннее.

1. Согласно этому – русская религиозность должна по-прежнему утверждаться на сердечном созерцании и свободе и всегда блюсти свой совестный акт. Русское православие должно чтить и охранять свободу веры – и своей, и чужой. Оно должно созидать на основе сердечного созерцания свое особое православное богословие, свободное от рассудочного, формального, мертвенного, скептически слепого резонерства западных богословов; оно не должно перенимать моральную казуистику и моральный педантизм у Запада, оно должно исходить из живой и творческой христианской совести («к свободе призваны вы, братия», Гал. 5, 13), и на этих основах оно должно выработать восточно-православную дисциплину воли и организации.

2. Русское искусство – призвано блюсти и развивать тот дух любовной созерцательности и предметной свободы, которым оно руководилось доселе. Мы отнюдь не должны смущаться тем, что запад совсем не знает русскую народную песню, еле начинает ценить русскую музыку и совсем еще не нашел доступа к нашей дивной русской живописи. Не дело русских художников (всех искусств и всех направлений) заботиться об успехе на международной эстраде и на международном рынке – и приспособляться к их вкусам и потребностям; им не подобает «учиться» у запада – ни его упадочному модернизму, ни его эстетической бескрылости, ни его художественной беспредметности и снобизму. У русского художества свои заветы и традиции, свой национальный творческий акт: нет русского искусства без горящего сердца; нет русского искусства без сердечного созерцания; нет его без свободного вдохновения; нет и не будет его без ответственного, предметного и совестного служения. А если будет это все, то будет и впредь художественное искусство в России, со своим живым и глубоким содержанием, формою и ритмом.

3. Русская наука – не призвана подражать западной учености ни в области исследования, ни в области мировосприятия. Она призвана вырабатывать свое мировосприятие, свое исследовательство. Это совсем не значит, что для русского человека «необязательна» единая общечеловеческая логика или что у его науки может быть другая цель, кроме предметной истины. Напрасно было бы толковать этот призыв, как право русского человека на научную недоказательность, безответственность, на субъективный произвол или иное разрушительное безобразие. Но русский ученый призван вносить в свое исследовательство начала сердца, созерцательности, творческой свободы и живой ответственности совести. Русский ученый

призван вдохновенно любить свой предмет так, как его любили Ломоносов, Пирогов, Менделеев, Сергей Соловьев, Гедеонов, Забелин, Лебедев, князь Сергей Трубецкой. Русская наука не может и не должна быть мертвым ремеслом, грузом сведений, безразличным материалом для произвольных комбинаций, технической мастерской, школой бессовестного умения.

Русский ученый призван насыщать свое наблюдение и свою мысль живым созерцанием, – и в естествознании, и в высшей математике, и в истории, и в юриспруденции, и в экономике, и в филологии, и в медицине. Рассудочная наука, не ведущая ничего, кроме чувственного наблюдения, эксперимента и анализа, есть наука духовно слепая: она не видит предмета, а наблюдает одни оболочки его; прикосновение ее убивает живое содержание предмета; она застревает в частях и кусочках и бессильна подняться к созерцанию целого. Русский же ученый призван созерцать жизнь природного организма; видеть математический предмет; зреть в каждой детали русской истории дух и судьбу своего народа; растить и укреплять свою правовую интуицию; видеть целостный экономический организм своей страны; созерцать целостную жизнь изучаемого им языка; врачебным зрением постигать страдание своего пациента.

К этому должна присоединиться творческая свобода в исследовании. Научный метод не есть мертвая система приемов, схем и комбинаций. Всякий настоящий, творческий исследователь всегда вырабатывает свой, новый метод. Ибо метод есть живое, ищущее движение к предмету, творческое приспособление к нему, «изследование», «изобретение», вживание, вчувствование в предмет, нередко импровизация, иногда перевоплощение. Русский ученый по всему складу своему призван быть не ремесленником и не бухгалтером явления, а художником в исследовании; ответственным импровизатором, свободным пионером познания. Отнюдь не впадая в комическую претенциозность или в дилетантскую развязность самоучек, русский ученый должен встать на свои ноги. Его наука должна стать наукой творческого созерцания – не в отмену логики, а в наполнение ее живою предметностью; не в попрание факта и закона, а в узрение целостного предмета, скрытого за ними.

4. Русское право и правоведение должны оберегать себя от западного формализма, от самодовлеющей юридической догматики, от правовой беспринципности, от релятивизма и сервилизма. России необходимо новое правосознание, национальное по своим корням, христиански-православное по своему духу и творчески содержательное по своей цели. Для того чтобы создать такое правосознание, русское сердце должно увидеть духовную свободу как предметную цель права и государства и убедиться в том, что в русском человеке надо воспитать свободную личность с достойным характером и предметною волею. России необходим новый государственный строй, в котором свобода раскрыла бы ожесточенные и утомленные сердца, чтобы сердца по-новому прилепились бы к родине и по-новому обратились к национальной власти с уважением и доверием. Это открыло бы нам путь к исканию и нахождению новой справедливости и настоящего русского братства. Но все это может осуществиться только через сердечное и совестное созерцание, через правовую свободу и предметное правосознание.

Куда бы мы ни взглянули, к какой бы стороне жизни мы ни обратились, – к воспитанию или к школе, к семье или к армии, к хозяйству или к нашей многоплеменности, – мы видим всюду одно и то же: Россия может быть обновлена и будет обновлена в своем русском национальном строении именно этим духом – духом сердечного созерцания и предметной свободы. Что такое русское воспитание без сердца и без интуитивного восприятия детской личности? Как возможна в России бессердечная школа, не воспитывающая детей к предметной свободе? Возможна ли русская семья без любви и совестного созерцания? Куда заведет нас новое рассудочное экономическое доктринерство, по-коммунистически слепое и противоестественное? Как разрешим мы проблему нашего многонационального состава, если не сердцем и не свободою? А русская армия никогда не забудет суворовской традицией, утверждавшей, что солдат есть личность, живой очаг веры и патриотизма, духовной свободы и бессмертия…

Таков основной смысл формулированной мною русской идеи. Она не выдумана мною. Ее возраст есть возраст самой России. А если мы обратимся к ее религиозному источнику, то

мы увидим, что это есть идея православного христианства. Россия восприняла свое национальное задание тысячу лет – тому назад от христианства: осуществить свою национальную земную культуру, проникнутую христианским духом любви и созерцания, свободы и предметности. Этой идее будет верна и грядущая Россия.

России нужны независимые люди

Мы, русские люди за рубежом, должны постоянно думать о России, ибо мы – живая часть ее. Мы живем ею, мы разделяем ее судьбу, ее горе и ее радости, мы призваны готовить ее будущее в сердцах и делах наших. Поэтому мы должны смотреть вперед и вдаль, чтобы увидеть очертания будущей России. Пусть нам не говорят, что мы можем ошибиться: не ошибается только тот, кто ничего не делает: но именно он-то и делает величайшую ошибку тем, что не делает ничего. Лучше ошибка любящей души и творчески ищущего ума, чем холодное безразличие черствого обывателя. Ибо самою ошибкою нашею, – если это будет ошибка, – мы строим Россию и творим русскую историю. На нашей ошибке, – если это будет ошибка, – другие научатся лучшему и найдут лучшие пути. Но всякая ошибка в творчестве требует, конечно, гражданского мужества.

Важно, во-первых, чтобы наши помыслы не направлялись нашептами и подкупами врагов России, а шли из умного сердца, беззаветно преданного родине; и во-вторых, чтобы наши предвидения и пожелания подсказывались не слепым доктринерством (все равно –левым или правым!), а русским и общечеловеческим политическим и нравственным опытом.

Итак, мы прежде всего должны быть верны России. Казалось бы, что может быть легче и проще для того, кто любит свою родину? Однако сто соблазнов стоят на нашем пути. Мы все, зарубежные русские, живем в иноземной среде, которая всегда боялась национальной России, не знала ее, не понимала ее, клеветала на нее и тут же верила своей собственной клевете. Ныне вся эта многонародная и чуженародная громада заинтересована в судьбе грядущей России – и непрерывно, всеми способами старается привить нам свои воззрения и вовлечь нас в свои, посторонние для России, соображения и интересы. Иностранцы всех стран, иноверцы всех вер, иноплеменники всех языков – заинтересованы в том, чтобы мы учли их интересы, замышляя будущую Россию и строя ее; чтобы мы согласились оценивать русское прошлое – их мерилами, их незнанием, их ненавистью и их страхом; чтобы мы приняли и выдали их пользы и нужды за интересы самой России; чтобы мы протащили тайною или явною контрабандою их выгоды, их расчеты, их вожделения и симпатии в ту душевную и государственную лабораторию, где готовится будущая Россия, где слагаются ее очертания.

Мало того, уже созданы специальные иноземные организации для того, чтобы фильтровать русскую эмиграцию, деля ее на «приемлемые» и «неприемлемые» круги. Одним приемлемы только «социалисты». Другим только «республиканцы» и «федералисты», т. е. расчленители России. Третьим только «фашисты» и «фалангисты», т. е. правые тоталитаристы. Об эмигрантах, «выдающихся» и «невыдающихся» – наводятся закулисные справки, им ведутся тайные списки и «кондуиты»: кто куда тянет? кто что думает? кто и чему готов служить? И при этом ценятся не качество, не честность, не талант, не ум, не познания, а готовность «примкнуть», принять директивы и поручения, подчиняться, вторить или просто поступить на службу.

И низость людей настолько велика, что среди людей родом из России и русских по имени находятся закулисные осведомители, занятые разнюхиванием, нашептами, доносами и клеветою; заводятся «приятные» знакомства и «любезные» беседы, происходит «невинный» обмен мнений (с секретными записями), раскапываются старые статьи, регистрируются сплетни и выдумки. А затем начинается дезавуирование расспрошенного эмигранта. Так было до второй войны, так было при национал-социалистах (когда цвело правое доносительство). Секретный «агент-посетитель», записав свои фантазии и подозрения, докладывает их и старается испачкать клеветою своих соотечественников, изображая их то заядлыми фашистами, то антисемитами, то большевистскими агентами. Выработана даже категория особенно подлая и ни к чему не обязывающая клеветника: «такая-то организация, – не большевистская, но изнутри пронизана большевистскими агентами, назвать которых мы не можем, но которые наверное там работают»… И за эту категорию хватаются псевдорусские политиканы,

растерявшие за революцию всякое представление о чести и совести – и перебрасываются как мячом этою клеветою, совсем не помышляя о том, что они сами себя этим компрометируют и разоблачают.

А наивные иностранцы им верят. И психологически это даже понятно: ибо «если доносчик работает на мои деньги, то он уже наверное блюдет мой интерес и не станет меня обманывать; его донос – есть для меня мера вещей и людей; и кого он отводит, тот для меня уже скомпрометирован»…

Так сложилась эта своеобразная политическая биржа, где русских эмигрантов котируют по доносам их лукаво интригующих соотечественников; где «репутации» людей зависят от нашептов; где верят только «услужающим», не соображая о том, что человек, способный вообще стать угодливым прислужником, – может быть втайне перекуплен и способен служить на две и на три стороны.

Русскую зарубежную эмиграцию губят два фактора: нищета, которую морально преодолевают только сильные и достойные характеры, и политическое честолюбие, которое абсолютно беспочвенно в зарубежной жизни. Ибо для патриота есть только одна, честь – честь предметного служения своему народу; одна истинная почесть – оказываемая этим самым, своим, родным народом за подлинные услуги родине; а «почести», идущие от иноземцев за удачное приспособление к их интересам, не весят в его глазах ничего. И можно быть твердо уверенным, что когда пробьет час национального освобождения и отрезвления и когда восстановятся в России сущие меры добра и зла, чести и верности, то эти иностранные «угодники» из бывших русских людей будут оценены по достоинству и названы своим именем. Сбежит полая вода смуты, рассеется ядовитый туман соблазна – и ни один из этих «старателей» не войдет в историю с почтенным именем.

И произнося эти слова, невольно с горечью и стыдом вспоминаешь за долгие годы эмиграции всех тех, кто писал и выпускал лживые книги и клеветнические статьи, поносящие историческую Россию в угоду иноземцам и иноверцам. Невольно думаешь, например, о тех человечках, которые фальшивыми доносами устроили исторический скандал: даровитейшему русскому писателю, чистейшему человеку, мужественно боровшемуся всю жизнь с большевиками, певцу национальной России, Ивану Сергеевичу Шмелеву, так и не дали въездной визы в Соединенные Штаты. Думают ли эти клеветники, что брызги их злобы попали на Шмелева? Они ошибаются: эти брызги вернулись на их лица, чтобы украсить их навсегда.

Совсем иного требуют от честного русского зарубежника его совесть и его патриотическая любовь: они требуют религиозной, государственной и волевой независимости; они требуют, чтобы мы думали только о России, только о ее народах, о ее духе, о ее вере, о ее возрождении и укреплении. Мы должны презирать эти соблазняющие нашепты: «сделайте по-нашему и мы поможем вам!»; «вот вам типография, бумага и Кредит, но не пишите о единой России и о Православии!»; «предайте нам часть России или ее интересов – и мы устроим вас – сначала за рубежом, а потом и в самой России (у власти или при концессиях)». Ответ может быть только один: «Грядущая Россия не нуждается в предателях; лучше молчать или шептать, чем выкрикивать лживые и изменнические слова; лучше нищета и неизвестность, чем международная реклама, создаваемая врагами национальной России и Православия»… На все такие предложения должен следовать отказ. Категорический отказ. Ни явной подтасовки, ни тайной контрабанды. Ни уловок, ни сделок. Ни наивности, ни плутовства. Мало того: необходима еще борьба с предателями и клеветниками!

Представим себе только, что русские люди за рубежом будут угождать своим туземным хозяевам и «работодателям»: в демократической стране они будут обещать, что в России все вопросы будут разрешаться всенародным голосованием (референдумом) и что монархисты будут изгнаны или повешены; а в диктаториальной стране они будут уверять, что не потерпят никаких демократов и водворят чистейший фашизм… Социалист устроится у социалистов, демократ у демократов, фашист с фашистами, коммунист с коммунистами, – кому он нужен, политический ловчила, и что в нем осталось русского?

И неужели не ясно, что на этом пути русское зарубежье постепенно превратится в жалкий сброд хвастунов – полупредателей, полуобманщиков? Неужели не ясно, что грядущая

национальная Россия отречется от этих обещателей и отвергнет этих интернациональных политиканов? Неужели не ясно, что всякая страна, серьезно договаривающаяся с такими маклерами, захочет от них личных гарантий и личной кабалы (безразлично – в открытой или в прикровенной форме) и предпочтет превратить их в своих платных и поднадзорных агентов? И если это кому-нибудь еще не ясно, то ему предстоит влезть в это ярмо и пройти через эти унижения…

Агент, находящийся на службе у оккупационной армии, вторгшейся в его «бывшую родную» страну, – ослушается ли он, когда ему прикажут реквизировать все продукты у населения, выгонять людей из жилищ, отнимать у них одежду, допрашивать их в застенках, угонять их на принудительные работы и расстреливать как заложников ослушается ли он или осуществит приказание? Или, может быть, поймет, куда его завело честолюбие, и покончит с собою от горя и стыда?

Нет, России нужны независимые люди, думающие из верного сердца и действующие из несвязанной патриотической воли. России нужны русские люди, а не закабалившие себя иноземцам интернационалисты. Германцы не понимали этого во время второй мировой войны и искали лакеев. Неужели не поймут этого и другие народы и от непонимания начнут навязывать России своих лакеев из бывших русских людей?

Нас учит жизнь

Где бы мы, русские зарубежники, ни жили и чем бы мы ни зарабатывали свой хлеб – мы должны учиться у событий, наблюдать, осмысливать и делать выводы, чтобы передать эти выводы новым русским поколениям. Укажем на некоторые поучительные события и обстоятельства.

I. Во Франции с ноября до мая готовился и обсуждался новый избирательный закон, судьба которого до самого конца была неопределенна. Вся эта работа протекала в напряженной партийной атмосфере: каждая партия (от «голлистов» до коммунистов) стремилась провести такой избирательный закон, который был бы благоприятен именно ей, и провалить всякую иную формулировку. Не подлежало никакому сомнению, что Франция, как единая страна, и французский народ, столь потрясенный второй мировой войной, – нуждается в надпартийном или сверхпартийном, патриотически-волевом правительстве, которое имело бы за собой прочное, не партийное, а государственно-мыслящее большинство и выправило бы валютный, хозяйственный крен государства. Надо было думать не о «частном», а об «общем», о том, что или у всех сразу будет правопорядок, монетная единица, возможность продуктивного труда, суд, армия, или чего все вместе будут лишены. А партии искали своего, частного, воображая, что они сумеют осчастливить целое – из своего партийного сектора, раздувшегося до большинства.

Чтобы создать такое правительство, надо было покончить с пропорциональной системой и вернуться к мажоритарной. Пропорциональная система кажется людям более «справедливой»: она создает зеркало, лучше отображающее состояние мнений и партий в стране, но зато она дробит силы и затрудняет общегосударственное единение. Мажоритарная система упрощает дело, открывая путь преобладающей партии или немногим партиям и отметая государственно-незрелые и бессильные партийные образования. Естественно, что «пропорциональному парламенту» труднее всего вернуться к «мажоритарному упрощению», что мы и наблюдали: ибо малые партии боятся исчезнуть в ничтожестве.

В результате возник компромисс из обеих систем настолько сложный, что его почти невозможно свести к общим формулам. Одна из самых значительных и беспристрастных газет демократической Швейцарии характеризует новый избирательный закон так: «Дитя, рожденное в многомесячных муках, оказалось слабым и уродливым»; преимущества мажоритарности почти утрачены, опасности пропорциональности не устранены; «компромисс является результатом не только благих, но и дурных намерений»; «многие депутаты предпочитали создать урода, потому что они совсем не хотели избирательной реформы»; «народ не поймет всей этой сложности, и это грозит воздержанием от голосования», т. е. массовым абсентеизмом. Чему все это нас учит?

1. Чем более какой-нибудь народ является утомленным, обедневшим, разочарованным и, главное, неустойчивым в вопросах морали и правосознания, тем труднее ему восстановить свой уровень жизни – посредством демократического и особенно партийно-демократического сговора. Достаточно представить себе Россию после большевистской революции.

2. Партии находятся на высоте только тогда и только постольку, поскольку они способны мыслить государственно, а не партийно. Партийно мыслящие партии могут стать началом сущего разложения и гибели.

3. Люди «дурных намерений» вряд ли заслуживают признания за ними политической правоспособности и дееспособности.

4. Пропорциональная избирательная система ставит себе дурную и ложную цель: проводить в парламент государственно незрелые партийные меньшинства, домогающиеся власти, к которой они не способны ни по числу, ни по состоянию своего правосознания.

5. Демократия не имеет единой общепризнанной системы голосования: шесть месяцев разногласия и раздора в классически демократической стране доказали это с очевидностью: здесь все колеблется, все спорно.

6. В каждой стране должна быть выработана и введена своя, особая, именно для нее подходящая система голосования. Здесь нет догмата или хотя бы общего правила.

7. Избирательная система, непонятная народу, не должна ни предлагаться, ни вводиться. Последствия могут быть фальшивые и печальные (выборы в Учредительное собрание 1917 г.) только.

8. Демократия Древнего Рима в трудных обстоятельствах государственной жизни назначала срочно, связанного целевым заданием, ответственного диктатора и этим справлялась с бедой.

II. В прошлом году в Соединенных Штатах вышла любопытная книга Гунтера о покойном, президенте Франклине Делано Рузвельте, трижды всенародно избранного в президенты. Книга написана в хвалебном тоне и характеризует его всесторонне: болезнь его («детский паралич», от которого он так и не оправился), терпение его в борьбе с болезнью, любовь его к отдохновительному мореплаванию, лояльность его в уплате налогов, страсть к собиранию корабельных моделей и почтовых марок и т. д. Между прочим, Гунтер указывает на «один из главных недостатков Рузвельта»: это его «нелюбовь к продумыванию сложных вопросов. Он принимал решения быстро, почти инстинктивно и не любил их менять». Это подчеркивает и г. Седых в своей рецензии, помещенной в нью-йоркской газете «Новое Русское Слово» (1950, сент. 10).

Читатель, наверное, задумается: какие же вопросы в законодательстве и управлении Соединенных Штатов – не являются сложными? Президент США является, как известно, не только главою государства, но и премьер-министром, и главнокомандующим армией и флотом. Какие же из его огромных и ответственных полномочий ставят его народ перед немудреными «вопросиками», элементарными и простыми? Глава всех министерств всеминистр, окруженный «секретарями» по собственному выбору, – он имеет перед собой все сложнейшие дела огромного государства: хозяйственные, торговые, социальные, бюджетные, полицейские, дипломатические, военные, военнопромышленные, военноразведочные, морские… А во время войны он был главнокомандующим, направлявшим все военные операции мировой войны – от Пирл-Харбора до Панамы, от Шербурга до Праги, от Филиппин до Египта и Италии; и в то же время он был главою дипломатии, то присутствуя, то отсутствуя на конференциях в Москве (1942), в Касабланке, Квебеке, Вашингтоне, Каире и Тегеране (1943) и, наконец, в Ялте (1945)…

Все эти «вопросы» (без всякого исключения) отличались и отличаются чрезвычайной сложностью, и решение их возлагало на решающего мировую ответственность. Все, что Рузвельт делал и сделал за десятилетие своего правления и командования, – все предопределило результат мировой войны и позднейшие коммунистические успехи; все было для человечества – судьбоносным, и в прошлом, и в настоящем, и в будущем; все это вызвало к жизни ту мировую «конъюнктуру», которая ныне чревата третьей мировой (атомной) войной и из которой так трудно найти не гибельный исход.

И все это он, по сообщению его прославителей, «не любил, продумывать»… «Инстинкт» есть, конечно, замечательная сила, дар природы. «Почти-инстинкт», вероятно, тоже полезная штука… Но ведь тут дело шло не о погоде, не об охоте, не о самолечении, не о питании и не о деторождении, а о надвигающихся с 1904 года (японская агрессия) и с 1914 года (германская агрессия) мировых войнах и о разразившейся в 1917 году (коммунистическая агрессия) революционной катастрофе. Увы, инстинкт не подсказал ему, что Порт-Артур и Чемульпо были прямыми предвестниками Пирл-Харбора; что Германия, проиграв первую мировую войну и возродившись на американских кредитах, готовит вторую; что Третий Интернационал не «союзник» Соединенных Штатов, а заклятый враг; что необходимо вместе бить и врозь идти, предвидя наводнение Америки коммунистической агентурой и готовясь в мировой борьбе против посяганий Третьего Интернационала.

Но именно от «непродумывания этих сложных; вопросов» – Восточная Европа и Маньчжурия были отданы коммунистам, Китай был обречен в добычу им же. Америка была наводнена явными и тайными коммунистическими агентами, секрет атомной бомбы не был соблюден, и весь мир увидел себя в напряженном положении наших дней… Конечно, для «продумывания» можно было организовать из очень умных людей так называемый «мозговой трест», который и должен был заниматься «предварительным продумыванием»; но могло ли оно отменить «последующее и окончательное» продумывание со стороны ответственнейшего и решающего лица?..

Читатель книги Гунтера, наверное, спросит еще: Известно ли было это свойство умершего в 1945 году президента – его избирателям? Как могло оно укрыться от них? А если было известно, то чем объясняется его троекратное избрание? Ибо выдвигавшие его верхи партии демократов, конечно, не забывшие таких великих президентов, как Вашингтон, Джефферсон, Джексон и Линкольн, не могли не знать особенностей своего кандидата.

Невольно вспоминается замечание одного мудрого государствоведа, указывавшего на то, что избираемый глава государства обычно избирается из людей несильных и несамостоятельных, легко поддающихся влиянию и не очень склонных лично продумывать сложные вопросы и ответственно решать их.

Но, видимо, только беспристрастный историк будущего установит значение деятельности Франклина Рузвельта и его влияние на ход мировой историй.

Очертания будущей России

Помышляя о грядущей России и подготовляя ее в мыслях, мы должны исходить из ее исторических, национальных, религиозных, культурных и державных основ и интересов. Мы не смеем ни торговать ими, ни разбазаривать наше общерусское, общенародное достояние. Мы не смеем обещать от лица России – никому, ничего. Мы должны помнить ее, и только ее. Мы должны быть ей верны, и только ей. Поколение русских людей, которое поведет себя иначе, будет обозначено в истории России, как поколение дряблое и предательское.

Известные компромиссы в будущем неизбежны; но они должны быть сведены к минимуму; и их найдет и установит будущая русская государственная власть. 0на, а не мы. Ибо иначе разговаривают с государственной властью и совсем иначе с зависимым, полуголодным эмигрантом. Политический компромисс есть уравновешивающая взаимная уступка двух сил, ищущих взаимного и совместного равновесия. А мы, рассеянные и разноголосые эмигранты, – мы не сила, а воплощение государственной слабости. Поэтому мы не можем и не смеем предлагать или заключать компромиссы – за Россию, вместо России, от ее лица. Ибо мы немедленно ставим ее тем самым в положение слабейшей стороны, сразу предаем ее державный интерес и попадаем сами в фальшивое положение человека, обязавшегося отстаивать в будущей России иноземную или иноверную пользу.

А такие «судари» в эмиграции имеются. Есть такие, которые предлагают добровольно уступить Германии Украину: «У нас ведь так много земли, а бедная Германия перенаселена; это было бы проявлением международной справедливости». Есть и такие, которые сами, будучи сроду протестантами, говорят по радио речи о соединении Православия с католичеством и развязно заявляют, что в этом деле «решительно никаких затруднений нет». А есть еще и сущие

расчленители, одни с претензией на «малый трон» или «полутрон» для себя, другие – просто «ликвидаторы» и расхитители России…

Таково первое требование, предъявляемое к эмигрантским политикам: верность Национальной России.

Второе требование: не выдвигать пустых и неопределенных лозунгов. Мы должны исходить из реального исторического опыта, искать в нем строительных и спасительных очертаний для будущей России и предлагать политически осмысленное и осязательное.

А между тем эмигрантские публицисты удовлетворяются пустой словесностью. Одни говорят «демократия» и думают, что они что-то сказали. А между тем демократия швейцарских кантонов, с непосредственным участием граждан, не имеет ничего общего с демократией английского типа (избирательной, парламентарной и монархической). Чего же они хотят? Какое избирательное право они считают спасительным для России и почему? Или, может быть, они собираются посадить подобно Сийесу – одного «великого избирателя», скажем, Кускову или Чернова, который и «изберет» всех своих приверженцев? Ведь история «демократии» знает и такие трюки… А «демократы» под сурдинку пробалтываются, что после большевиков о выборах нечего и думать, необходима будет диктатура!… Другие произносят слово «республика» и немедленно впадают в антимонархические судороги… Но ведь Рим и при Цезаре и при Августе – был республикой; и Венецианская республика с дожем никогда не была монархией; и Временное правительство (недоброй памяти) ввело в России «республику»; и совдепия (совнаркомия) была несомненной республикой; республику ввел Кромвель, а впоследствии Робеспьер… А центральноамериканские государства (начиная с Мексики) и южно-американские государства (кончая Чили и Аргентиной) с их системой вечных переворотов – разве не республики? Какое светлое будущее готовится для России под этим флагом – между тиранией и анархией?.. Или, может быть, весь смысл этого лозунга состоит в том, чтобы отнять у России навсегда любовь и доверие к Государям, а там всякий тиран и всякая анархия будут хороши? Иные провозглашают «федерацию» – как если бы они были слепы и не понимали, что «советская федерация» не имеет ничего общего ни со швейцарской, ни с североамериканской и что эти две последние различествуют друг от друга, как звезда от звезды… А те, кто говорят о «монархии», думают ли они о том, что «монархами» были и Тиберий, и Нерон, и Калигула (пусть только почитают Тацита и Светония), что «монархом» был и презренный Андроник Комнен византийский, и мудрый, тихий Марк Аврелий, и великий Петр, и аморальный Генрих VIII, и Ричард III, и Гарун-Аль-Рашид, и Антигон I Македонский, государь мудрый и творческий, и безумный Эрик XIV шведский, и Иоанн VI Антонович!.. История знает множество государей, которые своим правлением только подрывали все светлое, священное и могучее, что заложено в монархическом начале. Какая же монархия зиждительна и спасительна для России и почему именно? И почему одни стоят за самодержавную монархию, а другие за конституционную (и эти последние – неужели только для того, чтобы угодить радикалам-демократам?.. О, тщетная надежда!..). И какая же именно «конституция» возродит и утвердит Россию?

После событий последних пятидесяти лет – все эти лозунги сами по себе ничего не означают, ибо прежние политические понятия ныне выветрились, исказились и омертвели. Кто ограничивается ими, тот ничего не говорит и обманывает ими и себя и других.

Прошло то время, когда русская интеллигенция воображала, будто ей стоит только заимствовать готовую государственную форму у запада и перенести в Россию – и все будет хорошо. Ныне Россия в беспримерном историческом положении: она ничего и ни у кого не может и не должна «заимствовать». Она должна сама создать и выковать свое общественное и государственное обличие, такое, которое ей в этот момент исторически будет необходимо, которое будет подходить только для нее и будет спасительно именно для нее; и она должна сделать это, не испрашивая разрешения ни у каких нянек и ни у каких соблазнителей или покупателей.

Современный русский политик, к какому бы возрасту он ни принадлежал и в какой бы стране он ни находился, должен продумать до конца трагический опыт русского крушения и затем обратиться к истории. Он должен отыскать в истории человечества живые и здоровые

основы всякой государственности, основные аксиомы права и государственного здоровья и проследить их развитие и судьбу в русской истории. Тогда ему откроется судьба русского государства – источники его силы (чем держалась и крепла Россия?), ход его великодержавия (рост России вопреки всем затруднениям и препятствиям!) и причины его периодических крушений (иссякание государственного чувства и жертвенности). И пусть он всмотрится в современное положение России и пусть попытается представить себе ее грядущие очертания… И тогда – пусть он выскажет публично то, что он увидит.

Тогда он выйдет из праздной толпы ходячих или навязанных слов и из толчеи мнимополитических лозунгов. И то, что он выскажет об очертаниях будущей России, будет иметь значение целительного рецепта для русских государственных недугов. Он не повторит лжепророчество больного фантазера Мережковского, что революция принесет России «Царство Духа Святого». Он не повторит и глупость другого современного публициста, что России нужна «федерация провинций». Он будет застрахован от гибельной и предательской формулы, согласно которой «России вообще не будет, а будет федерация множества маленьких социалистических государств»…

Но что же ему откроется?

Он начертит нам строй, в котором лучшие и священные основы монархии (какие именно?!) впитают в себя все здоровое и сильное, чем держится республиканское правосознание (чем же именно?!). Он начертит нам строй, в котором естественные и драгоценные основы истинной аристократии (какие же именно?) окажутся насыщенными тем здоровым духом, которым держатся подлинные демократии (в чем же этот дух?). Единовластие примирится с множеством самостоятельных изволений; сильная власть сочетается с творческой свободой; личность добровольно и искренно подчинится сверхличным целям и единый народ найдет своего личного главу, чтобы связаться с ним доверием и преданностью.

И все это должно совершиться в вековечных традициях русского народа и русского государства. И притом – не в виде «реакции», а в формах творческой новизны. Это будет новый русский строй, новая государственная Россия.

И пусть нам не говорят, что мы «можем ошибиться». Мы знаем это сами. Но эти ошибки – если это будут ошибки – Россия простит нам: ибо мы любили только ее, служили только ей и искали только ее блага.

* * *

Когда пытаешься всмотреться в очертания будущей России, то чувствуешь прежде всего, до какой степени черты её закрыты мглою революционного хаоса и до какой степени необходима осторожность в суждениях о русском будущем. Не только было все «потрясено» и «сдвинуто», о чем так старались ненасытные «углубители» революции; нет, все сознательно и нарочно ломалось, перевертывалось, выворачивалось в интересах марксистского эксперимента. Большевистская революция в России действовала как огромная обезьяна, которую научили вивисекции («резанию заживо») и пустили в детский сад. Положительного идеала коммунисты не имели; их программа была чисто отрицательная и выражалась в двух тезисах: «долой все буржуазное» и «устроим все наоборот». А для этого надо было все ломать. Никто из них не знал, в чем состоит эта пресловутая «социалистическая культура», наука, суд, управление, обмен товаров, нравственность, правосознание (которое они называли «самосознанием»), семья. По откровенному признанию Ленина, их, старых нелегальщиков, «в тюрьмах торговать и управлять не учили». Никто из них не знал, какими хозяйственно-трудовыми побуждениями руководится здоровый человек и какие – надо навязать невиданному доселе уроду, именуемому «социалистическим человеком». Никто из них не думал о том, в какие государственные формы это все может облечься; и над своей же впервые опубликованной «советской конституцией» они сами издевались поносными словами, открыто выговаривая, что «революция призвана попирать все и всякие законы, в том числе и те, которые она сама установила». Ведь премудрые Маркс и Энгельс обещали социалистическую отмену государства и какой-то совершенно бессмысленный «прыжок из царства необходимости в царство свободы» – настоящий образец радикального пустословия и обманословия. Коммунисты и прыгнули. И оказалось, что надо строить неизвестно что и неизвестно как. И начались безжалостные и бесстыдные

эксперименты над живым, и совращаемым, и страждущим, и восстающим, и казнями усмиряемым русским народом…

В этом ужасном процессе, длящемся ныне уже 33 года, очень многое снесено, истреблено и разрушено непоправимо. И сама русская душа в этих муках и унижениях менялась: слабое разлагалось, сильное закалялось, доброе гибло, злое ожесточалось; и в души изливался яд соблазна – страха, пресмыкания, предательства, деморализации и самого бесстыдного революционного карьеризма.

В двадцатом году один крупный московский ученый, знавший Ленина и ранее, писал ему: «Вы сифилитизировали Россию спирохетами лени и жадности!» – и был прав. Но к этой заразе надо добавить еще: отраву бесхозяйственности, безответственности, всеобщего взаимного недоверия, защитного притворства, лжи и всем навязываемой пошлости (безверия, безбожия, бездушия и материализма). Эта отрава останется надолго.

Прежней России нет. Это был исторически сложившийся организм, выросший в борьбе с природой и с врагами, в лишениях и страданиях. Это был еще не окрепший, но крепнущий и здоровеющий организм. Креп и богател достолыпинский и столыпинский крестьянин-собственник. Умственно рос и креп рабочий. Развивалась промышленность высокого качества. Отбирались и крепли интенсивные помещичьи хозяйства, тогда как отсталые распродавали свою землю крестьянам и оставались культурными гнездами в крестьянском океане. Слагался и креп русский национальный капитал. Расцветала могучая кооперация. Море просвещения изливалось во все слои народа. Интеллигенция изболевала соблазны безбожия и слепой оппозиционности. Суд был идейный, честный и неподкупный. Отдельные отрасли управления, – как-то: коннозаводство, уголовный розыск и военная разведка, – далеко опередили Европу. А о чиновничестве, осуществлявшем аграрную реформу Столыпина, берлинский ученый, профессор Зеринг, обозревавший все производство на местах, говорил и писал: «Это европейская образцовая бюрократия: люди идейные, убежденные, знающие, честные, инициативные; любая страна могла бы позавидовать такому кадру»…

Все это было; и всего этого нет. А есть измученные вивисекцией, ограбленные, униженные, изголодавшиеся, ожесточенные и, увы, политически деморализованные народные массы. Однажды это революционное наследство достанется русским людям следующего поколения: то, что они получат, будет зависеть не от них; но то, что они должны будут делать для спасения России, они должны знать и будут решать сами. Ответственность за это ляжет на них.

Каково же будет это наследство?

Русский народ выйдет из революции нищим. Ни богатого, ни зажиточного, ни среднего слоя, ни даже здорового, хозяйственного крестьянина – не будет вовсе. Нищее крестьянство, пролетаризованное вокруг «агрофабрик» и «агрогородов»; нищий рабочий в промышленности; нищий ремесленник, нищий горожанин. Социалистическая справедливость сделала их всех «голодранцами усих краив». Конечно, вынырнет перекрасившийся коммунист, награбивший и припрятавший; но его быстро узнают по самому его богатству, и вряд ли согласятся оставить его ему. Эмигрант, вернувшийся со средствами, – будет тоже редким исключением. Это будет, народ «бесклассового общества»: ограбленный, но отнюдь не забывший ни того, что его ограбили, ни того, что именно у него отняли, ни тех, кто его подверг «экспроприации». Будут городские и сельские жители; люди различных специальностей; различной подготовки; различных тяготений. Но все будут бедны, переутомлены и ожесточены.

Государственный центр, ограбивший всех, исчезнет; но государственная монетная единица, оставшаяся в наследство наследникам, будет обладать минимальной покупательной силой на международном рынке и будет находиться в полном презрении на внутреннем рынке. И трудно себе представить, чтобы государственное имущество, награбленное и настроенное, было оставлено коммунистами в хозяйственно-цветущем виде: ибо оно, по всем видимостям, пройдет через период ожесточенной борьбы за власть.

Итак, предстоит нищета граждан и государственное оскудение: классическое последствие всех длительных революций и войн. Первое, что сделает русский народ после падения коммунистического ига и террора, – он попытается самочинно, самотеком вернуть себе

ограбленное и хозяйственно устроенное по-новому, восстановить свое законное владение. Надо представить себе стотридцатимиллионное русское крестьянство, «отыскивающее» отнятую у него землю: люди возвратятся из ссылок, из концентрационных лагерей, из городов и «агрогородов» – «к себе», искать свою землю и расплачиваться с грабителями. Надо представить себе сорокамиллионное рабочее население, с таким трудом прикрепляемое ныне к фабрикам для «оседлого» прозябания и изнурения, – ищущим, где «поспособнее» устроиться или как вернуться на землю. Надо представить себе тридцатимиллионную советскую «бюрократию», утратившую свое «коммунистическое начальство», бесхозную, безработную, отставшую от злых берегов и не приставшую к добрым, – привыкшую трепетать, угождать и не иметь своих убеждений. Надо прибавить к этому коммунистические банды, сплошь состоящие из людей, не надеющихся на прощение, спаянных долгим совместным злодейством и пролитою кровью; кто из них сможет, скроется за границу, к «своим» и «полусвоим», чтобы реализовать припрятанное и заняться ложью и клеветою; но кому это не удастся, те засядут в стране, отсиживаясь и пытаясь продолжать сорвавшееся дело. Отсюда выступят десятки авантюристов, по-пугачевски лезущих «в енаралы» и пристегивающихся к сепаратистским группам и народцам. Конечно, найдутся всевозможные иностранные «центры», готовые субсидировать этих беспардонных «приключенцев», наподобие того, как это было в Китае. Национальные обиды и племенные претензии будут разжигаться снаружи – и иноземными врагами и «своими» предателями, давно уже мечтающими ликвидировать Россию. И ко всему этому прибавится разноголосица интеллигентски-эмигрантских «политических партий», заручившихся выдуманными «программами» и закулисными субсидиями…

Если представить себе при этом отсутствие сильной и авторитетной государственной власти и страстную тягу скорее поставить всех перед «совершившимся фактом», то картина хаоса будет полная. И тот, кто представит себе все это, неизбежно увидит себя перед двумя вопросами:

1. О каких «демократических выборах», о каких «избирательных списках» можно будет думать при этом? И кто говорит о них теперь – от или пустословит от наивности или лжет сознательно.

2. Не ясно ли, что для спасения множества виновных людей от уличного растерзания и множества невинных людей от лютой нужды и гибели, необходима будет единая и сильная государственная власть, диктаториальная по объему полномочий и государственно-национально-настроенная по существу.

Как же могут люди, русские по любви и разумению, думать, что Россию выведет из этого хаоса власть, слабейшая по силе, наитруднейше организуемая, по русскому пространству, хаосу и деморализации совершенно неосуществимая и после революции совершенно лишенная в стране массового кадра – именно, власть демократическая? Мы, со своей стороны, видим и предвидим обратное: если что-нибудь может нанести России; после коммунизма, новые, тягчайшие удары, то это именно упорные попытки водворить в ней после тоталитарной тирании демократический строй. Ибо эта тирания успела подорвать в России все необходимые предпосылки демократии, без которых возможно только буйство черни, всеобщая подкупность и продажность, и всплывание на поверхность все новых и новых антикоммунистических тиранов, наподобие того, как это было в древней Греции во время Пелопонесской войны, в Риме в эпоху так называемых «цезарей» (начиная с Тиберия, за немногими исключениями!), и в Италии в эпоху Возрождения с его свирепыми «кондотьерами», лишенными патриотизма, чести и совести…